

XV

-1971

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК XV

КЫЗЫЛ — 1971

От редакции

Основное содержание XV выпуска «Ученых записок» составляют материалы конференции, посвященной 40-летию тувинской письменности и 25-летию Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, состоявшейся в г. Кызыле 1--2 октября 1970 г. Помимо этих материалов, в том включено небольшое число статей, имеющих также определенное научно-практическое значение.

Редакционная коллегия:

*Ю. Л. Аранчын (ответственный редактор), Л. В. Гребнев,
А. К. Калзан, Д. А. Монгуш, Н. А. Сердобов,
О. А. Толгар-оол.*

С. К. Тока

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ

(К 50-летию Тувинской народной революции)

В жизни и истории каждого народа нашей Родины есть знаменательные даты, которые он отмечает как большой и светлый праздник дружбы и единения с братскими народами. Одной из таких дат у трудящихся Тувинской АССР является 13 августа 1971 года — день пятидесятилетия Тувинской народной революции.

Как известно, вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции и под ее непосредственным влиянием в Туве развернулось широкое революционное движение аратских масс. Это движение, руководимое российским пролетариатом и его ленинской партией, увенчалось победой народной революции. Тем самым на практике подтвердилось ленинское положение о том, что «...революционное движение народов Востока может сейчас получить... разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма»¹.

Состоявшийся 13—16 августа 1921 года Всесувинский Учредительный народный Хурал принял Конституцию, в которой провозгласил образование Тувинской Народной Республики (ТНР) и ее нерушимый братский союз с Советской Россией. Все это имело выдающееся значение для исторических судеб

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 318.

тувинского народа. Тува, как и братская Монголия, встала на путь практического осуществления ленинского учения о некапиталистическом, социалистическом развитии отсталых народов.

1.

На II конгрессе Коммунистического Интернационала в 1921 году В. И. Ленин говорил, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹. Свое живое воплощение это положение нашло в победе Тувинской народной революции в 1921 году, образовании и продвижении ТНР к социализму.

Следует особо отметить, что революционная борьба трудовых атавов не была обособленной и изолированной, наоборот она была слита с героической борьбой народов России как против международного империализма, так и против внутренней контрреволюции, за развитие завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Неоценимое политическое значение для укрепления народно-демократического строя, сплочения всех революционных сил Тувы в целях ликвидации класса феодалов и успешного социалистического строительства имело создание 19 октября 1921 года Тувинской народно-революционной партии (ТНРП). Именно под руководством своей народно-революционной партии трудовые атавы, воодушевленные опытом Советской России, уверенно вступили на путь постепенного свершения социалистических преобразований во всех сферах общественной, хозяйственной и культурной жизни страны. Здесь будет уместно вспомнить ответ В. И. Ленина на вопрос делегации Монгольской Народной Республики: «Будет ли победоносной национально-освободительная борьба?» «Я сам участвую в революционном движении 30 лет и по личному опыту знаю,— сказал В. И. Ленин,— как трудно любому народу освободиться от своих внешних и внутренних поработителей. Но несмотря на то, что Монголия — страна скотоводческая, а основная масса ее населения — пастухи-кочевники, она достигла в своей революции больших успехов, а главное — закрепила эти успехи созданием своей народно-революционной партии, задача которой стать массовой и не быть засоренной чуждыми элементами»². Это ленинское положение вполне приложимо и к Туве. Создание партии тувинских атавов явилось закреплением побед, одержанных в ходе

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 232—233.

революции, и необходимым условием для развития Тувы по пути к социализму.

Действительно, нелегко было тувинскому народу вырваться из вековых пут отсталости, патриархально-феодального быта и строить новую жизнь на началах социализма. Молодая республика получила от феодальной Тувы и сорных годин гражданской войны и иностранной интервенции тяжелое наследство. Значительно были сокращены посевные площади, экстенсивное животноводство — основа хозяйства — пришло в упадок; промышленности, транспорта не было вообще. В собственности феодалов и баев по-прежнему оставалась большая часть скота и лучшие пастьбищные угодья. В значительной степени сохранились патриархально-феодальные отношения и до-капиталистические формы эксплуатации беднейшей части населения. Все это, естественно, осложняло решение задач некапиталистического развития республики и настоятельно требовало от революционной партии больших усилий по мобилизации трудящихся масс на свершение коренных социально-экономических преобразований. На основе утверждения социалистического уклада в экономике страны предстояло сформировать новую революционную культуру.

В результате бескорыстной братской помощи советских народов в Туве начался процесс коллективизации, который разрушал натуральный характер аратских хозяйств, содействовал консолидации населения путем преодоления его бывой разобщенности. Уже к началу 1944 года в стране имелось 4 госхоза, 21 колхоз, 123 тожзема.

В начале 30-х годов создаются первые промышленные и транспортные предприятия, строительные организации и средства связи; в социальной структуре тувинского общества возрастила прослойка рабочих.

Поистине историческое значение для дальнейшего развития общественно-политической и культурной жизни республики имело создание в 1930 году при помощи ЦК ВКП(б) и Советского правительства тувинской письменности. Письменность сыграла решающую роль в возникновении и развитии художественной литературы и профессиональных форм искусства, народного образования, содействовала еще более тесному сближению тувинского народа с братскими народами СССР и, в первую очередь, с великим русским народом.

Из сказанного видно, что революционные преобразования, произошедшие в годы народной республики, получили свое успешное развитие только благодаря мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии, бескорыстной помощи Советского государства и братских народов Советского Союза.

Усиливающееся тяготение тувинского народа к своему социалистическому Отечеству — СССР особенно ярко проявилось в годы войны против гитлеровской Германии. 22 июня 1941 г. десятый Великий Хурал, выражая волю всего тувинского народа, принял Декларацию, которая содержала священную клятву: всеми силами и средствами оказывать помощь Советскому Союзу, содействовать разгрому фашистских захватчиков. Трудящиеся ТНР, сознавая, что их судьба неотделима от судьбы советского народа, с честью выполнили свой интернациональный долг. На фронт было отправлено около 40 тыс. боевых коней, 5 эшелонов подарков, свыше 51 тыс. пар лыж, 10 тыс. полушибок, более 15 тыс. валенок, на средства населения построено эскадрилья самолетов. В 1944 году тувинским народом было передано в порядке безвозмездной помощи колхозам освобожденных от фашистской оккупации районов Украины около 27 тыс. голов крупного рогатого скота. Тувинский народ по праву гордится тем, что его многие сыны и дочери — добровольцы — приняли непосредственное участие в героической борьбе доблестных Советских Вооруженных Сил против немецко-фашистских захватчиков. Все это — ярчайшее свидетельство беззаветной преданности тувинского народа своей социалистической Родине, идеалам коммунизма.

За годы народной власти страна под руководством ТНРП неуклонно и последовательно продвигалась по пути социалистического развития и добилась значительных успехов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. Но, несмотря на это, ее внутренние возможности были еще далеко не достаточны для ускоренного развития всех отраслей народного хозяйства и культуры на социалистических началах. Победа социализма в СССР, неуклонное и последовательное претворение Коммунистической партией в жизнь ленинской национальной политики явились огромной притягательной силой, побудившей тувинский народ к добровольному и исторически обусловленному всем ходом его послеоктябрьского развития вхождению в 1944 году в состав народов великого Советского Союза.

Таким образом, исторический опыт развития ТНР и ее добровольное вхождение в СССР служат ярким подтверждением правильности и мудрости осуществляющей Коммунистической партией и Советским правительством ленинской национальной политики.

2.

В речи перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС тов. Л. И. Брежнев говорил: «В последние годы

мне довелось побывать во многих союзных республиках. И везде... с большой теплотой, с уважением и любовью говорили о русском народе, о вкладе Российской Федерации в развитие всех республик нашей страны. Эти искренние слова признательности заслужены рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией Советской России. Их труд, их воля и ум, их бескорыстие и душевная щедрость сыграли важную роль в осуществлении на практике национальной политики партии, в превращении бывших отсталых национальных окраин царской России в цветущие социалистические республики¹. Светлый путь тувинского народа к социализму и коммунизму — одно из наглядных подтверждений этих слов Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева.

Успешно преодолев вековую экономическую и культурную отсталость, завершив такие коренные социалистические преобразования, как коллективизация аратских хозяйств и переход их на оседлый образ жизни, тувинский народ ныне со всеми братскими народами Советского Союза активно участвует в строительстве коммунизма. Вот почему для каждого тувинца незабываемы и бесконечно дороги те отделенные от нас пятидесятилетием дни, когда в Туве победила народная революция, которая привела тувинцев в единую братскую семью народов Страны Советов и обеспечила им все блага новой созидательной жизни.

Следуя испытанным ленинским курсом, трудящиеся Тувинской АССР за четверть века совершили поистине гигантский скачок в своем политическом, экономическом и культурном развитии. В созвездии равноправных республик Тувинская АССР занимает ныне достойное место — и по природным богатствам, и по экономическому потенциалу, и по уровню культурного развития трудящихся.

Сегодняшняя Тува даже не поддается сравнению с дореволюционной. Она в сплошных лесах новостроек. За годы Советской власти здесь созданы и работают на коммунизм сотни промышленных, строительных и транспортных предприятий и организаций, колхозов и совхозов, где занято почти все трудоспособное население республики. Сейчас на полную мощность работает первенец индустрии Тувы комбинат «Тува-асбест», который в текущем году даст стране более 36 тыс. тонн длинноволокнистого асбеста. Наращивают мощность Кая-Хемский угольный разрез, гордость цветной металлургии Тувы — комбинат «Тувакобальт», комбинат строительных деталей, Терлиг-Хайнское ртутное и другие крупные предприятия. Только за последние пять лет производственные

¹ «Правда», 12 июня 1970.

фонды увеличились в 1,5 раза, а выпуск промышленной продукции на 48 процентов.

Ускорились и темпы роста сельскохозяйственного производства. В 1966—1970 годах среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства был выше, чем в предыдущее пятилетие. Ныне колхозы и совхозы республики засевают различными культурами около 350 тыс. гектаров посевных площадей, тогда как в дореволюционной Туве хлебопашеством занималась лишь небольшая часть аратских хозяйств. Поголовье крупного рогатого скота достигло 110 тыс. голов, а овец и коз перевалило за миллион.

До революций на огромной территории Сибири, по определению В. И. Ленина, господствовали патриархальщина и полудикость. Еще в большей мере это можно отнести к дореволюционной Туве. Теперь же здесь успешно развивается социалистическая культура. Если сорок лет назад тувинцы были поголовно неграмотными, то ныне только в общеобразовательных школах республики обучается около 60 тысяч детей; на каждые 10 тысяч человек населения приходится 200 студентов. Это больше, чем, скажем, в Англии, Франции, Италии и других высокоразвитых капиталистических странах, правящие круги которых кичатся своей «цивилизацией».

Ясно, что тувинский народ без помощи великого русского и других народов нашей страны, без повседневного ленинского руководства со стороны КПСС не смог бы решить столь грандиозные социально-экономические проблемы. Благодаря неуставной заботе и вниманию Коммунистической партии и Советского правительства он миновал мучительную стадию капиталистического развития, сделал скачок из царства угнетения в царство свободы и созидания, радостной и счастливой жизни.

Теперь уже все признают, что, неизменно следуя великому ленинскому учению и опираясь на могучую помощь Советского государства, поддержку братских народов и, в первую очередь, русского народа, трудящиеся Советской Тувы превратили свою республику в процветающий край. Вдохновленные историческими решениями XXIV съезда КПСС, они вносят свой посильный вклад в борьбу за создание материально-технической базы коммунизма. Об этом красноречиво говорят итоги выполнения планов и обязательств в первом году новой пятилетки.

Промышленность республики выполнила план пяти месяцев на 105 процентов, сверх задания выработано продукции на 1,2 млн. рублей против 1,5 млн. рублей обязательства на весь год! Высоких показателей добиваются и труженики сельского хозяйства, которые в социалистическом соревновании

краев, областей и автономных республик Восточной Сибири по итогам первого квартала текущего года заняли первое место и завоевали переходящее Красное Знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС по зоне Восточной Сибири. Лучшие результаты в социалистическом соревновании за досрочное выполнение планов первого года новой пятилетки показывают коллективы Каа-Хемского угольного разреза, механизированной колонны № 72 треста «Красноярскэлектросельстрой», ОРСа комбината «Туваасбест», Кызыльского транспортного предприятия «Транссельхозтехника», колхозы и совхозы Кызыльского горсовета и многие другие коллективы, которые по итогам первого квартала текущего года вышли победителями и завоевали переходящие Красные Знамена обкома КПСС, Совета Министров Тувинской АССР и облсовпрофа. Вдохновенно трудятся асbestовики Ак-Довурака, печатники Кызыла, хлеборобы и животноводы Пий-Хемского, Каа-Хемского, Дзун-Хемчикского и других районов.

Новая Тува вырастила замечательные кадры рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигии, щедро отдающих жар своих сердец делу коммунистического строительства. Нельзя не упомянуть хотя бы некоторых замечательных тружеников. Самоотверженно трудится Калдар-оол Данзырык, вот уже более десяти лет возглавляющий бригаду плотников-бетонщиков СУ «Туваасбестстрой». Уроженец Шуйского сумона Бай-Тайгинского района К. Данзырык стал кадровым строителем, достойным представителем тувинского рабочего класса. Его судьба — это судьба многих бывших кочевников-скотоводов, которые получили рабочую закалку на стройках и промышленных предприятиях. За доблестный труд Калдар-оол Данзырык награжден орденом Ленина.

Все свои силы и энергию отдает любимому делу чабан совхоза «Элегест» Уйн-оол Андреевич Бавун-оол. За выдающиеся показатели в развитии общественного животноводства ему присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Советская Тува законно гордится славными делами Героя Социалистического Труда, водителя первого грузового автоПредприятия Юрия Зюзина, заслуженного животновода Тувинской АССР, кавалера ордена Октябрьской революции рабочего совхоза «Тоора-Хем» Балбыра Бараана, депутата Верховного Совета РСФСР водителя АТП-1 Виктора Мякишева, депутатов Верховного Совета Тувинской АССР каменщика СУ «Кызылстрой» Семена Сандана и председателя колхоза «Мурнакчы» Бай-Тайгинского района Хертека Кудруккая, а также многих других знатных тружеников Тувин-

ской АССР, нашедших призвание и раскрывших свои способности в условиях советского строя.

Уместно сказать и о большом вкладе наших инженеров, учителей, агрономов, врачей, научных работников, деятелей литературы и искусства, высоко несущих звание советской интеллигенции. Их рост и патриотические дела — также славный результат последовательного проведения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства, повседневной и бескорыстной помощи тувинцам со стороны великого русского и других народов Советского Союза.

Трудовые достижения названных и многих других передовиков-новаторов убедительно свидетельствуют о больших резервах и возможностях республики для успешного выполнения исторических решений XXIV съезда КПСС и социалистических обязательств, принятых на первый год девятой пятилетки.

Новые отрадные перспективы ускоренного развития экономики и культуры Советской Тувы открывает девятая пятилетка. Объем промышленной продукции должен возрасти не менее чем на 67%. За эти годы будут сданы в эксплуатацию вторая очередь комбинатов «Тываасбест» и «Стройдеталь», Кызыльский деревообрабатывающий комбинат, много жилья и других объектов производственного и культурно-бытового назначения.

Высокие темпы развития предусматриваются и в сельскохозяйственном производстве. Объем валовой продукции сельского хозяйства республики в текущем пятилетии составит более 400 млн. рублей, среднегодовой прирост ее будет составлять около 25 процентов. Тыва ежегодно будет собирать не менее 266 тыс. тонн валового зерна, что почти на 20 процентов больше, чем в истекшем пятилетии.

Продажа мяса к 1975 году достигнет 43,5 тыс. тонн, молока — 64 тыс. тонн, шерсти — 2587 тонн и яиц — 22,6 млн. штук. К концу пятилетки поголовье крупного рогатого скота составит 126,5 тыс., овец и коз — 1.144 тыс. голов. Дальнейшее развитие получат и многие другие отрасли народного хозяйства. Будет полностью решена такая важная социальная задача, как перевод животноводов-отгонников на постоянное жительство в населенные пункты и организация посменной пастьбы скота.

Претворение в жизнь намеченных на девятую пятилетку планов потребует от партийных, комсомольских и профсоюзных организаций советских и хозяйственных органов, всех трудящихся республики больших усилий, организованности

и дисциплины. Досрочному выполнению заданий новой пятилетки будет содействовать идеологическая и организаторская работа всех партийных организаций.

* * *

Вся послемарксистская история Тувы наполнена героической и самоотверженной борьбой трудовых аратских масс за свое освобождение от иноземных и местных поработителей, борьбой за победу народной революции, за успешное строительство социализма. Полувековой путь тувинского народа представляет собой славный и знаменательный период в его истории.

Подытоживая огромную работу, проделанную во всех сферах народного хозяйства, культуры и искусства, коммунисты и все трудящиеся Тувы с большой радостью еще и еще раз осознают величие социалистических преобразований, осуществленных под руководством ЦК КПСС за годы Советской власти. Они счастливы и горды тем, что тувинскому народу выпала честь, следя вместе со всеми народами Советского Союза ленинским курсом, прокладывать путь к заветной цели человечества — коммунизму.

Отмечая славный юбилей — пятидесятилетие Тувинской народной революции — трудящиеся Тувы шлют ленинскому Центральному Комитету КПСС и Советскому правительству слова великой благодарности за счастливую жизнь и заверяют их в том, что они не пожалеют сил, знаний и способностей для того, чтобы успешно выполнить исторические решения XXIV съезда КПСС и тем самым внести свой достойный вклад в общее дело строительства коммунизма в нашей стране.

Д. А. Монгуш

40 ЛЕТ ТУВИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В 1971 г. исполняется 50 лет Тувинской народной революции, победившей под воздействием Великого Октября и при помощи братских народов, в первую очередь, великого русского народа. С образованием народно-демократического государства, взявшего курс на некапиталистическое развитие, перед тувинским народом встали огромные задачи по политическому, экономическому и культурному развитию страны.

Практическое разрешение этих задач требовало прежде всего поднятия культурного уровня трудящихся масс и тем самым обеспечения их действенного участия в строительстве новой жизни. Учитывая это, в первые же годы после установления народной власти в Туве ТНРП и правительство ТНР неоднократно принимают решения об обучении населения грамоте, открытии народных школ и создании письменности. Однако до конца 20-х годов не произошло существенных изменений в культурном развитии страны. Попытки создания национальной письменности в самой Туве на основе латинского, русского и других алфавитов не увенчались успехом.

Только в октябре — ноябре 1929 г. на VIII съезде ТНРП было впервые принято конкретное решение о создании тувинской письменности на основе новотюркского латинизированного алфавита¹.

¹ «Резолюция VIII съезда ТНРП в области культурного строительства». УЭ ТНИЯЛИ, вып. VIII, Кызыл, 1960, стр 265.

Тувинская письменность была создана за сравнительно короткие сроки благодаря использованию богатого опыта СССР и участию в ее составлении научных учреждений Ленинграда (турецкий кабинет Института языка и мышления АН СССР под руководством С. Е. Малова) и Москвы (лингвистическая комиссия НИАНКП и кафедра родных языков КУТВа под руководством Е. Д. Поливанова)¹ с привлечением тувинских студентов.

ЦК ТНРП обратился за помощью в создании письменности в ЦК ВКП(б) в декабре 1929 г. В апреле 1930 г. проект тувинской письменности был одобрен на совещании научных работников при НИАНКП. В мае того же года направляется в Туву специальная экспедиция, возглавляемая проектором КУТВа Л. Д. Покровским, имея готовый проект письменности. По приезде экспедиции с целью улучшения и уточнения проекта письменности проводится дополнительное исследование тувинского языка в различных районах, устраиваются обсуждения проекта в республиканских организациях и на местах. 28 июня 1930 г. правительство ТНР издало декрет о введении в Туве национальной письменности. Этот день стал днем официального принятия тувинской письменности.

Введение национальной письменности положило начало культурной революции в Туве.

Как показала перепись 1931 года, грамотность тувинского населения уже через 8 месяцев после введения национальной письменности составляла 7,66% против 1,5% к началу 1930 г.² Отсюда видно огромное преимущество национальной письменности в ликвидации неграмотности населения: всего за 8 месяцев процент грамотности тувинцев увеличился в 5 раз.

К 10-й годовщине тувинской письменности 85% тувинцев стало грамотными³, количество тувинских школ увеличивается в 10 раз, издаются на тувинском языке 3 газеты и 2 журнала, работает музыкально-драматический театр. К тому времени уже уверенно звучали голоса тувинских писателей старшего поколения — С. К. Тока, С. А. Сарыг-оола, С. Б. Пюрбю, В. Ш. Кок-оола, О. К. Саган-оола и других.

Большую роль в распространении письменности среди на-

¹ УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, Кызыл, 1961, стр. 211 (см. выступление А. А. Пальмбаха на научной конференции, посвященной 30-летию тувинской письменности).

² С. К. Тока. Тываның культур революзунун үндезини — тыва бижикик «Тыва бижиктий 10 чыл ою», Кызыл, 1940, стр. 11.

³ Там же.

селения, в ликвидации неграмотности сыграли первые учителя, культармейцы. Во всей Туве известны имена первых учителей — Х. Н. Даржая, С. С. Бакук, С. Даваа и других, таких активных культармейцев, как аратка Иргит Дынгыжая из Тес-Хема, награжденная к 10-летию тувинской письменности «Орденом республики»¹.

Успешное обучение грамоте во многом зависело от качества учебников и учебных пособий. Первые учебные пособия по обучению тувинской грамоте составлялись советскими языковедами (А. А. Пальмбах, В. Москалев, К. А. Алавердов и др.) при участии тувинцев — студентов КУТВа².

В день юбилея особо следует отметить выдающиеся заслуги А. А. Пальмбаха, который начал заниматься тувинским языком еще во второй половине 20-х годов будучи преподавателем КУТВа. Он принимал деятельное участие в разработке тувинской письменности, стал одним из ее создателей. А. А. Пальмбах внес весомый вклад в развитие тувинской письменности и литературного языка.

Разработка вопросов тувинской орфографии, пунктуации и литературного языка, подготовка учебников и учебных пособий по родному языку, научное исследование тувинского языка — вот далеко не полный перечень основных направлений деятельности А. А. Пальмбаха в области тувинского языка.

А. А. Пальмбах оказывал постоянную научно-методическую помощь авторам первых оригинальных учебников и учебных пособий по родному языку для начального обучения — С. Т. Танову, А. М. Чимбе, С. С. Лопсану, М. Д. Бичеоолу и др. Под его научным руководством и при его участии были составлены в конце 40-х и начале 50-х годов первые оригинальные и переводные советские учебники для тувинских школ.

Успешное использование латинизированной письменности в ликвидации неграмотности, в делопроизводстве, в развитии народного образования, литературы, печати свидетельствовало о том, что эта письменность в целом отражала особенности тувинского языка.

Состав алфавита и правила орфографии этой письменности не подвергались существенным изменениям до конца 30-х годов. К 40-м годам благодаря исследованиям, проводившимся в Туве, в тувинском языке был обнаружен новый фонематический ряд гласных — фарингализованные (по нынешней

¹ С. К. Тока. Знаменательная дата в культурной революции. УЗ ТННИЯЛИ, вып. VIII, стр. 22—23.

² Х. С. Алдын-оол. Тыва дыл методиказы, Кызыл, 1966, стр. 17—21.

более точной терминологии, предложенной В. М. Наделяевым), называвшиеся тогда гортанными полудолгими (боостаа-биле адаар чартык узун үннер)¹ или полудолгими с оттенком горлового пения «каргыра» (каргыраа аялгалыг чартык узун үннер)². По свидетельству А. А. Пальмбаха, наличие фарингализованных гласных и необходимость их обозначения на письме в тувинском языке впервые было отмечено тувинскими писателями³. Этот факт говорит о том, что развитие тувинской письменности шло в неразрывной связи с развитием культуры в Туве. К началу 40-х годов выявилось еще наличие среди шумных согласных тувинского языка начальных придыхательных (сильных) [п[‘]] и [т[‘]]. Таким образом, изменилось представление исследователей о звуковом строе тувинского языка. В соответствии с этим Ученый комитет ТНР подготовил и опубликовал в 1941 г. проект новой орфографии.

В апреле 1941 г. XII съезд ТНРП принял решение о переводе тувинской письменности на русский алфавит⁴.

Перевод тувинской письменности на русскую графическую основу происходил в течение 1941—1944 годов при научно-методической помощи советских ученых. Проект нового алфавита был утвержден постановлением ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР 8 июля 1941 г.⁵ В новый алфавит вошли все буквы русского алфавита и три дополнительные буквы, обозначающие специфические звуки тувинского языка (ң, ө, ү).

Большим преимуществом письменности на русской основе является облегчение орфографического освоения русских заимствований в тувинском языке и изучения русского языка — языка межнационального общения народов СССР, владение которым открывало перед тувинским народом широкие возможности приобщения к достижениям передовой советской и мировой культуры.

Полный переход тувинской письменности на русский алфавит завершился ко времени добровольного вхождения Тулы в состав СССР. С тех пор достигнуты большие успехи в развитии национальной по форме, социалистической по со-

¹ Тыва үжүктүк болгаш бижик демдектериниң дүрүмү. Төлевилел. «Эртем оруу», Қызыл, 1944, № 1, стр. 11.

² С. С. Лопсан. Тыва дылдың ажык үннериниң дугайында шинчилел. «Эртем Оруу», № 1, стр. 24.

³ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 24.

⁴ Из резолюции XII съезда Тувинской народно-революционной партии по отчету ЦК ТНРП. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, стр. 270.

⁵ Постановление ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР об утверждении тувинского алфавита на русской основе. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, стр. 270—271.

держанию культуры тувинского народа, чему в значительной степени способствовала новая письменность. В республике появилась густая сеть школ и культурно-просветительных учреждений. Тувинская литература прочно заняла место в ряду развивающихся литератур народов СССР. Наряду с писателями старшего поколения, такими, как С. К. Тока, С. А. Сарыг-оол, С. Б. Пюрбю, О. К. Саган-оол, В. Ш. Кок-оол, Б. Д. Ховенмей, Л. Б. Чадамба, за годы Советской власти в тувинскую литературу пришли новые таланты — Ю. Ш. Кюнзегеш, М. Б. Кенин-Лопсан, С. С. Сюрюи-оол, А. Т. Даржаа, О. О. Сувакпит, М. Б. Доржу и др. Тувинцы читают на своем родном языке произведения классиков марксизма-ленинизма, русской классической, советской и мировой литературы. Знаменательным событием было издание трехтомника избранных произведений В. И. Ленина на тувинском языке в юбилейном 1970 г. Значительных успехов добилось тувинское искусство.

Состав алфавита тувинской письменности на русской основе не изменился с 1941 г. Орфография новой письменности за это время подвергалась лишь частичным изменениям. Большую роль в ее дальнейшем совершенствовании сыграла дискуссия, проводившаяся на страницах газеты «Шын» в 1955—1956 гг. Вместе с тем следует отметить, что ныне действующая орфография еще требует дальнейшего уточнения и изучения.

При составлении орфографии тувинской письменности на русской основе прежде всего учитывались те новые данные о фонемном составе тувинского языка, которые были получены в конце 30-х годов (наличие фарингализованных гласных, придыхательных, или, точнее, сильных согласных [п^с] и [т^с]). Начальные придыхательные (сильные) согласные передаются буквами для глухих *п*, *т*, а парные им непридыхательные (слабые) — буквами для звонких *б*, *д*. Фарингализацию гласного первоначально было решено постоянно обозначать сочетанием буквы для соответствующего гласного с *ъ* или *ь* в зависимости от заднерядности («твердости») или переднерядности («мягкости») гласного в девяти словах (причем в четырех из них — во всех формах, включая производные от них, в остальных — только в формах словоизменения). В других словах фарингализация обозначается тем же способом факультативно, если отсутствие ее обозначения может привести к неправильному произношению слова и затруднить понимание его значения. В 1961 г. решением Тувинского облисполкома было упрощено обозначение фарингализации гласного: фарингализованный независимо от рядности стал передаваться сочетанием соответствующей

буквы для гласного с ъ¹. Это правило облегчает усвоение орфографии.

Идея обозначения сильных согласных [п[‘]], [т[‘]] и фарингализованных гласных на письме сама по себе заслуживает одобрения, поскольку благодаря ей орфография тувинской письменности на русской основе более отвечает требованию обозначения каждой фонемы отдельным знаком². Однако то, как она осуществлена на практике в нынешней орфографии, на наш взгляд, трудно признать полностью приемлемым³.

Прежде всего, употребление букв б, д для обозначения тувинских начальных слабых согласных вызывает трудности при параллельном изучении в школе тувинского и русского языков. Оно приводит к тому, что учащиеся плохо усваивают разницу в произношении между тувинскими слабыми и соответствующими им русскими звонкими [б], [д], привыкают произносить русские звуки на тувинский лад (или наоборот) из-за того, что они имеют одинаковое обозначение. По нашему мнению, указанные тувинские начальные слабые лучше передавать буквами для глухих [п], [т], какими они фактически являются в начале слова. Парные им сильные [п[‘]], [т[‘]] можно обозначать теми же буквами для глухих, добавляя к ним диакритический знак. Правда, употребление буквосочетаний для обозначения фонемы считается недостатком в орфографии, но в необходимых случаях мы пользовались ими до сих пор (напр., при обозначении долгих и фарингализованных гласных). Слов с начальными сильными [п[‘]], [т[‘]] в тувинском языке сравнительно немного, поэтому нет опасения, что письмо будет испещрено диакритическими знаками.

Что касается постоянного обозначения фарингализованных гласных на письме, предусмотренного только в девяти словах, то оно делает орфографию непоследовательной, рассчитано на механическое запоминание и поэтому, как правильно отмечают методисты, требует много времени на его усвоение. Однако сплошное обозначение фарингализованных гласных представляется трудноосуществимым в силу ряда причин⁴. Поэтому целесообразно ввести одно правило для обозначения фарингализованных — факультативное написа-

¹ Основы тувинской орфографии. Кызыл, 1963, стр. 107.

² См. обоснование этого положения: Н. Яковлев. Математическая формула построения алфавита. «Кульгур и письменность Востока», М., 1928, стр. 41—64.

³ См. об этом: Д. А. Монгуш. Тувинская письменность и некоторые вопросы ее дальнейшего развития. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, 1970, стр. 170—173.

⁴ Основы тувинской орфографии, стр. 105—107, 119—121; Д. А. Монгуш. Указ. соч., стр. 170—171.

ние. Следует отметить, что в тувинской печати недостаточно используется факультативное написание фарингализованных там, где это рекомендуется орфографией, например, в словарях, в географических названиях, личных именах.

В существующей тувинской орфографии некоторые разделы не имеют четких развернутых правил. В частности, правило правописания сложных слов через дефис, которое является одним из трудных, состоит из перечня типов слов, не содержит обобщений. В орфографии ничего не говорится о сложных словах, пишущихся раздельно. Само понятие сложного слова (*нарын сөс*) еще не имеет четкого определения. В силу этого число слов, пишущихся через дефис, стихийно увеличивается, что приводит к неустойчивости орфографии, к нарушению орфографического режима. Требует дальнейшего изучения и вопрос о правописании удвоенных согласных в середине слова.

Правила употребления знаков препинания в тувинском языке в своих принципиальных положениях в настоящее время в основном устоялись и успешно используются в печати, в деловой и личной переписке. Однако и здесь есть спорные, нерешенные вопросы, относящиеся, например, к некоторым случаям употребления запятой после членов предложения, выраженных деепричастными и причастными формами. Употребление знаков препинания в предложениях с прямой и косвенной речью вызывает трудности из-за слабой разработанности теории прямой и косвенной речи, из-за отсутствия четкого разграничения между этими понятиями в тувиноведческой литературе.

Следует отметить, что решение некоторых вопросов орфографии требует учета не только лингвистических требований, но и других факторов — наличия двуязычия, параллельного изучения родного и русского языков в школе с 1-го класса, необходимости согласования тувинского алфавита с алфавитами других тюркских языков. Именно в силу этих факторов в нынешнем тувинском алфавите и орфографии шумные согласные тувинского языка отражаются не по их основному фонематическому признаку как сильные и слабые, а по их дополнительному признаку — как глухие и звонкие. А. А. Пальмбах говорил следующее по этому поводу: «Если бы мы не считались с фактом существующего у нас двуязычия и отказались от различия глухих и звонких согласных, то внесли бы тем самым путаницу в правописание не только заимствованных слов, но и многих исконных тувинских слов, в том числе общепринятых географических названий, составляющих общий фонд тувинской и русской географической номенклатуры (вместо *оз. Азас* пришлось бы писать *Асас* или

Азаз; вместо р. Алдыы-Ишкін пришлось бы писать Алтыы-Ишкін или Алдыы-Ижгін и т. п.). Вот почему нельзя признать правомерным предложение не различать на письме глухие и звонкие согласные¹. Чувашский лингвист И. А. Андреев показал на примере чувашской орфографии, к каким трудностям в условиях двуязычия и пользования одним и тем же алфавитом приводит нарушение принципа наименьших расхождений национальной орфографии с русской, в частности при обозначении глухости и звонкости согласных².

В последние годы система согласных, основанная на напряженности артикуляции, обнаруживается и в некоторых других тюркских языках, например, в азербайджанском³ и киргизском⁴. Отсюда ясно, что обозначение согласных фонем в тувинском языке связано еще с унификацией алфавитов, по крайней мере, в пределах ряда тюркских языков.

Благодаря созданию национальной письменности, приведшей к расширению общественных функций тувинского языка, постепенно оформился и ныне успешно развивается тувинский литературный язык, в основу которого лег центральный диалект. Формирование литературного языка сопровождалось прогрессивными изменениями в словарном составе, фонетической и грамматической структуре, в стилистической системе тувинского языка.

Успешное развитие национальной письменности и литературного языка во многом зависит от постановки научно-исследовательской работы, от внедрения ее результатов в практику. В период ТНР деятельность Ученого комитета была направлена на разрешение практических вопросов совершенствования письменности, разработки орфографии и пунктуации, создания литературного языка. Большая работа по научному изучению тувинского языка, развитию его письменности и орфографии стала проводиться после вхождения Тувы в состав СССР силами ученых вновь созданного ТНИИЯЛИ (А. А. Пальмбах, З. Б. Чадамба, Г. Ф. Бабушкин, М. Д. Биче-оол и др.), Ленинградского государственного университета (В. М. Наделяев), Института языкоznания АН СССР (Ф. Г. Исхаков), Кызыльского педагогического инсти-

¹ УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, Кызыл, 1961, стр. 216.

² И. А. Андреев. Двуязычие и проблемы орфографии. «Тюркологическая конференция. Посвящается 40-летию I тюркологического съезда... (Тезисы докладов)». Баку, 1966, стр. 35—37.

³ С. Б. Садыхов. Экспериментальное исследование согласных современного азербайджанского языка. Автореферат кандидатской диссертации. Баку, 1968, стр. 10—17.

⁴ Т. К. Ахматов. Звуковой строй киргизского литературного языка (экспериментально-фонетическое исследование). Автореферат докторской диссертации. Фрунзе, 1969, стр. 14—24.

тута (Ш. Ч. Сат, К. Х. Оргу, А. Ч. Кунаа, Е. Б. Салзынмаа Х. С. Алдын-оол). За 25 лет существования ТНИИЯЛИ много сделано в области научного изучения тувинского языка. Местным языковедам оказывали квалифицированную помощь лингвисты Института языкоznания АН СССР (Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, Э. В. Севорян, Э. Р. Тенишев), Отдела общей тюркологии и дунгановедения АН Киргизской ССР (И. А. Батманов), Института истории, филологии и философии СО АН СССР (Е. И. Убрытова, В. М. Наделяев).

В настоящее время, когда тувинский литературный язык выполняет обширные функции, необходимо строгое соблюдение его норм в печати, в устной и письменной речи. Между тем на страницах наших газет, книг и других изданий нередко допускаются орфографические и пунктуационные ошибки, разнобой в терминологии; в художественных произведениях порою неоправданно употребляются диалектизмы; дикторы радио и телевидения не всегда следят за правильностью произношения. Недостаточно разработаны вопросы культуры устной и письменной речи, в особенности деловой речи. Пока у нас имеется лишь одна работа М. Д. Биче-оола о культуре тувинской речи. Сектор языка и письменности ТНИИЯЛИ, терминологическая комиссия при Совете Министров Тувинской АССР слабо ведут работу по устранению недостатков в пользовании литературным языком.

Для решения практических вопросов дальнейшего развития тувинской письменности, орфографии и литературного языка большое значение имеет научное исследование тувинского языка. Здесь трудно остановиться на всем комплексе проблем, поэтому перечислим лишь некоторые основные направления исследований.

1. Изучение тувинского языка в социологическом аспекте (основные процессы в развитии и функционировании литературного языка; роль русского языка в развитии тувинского; двуязычие и т. д.) имеет значение для решения практических вопросов литературного языка, например, для установления норм литературного языка, степени коренизации в тувинской школе и т. д.

2. Исследование звукового строя и ритмомелодики тувинского языка и его диалектов с привлечением экспериментальных данных, необходимое для совершенствования письменности и орфографии, решения вопросов орфоэпии.

3. Создание второй части научной грамматики — синтаксиса.

4. Составление нового, более полного русско-тувинского словаря, подготовка к составлению толкового словаря тувинского языка, исследование лексического взаимодействия ту-

винского и других языков, изучение языка печати, отдельных писателей и сценической речи.

5. Обобщение опыта терминологической работы, составление отраслевых терминологических словарей.

6. Продолжение сбора диалектных материалов, создание обобщающего труда о диалектах, подготовка к составлению диалектологического словаря и атласа.

7. Продолжение работы в области стилистики, культуры речи, создание пособия по практической стилистике.

Из сказанного видно, что перед тувиноведением стоят большие задачи, требующие объединения усилий наших языковедов с учеными академических институтов, которые нам оказывают постоянную творческую помощь. Успешное решение этих задач должно способствовать дальнейшему развитию и совершенствованию тувинской письменности и литературного языка, которые являются действенным средством коммунистического воспитания трудящихся и развития национальной по форме социалистической по содержанию культуры тувинского народа.

Ю. Л. Аранчын

ИНСТИТУТ ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

40-летие письменности и 25-летие института языка, литературы и истории Тыва отмечает как светлый праздник торжества ленинских идей, ленинской национальной политики КПСС. Эти даты празднуются в памятный для трудящихся всего мира год ленинского юбилея, в обстановке, когда все народы СССР с огромным подъемом подводят итоги борьбы за коммунизм, вдохновенно трудятся на всех участках коммунистического строительства.

Тувинская Народная Республика, возникшая под могучим воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, успешно развивалась по пути социализма только благодаря тому, что во взаимоотношениях СССР и ТНР твердо и последовательно проводились в жизнь принципы ленинской национальной политики КПСС о равенстве, братском сотрудничестве и взаимопомощи народов. Итогом развития новой Тулы явилось формирование идейного единения народов двух стран, зарождение и углубление стремления со стороны тувинцев к органическому слиянию с советским народом.

Свою верность знамени социалистического интернационализма и дружбе с советским народом тувинцы ярко продемонстрировали в суровые годы Великой Отечественной войны, развернув массовое движение по оказанию всемерной помощи фронту и за вхождение Тулы в состав СССР. История неоспоримо доказала, что народ, убедившийся в глубокой правоте великих ленинских идей, осознавший преимущества и жизненность социалистического строя, сможет совер-

шенно добровольно решить вопрос о сближении и слиянии с передовыми нациями.

Исторический опыт образования и развития ТНР, сознательное, добровольное воссоединение в 1944 г. тувинского народа с братскими народами СССР наглядно подтвердили глубочайшую мудрость учения В. И. Ленина о праве наций на самоопределение. «Если мы требуем,— писал В. И. Ленин,— свободы отделения для монголов, персов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому, что мы за *свободное, добровольное сближение и слияние*, а не за *насильственное*. Только поэтому!»¹.

С момента вхождения Тувы в состав СССР перед тувинским народом открылись неограниченные возможности для творческого раскрытия его сил и талантов, для активного участия в борьбе за торжество коммунизма. Благодаря ленинской национальной политике КПСС, неослабной заботе и вниманию со стороны ЦК партии и Советского правительства, братской помощи великого русского и всех других народов СССР тувинский народ за короткий исторический срок добился замечательных успехов в развитии экономики и культуры, свидетельствующих о том, каких высот во всех областях материальной и духовной жизни может достичь народ, поднятый социалистической революцией к сознательному творчеству.

Выдающимся событием в истории тувинского народа явилось создание национальной письменности, позволившей всесторонне раскрыть его талант и дарования, приобщить широкие массы аратства к активному участию во всех сферах жизни.

Почти полвека назад перед народно-демократической Тувой со всей остротой всталась задача пробудить в аратских массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и самостоятельной исторической деятельности. Подобная сложнейшая задача могла быть разрешена лишь путем политического просвещения масс, необходимым условием которого являлась ликвидация неграмотности населения. В. И. Ленин указывал: «...Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 120.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

Учитывая все это, VIII съезд ТНРП (1929 г.) поставил неотложную задачу — создать национальную письменность.

В начале 1930 г. советскими учеными были разработаны проекты тувинского алфавита и первого букваря. После одобрения их в институтах АН СССР декретом правительства ТНР 28 июня 1930 г. была введена тувинская письменность. С тех пор прошло 40 лет. За это время в Туве произошла подлинная культурная революция, главными итогами которой явилась ликвидация вековой неграмотности тувинского народа, создание широкой сети школ и культпросветучреждений, возникновение и развитие книгоиздательства и национальной художественной литературы, формирование народной интеллигенции. Тувинцы приобщаются к советской и мировой культуре прежде всего через родную письменность, которая значительно облегчает им овладение русским языком.

Вместе с введением письменности началось изучение проблем тувинского языка, устного народного творчества, истории и экономики; в 1930 г. формируется научная организация — Ученый комитет.

Ученый комитет при Малом Хурале ТНР, возглавляемый С. К. Тока, ведал издательством, краеведческим музеем, делами архивов, проделал значительную работу по распространению письменности, по созданию первых учебников и учебных пособий, по сбору архивных материалов и экспонатов для краеведческого музея, по налаживанию контактов с советскими научными учреждениями и организациями, развертыванию научно-исследовательской работы в Туве. Экспедиция НИАНКП и КУТВа во главе с Л. Д. Покровским при участии тувинцев в 1931 г. впервые провела систематическую перепись населения и хозяйства Тувы¹. Эта перепись, имевшая важное значение для планомерного развития экономики и организации статистического учета, и поныне не утрастила своей научно-практической ценности.

Члены вышеуказанной экспедиции А. А. Пальмбах и Х. М. Сейфулин навсегда связали свою творческую жизнь с Тувой, внесли большой вклад в изучение языка, литературы и истории тувинского народа, в дело подготовки национальных кадров; они остались в памяти благодарного народа его учителями (башкы).

XII съезд ТНРП (1941 г.) в соответствии с новыми задачами социалистических преобразований нацеливает кадры на необходимость развертывания теоретической работы. В выступлении на собрании актива партийных, государственных

¹ «Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года», М., 1933.

и хозяйственных работников (1941 г.) С. К. Тока призывает изучать социально-экономические процессы и закономерности развития тувинской революции, историю тувинского народа, опираться в работе и борьбе за социализм на революционную теорию марксизма-ленинизма.

На страницах журнала «Под знаменем Ленина — Сталина» (орган ЦК ТНРП), издававшегося в 1942—1944 гг., освещались вопросы общественно-политической жизни в стране, итоги и задачи хозяйственно-культурного строительства, печатались статьи по проблемам истории Тулы, развития языка и литературы. В ряде своих работ С. К. Тока раскрыл предпосылки возникновения и развития национальной государственности и революционной партии трудящихся и их роль в некапиталистическом развитии, впервые обратил внимание на прогрессивный характер установившихся между Россией и Тувой хозяйственно-культурных связей в дооктябрьский период, с марксистских позиций осветил прогрессивное значение добровольного присоединения Тулы к России в 1914 г.

В те годы были разработаны некоторые проблемы истории национально-освободительного движения тувинского народа В. И. Дуловым, С. С. Лопсаном и Д. Б. Данзын-оолом, предприняты публикации законов ТНР, постановлений ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР. Все это явилось важным шагом на пути к формированию творческих кадров, первой попыткой изучения вопросов языка, литературы, фольклора, истории, этнографии и археологии Тулы. Наиболее благоприятные условия для широкого развертывания гуманитарных исследований создались после вхождения Тулы в состав СССР.

15 августа 1945 г. Совнарком РСФСР издал постановление об организации с 1 октября того же года ТНИИЯЛИ. Перед институтом ставились задачи развернуть на основе марксистско-ленинской науки и решений Коммунистической партии и Советского правительства по идеологическим вопросам исследования в области гуманитарного цикла с творческим использованием созданных тувинским народом духовных ценностей, широко учитывая при этом прогрессивные традиции русского и советского востоковедения. Вся деятельность института подчинялась интересам хозяйственного и культурного строительства в Туве.

В первые годы в институте трудились Л. Б. Чадамба, Х. М. Сейфулин, А. А. Пальмбах, С. А. Сарыг-оол, С. С. Лопсан. Однако даже при такой малочисленности в коллективе шла серьезная кропотливая работа по решению актуальных задач культурного строительства. Нельзя не отметить большую роль в этом А. А. Пальмбаха — замечательного ученого-коммуниста. Его творческое горение, оптимизм, энтузиазм,

целеустремленность, отзывчивость, на редкость развитое чувство нового — все это позволяло создавать в коллективе настоящую творческую атмосферу, являясь мобилизующим примером для молодой тувинской интеллигенции. Не случайно вокруг А. А. Пальмбаха сформировался творческий коллектив в составе Л. Б. Чадамба, М. Д. Биче-оола, А. М. Белек-Баира, А. Ч. Кызыл-оола, С. А. Сарыг-оола, О. К. Саган-оола, П. И. Калиничевой, Н. З. Бакеевой, В. М. Чистякова и других, создавший за 7 лет 45 оригинальных и переводных советских учебников для тувинских школ. В процессе деятельности этого коллектива осваивалось переводческое искусство, вырабатывались орфографические, терминологические нормы тувинского языка, усиливался интерес к изучению проблем языка и литературы, закладывались основы методики преподавания родного и русского языков. Одновременно институт развернул интенсивный сбор материалов по фольклору, истории и этнографии тувинского народа.

В эти же годы в ЛГУ готовились первые научные кадры из тувинцев. Под руководством В. М. Наделяева и Е. М. Залкинда ими был написан ряд курсовых и дипломных работ по тувинскому языку, литературе и истории, достоинства которых были отмечены академиками И. И. Мещаниновым, В. В. Струве, В. М. Жирмунским, членами-корреспондентами С. Е. Маловым, А. Н. Кононовым, профессорами Н. В. Кюнером, Е. И. Убрятовой и другими.

В начале 50-х годов ТНИИЯЛИ пополнился молодыми специалистами, выпускниками Ленинградского, Московского и Одесского университетов. Среди них Л. В. Гребнев, Ш. Ч. Сат, А. К. Калсан, В. Ч. Очур, С. И. Вайнштейн, В. В. Осипова и другие. Укрепляется высококвалифицированными кадрами и КГПИ.

За истекшие 25 лет под руководством областной партийной организации ТНИИЯЛИ с участием местного актива и научных учреждений Сибири и Центра создал около 100 трудов по языку и письменности, литературе и фольклору тувинского народа, вырастил способных исследователей.

В институте 4 сектора. Сектор языка и письменности проделал большую работу по созданию двуязычных словарей, усовершенствованию орфографии и терминологии. Сотрудники сектора регулярно проводят лингвистические обзоры материалов прессы, радио и телевидения. Создана первая часть научной грамматики тувинского языка (фонетика, морфология), исследован тоджинский диалект, изучаются диалекты и говоры, закономерности развития тувинского языка и проблемы его взаимодействия с русским и монгольским языками, а также с языками тюркского корня.

Сотрудниками сектора литературы и фольклора написаны монографии по тувинской драматургии, прозе и поэзии, в которых значительное внимание уделено утверждению принципов партийности и народности, большое место отводится анализу идейно-художественных достоинств произведений писателей.

Создан «Очерк истории тувинской литературы», в котором прослеживается процесс возникновения и развития литературных жанров, анализируется творчество ведущих писателей Советской Тувы. Сотрудниками сектора при участии актива собран ценный фонд произведений устного народного творчества, изданы сборники, отдельные книги по фольклору. Сектор литературы совместно с Союзом писателей Тувы проводит семинары, обсуждения произведений местных авторов, вечера и слеты сказителей и народных певцов.

На основе марксистско-ленинской методологии, фундаментальных исследований советской исторической науки, при участии и под научным руководством головных институтов АН СССР тувинские историки создали труды по археологии и этнографии, этногенезу тувинцев, истории, экономике и культуре Тувы.

Наиболее полное освещение получили история Тувы XIX в., проблемы национально-освободительного движения тувинских аратов, историческое значение присоединения Тувы к России, период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, вопросы некапиталистического развития Тувы к социализму, коллективизации и перехода аратов на оседлость, культурной революции и др. Итогом многолетней работы местных историков и ряда ученых Москвы, Ленинграда, Иркутска явилось создание двухтомной истории Тувы, получившей положительную оценку научной общественности.

Важную роль в создании этого фундаментального труда сыграли комплексные экспедиционные исследования археологов и этнографов и изучение фондов многих архивов нашей страны. В процессе научных поисков творчески осваивалось наследие дореволюционных исследователей и путешественников, сведения китайских династийных хроник и монгольских, персидских, арабских, русских письменных источников.

При написании двухтомной истории Тувы широко использовались труды и материалы С. А. Теплоухова, В. В. Бунака, М. Г. Левина, С. В. Киселева, Л. А. Евтиховой, В. И. Дулова, Л. П. Потапова, Л. В. Гребнева, Ю. Л. Аранчына, В. Ч. Очура, С. И. Вайнштейна, Л. Р. Кызласова, Я. И. Сунчугашева, В. П. Дьяконовой, А. Д. Грача, М. Х. Маннай-оола.

Е. Д. Прокофьевой, П. И. Карабкина и др., которые позволили воссоздать казалось бы навсегда утраченные страницы древней и средневековой истории Тувы.

В рамках института с 1954 г. действует небольшой сектор экономики, создавший уже ряд трудов по колхозному строительству, размещению и специализации сельскохозяйственного производства в Туве, организации и оплате труда в колхозах. С участием ученых Москвы, Новосибирска, Красноярска и местных практических работников завершено написание монографии «Экономика Тувинской АССР», где освещается современное состояние и перспективы развития всех отраслей народного хозяйства республики.

С 1953 года институт издал 14 выпусков Ученых записок, в которых опубликовано более 200 статей по проблемам истории, языка, искусства, литературы и экономики Тувы. В целом труды института способствуют правильному разрешению тех или иных вопросов национального и культурного строительства, вводят в оборот советской науки тувинский материал и проблематику, убедительно опровергают клевету и измышления буржуазных ученых о советской действительности. Отрадно отметить, что работы наших ученых имеют не только местное, но и общесоюзное значение, способствуют взаимообогащению и расцвету культур братских народов СССР. Сотрудники института выступают с научными докладами и сообщениями на международных, всесоюзных, региональных форумах. В стенах института подготовлено 14 кандидатов наук, некоторые ученые сейчас работают над докторскими диссертациями.

Мы высоко оцениваем значение творческих контактов нашего коллектива с институтами археологии, истории СССР, военной истории, этнографии, языкоизучания, мировой литературы АН СССР, ИИФФ СО АН СССР и институтами Бурятской, Калмыцкой, Якутской АССР, Горного Алтая и Хакасии. Это творческое содружество будет поддерживаться и углубляться в дальнейшем. Институт выражает сердечную благодарность вышеуказанным коллективам, а также редакциям Восточной литературы издательства «Наука», национальных словарей издательства «Энциклопедия», коллективам Тувинского книжного издательства, Союза писателей, типографии, общества «Знание», Статуправления. Госплана, музея, отдела книготорговли, редакциям газет за творческую помощь и поддержку. Мы также выражаем свою сердечную признательность сказителям, информаторам, студентам и учителям — всем, кто оказывает содействие нам в полевых исследованиях.

С глубоким уважением и искренней признательностью сотрудники ТНИИЯЛИ называют имена крупных ученых

нашей страны, проявляющих пристальное внимание к развитию науки в Туве и оказывающих непосредственную помощь,— А. П. Окладникова, Э. В. Севортияна, Е. И. Убрятовой, В. А. Аврорина, Л. П. Потапова, П. А. Шахуновой, В. М. Наделяева и других. Светлую память о себе остались А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков, Г. М. Тапханаков, Г. Ф. Башкин, В. И. Дулов, И. А. Батманов.

Говоря об итогах деятельности за 25 лет, нужно особо подчеркнуть, что наш институт всегда находился в центре внимания партийных и советских органов республики, постоянно ощущал и ощущает их заботу и поддержку. Только за последние пять лет численность научных работников удвоилась, значительно увеличились ассигнования на научную работу, намного окрепла материально-техническая база. После обсуждения деятельности ТНИИЯЛИ на бюро обкома КПСС и проверки комиссии Госкомитета Совета Министров РСФСР по координации научно-исследовательских работ (1964 г.) усиlena связь ученых с практикой коммунистического строительства, расширились масштабы и повысилось качество исследований, улучшилась координация научных работ и научно-методическая помощь со стороны академических учреждений.

Подводя итоги и оглядываясь на пройденный путь, мы можем сказать, что за эти годы институт внес свою лепту в дело коммунистического воспитания трудящихся, занял определенное место в духовной жизни республики, активно участвует в коммунистическом строительстве.

Вместе с тем необходимо сосредоточить внимание на не решенных задачах и недостатках в деятельности коллектива. К сожалению, некоторые плановые темы выполняются с нарушением установленных сроков их окончания, что ведет к нерациональной затрате труда и средств. Недостаточно ведется изучение проблем старого и нового быта тувинцев, истории предприятий и населенных пунктов. Нас не может удовлетворить объем и качество археологических и этнографических исследований. Мы в ответе за серьезное отставание литературной критики. Слабо разрабатываются терминология языка по различным отраслям знаний и теория перевода, не ведется должной борьбы за соблюдение норм литературного языка в прессе, на радио и телевидении, в делопроизводстве и др.

Работа конференции, посвященной 40-летию тувинской письменности и 25-летию ТНИИЯЛИ, будет во многом способствовать не только подведению итогов, но и конкретизации дальнейших научных исследований. Перспективный план ТНИИЯЛИ на 1971—1975 гг. предусматривает продолжение

некоторых ранее начатых тем и исследование новых проблем. При составлении перспективного плана мы руководствовались постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», где определены задачи и основные направления научных исследований в области гуманитарных наук.

Проектом плана намечены: разработка вопросов развития тувинского литературного языка, взаимодействия русского и тувинского языков, углубленное изучение диалектов и говоров тувинского языка, завершение русско-тувинского словаря объемом в 80 печатных листов, составление первого толкового словаря тувинского языка; изучение проблем развития тувинской литературы, дальнейший сбор и публикация произведений устного народного творчества, написание монографий о закономерностях развития младописьменных литератур народов Южной Сибири, о тувинском фольклоре и всех его жанрах.

В новой пятилетке будут созданы труды о некапиталистическом /путь/ развитии тувинского народа к социализму, о Туве в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму, очерк истории Тувинской партийной организации, монографии по национальной консолидации тувинцев, формированию рабочего класса Тувы, становлению нового быта, участию женщин Тувы в социалистических преобразованиях, а также расширены археологические и этнографические исследования.

Пополнение сектора экономики новыми квалифицированными кадрами позволит расширить тематику исследований, вести разработку проблем экономической истории и конкретной экономики (социалистическая реконструкция народного хозяйства, внедрение научной организации труда, хозрасчет, технический прогресс, освоение имеющихся ресурсов и резервов, повышение производительности труда, использование экономических рычагов в целях повышения эффективности общественного производства, история социалистических форм хозяйства ТНР и др.).

Вступая в новую пятилетку, коллектив примет все меры для безусловного выполнения творческих планов с тем, чтобы приумножить свой вклад в советскую науку, в борьбу трудящихся Тувы за претворение в жизнь задач коммунистического строительства.

Л. П. Потапов

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

Советская историческая наука, как известно, добилась больших успехов в сибиреведении. Ее достижения распространяются на область истории, этнографии, археологии и антропологии. Многие народы Сибири, в недалеком прошлом весьма отсталые, не имевшие письменности, получили свою научно разработанную историю, охватывающую и вопросы их происхождения¹. Вопреки мрачным предсказаниям некоторых дореволюционных ученых («едва окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири»²) в советском сибиреведении появился

¹ А. П. Окладников. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л., 1957; Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа. М.-Л., 1940; Л. П. Потапов. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; его же. Очерки по истории Шории. Л., 1936; его же. Краткие очерки истории и этнографии хакасов. Абакан, 1952; его же. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953; С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа. М., 1946; В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы. М., 1956; И. С. Вдовин. Очерк истории и этнографии чукчей. М.-Л., 1965 и многие другие, включая двухтомные истории Якутской АССР, Бурятской АССР, Тувинской АССР и т. д.

² W. Radloff. Aus Sibirien Bd.I, Leipzig, 1884, стр. 143.

ряд работ, практически доказавших, что решение этого вопроса вполне возможно¹.

Исследования советских ученых доказали, что утвердившееся в буржуазной науке разделение народов на «исторические» и «иенсторические», на имеющие свою историю и не имеющие ее, научно не обосновано и является своеобразным вариантом расистских взглядов.

Наиболее ярким выражением положительных результатов в области изучения истории и этнографии народов Сибири являются такие обобщающие коллективные труды, как «Народы Сибири»², «Историко-этнографический атлас Сибири»³ и «История Сибири» в пяти томах, изданная СО АН СССР. Многотомный труд по истории Сибири, созданный коллективными усилиями археологов, этнографов, историков, антропологов, лингвистов и других ученых, опровергает лживые утверждения буржуазной пропаганды об «избранных» расах и народах, об изоляции населения Сибири в древние времена, об отсутствии здесь центров древней цивилизации, показывает положительную роль такого события, как включение Сибири в состав Русского государства, выявляет общие закономерности исторического процесса, который освещен в нем вплоть до нашей современности. В «Истории Сибири» показаны колоссальные изменения и достижения в развитии народов Сибири за первые полвека существования Советской власти, блестящие результаты практического осуществления основных принципов ленинской национальной политики⁴.

Нельзя не отметить, что упомянутые издания получили известность и за рубежом. «Народы Сибири» и «Историко-этнографический атлас Сибири» переведены и изданы на английском языке⁵.

Особенно широкий размах и глубину приняли историко-археологические исследования в Сибири. Впервые так плодотворно и всесторонне археологический материал стал использоваться в качестве важнейшего исторического источника. В результате этого археологические материалы в сочетании

¹ См. Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; его же. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970; его же. Некоторые данные к истории образования бурятского народа. СЭ, 1953, № 1; И. С. Гуревич. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966 и др.

² Народы Сибири. М., 1956.

³ Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961.

⁴ Высокую оценку пятитомная «История Сибири» получила в центральной печати. См. газету «Правда» от 7 июля 1970.

⁵ M. G. Levin and L. P. Potapov (editors). The Peoples of Siberia. Chicago, 1964.

с письменными источниками и этнографическими и антропологическими данными послужили основой для создания больших обобщающих трудов, посвященных истории древнего населения Сибири, его культуре и быту, этногенезу и т. д. В этом плане достаточно назвать монографию С. В. Киселева¹, удостоенную Государственной премии, ряд монографий ведущего исследователя археологии Сибири А. П. Окладникова². По Северу Западной Сибири вышла ценная книга В. Н. Чернецова, посвященная древней истории Нижнего Приобья³, об истории племен Верхней Оби имеется исследование М. П. Грязнова⁴ и т. д.

Книги, посвященные всесторонней характеристике отдельных археологических культур Сибири, также представляют собой большое достижение в изучении древнего населения Сибири⁵.

Широкие и успешные историко-этнографические и археологические исследования народов Сибири, охватывающие различные исторические эпохи их жизни, опирались на марксистско-ленинскую методологию, овладение которой дало советским ученым надежную основу для постановки и успешного разрешения новых проблем этнической истории. На этой основе была разработана и новая методика, сущность которой определяется комплексным привлечением различных видов источников.

Советские ученые-сибиреведы выявили и успешно ввели в научный оборот большой круг новых источников (письменных, этнографических, археологических, антропологических и др.). Были изучены архивные документы русских письменных источников XVII—XVIII вв., содержащие ценнейшие и

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949; второе издание — М., 1951.

² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18, М., 1950; его же. Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.-Л., 1959.

³ В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953.

⁴ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 48, М., 1956.

⁵ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скипское время. М.-Л., 1960; Труды ТКЭАН, т. I, М.-Л., 1960; т. II, М.-Л., 1966; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969 и др.

разнообразные сведения о всех народах и племенах Сибири¹, которые в большом количестве вошли в исторические и историко-этнографические работы. Советские этнографы, кроме общего широкого использования этнографических материалов для истории и этногенеза отдельных народов Сибири, установили ценное научно-источниковедческое значение многих видов этнографических данных из области материальной и духовной культуры сибирских народов. В этом отношении богатейшими историко-этнографическими источниками являются различные материалы по шаманству², а также погребальный обряд³. Весьма ценным источником оказалось народное изобразительное искусство, в частности орнамент⁴, и другие виды этнографических фактов. Данные фольклора, топонимики и прочие также успешно используются для решения историко-этнографических вопросов, в том числе этногенеза⁵.

Вместе с тем необходимо констатировать, что в области историко-этнографического изучения народов Сибири ожидает своего решения ряд крупных проблем как большого теоретического значения, выходящего за рамки сибиреведения, так и местного, в масштабе всей Сибири или ее отдельных народов. В этом плане кратко рассмотрим лишь некоторые из упомянутых проблем. Наиболее широкой и общей, имеющей непосредственное отношение к марксистско-ленинскому учению об обществе, является проблема о первой в истории человечества первобытной общественной формации, охватывающей хронологически огромный период. Внутреннюю организацию этого первобытного общества, как известно, открыл и исследовал Л. Морган, обобщающий историко-этнографический труд которого вышел под названием «Древнее общество» в Америке в 1877 г.

¹ См. А. И. Андреев. Материалы по источниковедению Сибири. Вып. I (издание второе), М.-Л., 1960; вып. II, М.-Л., 1965; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960 и др., а также ряд сборников различных исторических документов.

² См., например, Л. П. Потапов. Шаманизм у народностей Саяно-Алтайского нагорья как исторический источник (на чешском языке). *Ceskoslovenska etnografie*, Praha, 1957; его же. К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья. Сб. «Памяти академика Б. Я. Владимирицова», М., 1958.

³ В. П. Дьяконова. Погребальный обряд у тувинцев как историко-этнографический источник. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1970.

⁴ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.-Л., 1964.

⁵ Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев. СЭ, 1949, № 2; А. П. Дульzon. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1960 и др.

Ф. Энгельс эту работу характеризовал как «одно из немногих творений нашего времени, составляющих эпоху в науке». Он отметил, что Л. Морган «мастерски раскрывает картину первобытного общества и его коммунизма»¹. Открыв и описав род у северо-американских индейцев, Л. Морган смог разъяснить основные черты общественного устройства первобытной эпохи до появления государства. В связи с этим открытием и опираясь на него, как и на замечания К. Маркса, сделанные им в конспекте упомянутого труда Л. Моргана, Ф. Энгельс написал свою знаменитую работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой развил и обосновал материалистический взгляд на первобытную историю. Как известно, В. И. Ленин назвал данный труд Энгельса одним «из основных сочинений современного социализма»².

Предисловие своей книги (первое издание) Ф. Энгельс начинает такими словами: «Ниже следующие главы представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс, собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»³. Отсюда видно, какое большое значение придавали исследованию Л. Моргана основоположники марксизма, подчеркивая открытие рода у северо-американских индейцев как универсальной формы общественного устройства доклассового общества, но формы отнюдь не неизменной, а развивающейся исторически в пределах первобытной эпохи.

Исследование вопросов первобытного общества, во-первых, расширяет и укрепляет источниковедческую базу упомянутого открытия, на которое до сего времени ведутся непрерывные атаки буржуазной науки. Конкретный материал, собранный Морганом, объявляется устаревшим и ограниченным. Его пытаются подменить «новым» современным материалом, отражающим уже глубокое разложение родовых институтов у индейцев, к тому же материалом тенденциозно подобранным. На этом «основании» снова выдвигаются утверждения

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36, М., 1964, стр. 109.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 25.

об изначальности семьи, а не рода, как универсальной и древнейшей основы общественной организации индейцев, об изначальности частной собственности, в том числе и на охотничьи угодья, и т. д. Правда, появилось и в определенной мере прогрессивное «этноисторическое» направление в современной американской этнографии, возникшее в среде ученых, разрабатывающих различные архивные данные в связи с многочисленнымиисками индейцев, предъявленными ими правительству США по поводу отобранных колонизаторами земель. «Этноисторики» привлекают для своих работ не только архивы, но и этнографические и археологические материалы и устанавливают, что разложение рода и становление частной собственности началось у индейцев с XVII в. под влиянием колонизаторской деятельности европейцев¹. Они исследуют историю индейцев, влияние на их жизнь капиталистических отношений и т. п.

Тем не менее выявление нового конкретного и массового материала по упомянутым важнейшим вопросам у народов Сибири будет известным вкладом в общую теорию марксизма о первобытном обществе.

Во-вторых, вполне можно ожидать, что изучение народов Сибири позволит внести уточнения и дополнения по ряду важных вопросов, исследовавшихся по материалам об индейцах Северной Америки Л. Морганом, даст возможность заполнить некоторые серьезные пробелы, допущенные им в характеристике рода, в частности о родовой собственности на охотничьи угодья и пр. Ведь остается фактом то обстоятельство, что Морган не дал общей характеристики экономического базиса родового строя и характеристики экономических условий, подрывавших родовую организацию первобытного общества. Позднее это сделал Ф. Энгельс, привлекавший различный фактический материал.

В-третьих, исследование рассматриваемой проблемы у народов Сибири представит большую ценность как для истории отдельных народов или групп или всех их в целом, так и для характеристики исторического процесса в Сибири.

Но возникает вопрос: можно ли получить достаточный материал (и обобщить его) по родовой организации народов Сибири, синхронный материалу по северо-американским индейцам, собранному и исследованному Морганом? Не упущены ли для этого источниковедческие возможности? Мы находим допустимым ответить на это положительно. Конечно, в настоящее время большой полевой материал по этим вопро-

¹ См. об этом Ю. П. Аверкиева. Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции. М., 1963.

сам собрать трудно, так как за 50 лет Советской власти у народов Сибири построен социализм и трудно рассчитывать на сохранение здесь каких-либо существенных следов прошлой родовой организации. Но по воспоминаниям, рассказам, свидетельствам представителей самого старшего поколения кое-что собрать еще можно, в чем нас убеждает собственный опыт полевой работы у народов Южной Сибири. Однако главным источником, вполне достоверным и довольно обильным, являются конкретные факты, зафиксированные до Октябрьской революции у самых различных народов Сибири исследователями, путешественниками, специальными экспедициями, чиновниками, миссионерами, купцами и многими политическими ссылочными царизма, оказавшимися в Сибири. Материал этот собирался в более благоприятных, чем в Америке, условиях, так как, несмотря на колониальную политику царизма, не было физического истребления племен и народов, не было насильственного выселения их с исконных мест обитания, не устраивалось резерваций и т. д. К тому же данный материал по ряду вопросов отражает не только XIX, но и XVIII и даже XVII вв.

Нет возможности да и необходимости перечислять все значительные труды XIX и начала XX в., в которых в той или иной степени освещаются интересующие нас вопросы. Нельзя только не упомянуть о весьма результативных работах трех экспедиций, состоявших главным образом из политических ссылочных, и об экспедиции Джезупа. В них видную роль сыграли Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон и др. Работа Штернберга по гилякам, как известно, обратила на себя внимание Ф. Энгельса, узнавшего о ней из сообщения газеты «Русские ведомости» и увидевшего в этих материалах подтверждение своих взглядов на групповой брак и другие вопросы, изложенные в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс писал, что материалы с гиляками показывают, «как сходны, даже тождественны в своих основных чертах общественные институты первобытных народов, находящихся на почти одинаковой ступени развития»¹. Таким образом, мы имеем свидетельство того, что один из основоположников марксизма лично оценил этнографический материал, происходящий из Сибири, для общей теории о первобытном обществе.

Еще обширнее и квалифицированнее собирался материал и рассматривались многие вопросы о родовой организации и различных пережитках родового общества у отдельных пле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 365.

мен и народов Сибири советскими этнографами¹. Становится совершенно ясно, что род в Сибири был универсальным общественным учреждением, характерным для всех народов в ту пору, когда они жили в условиях доклассового общества. Несмотря на то, что научные исследования застают род у населения Сибири патриархальным, основанным на отцовском праве, повсюду сохранились яркие и свежие следы того, что этому роду предшествовал более ранний, архаический род, основанный на материнском праве. Здесь господствовали те же системы родства, которые Морган открыл и исследовал у индейцев Америки. Здесь также господствовал первобытный коллективизм. И, что особенно ценно и важно, здесь зафиксирована не только общеплеменная (как у американских индейцев) коллективная собственность на землю — основное средство производства, но и собственность родовая и, прежде всего, — на охотничьи угодья, так как охота на зверя в прошлом была ведущей отраслью хозяйства абсолютного большинства сибирских народов. Мы имеем опубликованные данные об этом важнейшем признаке родового общества, упомянутом в исследовании Моргана и подчеркнутом неоднократно Ф. Энгельсом.

Более подробно и конкретно изучен этот вопрос советскими учеными у различных народностей Саяно-Алтайского горья: тофаларов, хакасов, шорцев, кумандинцев, телеутов, челканцев, тубаларов, алтайцев. Достаточно сказать, что родовая собственность на реальные охотничьи угодья установлена более чем для 30 шорских, телеутских, кумандинских и прочих алтайских родов — сеоков, для всех родов тофаларов и т. д. Такого типа материалы опубликованы для некоторых народностей Амура, в частности для гиляков, эвенков, ханты, манси и др. Сибирские этнографические материалы дают интереснейшие конкретные данные о формах разложения рода, различных типах первобытных общин и временных производственных объединений и т. д. Кстати сказать, проблема изучения первобытной общины у народов мира уже поставлена в ЛОИЭ АН СССР. Предусматривается изучение последовательных исторических типов общин и их вариантов у народов всех континентов земного шара.

¹ А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков. Л., 1936; А. А. Попов. Материалы по родовому строю долган. СЭ. 1934, № 6; А. П. Окладников. Социальный строй предков якутов. СЭ, 1947, № 2; А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; Л. П. Потапов. Переходы родового строя у северных алтайцев. Л., 1936; В. Н. Чернедов. К истории родового строя у обских угров. СЭ, VI—VII, 1947; Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933; Ю. А. Сем. Родовая организация у нанайцев и ее разложение. Владивосток, 1959 и др.

Все изложенное говорит о том, что советские этнографы и историки имеют вполне реальную возможность исследовать родовое общество у народов Сибири, сопоставить с данными Моргана, а также другими новыми материалами и дать обобщающую работу по этой проблеме, которая, несомненно, расширит и углубит характеристику родового строя, свойственно-го первобытному обществу. Это будет серьезный творческий вклад в дальнейшую разработку марксистской теории о до-классовом обществе и его экономических и социальных институтах. Первым значительным шагом в этом направлении можно считать коллективную работу ИЭ АН СССР, посвященную общественному строю у народов Севера Сибири, в которой рассматриваются вопросы родовой организации и ее разложения¹.

Вторая крупная проблема, которая вызывает непрекращающийся интерес мировой этнографической науки, — это шаманство. Изучение шаманства всегда было приоритетом русской этнографии и занимало большое место в тематике этнографических работ по Сибири. И все-таки проблема шаманства у народов Сибири остается далеко не изученной. Это видно хотя бы из того, что мы встречаемся с рядом различных, нередко противоположных, определений шаманства. Нет также достаточно аргументированных взглядов на его происхождение. Большинство работ, посвященных шаманству, носят чисто описательный, далеко не полный характер. Создается впечатление, что до сих пор проблема изучения шаманства не привлекла должного внимания исследователей. В этом нельзя не видеть определенного научного просчета в планировании этнографических исследований как в наших всесоюзных научных центрах этнографии, так и на местах.

В настоящее время изучение шаманства у сибирских народов в ЛОИЭ АН СССР рассматривается как актуальная исследовательская задача, над решением которой будет работать авторский коллектив сибиреведов-этнографов. Весьма желательно, чтобы в сибирских научно-исследовательских институтах, где ведется этнографическая работа, изучению данной проблемы, в первую очередь на местном материале, было удалено серьезное внимание. Поднять такую тему можно только коллективными усилиями. Отдавая отчет в трудности и сложности этой работы, прежде всего из-за того, что многие конкретные материалы по шаманству для нас безвозвратно исчезли, мы полагаем, что обобщения и систематизация имеющегося в публикациях материала, музейные собрания, относящиеся к шаманству, соответствующие данные, хранящиеся

¹ Общественный строй у народов Севера Сибири. Л., 1970.

в архивах ряда научно-исследовательских учреждений, а также налаживание полевой собирательской работы по этим сюжетам могут представить серьезную источниковедческую базу для попытки решения этой проблемы.

Возникает естественный вопрос: какую же цель ставит такое исследование, каковы могут быть его результаты? Ответить на это предварительно можно следующим образом. Одним из главных результатов должен быть ответ на вопрос, что представляет собой сибирское шаманство, эта специфическая форма религиозной идеологии, занимавшая видное место в мировоззрении сибирских народов; можно ли шаманство считать за особую форму религии. Если можно, то какое место она занимает среди других известных религий. К какому типу религий в таком случае нужно отнести шаманство, если иметь в виду классификацию религий, выдвинутую классиками марксизма, отличавшими естественно возникшие племенные, народные или национальные религии и религии всемирные, распространявшиеся проповедниками путем пропаганды, миссионерским способом. Далее, необходимо установить, когда и вследствие каких причин появилось у сибирских народов шаманство, на какой социально-экономической базе оно возникло и формировалось, на основе каких религиозных представлений, какие стадии прошло в своем развитии. Само собой разумеется, что задуманное исследование должно создать не только историческую стадиальную классификацию шаманства, но и классификацию этнографическую, дающую представление об особенностях шаманства у тех или иных народов Сибири.

Если такое исследование позволит дать обоснованное решение упомянутых вопросов, то цель работы на данном ее этапе будет во многом достигнута. Тем самым может быть сделан существенный вклад не только в историческую этнографию народов Сибири, но и в историю религии вообще, особенно в историю ее ранних форм.

Наконец, едва ли может быть сомнение и в том, что изучение шаманства выявит весьма ценный историко-этнографический источник для исследования истории, этногенеза и историко-культурных связей народов Сибири для различных периодов их жизни.

Говоря об источниковедческом аспекте изучения шаманства, приведем конкретный пример из исследовательского опыта. В конце двадцатых годов нашего столетия, когда на Алтае и в Хакасии процветало шаманство, мы изучали его непосредственно на местах при помощи самих шаманов, с которыми нам, как правило, удавалось устанавливать контакт. Нас интересовал шаманский бубен во всех его деталях, особенно

его рисунки — эти своеобразные пиктограммы, наносившиеся краской на кожу бубна. Эту работу мы вели среди шорцев, телеутов, кумандинцев, челканцев, тубаларов, алтайцев, теленгитов, позднее у хакасов (сагайцев). Тогда же был обнаружен обряд изготовления бубна, длившийся в течение нескольких дней, при стечении народа. Центральным моментом обряда было «оживание» животного, шкурой которого обтянут бубен. В результате изучения удалось установить, что шаманский бубен у народов Саяно-Алтайского нагорья символизировал собой верховое ездовое животное, на котором шаман совершил свои «путешествия» во время камлания.

Изучая шамансскую терминологию, относящуюся к бубну в целом, его деталям и рисункам, выясняя ее семантику, записывая тексты обращения шамана к своему бубну во время камлания, мы обнаружили интересное явление. Оказалось, что кроме общего названия для бубна, как предмета культа, выражаемого, как принято думать, монгольским термином «тунгур» (и его фонетическими вариантами) или, что реже, тюркским термином «чалу», бубен имеет еще особые названия, которыми его именует только шаман и только во время камлания. Другими словами, как только бубен вступает в культовое действие, он перестает быть просто культовым предметом, а выступает уже в своей символической функции ездового животного и называется по этой функции. Но как ни странно, все эти названия бубна, даваемые ему шаманом во время камлания, а их мы записали пять, оказались неизвестными по их точному значению самим шаманам. Ни одно из этих названий шаманы не могли ни объяснить, ни сопоставить с бытовыми названиями каких-либо животных, хотя было очевидно, что названия эти означают именно животное, на котором «ездят» шаман во время камлания. Все дикие животные, шкурой которых обтягивается бубен (марал, лось, косуля) называются совсем по-иному. Стало ясно, что хотя шаманы полагают, что они ездят при камлании на том самом диком животном, шкурой которого обтянут бубен, но называют его по какой-то традиции непонятным для себя именем.

В течение многих лет мы пытались расшифровать эти загадочные названия. В конце концов удалось установить, при помощи сравнительного материала из различных тюркских языков, в том числе и языков соседей алтайцев, что два из этих названий (*адан* и *эр адан*) означают ездового верблюда как двугорбого, так и одногорбого. Третье название (*чагал*) означает лошадь (из уйгурского языка), но не просто лошадь, а именно «пегую лошадь». Следующее название (*пагыс*) оказалось, видимо, древним названием лося, ныне исчезнувшим из саяно-алтайских тюркских языков, но сохранившимся в на-

именованием одного из племен киргизов (багыш)¹. Таким образом выяснилось, что в названиях шаманского бубна сохранились свидетельства об участии в этногенезе современных северных алтайцев, этих в недалеком прошлом пеших горно-таежных охотников-звероловов, южных этнических элементов, скотоводческих по хозяйству, разводивших и верблюдов, связанных обитанием с горно-степными или степными районами. Эти свидетельства согласуются с другими материалами (наличием древнетюркских этонимов, героического эпоса, специфического орнамента и т. п.).

Название же бубна как «пегой лошади» сигнализирует о наличии в этническом составе потомков древнетюркского племени «пеголошадников» (*ала-ат*), известия о которых попали в китайские письменные источники под названием бо-ма, являющимся китайским переводом «пегая лошадь». В древнетюркское время (VII в.) «племя пегих лошадей» жило севернее Алтая, несколько позднее оно входило в подчинение уйгурам, а затем постепенно продвинулось на север в бассейн Оби, где в XVII в. было известно в районе Нарыма под названием Пегой Орды. Наконец, название бубна пагыч-пагы оставило следы общности некоторых алтайских и киргизских этнических элементов. Уже из приведенных примеров вполне ясно, какое ценное источниковедческое значение представляют собой материалы по шаманству.

Третья проблема относится к сравнительно ограниченному кругу народов, преимущественно Южной Сибири, основой хозяйства которых в недалеком прошлом было кочевое пастбищное скотоводство. Мы имеем в виду изучение феодализма у таких народов с выявлением его специфических черт, свойственных именно кочевникам, и прежде всего специфики феодальной собственности на землю как основное средство производства, главным образом собственности на кочевья и пастбища. В целом эта проблема уже решена, и результаты ее исследования относятся к признанным серьезным достижениям советской исторической науки. Однако нельзя забывать, что в нашей научной литературе имеются случаи неправильной характеристики феодальных отношений у кочевников.

Ярким примером ошибочной трактовки этого вопроса служит книга С. Е. Толыбекова, в которой отрицается феодальная собственность на кочевья и пастбища у кочевников-казахов и заменяется придуманной автором идеализируемой им

¹ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960, стр. 31—32, 58, 64—65, 88. Пятый термин «эр бодаган» означает самца-верблюжонка в возрасте до 1 года. См. Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев, стр. 333, 337 и др.

«общенародной собственностью», существовавшей будто бы «без всякой регламентации со стороны родоправителей и хана»¹. Вопреки К. Марксу и В. И. Ленину, считавшим землю основным средством производства, С. Толыбеков отрицает такое значение земли у кочевников-скотоводов. Основным средством производства здесь он объявляет скот, а экономической основой эксплуатации рядовых скотоводов — феодальную собственность на скот. Извращения распространяются автором не только на земельные отношения, на экономическую и внешнеэкономическую основу эксплуатации у казахов, но и на классовую структуру. В своих ошибках С. Толыбеков доходит до того, что изобретает для кочевников-скотоводов особую общественно-экономическую формацию с особым базисом и надстройкой².

К сожалению, рецидивы таких взглядов еще встречаются в нашей литературе о кочевниках. В этом отношении показательны высказывания Г. Е. Маркова, утверждающего у кочевников особый способ производства³.

Отсюда видно, как актуальна задача изучения и научного анализа форм земельной собственности, владения и землепользования на конкретном местном материале у народов с кочевым или полукочевым скотоводческим хозяйством. В этом смысле снова выступает большое значение полевого этнографического материала. В частности, необходимо изучение народных способов исчисления в тех или иных мерах площади пастбищ, требуемой для содержания одной головы скота как в зимних, так и в летних условиях. Разумеется, нужно получить данные народного опыта раздельно по видам домашних животных (для лошадей, овец и крупного рогатого скота), причем желательно в зависимости от качества пастбищ. Данный материал позволит яснее показать, какое большое количество земельной площади требуется для содержания скота при пастбищном его содержании в течение круглого года. Такие количественные показатели помогут убедительнее объяснить специфику реализации феодальной собственности у кочевников в форме монопольного распоряжения кочевьями и пастбищами, понять и форму юридического выражения земельной собственности, фиксированной, как правило, обычным правом.

¹ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959, стр. 250—251.

² Там же, стр. 152.

³ Г. Е. Марков. Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов в эпоху возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореферат докторской диссертации. М., 1967.

Но у этой важной исторической проблемы, имеющей широкое теоретическое значение, особенно в рамках докапиталистических общественных формаций, есть еще один существенный аспект, применительно к изучению ее у народов Саяно-Алтайского нагорья, Казахстана и Средней Азии. Речь идет об исторических корнях и происхождении феодализма у кочевников-тувинцев. Отчетливо сознавая, что отмеченный аспект проблемы не может быть освещен без учета более широких и общих причин возникновения феодализма у азиатских кочевников вообще, мы укажем здесь только на некоторые задачи, которые следовало бы попытаться решить при характеристике феодализма у тувинцев. Мы пришли к убеждению, что феодализм у тувинцев необходимо изучать в историческом плане с учетом его форм у монголов, развившихся в период образования империи Чингис-хана, оказавших огромное влияние на формирование и бытование феодальных форм земельной собственности, форм феодальной зависимости, форм эксплуатации рядовых кочевников Саяно-Алтайского нагорья, Казахстана и Средней Азии, вплоть до Ирана.

Такие специфические формы феодальной собственности, как своеобразные пожалования земли и населения, отражающие отношения устойчивого вассалитета у кочевников монголов, выступающие под названием инжу, сойюргал и другие, должны быть обязательно приняты во внимание, если мы хотим понять и выяснить исторические корни феодализма у тувинцев, алтайцев, казахов, киргизов и т. д., изучавшиеся советскими исследователями обычно на основе поздних письменных исторических источников. Общественно-политическая атмосфера жизни кочевников средневековья в восточной части Центральной Азии и в Средней Азии была буквально пропитана феодальными порядками и нормами, сложившимися у монгольских кочевников и распространившимися в период монгольских завоеваний. Феодальные отношения у тувинцев, алтайцев, джунгаров и других народов, вне всякого сомнения, складывались и формировались под воздействием монгольских форм, которые, в свою очередь, во многом повторили, по-видимому, путь формирования и развития этих категорий, проявившихся наиболее рано у хуннов периода образования их мощной империи с конца III в. до н. э.

Предлагаемый исторический подход к изучению феодализма у кочевников Южной Сибири представляется нам наиболее правильным, перспективным и плодотворным. Большое внимание при этом необходимо обратить на различную местную терминологию феодальных категорий собственности, форм эксплуатации, зависимости и т. д. (отдельные сигналы того,

что эта терминология существует и имеет отношение к монгольской, нами уже получены).

Монгольский феодальный термин инджу в варианте «ончу» встретился нам в значении личной частной собственности (на скот и некоторые предметы быта) у тувинцев. Такова собственность на скот и имущество, выделяемое невесте, которая она при свадебном обряде привозит в дом мужа, собственность детей на скот, который им дарят при рождении и наречении имени или при первой стрижке волос и т. п.¹ Напомним, что у монголов периода империи Чингис-хана термином инджу назывались удельные владения царевичей-чингисидов, а также «приданое», как не совсем точно употребляет это слово Б. Я. Владимирцов². По поздним материалам, значение термина становится более широким и охватывает понятия кочевья, скот знатных людей и принадлежащих им крепостных аратов. Данный термин известен также алтайцам, у которых он означает наследственные земли, удел, наследство, приданое³. Зафиксирован он в таком значении и у современных киргизов и других.

В связи с рассматриваемым вопросом нас не могут не интересовать и некоторые другие феодальные нормы и порядки, отраженные еще в Ясе Чингис-хана, в дошедших до нас сведениях о ней. Мы имеем в виду тип феодальной зависимости людей у кочевников-монголов, прикрепленных не к земле, а лично к феодалу. Данная специфика полностью вытекает из материальных условий кочевого пастбищного скотоводства, но от этого она не перестает быть феодальной формой закрепощения, своеобразным крепостничеством. По этой же причине такая феодальная категория, как иммунитет, которая у западных оседлых народов означала пожалование феодалу права творить суд и собирать налоги или пользоваться трудовыми повинностями на определенной территории, у кочевников, в частности у монголов, означала применение этого права к населению, закрепленному за тем или иным феодалом, независимо от того, где оно проживает. Достаточно вспомнить, что некоторые группы тувинцев, проживавшие в Туве по Хемчику, подчинявшиеся по административной линии тувинскому амбын-нойону, платили натуральные налоги монгольским феодалам, кочевавшим с монголами, и подлежали их юрисдикции.

¹ Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, стр. 249, 265—266.

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 56, 163 и др.

³ См. В. Вербицкий. Словарь алтайского и алтадагского наречий тюркского языка. Казань, 1884, стр. 48.

Изучение упомянутых форм феодализма у монгольских кочевников имеет, конечно, более широкое теоретическое значение, нежели только выяснение происхождения феодализма у тувинцев или алтайцев. Анализ их убеждает в том, что общие закономерности феодализма, как общественно-экономической формации, одинаковы для западных оседлых народов Европы и для кочевников Азии, у которых мы без труда узнаем бенефииции и лены, феоды и аллоды, но в специфической форме, порожденной материальными условиями кочевого скотоводства, военного кочевого быта.

Вне рассмотрения в данной статье мы оставляем ряд других проблем историко-этнографического изучения Сибири. Большинство их в той или иной степени изучается либо центральными, либо местными этнографическими силами, либо теми и другими, как например, проблемы этногенеза и этнической истории, общественного строя и исторических, социальных и политических структур у различных по хозяйству народов (охотничьих, земледельческих, скотоводческих). К сожалению, не ведется серьезная исследовательская работа по изучению в сравнительном плане фольклора, в частности героического эпоса сибирских народов, имеющая большое значение для истории культуры этих народов и для их этногенеза. Следует также упомянуть про историко-этнографическое изучение проблем, связанных с исследованием современной культуры и быта народов Сибири. Среди этих проблем некоторые ставятся в настоящее время довольно широко в масштабе всего Советского Союза. Такова проблема исследования современных этнических процессов, разрабатываемая под руководством и при непосредственном участии ИЭ АН СССР.

Л. В. Гребнев

ИЗУЧЕНИЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ТУВЫ

История тувинского народа по-настоящему всесторонне стала изучаться только после Великого Октября, в эпоху торжества идей пролетарской революции и ленинской национальной политики. Первым историком этой новой революционной эпохи в жизни человечества был В. И. Ленин. «Ленин вошел в историю как гениальный теоретик пролетарской революции и социалистического преобразования общества. Он органически соединил в себе мудрость мыслителя и опыт народной жизни, блестящее знание марксистской теории и понимание насущных потребностей рабочего движения»¹. Советская историческая наука, с самого возникновения складывавшаяся как история всех народов СССР, в своем развитии опиралась на научно-теоретический фундамент, методологию марксистско-ленинской теории.

Осуществление в Туве историко-экономических исследований ярко и убедительно раскрывает всесиление и универсальность ленинского учения. Историческая наука в Туве с первых шагов развивалась как марксистско-ленинская наука, результаты ее исследований способствовали идеино-политической и организационно-хозяйственной деятельности партии в области экономики и культуры республики.

Изучение послеоктябрьской истории Тувы начинается уже в 20-е годы. При АН СССР была образована комиссия по на-

¹ О подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Постановление ЦК КПСС. М., 1968, стр. 4.

учному исследованию МНР и ТНР, а в 1930 г. при Малом Хурале ТНР создается первая в Туве научная организация— Ученый комитет (позднее, с 1933 г.— научно-методический отдел Министерства культуры ТНР). В 1942 г. ЦК ТНРП признал необходимым облечь научно-исследовательскую работу в более действенную, организованную форму и создал Начальное общество ТНР, через год преобразованное в Ученый комитет с подведомственными ему музеем, библиотекой и госархивом.

Предметом постоянного внимания исследователей становятся вопросы истории борьбы за Советы и гражданской войны в Туве, Тувинской народной революции, создания и деятельности ТНРП и ревсомала, проблемы хозяйственного и культурного строительства¹.

Центральный Комитет ТНРП особое внимание уделял развертыванию теоретической работы. Генеральный секретарь ЦК ТНРП С. К. Тока, выступая на собрании актива партийных, государственных и хозяйственных работников, призывал изучать социально-экономические процессы и закономерности тувинской революции, историю тувинского народа, опираться в работе и борьбе за социализм на революционную теорию марксизма-ленинизма².

В 1942—1944 гг. выходит на тувинском и русском языках общественно-политический журнал «Под знаменем Ленина—Сталина»— орган ЦК ТНРП. В нем освещаются вопросы общественно-политической жизни в стране, итоги и задачи хозяйственного и культурного строительства, содержится ряд статей по отдельным проблемам истории тувинского народа. Особого внимания заслуживают статьи С. К. Тока³, в которых он пишет о создании и первых шагах в деятельности ТНРП

¹ Н. И. Леонов. Танну-Тува. Страна голубой реки. М., 1927; С. А. Шойжелов (Нацов). Национально-освободительное движение тувинских скотоводов. «Новый Восток», 1927, № 19; его же. Тувинская Народная Республика. Материалы и документы по истории национально-освободительного движения тувинских скотоводов. «Груды научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем», вып. VII, М., 1930; М. Г. Сафьянов. Танну-Тува в годы революции. «Северная Азия», кн. 4, М., 1929; В. Мачаварини, С. Третьяков. В Танну-Туву. М.-Л., 1930.

² С. К. Тока. За подъем теоретической работы в ТНР. «Под знаменем Ленина—Сталина», 1942, № 2, стр. 31.

³ См. «Под знаменем Ленина—Сталина»: С. К. Тока. Зарождение Тувинской народно-революционной партии. 1943, № 5; его же. О текущем моменте Отечественной войны и задачах ТНРП. 1942, № 3; его же. XXII годовщина национально-освободительной революции в Туве. 1943, № 4; его же. О партийно-организационной работе. 1944, № 1—2; С. К. Тока и Я. Калиничев. Первый Великий Хурал ТНР, 1942, № 3, а также С. К. Тока. На культурном фронте Танну-Тувинской Народной Республики. «Революционный Восток», 1936, № 2—3.

и тувинского государства, о роли партии и государства в преобразовании экономики и культуры ТНР. Большую ценность для изучения периода ТНР представляют публикации законов, принятых сессиями Хуралов республики, постановлений, решений пленумов ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР и т. д.

Вхождение в 1944 г. тувинского народа в братскую семью народов СССР открыло перед ним величественные перспективы ускоренного развития экономики и расцвета национальной культуры. Этот акт означал новый этап в развитии исторической науки в Туве. Развернулось систематическое изучение новейшей истории Тувы.

Великая Октябрьская революция, гражданская война и иностранная военная интервенция в Туве исследуются Х. М. Сейфулиным¹. С середины 50-х годов дальнейшее углубленное изучение этого периода осуществляется В. Ч. Очур. В результате выявления новых документов, записей воспоминаний участников и очевидцев революционных событий, имеющих особое значение, так как в условиях безграмотности тувинского и большей части русского населения Тувы многие события того времени не нашли отражения в документах, В. Ч. Очур публикует ряд статей и книг². В них он раскрывает борьбу тувинских аратов против колчаковщины, отрядов китайских милитаристов и монгольских феодалов, классовое размежевание среди тувинского и русского населения, показывает движущие силы и антифеодальную направленность народной революции, процесс установления революционного союза трудового аратства с русскими рабочими и крестьянами.

В. Ч. Очур в своих исследованиях вполне аргументированно доказывает, что революционные события в Туве были следствием и частью Октябрьской революции, что успех революционной борьбы тувинских аратов был обеспечен братской помощью трудящихся молодой Советской республики.

К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции ТНИИЯЛИ издал ряд статей и сборник воспоминаний красных партизан Тувы, а также архивные документы и материалы, отражающие совместную борьбу тувинских и

¹ Х. М. Сейфулин. Тувинская национально-освободительная революция 1921 года. Сб. «25 лет Тувинской национально-освободительной революции», Кызыл, 1946; его же. К истории иностранный военной интервенции и гражданской войны в Туве (1919—1921 гг.). Кызыл, 1956.

² В. Ч. Очур. Национально-освободительное движение хемчикских аратов в 1919 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. III, 1955; его же. Борьба за Советы в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IV, 1956; его же. Тувинская национально-освободительная революция 1921 года. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, 1958; его же. Тываның национал-хосталгылар революциязы. Кызыл, 1961; его же. Великий Октябрь и Тува. Кызыл, 1967.

русских трудящихся¹. Интересные материалы о совместных действиях тувинских и монгольских партизан и подразделения Красной Армии против вторгшихся на территорию Монголии белогвардейских частей обнаружены Ю. Л. Аранчыном².

В. А. Дубровский, продолжая разработку темы, написал монографию о борьбе трудящихся Тувы за Советы в 1917—1918 гг., о деятельности первых Советов и роли их в развитии классового самосознания трудовых аратов, об укреплении связей между трудовым аратством и Советской республикой. Он подготовил также публикации документов и материалов периода 1917—1921 гг.³

В 60-е годы усилилось изучение истории Тувинской партийной организации и союза молодежи. Создание, организационное укрепление и основные вехи деятельности ТНРП нашли освещение в статьях С. Ш. Мындрима и О. А. Толгар-оола⁴. Пройденный партией трудового аратства сложный путь борьбы с феодально-байскими элементами за укрепление народно-демократического строя, за идеино-организационное единство партии наиболее полно раскрывается в монографии О. А. Толгар-оола «Во главе аратских масс» и в диссертации⁵. Автор детально изучил самый ранний период в истории ТНРП, показал предпосылки ее возникновения, организационные формы и методы партийной и массово-политической работы, направленной на осуществление некапиталистического развития ТНР к социализму, раскрыл роль Коминтерна и КПСС в идеино-организационном укреплении партии.

Многие вопросы создания и деятельности ТНРП и ревсомала, областной партийной и комсомольской организаций Советской Тувы нашли также освещение в трудах Б. П. Бажутина, Л. Ф. Антипина, Г. С. Сабирзянова, Г. Ч. Ширшина и других авторов.

¹ «За свободу народа», Кызыл, 1957.

² Ю. Л. Аранчын. К истории совместной борьбы народов России и Монголии в 1921 году. «Торжество ленинской национальной политики в Туве», Кызыл, 1970.

³ В. А. Дубровский. Тува в период Великой Октябрьской социалистической революции. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1965; его же. Помощь минусинских большевиков и Совета революционной борьбе трудящихся Тувы (1917—1918 гг.). УЗ ХНИИЛИ, вып. IX, Абакан, 1963; его же. Тува в 1919—1921 гг. УЗ ТНИИЛИ, вып. V, 1957.

⁴ С. Ш. Мындрима, О. А. Толгар-оол. К сорокалетию образования ТНРП. УЗ ТНИИЛИ, вып. X, 1962; О. А. Толгар-оол. Образование и идеино-организационное укрепление Тувинской народно-революционной партии (1921—1929 гг.). УЗ ТНИИЛИ, вып. XI, 1964.

⁵ О. А. Толгар-оол. Во главе аратских масс (ТНРП в борьбе за укрепление народно-демократического строя в Туве). На тув. яз. Кызыл, 1969; его же. Образование и идеино-организационное укрепление Тувинской народно-революционной партии. Автореферат кандидатской диссертации. Иркутск, 1967.

Начато изучение истории Тувы периода Великой Отечественной войны. Ю. Л. Аранчын в статье и отдельной книге¹, затем развернутой в кандидатскую диссертацию, показал патриотизм трудящихся ТНР в военные годы, всемерную помощь тувинского народа фронту и боевые подвиги тувинских добровольцев в боях с фашистскими захватчиками. Важное место в исследовании Ю. Л. Аранчына заняло освещение вопроса о вхождении Тувы в состав Советского Союза. Недавно им опубликованы новые документы о боевом пути тувинских добровольцев², дополняющие предыдущие публикации³. Интересны сборники, посвященные патриотическим подвигам трудящихся Тувы в годы Великой Отечественной войны Советского Союза⁴.

Написан ряд статей и монографических исследований о социалистических преобразованиях народного хозяйства ТНР и Советской Тувы. Оба эти периода в истории тувинского народа рассматриваются как единый процесс развития от феодальных общественных отношений к социалистическим, минуя капиталистическую стадию.

Проблемы некапиталистического развития ТНР к социализму и социалистических преобразований экономики и культуры Советской Тувы в период до середины 50-х годов нашли стражение в трудах Х. М. Сейфулина⁵. Ученые Тувы ведут изучение процессов социалистического преобразования сельского хозяйства. Формы коллективных объединений, постепенное развитие сельскохозяйственной кооперации в ТНР, завершение коллективизации в Советской Туве, налоговая политика, стимулировавшая эти процессы,— все это явилось предметом исследования в работах В. В. Осиповой⁶. Успехи

¹ Ю. Л. Аранчын. Тува в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, 1954; его же. Тыва — Совет Эвилелинэн Ада-Чуртунуц Улуг дайының чылдарында. Кызыл, 1955.

² Ю. Л. Аранчын. Тувинцы-кавалеристы в боях за социалистическое Отечество. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, 1970.

³ В. А. Дубровский. Участие Тувы в Великой Отечественной войне Советского Союза. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, 1960.

⁴ «Уттундурбас чылдар» (Незабываемые годы), Кызыл, 1966; «Подвиги и звезды», Кызыл, 1967.

⁵ Х. М. Сейфулин. Образование Тувинской автономной области РСФСР, Кызыл, 1954; его же. Тываның төөгүзү. Долчу очерк (История Тувы. Краткий очерк). Кызыл, 1956; его же. ТНР — важный этап в истории тувинского народа. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, 1968.

⁶ В. В. Осипова. Из опыта электрификации колхозного производства в Советской Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V, 1957; ее же. Сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года как важнейший источник для характеристики экономического строя сельского хозяйства Тувы (1920—1930 гг.). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, 1961; ее же. История социалистического преобразования сельского хозяйства в Туве. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1963.

в развитии сельского хозяйства колхозов и совхозов Тувинской АССР показаны в статьях Н. М. Конгара и Б. П. Бажутина¹.

Нами предпринята попытка дать картину социалистического преобразования сельского хозяйства и происходившего на базе коллективизации перехода тувинских аратов от кочевого к оседлому образу жизни. В нашей книге нашли также отражение вопросы повышения материального благосостояния тружеников деревни, изменения их бытового уклада и развития культуры².

Заметно усилился интерес к конкретно-экономическому анализу хозяйственной деятельности колхозов и совхозов. Опубликовано много статей в Ученых записках ТНИИЯЛИ и отдельных работ, в которых ставятся вопросы подъема сельского хозяйства республики, разрабатываются рекомендации и мероприятия. Все эти исследования дают историку материалы для освещения поступательного хода развития народного хозяйства Тувы.

Историки и экономисты уделяют внимание изучению проблем, характеризующих промышленное развитие Тувы, формирование рабочего класса и связанные с ними изменения в социальной структуре населения республики.

Ряд работ о становлении промышленности, транспорта и строительства в ТНР и в Советской Туве написал А. Г. Ковалев. Он дает общее представление об отраслях промышленности и темпах роста промышленного производства³. Публикуются также статьи об итогах промышленного развития Тувы, очередных задачах и перспективах дальнейшего развития производительных сил республики⁴.

¹ Н. М. Конгар. Сельское хозяйство Тувы и перспективы его развития. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, 1967; его же. Рост сельского хозяйства Тувы «В братской семье народов», Кызыл, 1970; Б. П. Бажутин. Победа ленинского кооперативного плана в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, 1967; его же. Ленинский кооперативный план и его осуществление в Туве. «Торжество ленинской национальной политики в Туве», Кызыл, 1970.

² Л. В. Гребнев. Переход тувинских аратов-кочевников на оседłość. Кызыл, 1955.

³ А. Г. Ковалев. Развитие промышленности, транспорта и строительства в Туве. Кызыл, 1961; его же. Создание и дальнейшее развитие экономики социализма в Туве. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1963; его же. Создание и развитие социалистической промышленности в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, 1967.

⁴ А. М. Чымба. Развитие промышленности и транспорта в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V, 1957; Н. Н. Ковалева. Тыва в семилетке, Кызыл, 1960; К. С. Кужугет. Минерально-сырьевые ресурсы Тувы и перспективы их промышленного использования. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, 1964; М. К. Мендуме. Народное хозяйство Советской Тувы и перспективы его дальнейшего развития. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, 1964; А. М. Арланмай, Н. Н. Ковалева. Тыва в новой пятилетке. УЗ ТНИИЯЛИ, вып.

В последние годы появились исследования, в которых рассматриваются вопросы об использовании трудовых ресурсов, количественном росте и источниках формирования рабочего класса, его составе по полу, возрасту, национальности, а также изменения в социальной структуре населения республики¹.

Отдельные статьи посвящены роли профсоюзов в организации социалистического соревнования, движения за 'коммунистический труд²'.

В исследованиях А. Г. Ковалева и Л. И. Тульчинского проанализировано развитие финансово-кредитной системы и бюджета, их роль в экономическом развитии ТНР. Л. И. Тульчинский освещает общие вопросы финансовой политики в Туве, раскрывает значение бюджета в становлении социалистических общественных отношений в ТНР и главным образом после вступления Тувы в состав СССР. Ряд статей характеризует текущие бюджеты Тувы³.

В становлении социалистического уклада народного хозяйства Тувы и в развитии ее экономики важное место принадлежит социалистическим формам торговли. Процесс вытеснения в период ТНР частно-капиталистической торговли, в т. ч. китайских торговых фирм, социалистической, а также

XII, 1967; Г. Н. Долгополов. Перспективы промышленного развития Тувинской АССР. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, 1967; его же. Промышленность Тувы за годы Советской власти. «В братской семье народов», Кызыл, 1970, А. М. Арлан май. Перспективы развития производительных сил Тувы. «В братской семье народов», Кызыл, 1970.

² Л. В. Гребнев. Формирование рабочего класса в Советской Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, 1967; его же. Изменение социальной структуры в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, 1968; его же. Ведущая роль рабочего класса в социалистическом преобразовании Тувы. «Торжество ленинской национальной политики в Туве». Кызыл, 1970; его же. Формирование национальных кадров рабочего класса в Советской Туве. «Социальная структура населения Сибири». Новосибирск, 1970; А. Н. Николаева. Трудовые ресурсы Тувинской АССР и их использование в народном хозяйстве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, 1968.

³ Н. С. Намай. Профсоюзы Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V, 1957; Т. Ч. Норбу. Профсоюзы Тувы в борьбе за семилетку. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, 1963; ее же. За победу коммунистического труда. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, 1967; Л. В. Гребнев. За победу коммунистического труда. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, 1961.

⁴ А. Г. Ковалев. Зарождение и развитие финансово-кредитной системы в Туве (1921—1944 гг.). Труды Кызыльского гос. пед. ин-та, вып. I, 1960; Л. И. Тульчинский. Бюджет и хозяйственно-культурное развитие Тувинской автономной области. «Финансы и кредит СССР», 1954, № 5; его же. К вопросу о зарождении и развитии финансово-кредитной системы в Туве (1921—1944 гг.). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, 1961; его же. Роль государственного бюджета СССР в социалистических преобразованиях и дальнейшем развитии экономики и культуры Советской Тувы. Автографат кандидатской диссертации, М., 1961; А. И. Капунов. Бюджет Советской Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, 1959; его же. Роль бюджета в росте благосостояния населения Тувинской АССР. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, 1963.

решающая роль торгующих организаций СССР в становлении тувинской государственной и кооперативной торговли раскрывается в ряде работ¹.

Во всех исследованиях, посвященных как периоду ТНР, так и Советской Туве, показывается на конкретном материале бескорыстная помощь Советского Союза тувинскому народу. Последовательное осуществление ленинской национальной политики в Туве, глубокие корни прочной дружбы между тувинским и другими советскими народами, коренные преобразования в хозяйстве и культуре, в быту тувинцев — все эти вопросы находят отражение в статьях С. К. Тока².

Важным участком историографии Тувы является история культурной революции; она охватывает широкий комплекс вопросов, из которых Н. А. Сердобовым монографически исследована история народного образования в ТНР и в первые годы Советской Тувы³. Важнейшие события культурной жизни Тувы находят свое отражение в статьях Х. А. Анчима и С. К. Тока, показывающих бурный расцвет национальной по форме, социалистической по содержанию культуры тувинского народа, закономерности происходившей в Туве культурной революции⁴.

Имеется положительный, хотя пока еще очень скромный опыт создания истории населенных пунктов. В середине 50-х годов была опубликована монография об одной из передовых сельхозартелей — колхозе «Путь к коммунизму» Дзун-Хемчикского района, раскрывающая на примере небольшого кол-

¹ А. Г. Ковалев. Создание социалистических форм торговли в Туве (1921—1944 гг.). Труды КГПИ, вып. II, 1961; П. Г. Башаров. Внешнеторговые отношения между ТНР и СССР. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, 1959; А. С. Сидоркин. Развитие потребительской кооперации в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, 1958.

² С. К. Тока. Народ, возрожденный Великим Октябрем. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V, 1957; его же. 15 лет Советской Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, 1959; его же. Великий Октябрь и социалистические преобразования в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, 1967; его же. Ленинской дорогой — к коммунизму. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, 1970; его же. Торжество ленинской национальной политики КПСС. «В братской семье народов», Кызыл, 1970.

³ Н. А. Сердобов. Народное образование в Туве. Краткий исторический очерк. Кызыл, 1953; его же. Народное образование в Туве за 25 лет. «25 лет Тувинской национально-освободительной революции», Кызыл, 1946; его же. Народное образование в Советской Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V, 1957.

⁴ С. К. Тока. Знаменательная дата в культурной революции (к 30-летию тувинской национальной письменности). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, 1960; его же. Расцвет культуры возрожденного народа. «Коммунист», 1970, № 5; Х. А. Анчима. 25-летие тувинского театра — важная веха в культурной жизни трудящихся области. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, 1961; ее же. Расцвет социалистической культуры тувинского народа. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, 1964; ее же. Культурное строительство в Советской Туве. «В братской семье народов», Кызыл, 1970.

лектива характерный для тувинских аратов путь от кочевого скотоводческого к коллективному многоотраслевому высоко-механизированному хозяйству, к оседлой зажиточной жизни¹. К 50-летию столицы Тувинской АССР г. Кызыла вышла в свет книга, в которой рассказывается об истории застройки города, его революционных традициях, создании промышленных предприятий, учебных заведений, очагов культуры, кадров рабочих и специалистов для народного хозяйства².

Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в конце 50-х — начале 60-х годов основное внимание уделял подготовке обобщающего труда по истории Тувы. Огромная исследовательская работа по воссозданию истории тувинского народа была завершена к 20-летию Советской Тувы — в 1964 г. вышла в свет двухтомная «История Тувы». Авторский коллектив, не ограничиваясь имеющимися научными публикациями, провел большую самостоятельную исследовательскую работу, ввел в научный оборот новые источники, документы, материалы. К 50-летию Советской власти «История Тувы» была переведена на тувинский язык³.

Опубликованные исследования и новые материалы по истории Тувы с древнейших времен до наших дней, по экономике и культуре позволили поставить новую научную проблему: изучение этнических процессов и консолидации тувинской нации. Такое исследование успешно осуществлено Н. А. Сердобовым, уже опубликованы фрагменты его монографии⁴. Эта же проблема рассматривалась в диссертации В. Л. Биче-оола⁵.

Таким образом, мы можем говорить об определенных успехах в изучении многих проблем послеоктябрьской истории Тувы. Широкий тематический охват стал возможным благодаря тому, что в ряды исследователей влился большой отряд

¹ В. В. Осипова (и др.). Колхоз «Путь к коммунизму». Кызыл, 1956.

² Кызыл — столица Советской Тувы (1914—1964 гг.). Авторы Н. А. Сердобов, В. Ч. Очур, С. Ч. Урояков, В. И. Ровнов, Кызыл, 1964; См. также: Л. В. Гребнев. Кызылу — 50 лет (1914—1964 гг.). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, 1964.

³ История Тувы, тт. I, II, М., 1964; Тыванык төөгүзү. тт. I, II, Кызыл, 1967.

⁴ Н. А. Сердобов. Тувинская социалистическая нация — детище Октября. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, 1967; его же. К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах и национальной консолидации тувинцев. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, 1969; его же. Современное расселение носителей тувинских этнонимов. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, 1970; его же. Осуществление ленинских идей в сфере языковой жизни тувинцев. «Торжество ленинской национальной политики в Туве», Кызыл, 1970.

⁵ В. Л. Биче-оол. Формирование тувинской и якутской социалистических наций в условиях некапиталистического пути развития. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1967; его же. К вопросу о предпосылках формирования тувинской и якутской социалистических наций. «Из истории национального строительства в СССР», М., 1967.

местной интеллигенции — преподавателей пединститута, партийных, советских, хозяйственных работников.

Перед историками Тувы стоят еще более ответственные и сложные задачи. Ряд из указанных выше проблем истории Тувы лишь начал разрабатываться. Освещение некоторых вопросов в названных выше работах носит подчас постановочный и иногда дискуссионный характер.

В настоящее время основные усилия сосредоточены на подготовке коллективного труда по истории Тувинской областной организации КПСС. Многие разделы авторам приходится разрабатывать впервые. Наиболее полно освещена история ТНРП, но и здесь ряд вопросов исследователями обойден. Большая работа предстоит в изучении разносторонней деятельности областной организации КПСС по руководству дальнейшим развитием сельского хозяйства, процессами индустриализации и формирования рабочего класса, осуществлением культурной революции, созданием национальной интеллигенции и т. д.

Нуждается в дальнейшем, теперь уже более углубленном изучении история Тувы периода народной революции и первого этапа переходного периода (1921—1931 гг.), особенно процессы, происходившие под влиянием Великого Октября в жизни тувинского общества, обусловившие успешное завершение антифеодальной революции — ликвидацию феодальных и утверждение социалистических экономических и общественных институтов. Требуют более обстоятельного рассмотрения длительные процессы ликвидации многоукладности экономики Тувы и коренных аграрных преобразований, особенно на втором этапе переходного периода, развития социалистического сельского хозяйства, а также история совхозов, опыт и последствия перехода аратов-кочевников к оседлому образу жизни в связи с огромными изменениями и достижениями за последние 10—15 лет.

Будут проведены исследования об участии трудящихся Тувы вместе со всем советским народом в завершении строительства социалистического общества и в строительстве коммунизма, в создании новой культуры и быта села, а также о роли женщин в социалистических преобразованиях Тувы.

Важной задачей является сбор материалов и создание очерков по истории предприятий и населенных пунктов, городов; эту работу можно проводить, лишь опираясь на широкий актив краеведов, журналистов.

Историки Тувы, руководствуясь указаниями нашей партии, наряду с расширением диапазона научной проблематики, важнейшей частью своей творческой работы считают повышение идеиного и научного уровня исторических исследований.

О. А. Толгар-оол

ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУВЕ

За последние годы в исследованиях историков Тувы усилилось внимание к разработке историко-партийной тематики — к изучению деятельности Тувинской народно-революционной партии и областной организации КПСС.

Еще в период ТНР были сделаны первые попытки исследовать историю ТНРП и ее роль в руководстве революционными преобразованиями в стране. Здесь следует отметить книгу С. А. Шойжелова (Нацова)¹, в которой уделено довольно большое внимание как историческому прошлому тувинского народа, так и его новейшей истории — национально-освободительному движению, деятельности ТНРП и Тувинского революционного союза молодежи (ТРСМ). С. Нацов ввел в научный оборот значительное количество материалов на монгольском языке, хранившихся в архивах хошунных комитетов и ЦК ТНРП. Недостатком указанной работы является то, что автору не удалось конкретно раскрыть борьбу партии с различными антипартийными уклонами и течениями.

С. К. Тока в статье², освещающей организационный период создания партии, анализирует исторические предпосыл-

¹ С. А. Шойжелов (Нацов). Тувинская Народная Республика. Материалы и документы по истории национально-революционного движения тувинских скотоводов. М., 1930.

² С. К. Тока. Зарождение Тувинской народно-революционной партии. «Под знаменем Ленина — Сталина», Кызыл, 1943, № 5.

ки ее возникновения. В докладе¹ С. К. Тока на VII пленуме ЦК ТНРП, состоявшемся в 1944 г., на основании изучения и обобщения опыта деятельности партийных организаций показывается исключительно важное значение правильной постановки партийно-организационной работы для укрепления рядов партии, повышения боеспособности всех ее звеньев, поднятия авангардной роли членов партии, мобилизации трудящихся на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства в республике.

Возникновение, становление и идеино-организационное укрепление ТНРП освещаются в наших статьях и монографиях².

В целом ряде работ³, где исследуются социально-политические процессы развития ТНР и Советской Тувы, находят отражение и вопросы истории партийной организации, освещаются мероприятия партии по закреплению завоеваний революции, развитию промышленности, сельского хозяйства и социалистической культуры тувинского народа. Авторы на большом фактическом материале показывают, как областная партийная организация руководит социалистическими преобразованиями в Советской Туве. Отрадно, что в изучении разносторонней деятельности партийной организации, в обобщении опыта претворения в жизнь ленинской национальной

¹ С. К. Тока. О партийно-организационной работе. «Под знаменем Ленина — Сталина», Кызыл, 1944, № 1—2.

² С. Ш. Мундриким, О. А. Толгар-оол. К сорокалетию образования ТНРП. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, Кызыл, 1962; О. А. Толгар-оол. Образование и идеино-организационное укрепление Тувинской народно-революционной партии (1921—1929 гг.). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, Кызыл, 1964; его же. Помощь Коминтерна и КПСС в создании и укреплении Тувинской народно-революционной партии. Сб. «Великий Октябрь и Восточная Сибирь», Иркутск, 1968; его же. Тувинская народно-революционная партия в борьбе за некапиталистический путь развития. Сб. «В братской семье народов», Абакан, 1968; его же. Во главе аратских масс. (Борьба ТНРП за укрепление народно-демократического строя в Туве). На тув. яз. Кызыл, 1969; его же. Ленинские принципы партийного строительства в деятельности ТНРП. Сб. «Торжество ленинской национальной политики в Туве», Кызыл, 1970.

³ История Тувы, т. II, М., 1964 (разделы, написанные В. Ч. Очуром, Х. М. Сейфулиным, С. К. Током); Х. М. Сейфулин. История Тувы. Краткий очерк. На тув. яз. Кызыл, 1956; В. М. Иезуитов. От Тувы феодальной к Туве социалистической, Кызыл, 1956; Л. В. Гребнев. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл, 1955; Ю. Л. Аранчая. Тыва в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. На тув. яз. Кызыл, 1955; Н. А. Сердобов. Народное образование в Туве. Краткий исторический очерк. Кызыл, 1953; Н. М. Конгар. Сельское хозяйство Тувы и перспективы его развития. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, Кызыл, 1967; Г. Н. Долгополов. Промышленность Тувы за годы Советской власти. Сб. «В братской семье народов». Кызыл, 1970; Х. А. Анчима. Расцвет социалистической культуры тувинского народа. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, Кызыл, 1964.

политики КПСС принимают активное участие, наряду с историками, и партийные работники.

Социалистические преобразования сельского хозяйства Советской Тувы, в частности вопросы партийного руководства колхозным строительством, переход тувинского сельского населения на оседлый образ жизни, получили широкое освещение в работах Б. П. Бажутина¹. Автор прослеживает процесс коллективизации в Туве, характеризует ее специфические особенности, анализирует формы и методы руководства областной партийной организации перестройкой тувинской деревни.

Одним из исторических достижений тувинского народа является создание социалистической промышленности. Помощь Коммунистической партии, самоотверженный труд трудящихся Советской Тувы и ведущая роль рабочего класса в этом важнейшем деле анализируется в статьях экономистов и историков. Однако до сих пор еще не созданы такие работы, где обстоятельно и глубоко бы была показана деятельность партийных организаций по мобилизации работников промышленности на выполнение производственных планов, по руководству социалистическим соревнованием, борьба за внедрение в промышленность достижений науки и техники, за научно-технический прогресс, эффективность общественного производства и т. д.

Важной задачей историков Тувы является также создание обобщающих трудов по освещению партийного руководства различными отраслями культурного строительства, так как многие вопросы деятельности партийной организации в этой области остаются еще не исследованными. При этом необходимо указать, что некоторые работы отличаются недостаточной полнотой в раскрытии изучаемых тем. В качестве примера можно сослаться на брошюру Г. С. Сабирзянова «Партийное руководство народным образованием в Советской Туве (1944—1967 гг.)»². Автор основное внимание сосредоточил на решениях обкома КПСС по вопросам школы без раскрытия идеино-организаторской деятельности городского и районных комитетов КПСС и школьных партийных организаций. В работе не отражена и роль областной комсомольской организации в жизни школ. Статья С. С. Сонама о формировании

¹ Б. П. Бажутин. Руководство ТНРП колхозным строительством в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, Кызыл, 1964; его же. Тувинская областная партийная организация в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. Кызыл, 1964; его же. Победа ленинского кооперативного плана в Туве. Сб. «Великий Октябрь и Восточная Сибирь». Иркутск, 1968.

² Г. С. Сабирзянов. Партийное руководство народным образованием в Советской Туве (1944—1967 гг.). Кызыл, 1967.

тувинской интеллигенции¹ пока что является первой попыткой в изучении многогранной деятельности партии по созданию национальных кадров в Туве, попыткой по научному обобщению опыта работы местной партийной организации. Брошюра К. Х. Халзанова² о формировании кадров национальной интеллигенции в автономных республиках Сибири также не исчерпывает данный вопрос. Приводимый автором материал далеко не полностью раскрывает сложный процесс формирования национальной интеллигенции, в частности в Туве, и не воссоздает его цельной картины.

В исследованиях местных авторов значительное внимание уделено вопросам партийного руководства молодежным движением в Туве³. На основании изучения исторических документов и обширной литературы показывается направляющая роль ТНРП, а в советское время — областной организации КПСС в создании ревсомольской и комсомольской организаций, активное участие молодежи в строительстве новой Тувы. В числе работ о молодежном движении в Туве следует отметить кандидатскую диссертацию Л. Ф. Антипина, где наиболее всесторонне и глубоко освещена роль партийного руководства.

В свое время наше книжное издательство сделало полезное дело, выпустив брошюру партийных работников А. А. Зайцевой и А. И. Пахомовой об опыте привлечения коммунистов к работе партийных органов на общественных началах⁴. Авторы анализировали выполнение Тувинской партийной организацией решений партии о развитии общественного начала в партийной работе, обобщили накопленный опыт деятельности нештатных отделов, комиссий, инструкторов и пропагандистов в партийных организациях республики, поделились своими

¹ С. С. Сонам. Формирование кадров тувинской интеллигенции. Сб. «Слава Октябрю». На тув. яз. Кызыл, 1967.

² К. Х. Халзанов. Формирование кадров национальной интеллигенции в автономных республиках Сибири. М., 1965.

³ А. Г. Ковалев. Из истории Тувинского революционного союза молодежи. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII. Кызыл, 1959; Л. Ф. Антипин. Великая Октябрьская социалистическая революция и возникновение молодежного движения в Туве. Сб. «Великий Октябрь и Восточная Сибирь», Иркутск, 1968; его же. К вопросу о роли областной организации ВЛКСМ в формировании рабочего класса в Туве (1945—1955 гг.). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, Кызыл, 1968; его же. Комсомол — активный помощник партийной организации в борьбе за социалистическое преобразование Тувы (1925—1965 гг.). Рукопись кандидатской диссертации. Иркутск, 1970; его же. Образование Тувинской областной комсомольской организации. «Сборник научно-методических статей в помощь учителю. Гуманитарные науки». Кызыл, 1968; Г. Ч. Ширшин. Всегда на передовой позиции. «Молодость в пути». На тув. яз. Кызыл, 1969; его же. Создание тувинского революционного Союза молодежи. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, 1970.

⁴ А. А. Зайцева и А. И. Пахомова. Общественное начало в партийной работе. На тув. яз. Кызыл, 1965.

мыслями по расширению участия коммунистов в партийной работе на общественных началах. Но в дальнейшем, к сожалению, подобные книги не появлялись.

Изучению истории начального периода деятельности Тувинской областной партийной организации посвятил свою статью Б. П. Бажутин¹. Основываясь на большом документальном материале, автор анализирует руководящую роль ТНРП в проведении в Тувинской Народной Республике крупных социально-политических и хозяйственных преобразований. В статье подробно показано руководство ЦК ВКП(б) созданием областной партийной организации, прослеживается процесс формирования партийных и комсомольских организаций, ход приема членов ТНРП и ТРСМ в ряды Коммунистической партии и Ленинского комсомола.

С. Ш. Мындрима опубликовал ряд документов², характеризующих мероприятие ЦК и обкома ВКП(б) по формированию партийной организации в Туве и в значительной мере обогащающих документальную базу историко-партийных исследований. Интересные архивные материалы были им опубликованы также в связи с 40-летием молодежной организации в Туве³. В этих материалах мы видим заботу ТНРП о создании и укреплении Тувинского ревкома и помочь, оказанную со стороны Коммунистического Интернационала молодежи.

Публикация документальных материалов имеет неоценимое значение в освещении различных сторон многогранной деятельности партийной организации и обогащает источниковедческую базу для углубленных исследований. К сожалению, в этом отношении у нас работа ведется пока еще крайне недостаточно. В партийном и государственном архивах слабо осуществляется перевод имеющихся материалов и документов с монгольского на русский и тувинский языки. В результате этого некоторые важные источники остаются вне поля зрения исследователей, своевременно не вводятся в научный оборот.

Кроме того, в истории партийной организации Тувы есть отдельные вопросы, которые еще не получили всестороннего научного анализа и обобщения. К таким малоисследованным проблемам можно отнести идеологическую деятельность областной партийной организации, подготовку и воспитание кадров, партийное руководство промышленностью, Хуралами трудящихся, Советами, профсоюзное движение и др.

¹ Б. П. Бажутин. К истории образования Тувинской областной организации КПСС. Труды Кызыльского педагогического института, вып. III, Кызыл, 1963.

² С. Ш. Мындрима. Образование Тувинской областной партийной организации. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, Кызыл, 1964.

³ С. Ш. Мындрима. Шаги ТРСМ. «Молодость в пути». На тув. яз., Кызыл, 1965.

Указанные пробелы в определенной мере уже восполняются, так как все большее число авторов включается в исследование историко-партийной проблематики, по некоторым вопросам пишутся монографические работы.

Проведенные научные исследования дали возможность приступить к написанию коллективного труда по истории местной партийной организации. 14 сентября 1964 г. бюро Тувинского обкома КПСС приняло постановление о создании «Очерка истории Тувинской партийной организации». По плану-проспекту в первой части указанной книги намечено уделить большое внимание раскрытию особенностей и опыта ТНРП в условиях народно-демократического строя. В «Очерке» основное место будет занимать история и анализ многосторонней деятельности Тувинской областной партийной организации — боевого отряда ленинской Коммунистической партии Советского Союза.

В настоящее время авторский коллектив завершает подготовку «Очерка истории Тувинской партийной организации». Обсуждение написанных разделов показало, что авторы много и плодотворно поработали, чтобы создать труд, в котором на высоком научно-теоретическом уровне будет проанализирован и обобщен опыт деятельности областной партийной организации. Работа над созданием «Очерка истории Тувинской партийной организации» показывает важность координации и кооперирования наших теоретических сил, необходимость сосредоточения творческих возможностей научных работников ТНИИЯЛИ, пединститута, Дома политического просвещения и других учреждений для написания крупных монографий. Результативность работы авторских коллективов подтверждается также опытом издания двухтомной «Истории Тувы», коллективных сборников «Слава Октябрю», «Торжество ленинской национальной политики в Туве», «В братской семье народов» и др.

В. И. Ленин указывал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории¹. Такой принцип конкретно-исторического подхода к изучению событий и явлений общественной жизни дает возможность делать научно правильные выводы из анализа и обобщения практики, правильно показывать специфические особенности происходивших социальных процессов.

Некритическое отношение к используемым источникам и несоблюдение конкретно-исторического подхода к изучаемым

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 49, стр. 329.

явлениям, естественно, приводит к ошибочным выводам, к неточной интерпретации существа важных событий.

У нас еще есть проблемы, которые следовало бы углубленно изучить и подвергнуть коллективному обсуждению на основе ленинского принципа партийности и историзма. К числу таких проблем следует отнести вопрос о так называемом «новом политico-хозяйственном курсе», или «политике нового курса». В документах партии 30-х годов мы не находим самого выражения «новый курс». Решения II Чрезвычайного объединенного пленума ЦК и ЦКК ТНРП и III Чрезвычайной сессии Малого Хурала ТНР, принятые в конце 1933 г. по вопросам экономической политики ТНР, резко критируются В. М. Иезуитовым¹ и В. В. Осиповой² как поворот ТНР на рельсы свободных рыночных отношений, широкого стимулирования частно-хозяйственной инициативы в ущерб общественным и кооперативным объединениям трудовых аратских масс, как курс, направленный против коллективизации, объективно ведущий к капитализму. К сожалению, во II томе «Истории Тувы» этот вопрос не получил достаточно полного освещения. Х. М. Сейфуллин в своей новой работе³ правильно указывает, что «политика нового курса» была необходимым социально-экономическим мероприятием.

На II областной партийной конференции, состоявшейся в марте 1948 г., остро критиковались недостатки в руководстве развитием сельского хозяйства. В ряде выступлений делегатов на конференции и в некоторых статьях на страницах газет была допущена недооценка роли областной партийной организации в руководстве колхозным строительством, делались неправильные обобщения отдельных недостатков. Это и послужило основанием для неправильных заключений В. В. Осиповой о стихийности в развитии колхозного движения, об отсутствии руководства со стороны обкома КПСС⁴. В. В. Осипова, исходя из этих неправильных выступлений отдельных работников, утверждала, что до II областной партийной конференции «руководство колхозным движением со стороны партийных и советских органов области было пущено на самотек, вплоть до 1948 г. задача кооперирования крестьян не была выдвинута в качестве первоочередной». Этот вывод, позднее пересмотренный ею в разделах «Истории Тувы»,

¹ В. М. Иезуитов. От Тузы феодальной к Тузе социалистической. Кызыл, 1956.

² В. В. Осипова. История социалистического преобразования сельского хозяйства Тувы. Автореферат кандидатской диссертации. Кызыл — Новосибирск, 1963.

³ Х. М. Сейфуллин. ТНР — важный этап в истории тувинского народа. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XII, Кызыл, 1968.

⁴ В. В. Осипова. Указ. соч.

не отражал подлинного положения вещей, так как именно областная партийная организация была организатором колхозного строительства в Туве. Отдельные ошибки и недостатки своевременно устраивались под руководством ЦК партии как до II областной партийной конференции, так и после нее.

Рассмотрим также вопрос о некапиталистическом пути развития Тувы. Под могучим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в 1921 г. в Туве совершилась Тувинская народная революция, в результате которой установился народно-демократический строй, образовалась Тувинская Народная Республика. ТНР с самого начала своего возникновения развивалась по некапиталистическому пути к социализму. Генеральной линией ТНРП, главной перспективой народно-революционной Тувы был социализм. Это подтверждено практикой. Но тем не менее некоторые авторы допускают неточные, противоречивые формулировки, которые могут ввести читателя в заблуждение. Х. М. Сейфулин в предисловии своей книги правильно указывает, что «в период существования Тувинской Народной Республики (1921—1944 гг.) тувинский народ боролся за развитие страны по некапиталистическому пути к социализму»¹. А в другом месте он пишет: «Тувинская Народная Республика после 1930 года развивалась по некапиталистическому пути к социализму»². Слов нет, что после 1930 г. некапиталистическое развитие было более фронтальным, последовательным, но это не означает, что до 1930 г. Тува не развивалась по некапиталистическому пути. Решения VIII съезда ТНРП и ликвидация феодалов как класса явились именно результатом работы партии предыдущих лет. Аналогичную ошибку допускает и К. Х. Халзанов. Он в вышеупомянутой книге пишет: «Тувинская Народная Республика при постоянной поддержке и помощи Советского Союза под руководством своей народно-революционной партии с 1929 г. (VIII съезд ТНРП) пошла по некапиталистическому пути к социализму»³.

Вышеприведенные примеры говорят о необходимости делать объективные, научно обоснованные выводы при изучении истории Тувинской партийной организации, на более широком материале анализировать и обобщать явления общественной жизни, в своей исследовательской работе руководствоваться не случайными отрывочными сведениями, а достоверными источниками, основываясь на совокупности фактов и всесторонней оценке конкретной обстановки.

¹ Х. М. Сейфулин. Образование Тувинской автономной области РСФСР. Кызыл, 1954, стр. 3.

² Там же, стр. 105.

³ К. Х. Халзанов. Указ. соч., стр. 37.

Теоретическая деятельность КПСС учит нас тому, как, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, надо решать вопросы научного изучения и обобщения опыта практики коммунистического строительства в нашей стране. Известные постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»¹, «О задачах, структуре и штатах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС»² и Тезисы ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина³ определили главные направления развития общественных, и в частности исторических, наук в нашей стране и конкретные задачи научных исследований. В свете этих основополагающих документов историкам Тувы предстоит расширить тематику историко-партийных исследований, создавать новые труды на высоком идеально-теоретическом уровне.

---

¹ «Вопросы истории», 1967, № 9.

² «Вопросы истории КПСС», 1968, № 8.

³ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970.

Б. Н. Лиханов

О ВАЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТУВЕ

В наше время, когда воздействие человека на природу возрастает усиливающимися темпами, перед географической наукой встали новые, более ответственные задачи. Сейчас трудно найти природный комплекс, который в той или иной степени не был бы изменен человеком, не находился бы во взаимодействии с многочисленными инженерно-техническими сооружениями. Это особенно ярко можно проиллюстрировать на примере Тувы и соседних территорий. За последние годы почти полностью изменился облик степей и лесостепей котловин Тувы, в значительной степени претерпели изменение и структура лесов в западных и южных районах республики, животный мир, гидрогеологические и микроклиматические условия отдельных районов, газовый и солевой состав вод и т. п. Причем эти изменения настолько велики, что вызывают соответствующие перемены во всем природном комплексе. Следует также иметь в виду, во-первых, положение Тувы на границе сибирских и центральноазиатских ландшафтов и особенности горного рельефа, что определяет резкую контрастность и высокую динамичность природных комплексов, и, во-вторых, влияние многих компонентов природы Тувы на близлежащие территории и размещенные в их пределах инженерно-технические сооружения (например, Красноярская и Саяно-Шушенская ГЭС). Все это делает проблему географического изучения Тувы наиболее актуальной в научном и практическом отношении.

Для современной географии характерно конструктивное направление, которое требует рассмотрения природного комплекса и инженерно-технических сооружений как взаимодействующего целого. При таком подходе основное внимание должно быть сосредоточено на изучении истории формирования природных комплексов, их размещения (районирования) и условий хозяйственного освоения.

В исследовании природных условий Тувы за прошедшие десятилетия были достигнуты определенные результаты, но в свете новых задач, выдвигаемых конструктивной географией (наукой о взаимодействии природы и общества) и требующих для своего решения комплексного подхода, они уже недостаточны.

Среди этих задач нужно упомянуть, например, организацию территорий для целей туризма и отдыха¹. О масштабности этой проблемы говорит проект создания в Тодже Национального парка на площади 1,5 млн. га. Тоджинская котловина представляет собой исключительно ценный природный комплекс. Именно здесь формируется большая часть стока водохранилища крупнейшей в мире Саяно-Шушенской ГЭС и сосредоточены основные лесные ресурсы республики, важнейшие месторождения полезных ископаемых и минеральных источников. Установление оптимального соотношения между размерами и видами хозяйственного освоения Тоджи и нормальным естественным функционированием природных комплексов всего бассейна Верхнего Енисея предполагает предварительные, углубленные исследования. Как известно, предыдущий этап географического изучения Тувы преимущественно сводился к инвентаризации наших сведений о природных условиях и естественных ресурсах Тувы. Был собран разнообразный фактический материал по целому ряду природных компонентов и естественных ресурсов, проведено обобщение этих фактов, т. е. был составлен первый свод знаний о природе Тувы. На последующем этапе исследований должен быть осуществлен всесторонний и глубокий анализ причинности широкого круга явлений, их взаимосвязей и влияния на формирование природного комплекса. В этих целях необходимо расширить сеть метеостанций и гидропостов, особенно в горно-таежных районах, создать ряд комплексных стационаров (пунктов наблюдения за развитием природных ландшафтов) в различных природных зонах республики. На первых порах желательно организовать три стационара: в степном, горно-таежном и альпийском ландшафтах. Такие стационары, помимо решения специальных задач по комплекс-

¹ См. Б. Н. Лиханов. Проблемы конструктивной географии Тувы. УЗ ТНИИАЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970, стр. 157—162.

ному исследованию территории, будут способствовать изучению определенных компонентов.

Большую роль в географическом изучении природы Тувы должна сыграть координация усилий местных специалистов, организаций и Института географии Сибири и Дальнего Востока, а также многочисленных сезонных академических и ведомственно-прикладных экспедиций.

Дальнейшее исследование природы республики ставит со всей остротой вопрос о квалифицированных кадрах, прежде всего из числа коренного населения. Видимо, следует больше направлять абитуриентов в природоведческие вузы, шире использовать возможности подготовки научных работников через аспирантуру.

Выше отмечалось, что Тува и юг Красноярского края составляют в географическом отношении единую и весьма сложную систему. Интересы сохранения естественного функционирования этого природного региона диктуют необходимость его целостного комплексного изучения. Эта задача большой народнохозяйственной, государственной значимости может быть успешно решена лишь объединенными усилиями многочисленных и разносторонних по профилю научных учреждений. Речь идет о целесообразности организации Верхне-Енисейской комплексной экономико-географической экспедиции по научному прогнозированию развития и размещения производительных сил Тувы и южных районов Красноярского края.

Таковы, на наш взгляд, некоторые направления географических исследований, решение которых должно способствовать более рациональному освоению и воспроизводству природных богатств Тувинской республики.

К. О. Шактаржик

ИЗУЧЕННОСТЬ И СТЕПЕНЬ ОСВОЕНОСТИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ТУВИНСКОЙ АССР

Планомерные научные исследования и вовлечение в хозяйственный оборот природных богатств Тувы начались после 1944 г. В изучении и освоении природных ресурсов Тувы принимали участие экспедиция ВАСХНИЛ, институты и филиалы АН СССР: Западно-сибирский филиал, Институт географии, Институт географии Сибири и Дальнего Востока, Почвенный институт им. В. В. Докучаева, Институт леса и древесины, Ботанический институт, ряд геологических институтов (ВИМС, ВАГТ, ВСЕГЕИ, П ГГУ, Красноярское геологическое управление и др.), Медико-биологический институт, Тувинская комплексная экспедиция СОПС и другие научно-исследовательские учреждения.

Вопросы изучения и вовлечения в хозяйственный оборот природных богатств разрабатывались также Тувинским НИИЯЛИ, который опубликовал большое количество трудов, посвященных исследованию природных условий и естественных ресурсов республики¹. В фондах института сосредоточены

¹ П. А. Шахунова, Б. Н. Лиханов. К вопросу изучения Тувы русскими исследователями. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1954; П. А. Шахунова, Б. Н. Лиханов. Советская Тува (природа, население, хозяйство). Кызыл, 1955; Б. Н. Лиханов. Межгорные котловины Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958; С. В. Обручев. Минеральные источники Северо-Восточной Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, Кызыл, 1959; Тувинское региональное совещание по развитию производительных сил Тувинской автономной республики. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII; А. О. Блюменфельд. Курортные богатства Тувы. Кызыл, 1959; Н. Н. Галахов. Сезонные закономерности климатического режима в Тувинской котловине. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, Кызыл, 1961; В. Ф. Полкунов. Минерально-сырьевые ресурсы Тувы и перспективы их промышленного освоения. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, Кызыл, 1964; К. С. Кужугет. Тува — вторая асбестовая база СССР. Там же; П. А. Шахунова, Б. Н. Лиханов. Совет Тыва. На тув. яз., Кызыл, 1966.

материалы ряда организаций и экспедиций, характеризующие флору и фауну, климатические условия, почвенно-растительный покров Тувы.

Значительные работы были выполнены бывшими сотрудниками сектора экономики — Г. М. Тапханаковым, В. В. Осиновой, И. Т. Кызыл-оолом, В. П. Солдатовым, а также работниками местных организаций — А. А. Козленко, И. Е. Томилиным, В. А. Соколовым, Т. И. Воронковым и другими¹.

К настоящему времени в большой степени изучены природные богатства Тувы, ее неисчерпаемые, возобновимые и невозобновимые ресурсы², из них лучше всего — последние. В частности, детально выяснены условия концентрации ископаемых в недрах, разведан и открыт ряд месторождений, подсчитаны и утверждены запасы минерального сырья по многим из них³.

По геологической изученности территории Тувинской АССР не уступает соседним областям и краям Восточной Сибири. Здесь выявлено более 1000 месторождений и рудопроявлений различных полезных ископаемых; из них разведаны и утверждены заласы месторождений каменного угля, железных руд, флюорита, цинка, свинца, серы, меди, стройматериалов (кирпичных глин, строительных и силикатных песков, известняков, гипса и др.). Некоторые из них стоят в одном ряду

¹ В. В. Осинова (и др.) Колхоз «Путь к коммунизму». Кызыл, 1955; И. Т. Кызыл-оол. Развитие овцеводства в Туве. Кызыл, 1964; В. П. Солдатов. Размещение и специализация сельского хозяйства Тувинской АССР. Кызыл, 1967.

² По мнению большинства исследователей, к невозобновимым ресурсам относятся все полезные ископаемые (за исключением солей, образующихся в озерах и морских лагунах), запасы которых постепенно истощаются в процессе эксплуатации. Возобновимые ресурсы — плодородные почвы, растительность и полезная фауна, которые непрерывно восстанавливаются при освоении. Неисчерпаемые, богатства — водные и климатические ресурсы — практически неисчерпаемы, но при небрежном использовании они загрязняются, ухудшаются их качества и истощаются запасы, особенно в районах с сильной концентрацией промышленности и высокой плотностью населения.

³ Н. Д. Соболев. Месторождения хризотил-асбеста Саянской перidotитово-серпентиновой полосы. Труды НИИ геологии и минералогии, вып. 4, М., 1934; Д. А. Васильев. Геология и полезные ископаемые Тувинской депрессии. УЗ Томск. гос. ун-та, № 3, 1947; В. А. Кузнецов, Г. В. Пинус. Интрузивные комплексы Тувы и основные закономерности в их проявлении. ДАН СССР, т. 65, № 1, 1949; А. И. Левенко. Основные черты геологической истории Тувы. ДАН СССР, т. 75, № 2, 1950; А. Л. Лосев. Угольное месторождение Тувинской автономной области. «Советская геология», 1955, № 46; А. Е. Первухина, Н. Я. Дробинина. Карбонатные породы Тувинской автономной области. Труды ТКЭ СОПС, вып. I, М., 1955; Л. Н. Леонтьев. Краткий геологический очерк Тувы. Труды ТКЭ СОПС, вып. 4, М., 1956; П. А. Шахунов. Природные ресурсы Тувинской автономной области и перспективы их освоения. М., 1958.

с крупнейшими месторождениями аналогичных полезных ископаемых СССР.

Ныне эксплуатируются Чаданский и Каа-Хемский каменный уголь, Ак-Довуракский асбест, Дус-Дагская поваренная соль, Хову-Аксынские цветные металлы, Терлиг-Хайнская ртуть, ряд месторождений золота, строительные материалы (глины, пески, строительный камень, известняки, песчаногравийные смеси и др.).

Некоторые минерально-сырьевые ресурсы характеризуются большими потенциальными запасами, высоким содержанием полезных компонентов, комплексностью месторождений многих ископаемых, в том числе и весьма дефицитных, их удачным пространственным сочетанием, а также благоприятными природными и экономическими условиями для их освоения. Однако не все месторождения обладают такими условиями. Так, на северо- и юго-востоке Тувы обнаружены ценные и дефицитные виды сырья, которые в настоящее время не эксплуатируются из-за труднодоступности, незаселенности и отсутствия надежных путей сообщения.

Большая работа была проведена по изучению и освоению возобновимых ресурсов. Завершена почвенная съемка, причем в первую очередь обследовались и картографировались черноземы, темно-каштановые и лугово-черноземные почвы в основных районах земледелия¹.

Подсчитано, что черноземы занимают 151 тыс. га (0,9% площади Тувы), разновидности каштановых почв — 900 тыс. га (5,4%), а площадь других типов земель, подлежащих освоению под пашню — 400 тыс. га (2,3%).

Из общей площади республики — 17 050 тыс. га — 82% приходится на горные и 18% — на равнинные почвы. Причем лишь 1400 тыс. га (или 8% равнинных почв) пахотнопригодны для богарного и поливного земледелия, из них используется 36%. Из равнинных почв около 400 тыс. га пригодно для богарного земледелия, а более 1000 тыс. га могут быть освоены под орошающее земледелие. В настоящее время площадь пашни составляет около 470 тыс. га (или около 34% пахотнопригодных земель), а под посевами находится более 358 тыс. га (25%).

¹ Б. Ф. Петров. Почвы Алтайско-Саянской области. Труды Почв.-ин-та АН СССР, т. XXXV, М., 1952; М. В. Кириллов. Почва Тувинской автономной области. Труды Томск. гос. ун-та, т. 130, 1954; его же. Краткий очерк почв Тувинской автономной области. УЗ Красноярского пед. ин-та, т. 2, Красноярск, 1953; С. В. Юрлова. Некоторые особенности почвообразования в тувинских котловинах. «Почвоведение», 1959, № 7; В. А. Носин. Почвенный покров. Труды ТКЭ СОИС, вып. 3, М., 1957; В. А. Носин. Почвы Тувы, М., 1963.

Земельные ресурсы под посевы наиболее интенсивно используются в Кая-Хемском, Пий-Хемском, Тандинском, Улуг-Хемском и в западных районах. Однако в настоящее время в упомянутых районах практически нет земель, пригодных для земледелия без предварительных мелиоративных мероприятий. В Тодже и затаннуольских районах площадь пахотнопригодных земель весьма ограничена, и земледелие здесь носит очаговый характер.

Необходимо отметить, что в результате бессистемной распашки больших площадей с песчаными почвами значительно усилилась ветровая эрозия, которой подвержено сейчас около 40% пашни. Часть земель вообще вышла из сельскохозяйственного оборота и непригодна ни для распашки, ни под пастбища. Это произошло вследствие нарушения естественного равновесия в природе, неучета характера осадков, направления и сезонности преобладающих ветров, особенностей почвенного покрова (например, механического состава) и других природных факторов.

Значительная работа выполнена по исследованию растительного покрова, в частности пастбищ, занимающих почти четверть (более 4 млн. га) площади Тувы. В настоящее время изучены пастбища степных котловин, низко- и среднегорных районов, установлена урожайность основных типов кормовых угодий и сезонность их стравливания¹. Лучше всего обследованы кормовые угодья центральных, южных и западных районов в предгорьях Тайну-Ола и Западного Саяна, в долинах рек Улуг-Хем, Хемчик и их притоков. Наименее изучены пастбища и сенокосы Восточной и Юго-Восточной Тувы, в частности Тоджинской и Тере-Хольской котловин и обрамляющих их хребтов. Это объясняется тем, что основное внимание уделялось изучению важнейших кормовых угодий, на которых было сосредоточено большое количество скота. Пастбища востока и юго-востока обследовались слабо из-за их значительной удаленности, преобладания горного рельефа и высокой лесистости территории.

¹ Б. Г. Варварин. Пастбища и сенокосы Тувинской автономной области. Труды Тувинской сельскохозяйственной опытной станции, вып. II, Кызыл, 1950; К. А. Соболевская. Растительность Тувы. Новосибирск, 1950; ее же. Конспект флоры Тувы. Новосибирск, 1953; А. И. Шретер. Состав и анализ флоры Центральной Тувы. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954; А. В. Калинин. Растительный покров и естественные кормовые ресурсы. Труды ТКЭ СОПС, вып. 3, М., 1957; А. И. Шретер. Карта растительности Тувинской области. Там же; А. А. Лысенков. Пастбища Тувы и их использование. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958.

В настоящее время, по опытным данным А. А. Лысенкова¹, определены урожайность различных типов пастбищ, запасы кормов, коэффициент использования, скотоемкость, сезонность с травливания и процент содержания зеленой массы в травостое зимой. Установлено, что урожайность сухостепных пастбищ составляет 3—5 ц/га, высокотравных степей — 4—10; урожайность различных вариантов луговых пастбищ колеблется в пределах от 3—4 до 25—30 ц/га. Запасы корма распределяются таким образом (в %): по сухостепным пастбищам весной — 60, летом — 80, осенью — 100, зимой — 80; по высокотравным степям соответственно — 42, 80, 100 и 60; по различным типам луговых — 14—18, 86, 100, 56.

Сухостепные пастбища используются в среднем на 54, высокотравные степные — на 44, луговые заболоченные горнодолинные и остеиненные — соответственно на 55—60%.

Скотоемкость одного гектара площади по сухостепным пастбищам колеблется в пределах 20—30 голово-дней для крупного рогатого скота, 80—120 — для овец, 15—25 — для лошадей; по высокотравным степным соответственно — 25—60, 100—300; 20—50; по различным вариантам луговых — 25—100, от 25—100 до 500, 20—110.

Однако урожайность пастбищ и сенокосов, их скотоемкость и сезонность использования, запасы кормов в разрезе районов еще не установлены. Поэтому в ближайшее время необходимо определить эти показатели по районам, чтобы более планомерно и рационально использовать естественные кормовые угодья республики. В настоящее время наиболее интенсивно используются весенние и осенние пастбища в предгорьях и вблизи населенных пунктов, долинные луга, где скот обычно содержится весной до перегона на летние высокогорные пастбища и осенью перед зимовкой. В результате эти пастбища сильно перегружены, многие растения теряют кормовые качества или выпадают из травостоя и заменяются малосъедобными, а нередко и ядовитыми видами. Между тем богатые по видовому составу, ценные по кормовым качествам пастбища лесной и горностепной зон с травливаются недостаточно. На многие высокогорные летние пастбища, недавно хорошо используемые, сейчас скот не перегоняется из-за отсутствия дорог. Особенно плохо эксплуатируются высокогорные пастбища южных склонов хребта академика Обручева, отрогов Восточного Саяна и части хребтов Западной Тувы. Леса занимают около 50% территории республики, причем

¹ А. А. Лысенков. Пастбища Тувы. Труды Тувинской государственной сельскохозяйственной опытной станции, вып. IV, Кызыл, 1969, стр. 98—99.

преобладают хвойные породы. Общие запасы древесины составляют более 1 млрд. куб. м, из них 86% приходится на спелые и перестойные насаждения.

В настоящее время закончено аэровизуальное обследование лесов и лесоустройство, определены запасы древесины во всех категориях насаждений и подсчитаны общие площади необлесенных участков в пределах лесопокрытой территории. Продолжаются исследования лесов по выяснению пожароопасности, определению зон, подверженных лесным вредителям, в частности сибирскому шелкопряду. В изучение лесных ресурсов Тувы существенный вклад внесли научные сотрудники московских, ленинградских и сибирских научно-исследовательских и проектных институтов¹, а также местные работники.

В целом по республике используется примерно 11—12% расчетной лесосеки, причем около 30% лесозаготовок приходится на Улуг-Хемский леспромхоз, лесосырьевые участки которого находятся в Тоджинском и Пий-Хемском районах. Ежегодный прирост древесины в Туве составляет более 8 млн. куб. м, что позволяет без ущерба для лесовозобновления заготовлять до 3—4 млн. куб. м. Однако лесозаготовки распределены неравномерно: примерно 33—46% их приходится на западные и центральные районы с ограниченными запасами деловой и дровяной древесины. Переруб расчетной лесосеки в указанных районах может привести к увеличению площади необлесенных земель, уменьшению количества осадков и, следовательно, к нарушению поверхностного стока, истощению запасов подземных вод, быстрому заилиению водохранилищ Енисейского каскада и, наконец, превращению степных котловин в бесплодную пустыню. Для предотвращения нежелательных последствий неправильного использования лесных ресурсов в малолесных районах и более равномерного распределения лесозаготовок целесообразно изучить и обследовать запасы древесины в Восточной Туве, чтобы в скором будущем заготовки леса сосредоточить в основном в многолесных районах.

В результате изучения животного мира установлено, что

¹ Л. А. Марциковский. Состояние хозяйства в Балгазикском бору Тувинской автономной области. Труды по лесному хоз-ву, вып. 2, М., 1955; Е. П. Верховцев. Лесомелиоративные мероприятия в Тувинской автономной области. Труды Сиб. лесотехн. ин-та, сб. XI, Красноярск, 1955; В. Н. Смагин (и др.). К характеристике лесов и лесного хозяйства Тувы. Труды ТКЭ СОПС, вып. 3, М., 1957.

в Туве обитает 72 вида млекопитающих, 232 вида птиц, 18 видов рыб, 9 видов рептилий и амфибий¹.

Важнейшие промысловые животные — белка, соболь, колонок, горностай, марал, косуля, заяц. Ежегодная добыча соболя колеблется от 5 до 9 тысяч, а белки — от 100 до 700—800 тыс. штук, при этом стоимость шкурок соболя и белки составляет около 90% стоимости всей пушнины в республике. По заготовкам белки и соболя Тува занимает одно из первых мест в Восточной Сибири, причем более 70% стоимости пушнины приходится на охотничий промысел и менее 30% — на клеточное звероводство. Основные промысловые районы — Тоджинский и Кая-Хемский — дают свыше 80% заготовок соболя и 35% добычи белки.

Кроме того, за последние 10—15 лет в Туве успешно акклиматизированы ондатра и баргузинский соболь, которые уже достигли промысловой плотности. Например, заготовки ондатры в 1962—1963 гг. составили 2,4 тыс., в 1966 — более 15 тыс. штук.

Вследствие незавершенности устройства охотничьих угодий в отдаленных и высокогорных районах ресурсы промысловых животных освоены крайне слабо и наблюдается их недопромысел. Например, на востоке они используются лишь на 40—50%. Наоборот, на близких к населенным пунктам участках происходит перепромысел, резко уменьшается поголовье ценных пушных зверей и боровой дичи.

Несмотря на значительный объем выполненных работ по изучению и освоению естественных богатств, природные ресурсы Тувы используются еще недостаточно. Вовлечение их в хозяйственный оборот связано с решением ряда проблем. В первую очередь к ним относятся комплексное освоение эксплуатируемых месторождений минерального сырья, полное извлечение полезных компонентов месторождений цветных металлов, использование низких сортов асбеста и т. д. В I и II перспективные периоды целесообразно закончить подсчет, утверждение запасов и составление проектной документации на освоение перспективных месторождений минерального сырья на северо- и юго-востоке, на хребте академика Обручева, решить вопрос о возможности вывоза коксующихся углей на металлургические заводы Юга Восточной Сибири, ибо от этого зависит реальность строительства железной дороги в Туву.

¹ Исследованием животного мира занимались: И. Н. Глотов. Грызуны Тувинской автономной области. Материалы I конференции молодых ученых и специалистов Зап. Сибири. Новосибирск, 1948; Д. В. Терновский. Материалы о перезимовке птиц в Тувинской области. Изв. ЗСФ АН СССР, серия биологическая, т. 3, вып. 2, 1950; А. И. Янушевич. Фауна позвоночных Тувинской области. Новосибирск, 1952.

Для рационального использования возобновимых ресурсов необходимо вовлечь в хозяйственный оборот новые земли в Центрально-Тувинской и Тоджинской котловинах путем проведения мелиоративных мероприятий, создать лесозащитные полосы для предотвращения пыльных бурь в степных котловинах. Нужно скорее закончить геоботаническое обследование кормовых угодий, построить автодороги на отдаленные пастбища, определить их производительность и скотоемкость в каждом районе, создать широкую сеть буровых колодцев в зонах, не обеспеченных поверхностными водами, завершить устройство охотничьих угодий, разработать мероприятия по охране и воспроизводству пушных и промысловых зверей, рыбных запасов, диких копытных и редких животных.

Изучение природных ресурсов Тувы имеет большое народнохозяйственное значение, так как оно позволяет правильно оценивать нынешнее состояние их освоенности, вовлечь в хозяйственный оборот вновь найденные естественные ресурсы, наметить целенаправленные варианты их рационального использования. Оно поможет также обоснованно анализировать современное размещение производительных сил, характер межрайонного разделения труда, участие республики в межобластном обмене и определить комплексность развития хозяйства Тувы в целом и по отдельным районам.

С. И. Вайнштейн

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТУВИНСКОГО НАРОДА

Изучение этнической истории и этнографии тувинского народа, начатое еще до Октябрьской революции, после вступления Тувы в состав Советского Союза получило широкий размах и дало ценные результаты. По степени изученности этнической истории Тува, несомненно, выходит на первое место в Южной Сибири.

Исследование этнической истории и этнографии тувинцев важно не только для тувиноведения, но и для решения таких крупных общеисторических проблем, как происхождение кочевой формы скотоводческого хозяйства, взаимоотношение кочевых и оседлых народов, социальная структура кочевых обществ, происхождение оленеводства и многих других, далеко выходящих за рамки тувиноведения.

Большое значение тувинских материалов для разработки этих проблем объясняется прежде всего тем, что Тува расположена на стыке сибирской тайги и центральноазиатских степей; именно здесь находился узел этнического и культурного взаимодействия тюрко-монгольских, самодийских, кетоязычных и, вероятно, тунгусоязычных народов. Тува входила в зону формирования двух крупнейших хозяйствственно-культурных типов Азии, до недавнего времени представленных у тувинцев: кочевых скотоводов степей и охотников-оленеводов тайги.

Ныне достаточно полно исследована археология Тувы. Накопилось и опубликовано огромное количество материалов

для характеристики населения Верхнего Енисея в скифское гунно-сарматское время и в последующие эпохи, но исключительно важный вопрос о генетической связи этого древнего населения и современных тувинцев, о роли известных нам древних племен в формировании народа, о путях формирования тувинской культуры остается еще недостаточно разработанным.

Наш поиск в этом направлении был особенно успешным в тех сферах традиционной культуры, которые обычно наиболее устойчивы. Это орнаментальное искусство, некоторые стороны народных верований и обрядов, отдельные формы материальной культуры; изучение их позволило в определенной мере выявить древние генетические связи тувинцев с культурой населения степей Южной Сибири, вплоть до эпохи бронзы, т. е. на протяжении свыше четырех тысяч лет.

Одна из древнейших культур эпохи бронзы в Южной Сибири — так называемая окуневская культура (II тысячелетие до н. э.), следы которой обнаружены и в Туве. Для нее характерны, в частности, изображения на камнях своеобразных личин. Такие, на первый взгляд весьма странные фантастические антропоморфные изображения напоминают маски с условными схематизированными глазами, бычьими рогами и некоторыми другими особенностями явно шаманского происхождения. Казалось, могли ли дожить эти образы-маски до наших дней в течение более трех тысяч лет? Оказывается — могли. Поразительные аналогии им мы нашли в налобных масках тувинских шаманов. Удалось установить, что из всех южносибирских народов только тувинские шаманы носили маски с изображениями бычьих рогов (их обычно делали из меди). Сходство окуневских личин с тувинскими шаманскими масками усиливается благодаря своеобразному условному характеру изображения глаз, бровей, носа и рта.

Не менее поразительные связи с культурой племен эпохи бронзы прослеживаются в тувинской орнаментике. Удалось обнаружить целый комплекс узоров, необычайно близкий узорам, встречающимся на керамике андроновцев — племен скотоводов, населявших Верхний Енисей свыше трех тысяч лет назад. Нужно сказать, что орнамент андроновцев широко вошел в искусство народов Южной Сибири, но ни у кого из них не представлен с такой полнотой, как у тувинцев. Андронидский комплекс встречается в узорах на современных деревянных ведерках для молока «хуун», причем не только проявляются почти все характерные для андроновской керамики своеобразные орнаментальные мотивы, но и их зональное расположение, напоминающее приемы декорировки андроновской керамики. Но если в андроновской керамике такое зональное

расположение было в определенной мере обусловлено формой сосуда, расширявшегося в средней части, то приемы украшения деревянных ведерок строго цилиндрической формы не могут, пожалуй, найти иного объяснения, как следование давней традиции.

Эти и некоторые другие факты, вместе взятые, заставляют предполагать, что древнейшие истоки культуры тувинского народа уходят своими корнями в эпоху бронзы.

Интересен вопрос об этнокультурной связи современных тувинцев с населением Тулы скифского времени. Несмотря на существенные отличия антропологического типа современных тувинцев и населения Тулы в скифское время, историко-этнографические материалы дают серьезные основания полагать, что по крайней мере часть племен скифского мира вошла в состав позднейшего населения Тулы, оказала свое влияние на формирование тувинцев и их культуры. Так, в тувинской орнаментике мы находим целый комплекс мотивов, восходящих к искусству южносибирских племен скифского времени: парные спирали, волюты, завитки, S-видные фигуры, некоторые роговидные мотивы и др. Нужно сказать, что эти связи в искусстве тувинцев не ограничиваются орнаментикой. Так, в тувинской малой пластике мы находим отдельные произведения, выполненные в традиционной манере, которые представляют, по-видимому, определенную модификацию образов и стилистических приемов так называемого звериного стиля, господствовавшего в искусстве местных племен скифского времени. Путь проникновения этих образов мог быть очень сложным, но наличие их, в совокупности с другими фактами, свидетельствует в пользу вывода об определенном культурном влиянии племен скифского времени на генезис тувинской культуры.

Количество фактов, свидетельствующих о реальных связях традиционной культуры тувинцев с культурой племен скифского времени, можно было бы значительно увеличить. Если обратиться к погребальному обряду, то мы увидим и здесь определенные параллели. Так, нам удалось установить еще в 1952 г., что на юге Тулы, в частности в Эрзине, до недавнего времени шаманов хоронили на деревянных помостах в скорченном на боку положении, головой на СЗ, причем под голову клади плоский камень-подушку. Как не вспомнить при этом, что обычай хоронить погребенных в положении скорченном, с ориентировкой головы на СЗ и камнем-подушкой был характерен для племен Тулы в скифское время (не исключено, что наряду с погребениями в земле тогда были и воздушные погребения для шаманов).

Еще больше связей обнаруживает культура тувинцев с

культурой гунно-сарматского времени. Так, многие формы деревянной утвари (блюда на четырех ножках, сосуды в виде цилиндрических бочонков со сливом в верхней части и др.), отдельные виды украшений и орнаментальных мотивов имеют довольно заметную генетическую связь с культурой племен Южной Сибири гунно-сарматского времени.

Сравнительно-историческое исследование позволяет также установить взаимодействие культур сопредельных народов с культурой тувинцев и выявить пути формирования тувинской культуры. У тоджинцев-оленеводов и тофаларов детское седло «эримээш» отличается от других видов седел тем, что имеет спереди и сзади перекрещающиеся дужки. Таких седел нет у степных тувинцев; а также у их соседей: алтайцев, бурят и хакасов, но оказалось, что совершенно аналогичное седло, сходное даже в мелких деталях и под тем же названием, имеется за тысячи километров от Тузы у киргизов Тянь-Шаня. Объяснение может быть только одно: далекие предки тоджинцев и киргизов когда-то находились в контактах. В самой Туве есть потомки киргизов, проникали они, вероятно, и в Тоджу, но этнографического подтверждения древних связей культур енисейских кыргызов и предков восточных тувинцев не было. Поразительное сходство седел у двух столь отдаленных групп служит одним из неоспоримых свидетельств взаимодействия культур енисейских кыргызов и тувинцев.

Важным разделом исторической этнографии является разработка проблемы путей сложения культуры. Тувинская культура складывалась длительное время и испытывала в различные исторические эпохи значительные влияния своих соседей. Например, анализ традиционной тувинской одежды XIX — нач. XX в. показывает, что она содержит четыре основных комплекса. 1 — древний комплекс одежды охотников саянской тайги; 2 — комплекс домонгольских кочевников степей; 3 — монгольский комплекс; 4 — восточноазиатский комплекс.

Древний комплекс одежды охотников саянской тайги, восходящий, вероятно, к энеолитическому времени, включает бытовавшую у тувинцев-оленеводов и тофаларов распашную одежду с цельным станом, раскраиваемым из одной шкуры, «тунгусский нагрудник», сохранившийся в шаманском одеянии, камусную обувь с голенищами с прямым срезом верха, пришитыми непосредственно к подошве; архаические капорообразные головные уборы; головной убор из птичьей кожи и перьев. Одежда этого типа известна также кетам, селькупам, хантам. Ближайшие параллели с ней выявляются в одежде энцев и ноганасан, а также эвенков. Связь этнической истории кетов и самодийских народов с Саянами признается большинством исследователей. Однако до последнего времени остава-

лось неизвестным, что одежда так называемого «енисейского типа» имела распространение у саянских народов, поэтому ее генезис этнографы были склонны связывать с севером. Между тем древнейший ареал распашной одежды, надо полагать, был расположен в Саяно-Прибайкальском районе, на что указывают находки здесь специфической тунгусской одежды с нагрудником еще в энеолитическое время. Наличие общего Саяно-Прибайкальского пласта для енисейского типа одежды разъясняет возможность проникновения тунгусского нагрудника к указанным народам.

Древний комплекс одежды охотников Саянской тайги, сохранившийся наиболее полно в костюме тувинцев-тоджинцев и тофаларов, представлен также в одежде степных тувинцев. Проникновение элементов данного комплекса к скотоводам степей началось еще в эпоху ранних кочевников в условиях их тесных контактов с таежным населением Саяно-Алтая, что нашло отражение в одежде погребенных в пазырыкских курганах.

К домонгольскому степному комплексу могут быть отнесены многие разновидности тувинской одежды, в том числе распашная одежда туникообразного покроя. Близкий по типу покрой применялся при шитье одежды киргизами, казахами, узбеками и другими народами Средней Азии, а также сибирскими народами — северными алтайцами, тобольскими и томскими татарами, обскими уграми. По-видимому, возникнув в среде земледельческих народов Передней и Средней Азии, этот тип одежды был усвоен еще ранними кочевниками и принесен ими в Центральную, Восточную Азию, а также в Сибирь (где получил особенно широкое распространение у тюрков). С одеждой указанного типа сближается покрой изученного С. И. Руденко войлочного кафана из третьего пазырыкского кургана. Среди головных уборов к домонгольскому степному комплексу относятся характерные для тувинцев типы «калбак берт», «бүдээлгэ» и др. Подобные по покрою уборы были известны древнетюркским скотоводам Тувы. Их можно рассматривать как модификации весьма традиционных для кочевников головных уборов, распространенных в еще более раннее время у кочевников Центральной и Средней Азии. К этому же комплексу следует отнести войлочные чулки с пришивными подошвами, известные в Южной Сибири уже в скифское время, а также наборные пояса, столь характерные для древних тюрков. Домонгольский степной комплекс представлен наиболее полно в традиционной одежде степных тувинцев, но он издавна проник и к таежным жителям, сохранившись до начала XX в. у тоджинцев и в меньшей мере у тофаларов.

Монгольский комплекс в тувинском костюме характеризуется прежде всего правосторонним запахом одежды, использованием кушака, кожаной обуви с загнутым вверх носком и многослойной войлочной подошвой, а также распашной одеждой из шкур, которая выкраивалась с отрезной спинкой и широкими проймами для рукавов. Одежда этого покроя характерна, помимо тувинцев, для южных алтайцев и тофаларов, другие варианты этого типа известны также хакасам, бурятам и конным забайкальским эвенкам. Этот тип автор считает возможным отнести к монгольскому комплексу, так как будучи, несомненно, созданным в условиях скотоводческого хозяйства, он известен у всех монгольских народов, в том числе у бурят, западных и восточных монголов. Среди тюркских народов он распространен лишь у южных алтайцев, хакасов и тувинцев. Вместе с тем, этот покрой не типичен для костюма восточноазиатских народов.

Восточноазиатский комплекс включает различные древние и поздние элементы одежды, проникшие главным образом в две исторические эпохи — домонгольскую (гуннское и тюркское время) и маньчжурскую. К несомненно древним восточноазиатским заимствованиям относятся шаманский плащ тоджинцев, который имел покрой типа кимоно, известный центральноазиатским кочевникам уже в гуннское время. К поздним заимствованиям относятся ступенчатый (маньчжурский) вырез на левой поле, некоторые типы головных уборов и украшений одежды.

На примере одежды мы видим сложный процесс формирования тувинской культуры XIX — начала XX в., которая уходит своими корнями в глубокое прошлое. В этом прежде всего научная ценность изучения традиционной культуры тувинцев — важнейшего источника для исследования многих проблем этнической истории и этногенеза тувинского народа.

С. Н. Астахов

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ТУВЫ

Каменный век охватывает самый ранний и самый длительный период истории человечества. Именно в то время происходило освоение человеком просторов северной Евразии, и именно тогда на территории Тувы появился первый охотник.

Честь открытия первых памятников каменного века Тувы принадлежит советскому ученому С. А. Теплоухову, работавшему на территории республики в составе археологического отряда Монгольской экспедиции АН СССР. В 1926 г. он нашел орудия каменного века на террасе р. Ангачи (Онгача) в 5 км к югу от оз. Чедер. Затем исследование памятников каменного века прекращается на долгие годы, хотя в Республиканский краеведческий музей поступают единичные находки из разных мест.

Развертывание археологических работ ТНИИЯЛИ благотворно сказалось и на изучении каменного века. В 1955 г. С. И. Вайнштейн находит позднепалеолитическую стоянку Ийме в бассейне р. Хемчик и вскрывает на небольшой площади неолитическую стоянку в Тодже на берегу оз. Аза¹. В 1957, 1959, 1960 гг. Л. Р. Кызласовым был произведен сбор каменных орудий на р. Мугур (долина р. Саглы), на стоянках

¹ С. И. Вайнштейн. Археологические исследования в Туве. в 1955 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IV, Кызыл, 1957, стр. 36—38.

Ангачи, на р. Чааты, на р. Баянкольчик¹. В 1960 году М. Х. Маннай-оол собрал в окрестностях с. Торгалыг небольшую коллекцию каменных изделий².

Количество верхнепалеолитических и неолитических памятников Тувы несколько увеличилось, но все они могли быть датированы сравнительно поздним временем. В этой связи заслуживает особого внимания коллекция архаических леваллуа-мустьерских по облику изделий, собранная А. Д. Грачом и Л. Г. Нечаевой в долине р. Саглы в 1960—61 гг. Эти находки впервые заставили предполагать более древнее, чем верхнепалеолитическое, время заселения Тувы.

Таким образом, до недавнего времени на территории Тувы было известно немногим более десятка памятников каменного века. По сути дела ни облик, ни хронология, ни генезис палеолита и неолита Тувы не были выяснены. Основная причина этого заключается в отсутствии специальных исследований по каменному веку Тувы — открытия делались археологами, занимающимися более поздними периодами.

За 6 полевых сезонов работы отряда по изучению каменного века (в составе Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР) была обследована часть долины Енисея от р. Демир-Суг до р. Ургунь, долина р. Хемчик от Баяжи до устья, долина р. Саглы, совершились отдельные разведывательные маршруты по притокам и сухим долинам Хемчика, была осмотрена стоянка Ангачи и т. д. Всего за эти годы найдено 156 памятников, из них предварительно к палеолиту нами отнесены 53 стоянки и местонахождения, к неолиту — 56 и 47 пока датированы каменным веком без уточнения периода.

Изучение каменного века Тувы затрудняет отсутствие палеолитических стоянок с культурным слоем, перекрытым позднейшими отложениями. Изделия обычно лежат на поверхности почвы, изредка погружаясь в грунт на 1—2 см. Большинство неолитических стоянок, найденных нами, имеют такой же облик. Это объясняется особенностями климата Тувы — сильной ветровой эрозией, плоскостным смыслом в условиях малого количества осадков в течение года и сильных ливней, дающих иногда до четверти всей годовой нормы за одни сутки (до 50 мм). Эти факторы препятствовали закреплению осадков и почвообразованию и приводили к тому, что изделия

¹ Л. Р. Кызласов. Отчет о работе Тувинской археологической экспедиции МГУ и ИИМК в 1957 г. Архив ИА, д. Р-1, № 1581, стр. 36—38; его же. Отчет о работах Тувинской археологической экспедиции МГУ в 1960 г. Архив ИА, д. Р-1, № 2373, стр. 64 и др.

² М. Х. Маннай-оол. Итоги археологических исследований ТНИИЛИ в 1961 г. УЗ ТНИИЛИ, вып. X, Кызыл, 1963.

первобытных людей тысячелетиями лежали на поверхности.

Отсюда ясно, что поскольку культурные остатки не были перекрыты отложениями, как это случилось с большинством известных до сих пор палеолитических стоянок в других местах, до нас не дошли ни фауна, ни уголь из очагов. Поэтому мы не могли произвести датировку археологических комплексов ни радиоуглеродным методом, ни по фауне. Остается основной археологический метод датировки — исходя из форм орудий и техники, которые в своем развитии проходят ряд фаз. Этот типологический метод требует корректировки на основе сравнения с датированными памятниками ближайших изученных территорий, и на основе геоморфологических условий расположения памятников. Следует, правда, отметить, что граничащие с Тувой области — Алтай и Монголия — еще не имеют достаточно обоснованных хронологических колонок для самого раннего периода палеолита этих регионов.

Из всей массы материала, полученного за последние 6 лет, 56 стоянок мы отнесли к неолитической эпохе. Основой для этого послужило, во-первых, наличие в инвентаре этих стоянок вкладышей, обработанных плоской ретушью с двух сторон, и каменных наконечников стрел, изготовленных при помощи той же техники, а во-вторых, расположение памятников на пойме, на высокой пойме у стариц, иногда на первой террасе.

Наиболее примечательными памятниками этой эпохи являются стоянки Усть-Хемчик, Баяжи, Шанчи-Аксы (рис. 1), Суг-Бажы, Ургунь и Саглы — 31, 42, 43¹.

Стоянка Усть-Хемчик раскопана на площади 158 кв. м. Получена хорошая коллекция изделий из камня — наконечники стрел, скребки, вкладыши и т. д.² Вскрыты очаги с древесным углем и каменные выкладки вокруг них, определен основной объект охоты — им сказался козерог. Стоянка характеризует этап развитого неолита.

Ряд пунктов, расположенных на первых террасах высотой 8—10 м, либо в предгорьях на седловинах и грядах, близ пересохших древних водотоков, как правило, не имеют двусторонне обработанных орудий. В их инвентаре преобладают микропластиинки и их сечения, конические и клиновидные нуклеусы, грубые рубящие орудия, скребки; возможно, они относятся к раннему неолиту.

За исключением 28 пунктов, еще не датированных точно либо из-за малого количества материала, либо из-за аморфности коллекции (из них предположительно к неолиту можно отнести 10, к позднему палеолиту 18), остальные пункты были

¹ Здесь мы даем порядковые номера памятников в долине р. Саглы.

² С. Н. Астахов, В. И. Беляева. Исследования каменного века Тувы. АО 1969. М., 1970, стр. 180—182.

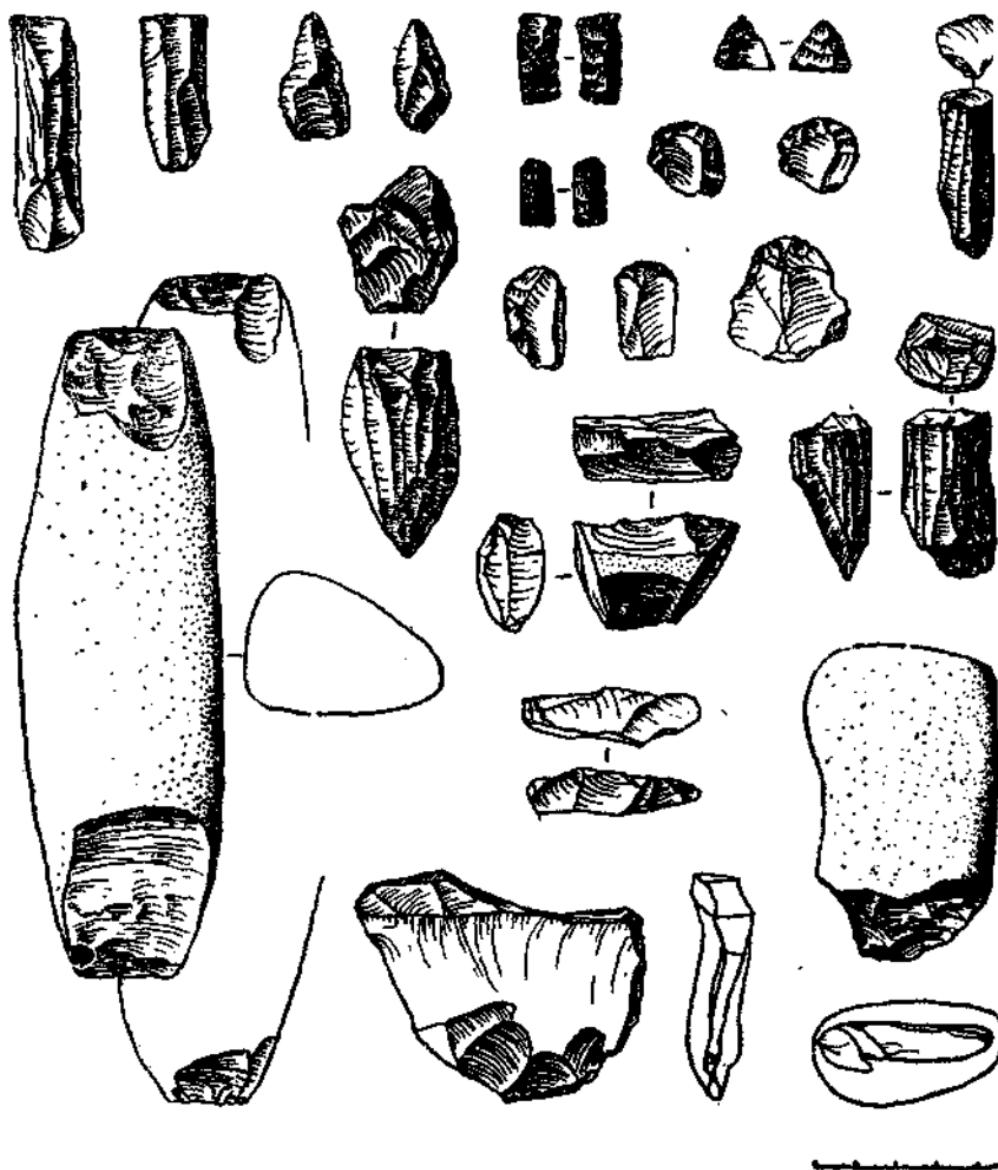

Рис. 1. Инвентарь неолитической стоянки Шенчи-Аксы—I.

отнесены нами к палеолиту (53 стоянки и 19 местонахождений) главным образом на основе предварительного типологического анализа.

В долине Саглы позднепалеолитические памятники обычно расположены на 8—10-метровой террасе реки (или ее притока р. Мугур), иногда на грядках или конусах выноса других притоков. Залегание на низкой террасе наиболее типично. Следует отметить, что нет признаков перемещения или переноса собранного материала.

Из 45 открытых нами в долине р. Саглы пунктов к позднему палеолиту могут быть отнесены 13. Для инвентаря этих стоянок характерны орудия, изготовленные из отщепов в сочетании с микропластинчатой техникой. Это обусловило типичный для Северной Азии облик палеолитических комплексов: наряду с галечными и призматическими нуклеусами встречаются клиновидные, так называемого сибирского типа, наряду с отщепами — микропластинки.

Среди орудий преобладают скребки на отщепах и укороченных пластинах, меньше встречается скребел, есть зубчатые формы, проколки. Поверхность изделий обычно не покрыта патиной, не заглажена и не окатана.

В Центральной Туве позднепалеолитические памятники залегают на террасах от 14 до 20—30 м высотой, на краю конусов выноса, высотой 20—30 м над руслом, либо на конусе выноса, наложением на 16-метровую террасу, и иногда — на более высоких уровнях.

В этом районе к позднему палеолиту мы отнесли 11 стоянок, из которых выделяются некоторым своеобразием стоянки Порог-1 и Улуг-Бюк-2,5. Для них характерна верхнепалеолитическая техника расщепления, изготовление орудий на отщепах и грубых пластинах, незначительное количество сравнительно крупных микропластинок, наличие серий долотовидных орудий, боковых скребел на отщепах, хотя и не столь выразительных, как в коллекциях более северных памятников; имеются скребки¹.

Другая группа позднепалеолитических памятников этого района Демир-Суг — 6, Улуг-Хая — 2, 4, сходна с саглынскими — встречаются микропластинки, конические и клиновидные нуклеусы, скребки, скребла, грубые рубящие орудия (рис. 2).

Это выделение двух групп стоянок является предварительным, но, будучи основано на конкретных признаках, оно, воз-

¹ С. Н. Астахов. Новые памятники палеолита в Туве (по итогам полевых исследований 1966 г.). Изв. СО АН СССР, серия общественных наук, 1969, № 6, вып. 2, стр. 100—107.

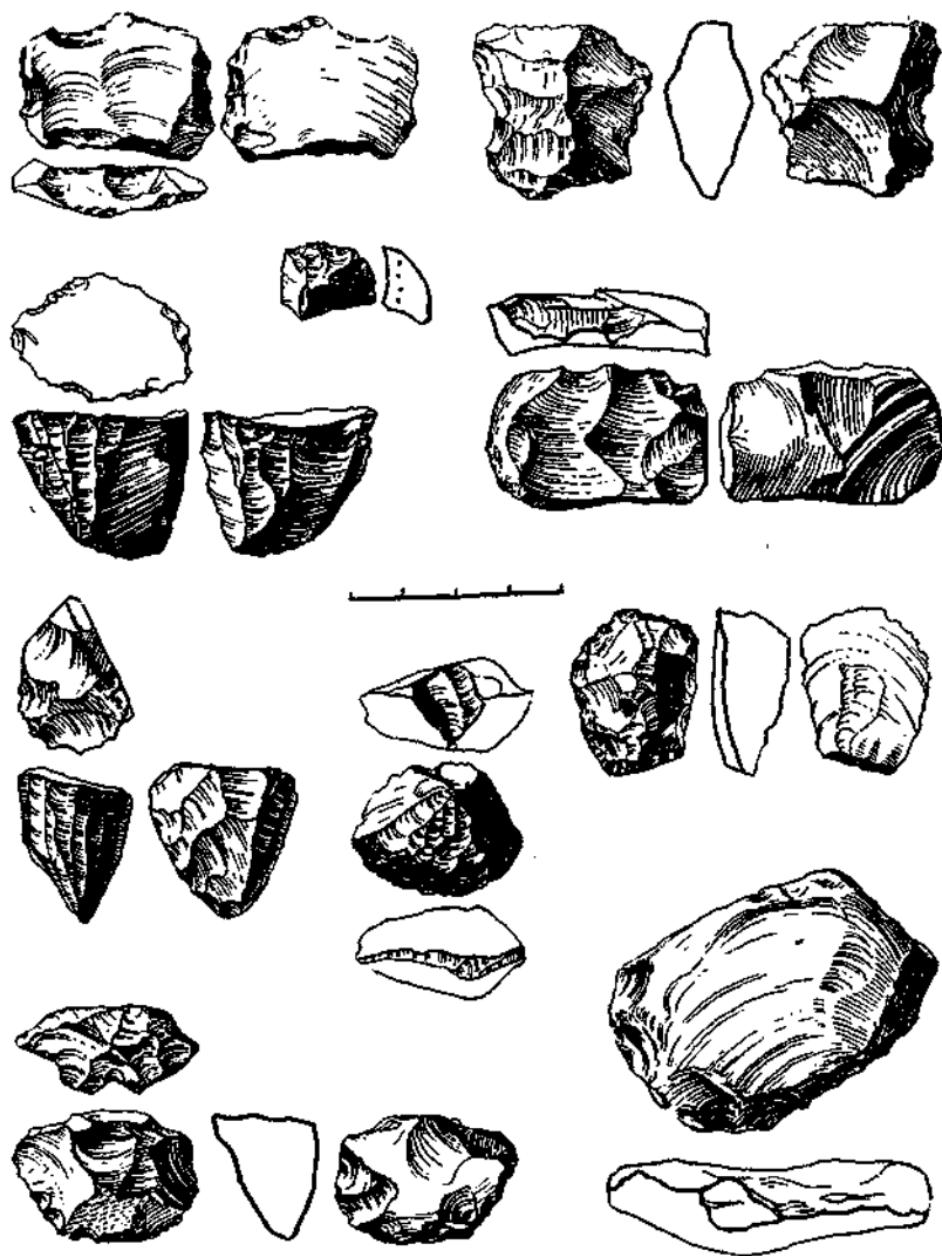

Рис. 2. Инвентарь позднепалеолитической стоянки Узут-Хая—2.

можно, отражает хронологические или, скорее, культурные различия.

Более трудно определить возраст пунктов с инвентарем, который мы ранее назвали архаичным, чтобы избежать необходимости датировать его мусьевским временем, хотя он имеет леваллуа-мусьевский облик¹.

В долине р. Саглы открыто 23 стоянки и 8 местонахождений с изделиями такого облика. Они расположены на краях террас, на краях обширных плоских конусов выноса боковых притоков, или, скорее, временных водотоков, на мысовидных уступах расчлененных эрозией галечно-валунных отложений (морена?) р. Саглы, на грядах, образованных на поверхности левобережных высоких террас и около русла р. Мугур, прошедшего в верхней части этих террас. Кроме того, пункты расположены на обширных платообразных предгорных террасах, низком перевале между р. Мугур и Адыр-Тей и даже на склоне уплощенной вершины горы Кюзленги.

В целом можно отметить, что за исключением двух пунктов, расположенных в самых верховьях р. Саглы на 10-метровой террасе, архаичные комплексы встречались на высоких террасах (20—30 м и выше), либо на повышенных участках 14—16-метровых террас.

Для каменных изделий стоянок этой группы характерны некоторые общие черты. Во-первых, они покрыты глубокой ровной патиной, поверхность их оглажена и в некоторых случаях окатана. Глубина патины особенно заметна на орудиях, которые были переоформлены в значительно более позднее время. Во-вторых,— применение архаичной техники расщепления — массивные заготовки, огромные отщепы с большим ударным бугорком, с площадкой, расположенной под тупым углом к плоскости раскалывания. Характерно широкое использование галек — имеются не очень тщательно подготовленные одно- и двухплощадочные большие нуклеусы из галек с подправленной площадкой или без подправки, вместе с тем имеются типичные леваллуазские нуклеусы с обработанными краями и тыльной стороной, подправленной площадкой, параллельным и веерным скальванием. Есть дисковидные нуклеусы.

Соответственно в коллекциях имеются как массивные отщепы часто укороченных пропорций, так и прекрасные леваллуазские пластины и острия. Набор орудий невелик: ретушированные пластины и отщепы, краевые и поперечные скребла, выемчатые и зубчатые орудия, грубые проколки. Ретушь

¹ С. Н. Астахов. Исследования каменного века Тувы. Сб. АО 1966. М., 1967, стр. 126—127; его же. Изучение каменного века в Туве. Сб. АО 1968. М., 1969, стр. 188—189.

обычно следует изгибам края заготовки, фасетки глубокие, крупные, чаще всего без вторичной подправки (рис. 3). Много массивных, с грубыми лезвиями чопперов и чоппингов. Весь облик изделий — патина, выветренность, техника расщепления, формы орудий — говорит не только об архаичности, но и об их древности, что подчеркивается расположением стоянок на сравнительно высоких уровнях. Наиболее древними из этой группы, видимо, являются Саглы-19.

В Центральной Туве пока найдено 4 пункта с архаичным инвентарем. Как и в долине Саглы, они залегают на достаточно высоких уровнях, не ниже второй террасы. Два из них расположены на поверхности мысогидных участков 14—15-метровых террас со скальным цоколем и маломощными супесчаными отложениями. Это — пункт Чинге-Даг-Ужу на левом берегу р. Чадана и пункт на левом берегу р. Шагонар. Другие два расположены на правобережной высокой террасе Енисея между р. Беделиг и р. Чинге.

Для инвентаря этой группы памятников характерно использование такого же грубого сырья (песчаники, кварциты, алевриты), как и в саглынских коллекциях. Изделия так же покрыты патиной, заглажены, иногда как будто окатаны.

Характерны сравнительно крупные одно- и двухплощадочные нуклеусы (прежде всего для стоянок Чинге-Даг-Ужу и на левом берегу Шагонара), сделанные из галек, а также поддисковидные. Орудий мало — прежде всего отщепы и пластины с ретушью краев, грубые, часто массивные скребла, выемчатые орудия. Комплексы в целом сходны с саглынскими, но набор изделий гораздо беднее, и само количество находок намного меньше.

Несмотря на архаичный и даже древний облик, мы не можем относить эту группу стоянок (включая большинство стоянок саглынской долины) целиком к мустье.

Стоянки с архаичным инвентарем в обоих районах располагаются на поверхностях, не подвергавшихся существенным изменениям по крайней мере со времени зырянского оледенения. Это допускает возможность сохранения древних памятников, начиная с каргинского межледникова, т. е. по крайней мере в течение 35 тыс. лет. Но это еще не может быть доказательством их древности, хотя и не исключает ее.

Типологически наиболее архаичные комплексы можно относить к мустье, ряд других — к началу позднего палеолита. Этот вывод требует детального обоснования, что возможно при дальнейшей работе. Более строгое обоснование возраста комплексов так или иначе решит ряд проблем, прежде всего — проблему происхождения палеолита Тузы и, в определенной степени, палеолита Северо-Западной Монголии.

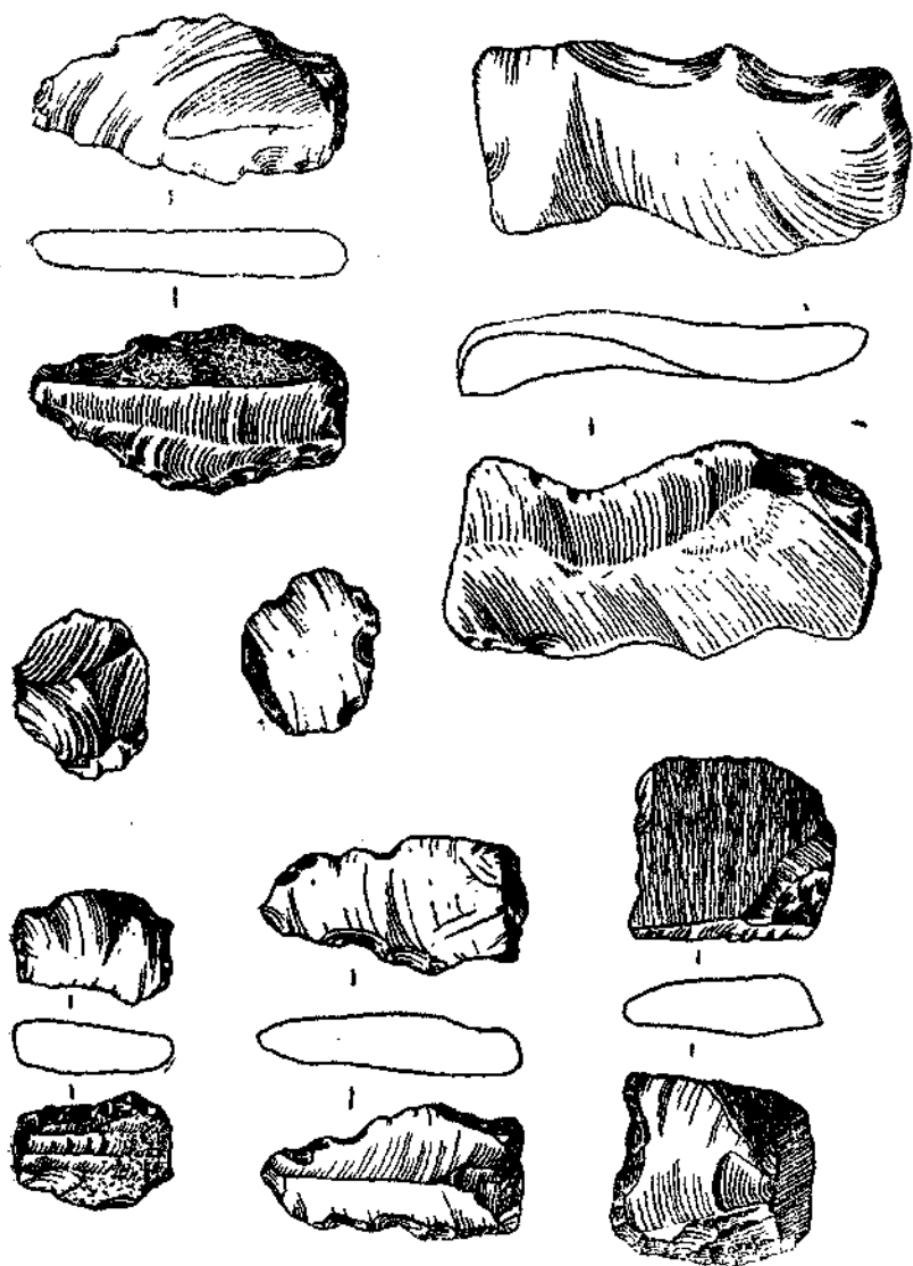

Рис. 3. Извен-
тарь стоянки
Сагы (финаль-
ное мустье)

Более того, если будет доказано, что леваллуа-мустерьские памятники Тувы синхронны подобным стоянкам Ирана и Афганистана и, следовательно, Монголии, мы сможем уверенно применять типологический метод для датирования центральноазиатских архаичных комплексов.

Если принять позднемустерский возраст некоторых памятников в Саглы, то совершенно очевидна связь ранних памятников Тувы с соответствующими памятниками в Северо-Западной Монголии.

По-видимому, из южных районов Тувы, в частности из Саглы, через невысокие перевалы и далее по долинам р. Чадана, р. Торгалыга палеолитические охотники проникли в Центральную Туву и долину Енисея до р. Чинге. Это могло произойти приблизительно 30—20 тысяч лет назад. Дальнейшие пути расселения, связи с другими территориями еще неясны.

Необходимы сбор новых данных и тщательная обработка уже полученных, что и является задачей ближайших лет.

А. Д. ГРАЧ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ТУВЫ

В 1965 г. в целях всестороннего исследования археологических памятников, расположенных в зоне будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС, была создана Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР (СТЭАН). Комплексность деятельности экспедиции обеспечивалась сочетанием исследований в области археологии, этнографии, антропологии, эпиграфики, геологии, палеозоологии, палеогеографии и других наук. В процессе организации и проведения полевых исследований учитывались опыт работы и материалы всех предшествующих экспедиций — как из территории Тувы, так и в других районах страны (Волго-Донская, Куйбышевская, Красноярская и др.). В работах СТЭАН ежегодно принимают участие 5—7 полевых отрядов и экспедиционные группы — 120—150 сотрудников полевого штата¹.

До работ СТЭАН памятники каменного века были представлены лишь находками в единичных пунктах. Отряд экспедиции, руководимый С. Н. Астаховым, проделал типологиче-

¹ Начальниками отрядов СТЭАН в разные полевые сезоны были: С. Н. Астахов (3-й отряд, 1965—1970 гг.), С. М. Бичевол (7-й, этнографический отряд, 1965 г.), А. М. Мандельштам (2-й отряд, 1965—1970 гг.), М. Х. Маннай-оол (6-й отряд, 1965 г.), Д. Г. Савинов (4-й отряд, 1965 г.), И. У. Самбу (4-й отряд, 1966—1970 гг.), Ю. И. Трифонов (5-й отряд, 1965—1970 гг.). Экспедиционная группа по изучению памятников древнетюркской письменности возглавлялась проф. И. А. Батмановым (1965—1968 гг.) и С. Г. Кляшторным (1969—1970 гг.), группа по изучению природной среды — Д. Д. Сарбая (1965 г.). Начальник экспедиции — А. Д. Грач, заместитель начальника экспедиции — И. У. Самбу.

ский анализ обширных серий собранного им каменного инвентаря, сравнивая при этом находки из Тувы с «каменной индустрией» других территорий Азии — в особенности Монголии, Алтая и Минусинской котловины. В итоге была создана первая для наших территорий классификация памятников каменного века.

Малоизученным историческим периодом Тувы являлась эпоха бронзы; известны были лишь случайные находки предметов карасукского круга. Первая стоянка эпохи бронзы была открыта в 1965 г. в урочище Биче-Оймак (правобережье Улуг-Хема, пункт Ак-Даш). При раскопках выявлено 5 культурных слоев, содержащих кремневые отщепы и обломки, бронзовую подвеску в виде клыка кабарги и керамические фрагменты (найден обломок глиняной литейной формы для ножа). Можно полагать, что стоянка занимала всю прибрежную часть урочища Биче-Оймак.

В Куйлуг-Хеме в 1966 г. обнаружено и первое погребение с инвентарем карасукской принадлежности¹. Конструкция погребального сооружения перекликается с карасукскими памятниками Минусинской котловины — подчетыrehугольная ограда из врытых на ребро плит, с угловыми камнями и входом в восточной части, ориентированная сторонами по странам света; в центре ограждения — грунтовая могила, обрамленная по краям камнями. Судя по сохранившимся костям, положение погребенного — вытянутое на спине, головой на В. Инвентарь — два керамических сосуда, бронзовый нож с «хвостатым» окончанием лезвия и кольцевидным навершием и лапчатая подвеска. В 1969 г. обработка материалов аэрофотосъемки с вертолета в пределах того же могильника позволила обнаружить еще один комплекс аналогичного типа.

Все курганные отряды СТЭАН уделяли особое внимание исследованию памятников монгун-тайгинского типа (ранее в 1953—1962 гг. проводилось визуальное обследование и раскопки подобных памятников на территории Монгун-Тайги, Бай-Тайги, Улуг-Хемского и Тес-Хемского районов), в результате была получена возможность разработать и предложить к рабочему использованию классификацию вариантиности памятников монгун-тайгинского типа, свидетельствующую о существовании определенных локальных и хронологических групп.

Вариант МТ-1. Погребения в камерах, сооруженных из валунов и плиток, подovalной в плане формы, находятся вблизи уровня древней поверхности почвы. Наземные сооружения — курганы из валунов и обломков горных пород, округлые

¹ См. М. А. Дэвлет. Погребение эпохи поздней бронзы в Туве. Труды СТЭАН, т. I (в печати).

в плане, с крепидой по абрису или внешним кольцом из камней. У части памятников этого варианта пространство между центральным наземным сооружением и внешним кольцом выложено плотной вымосткой из камней — «платформой».

Вариант МТ-IIa. Погребения (одно или два) в неглубоких грунтовых ямах вблизи уровня горизонта, с обрамлением из камней и без обрамления, с плитовым перекрытием (плиты уложены длинными сторонами поперек к основной оси погребения). Наземное сооружение: окружная в плане выкладка (вымостка) из уплощенных обломков горных пород или валунов, по краю сооружения — крепида из более крупных камней.

Вариант МТ-IIb. Погребения идентичны варианту МТ-IIa. Наземное сооружение под четырехугольной в плане формы, по краям — врытые вертикально плитки, по углам — стелы.

Вариант МТ-IIc. Погребения идентичны вариантам МТ-IIa, б. Наземное сооружение: курган из валунов и обломков горных пород, форма в плане — окружная, по краю — более крупные камни, образующие крепиду.

Вариант МТ-III. Погребения в одной или двух смежных плитовых гробницах четырехугольной в плане формы, дно — грунтовое, перекрытие — плитовое (плиты уложены длинными сторонами поперек к основной оси погребения). Наземное сооружение: курган из валунов или обломков горных пород окружной в плане формы, по абрису — крепида из более крупных камней.

Вариант МТ-IVa. Погребения под центральными наземными сооружениями херексуров и курганов на «платформах», вблизи уровня древней поверхности почвы, с обрамлением погребения каменными плитками,ложенными плашмя. Наземное сооружение: в центре — курган окружной в плане формы, окруженный внешним кольцом: в ряде случаев между кольцом и центральным наземным сооружением имеется выложенная по поверхности «платформа» из камней.

Вариант МТ-IVb. Погребения под центральными наземными сооружениями херексуров с подквадратным ограждением, вблизи уровня древней поверхности почвы, в неглубоких грунтовых ямах. Наземное сооружение — окружной в плане формы. Внешняя ограда — четырехугольная в плане, по углам — стелы или более крупные, чем в центральном сооружении, обломки горных пород, в ряде случаев от углов к центральному сооружению тянутся каменные выкладки.

Разумеется, наша классификация будет конкретизироваться и уточняться в процессе новых исследований. Уже сейчас имеются все основания считать, что памятники монгун-тайчинского типа в большинстве своем относятся к доскифскому

времени в истории Центральной Азии, к эпохе бронзы и, в какой-то своей части, видимо, к еще более глубокой древности Ареал их весьма широк и охватывает территории Тувы, Монголии и Горного Алтая¹.

Скифское время — важный исторический период сложения на обширных территориях Великого пояса степей — от Ордоса на востоке до венгерских степей на западе — разноэтнического комплекса культур скифского типа, объединенных общностью уровня социального строя, экономики (кочевое скотоводство), материальной культуры, особого «скифского звериного стиля» в искусстве.

Данные СТЭАН позволяют утверждать, что памятники скифского времени Тувы не составляют единой археологической культуры. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, мы выделяем памятники VII—VI вв. до н. э. в алды-бельскую культуру — по месту открытия первых представительных комплексов, памятники V—III вв. до н. э., которые уже сейчас могут быть отнесены к 2 этапам, мы объединяем в саглынскую культуру (наименование дается по месту раскопок могильника в Саглынской долине)².

Ранний этап скифского времени в Туве (VII—VI вв. до н. э.) до работ СТЭАН оставался практически малоизученным, было известно лишь несколько случайных находок. Одними из первых были получены материалы из могильников у д. Зубовка и у г. Баш-Даг, на левобережье р. Чая-Холь, раскопанных М. Х. Маниай-оолом³. Большая серия памятников VII—VI вв. до н. э. была открыта и полностью раскопана силами СТЭАН на плато Алды-Бель (правобережье Улуг-Хема, участок между Эйлиг-Хемом и Куйлуг-Хемом) и на могильниках Хемчик-Бом III, расположеннном на правом берегу р. Хемчик, у места впадения его в Енисей, и Ортаа-Хем I, II.

Материалы раскопок позволяют сделать ряд важных выводов. Прежде всего о датировке памятников — она базирует-

¹ Произведенное выделение памятников монгун-тайгинского типа встретило поддержку многих исследователей. См. например: В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Монголии. *Studia archaeologica Instituti historiae Academiae Scientiarum Respublicae Populi Mongoli*, т. V, ф. 1, Улан-Батор, 1967, стр. 46—48; M. Grigazov. *Archaeologia mundi Siberie du Sud*. Les Editions Nagel, Genève — Paris — Munich, 1969, стр. 233 и сл.; А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству (Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР). М., 1962, стр. 206.

² Редколлегия считает, что вопрос о выделении новых археологических культур требует дополнительной аргументации, особенно в части соотношения их с уже введенными в научный оборот культурами.

³ М. Х. Маниай-оол. Тува в скифское время (Уюкская культура). М., 1970, стр. 15—16.

ся на основе определения весьма представительного инвентаря, найденного в комплексах,— это серии специфических удила со стремечковидными окончаниями и псалиями, узечные обоймы, зеркала с бортиком, оселки и другие предметы.

Конструкция курганов и погребальный обряд резко выделяют обнаруженные экспедицией памятники VII—VI вв. до н. э. из более поздних памятников скифского времени в Туве. Основные черты погребального обряда и конструкции таковы: наземные сооружения курганов — из обломков горных пород и валунов, форма в плане — округлая или эллипсоидная, часты крепиды из более крупных камней; в большинстве случаев каждый комплекс состоит из двух курганов, примыкающих друг к другу и вытянутых по оси С-Ю. Погребения одиночные в подчетырехугольных каменных ящиках, как правило, с многослойным перекрытием из плит и в подчетырехугольных срубах. Под каждым курганом — от 1—3 до 6 погребений. Положение погребенных — скорченное, на левом боку, реже — на правом, с подогнутыми ногами, ориентировка головой на З. С. К этому типу памятников алды-бельской культуры примыкают по времени отдельные погребения на Куйлуг-Хемском плато (курганы окружной в плане формы, наземные сооружения из валунов и обломков горных пород, окружены кольцом каменной платформы, могильные ямы глубокие — до 3 м, погребения в камерах, сложенных из каменных плиток).

Памятники алды-бельской культуры в Туве обнаруживают черты ближайшего сходства с комплексами тасмолинской культуры, выделенной главным образом в результате исследований М. К. Кадырбаева в Казахстане. Есть основания для того, чтобы считать алды-бельские и тасмолинские памятники вариантами одной археологически выявляемой общности. Прослеживается сходство и по линии конструкции погребальных сооружений, и по инвентарю, многие предметы которого — в особенности предметы узечного набора, вооружение, оселки — совпадают совершенно. Кказанному следует добавить, что памятники так называемого майэмирского этапа на Алтае, с полным основанием выделенного и датированного в свое время М. П. Грязновым¹, не известные пока в комплексах, но представленные инвентарем, чрезвычайно близки к алды-бельским, с одной стороны к тасмолинским (I этапа) — с другой.

Открытия СТЭАН ставят на повестку дня и вопрос о существовании в VII—VI вв. до н. э. широкой общности родственных этнических групп, ареал которой охватывал обширные территории Центральной Азии, Горного Алтая и Казахстана.

¹ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 9—17.

Саглынская культура распадается на два этапа — саглынский (VII—VI вв. до н. э.) и озен-ала-белигский (IV—III вв. до н. э.)¹. Памятники обоих этапов генетически связаны друг с другом, и их принадлежность к одной археологической культуре сомнений не вызывает. Саглынская культура является самостоятельным вариантом алтайского пазырыка (пазырыкские памятники также датируются V—III вв. до н. э.).

Конструкция и погребальный ритуал курганов саглынского этапа: наземные сооружения окружной в плане формы, из камней и земли, невысокие, уплощенные, имеются подчетырехугольные и окружные в плане внешние ограды из камней. Погребения коллективные, в камерах-срубах, ориентация камер — сторонами на СВ, СЗ, ЮЗ, ЮВ или по странам света, ориентировка погребенных — головами на СЗ, З, положение на левом боку с подогнутыми ногами.

Конструкция наземных сооружений памятников озен-ала-белигского этапа в принципе не отличается от курганов саглынского этапа, однако наблюдаются примечательные особенности — встречаются погребения с положением на правом боку и камеры, в которых погребенные уложены «слоями» друг на друга; наблюдается и смещение ориентировки — наряду с СЗ и З ориентировкой в камерах представлены и погребенные, ориентированные в других направлениях. Характерной чертой многих погребений является наличие на основной оси камер, в их восточной части — погребального сосуда с остатками заупокойной пищи (части барабана).

Погребения саглынского этапа раскопаны СТЭАН во многих пунктах — могильники Улуг-Оймак I, II, Ховужук, Аргалыкты VIII, Аймырлыгская группа и другие.

Главным объектом раскопок в Саглы явился один из крупнейших курганов Тувы — Улуг-Хорум. Центральное наземное сооружение (диаметр его по крепиде — 23 м, по кольцу — 63 м, число радиальных перемычек — 32) окружено крепидой из мощных валунов, а также кольцевой в плане оградой, от которой к нему тянутся «перемычки» — лучи. К кургану относились дополнительные сооружения — кольцевые выкладки (около 380). На наружных сторонах камней крепиды были открыты изображения скифского времени — фигуры горных козлов, архаров, кабанов, лошадей.

В кургане были открыты три впускных захоронения — древнетюркское с конем, кыргызское с трупосожжением и погребение монгольского времени. В центре сооружения, на

¹ Мы сохраняем наименование, предложенное С. И. Вайнштейном, обосновавшим выделившим эти памятники в особый этап. См. С. И. Вайнштейн. Памятники казылганской культуры. Труды ТКЭАН, т. II, М.-Л., 1966, стр. 173.

уровне древней поверхности почвы,— остатки двух костяков — следы человеческого жертвоприношения. Могильной ямы под курганом нет. Саглынский Улуг-Хорум — это не погребальный памятник, а своего рода храм на открытом воздухе. Первые результаты обработки материалов, в частности исследование конструкции и планировки Улуг-Хорума, позволяют заключить, что это памятник солярного культа — в плане комплекс напоминает распластанное на земле солнце.

Памятники гунно-сарматского времени (конец III в. до н. э.—V в. н. э.) оставлены в бурную историческую эпоху сложения в Центральной Азии крупных и своеобразных объединений кочевников. В этот период этническая карта Центральной Азии, в том числе Тувы, претерпела ряд существенных изменений, что подтверждается обнаружением памятников, относящихся к разным и резко отличным друг от друга археологическим культурам. Выявляются памятники новой для Тувы улуг-хемской археологической культуры, хронологически следующей непосредственно за скифским временем. Памятники этой культуры отличны по погребальному обряду как от предшествующих им памятников саглынской культуры скифского времени, так и от известных типов погребальных сооружений гунно-сарматского времени. При известной вариантиности погребальных сооружений захоронения производились в ящиках из каменных плит, как правило,— вблизи от современной поверхности почвы, или, гораздо реже, в грунтовых ямах. Нередкими являются впускные захоронения этого типа в наземные сооружения и засыпи могильных ям курганов саглынской культуры. Наиболее массовые серии погребений рассматриваемого круга в каменных ящиках и грунтовых ямах обнаружены на плато, носящем условное наименование Аймырлыг, и на могильнике Аргалыкты I. Они содержат останки одного или нескольких погребенных, имеются случаи многоярусных погребений. Захоронения взрослых и детей в целом однотипны. Положение и ориентировка погребенныхарьируют, однако преобладает скорченное положение на боку с ориентировкой головой на З. Сопроводительный инвентарь, как правило, небогатый — в основном железные вещи. Керамика, как было отмечено А. М. Мандельштамом и Д. Г. Савиным, не сходна с керамикой, находимой в камерах-срубах V—III вв. до н. э.

На могильнике Аргалыкты I были открыты специфичные варианты погребений улуг-хемской культуры. В одном из курганов погребения совершены в склепе, стени которого сооружены из положенных друг на друга плит, в западной его половине обнаружены два погребенных. Положение их скорченное, на правом боку, ориентировка различна: один — голо-

вой на С, другой — на З. В головах камни-подушки, у одного из погребенных керамический сосуд. В восточной части склепа — сосуд с заплечиками, внутри которого остатки жертвенной пищи. Автор раскопок (Ю. И. Трифонов) подметил черты сходства обряда и сопроводительного инвентаря с обрядом и вещами скифского периода, однако отнес памятник к более позднему времени.

На том же могильнике были раскопаны компактно расположенные погребения, в большинстве своем одиночные, реже — парные, в каменных ящиках и грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами. Положение погребенных — скорченное, на правом или левом боку, ориентировка — преимущественно на З или СЗ, в головах — камни-подушки. Инвентарь (керамика, железные и бронзовые предметы, костяные изделия), по заключению Ю. И. Трифонова, близок к инвентарю курганов озен-ала-белигского этапа, однако датируется комплексом последними веками до н. э. В пределах комплекса было открыто и погребение гунно-сарматского времени по обряду кремации.

Наиболее яркое погребение (мужское, в каменном ящике, положение костяка — скорченное, на правом боку, головой на С) из числа впущенных в более древние сооружения курганов скифского времени было исследовано на могильнике Урбюн III. Проанализировав сопроводительный инвентарь — керамические сосуды, наконечники стрел, детали лука, пряжки, художественную бляху с изображением борьбы кошачьего хищника с орлиным ушастым грифоном, Д. Г. Савинов с полным основанием датировал памятник послескифским временем. Дальнейшей разработки заслуживает его вывод о чертах сходства тувинских памятников этого круга с погребениями тесинского этапа (Минусинская котловина).

На могильнике Бай-Даг II впервые в Туве исследованы собственно хунинские погребения: раскопано два крупных комплекса, являющихся по типу повторением погребений в Ноин-Уле (Северная Монголия). Наземные сооружения курганов, исследованных на могильнике Бай-Даг II с полной расчисткой, имеют трапециевидную в плане форму, вытянуты по длине с С на Ю, с южной стороны — пристройка также трапециевидной формы. Могильные ямы глубокие — до 5,5 м. Погребения в прямоугольных по форме срубах, внутри них гробы, стени которых были богато украшены золотыми и серебряными фигурными обкладками. Первоначальная ориентировка погребенных — головой на Ю, положение, по всей видимости, вытянутое на спине. Древний историк Сыма-Цянь, характеризуя погребальный обряд хуннов, в своих знаменитых «Исторических записках» писал: «Для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро, одежды и

шубы, но не насыпают могильных холмов, не сажают деревья...»¹.

Приведенные материалы о могильнике Бай-Даг II свидетельствуют о том, что хунны жили не только на территориях Монголии и Забайкалья, но и Тувы².

Во многих пунктах зоны водохранилища всеми курганами отрядами СТЭАН были обнаружены и раскопаны памятники, составляющие еще один тип объектов гунно-сарматского времени. Среди материалов прошлых лет наиболее представительны коллекции Тувинской комплексной археологической экспедиции Института этнографии АН СССР, возглавляемой проф. Л. П. Потаповым, из могильника Кок-Эль в Сут-Холе. По месту раскопок этот тип памятников имеется кок-эльским.

Погребальный обряд памятников кок-эльского типа: трупоположение, ориентировка — в большинстве случаев головой на З, СЗ, положение — вытянутое на спине, в гробах и грунтовых могилах. Части курганы-кладбища, включавшие захоронения в отдельных могилах, но под общим наземным сооружением. Помимо курганов собственно кок-эльского типа, в зоне водохранилища исследованы впускные захоронения этого же типа, совершенные в наземных сооружениях более древних курганов скифского времени (часто — в заполнениях могильных ям), и впускные захоронения в курганах собственно хуннов на могильнике Бай-Даг II. Исследовались и многочисленные поминальные курганы гунно-сарматского времени (под центром наземных сооружений вкопаны керамические сосуды) на могильниках Часкал I, II, Дашиг-Шоль, Бай-Даг I, Аргалыкты I, VI, VIII, XI, XII, Ховужук, Ортаа-Хем I, II, Улуг-Оймак II, Куйлуг-Хем I, Алдыы-Бель I.

Материалы исследования памятников гунно-сарматского времени позволяют сделать некоторые выводы. Прежде всего становится все более ясным, что само наименование «гунно-сарматское время», предложенное С. В. Киселевым, носит в значительной мере условный характер, ибо новейшие археологические данные явственно свидетельствуют о наличии в Центральной Азии в последние века до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. нескольких археологических культур,

¹ Материалы по истории сюину (По китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина, М., 1968, стр. 40.

² Наличие хуннских погребений на территории Тувы признано и Л. Р. Кызласовым — который выделил так называемую «шурмацкую культуру». См.: Л. Р. Кызласов. О памятниках ранних гуннов. «Древности Восточной Европы» (МИА, № 169), М., 1969, стр. 123 и сл. Л. Р. Кызласов полагает все же, что это памятники населения прошлого происхождения.

по погребальному обряду и другим признакам резко отличающихся друг от друга.

Насущной задачей на будущее является детализация абсолютной и относительной хронологии всех основных типов памятников гунно-сарматского времени. Предстоит выяснить сложную проблему размещения и взаимоотношений представленных в гунно-сарматское время археологических культур. Пока бесспорно наличие памятников, оставленных собственно хуннами. Более необходимо установить, какие из памятников соотносятся с временами господства в Центральной Азии союзов племен дунху, сяньби, тоба.

Коллектив СТЭАН, изучающий памятники VI—начала X в. н. э. считает, что древнетюркское время — это целостный исторический период образования и крушения обширных и могущественных государств кочевников — тюрок, уйгуров, а также енисейских кыргызов.

Среди древнетюркских комплексов особо ценные материалы получены при исследовании могильников, расположенных у северных отрогов хребта Аргалакты и в районе Кара-Тала. Древнетюркские погребения с конем обнаружены также при раскопках могильников Часкал II и Саглы.

Исследования СТЭАН подтвердили выдвинутую ранее периодизацию древнетюркских погребений, согласно которой памятники подразделяются на 4 основные группы: VI—VII вв.—трупосожжения при поминальных комплексах со стелами; VII—VIII вв.—трупоположения с конем, ориентировка погребенных по оси В-З; VIII—IX вв.—трупоположения с конем, ориентировка погребенных по оси С-Ю; IX—X вв.—трупоположения без коня, ориентировка по оси С-Ю или СЗ-ЮВ.

К 1970 г. обнаружено 8 неизвестных ранее надписей — в Эйлиг-Хеме, на Ортаа-Хеме, на Демир-Суге, на плато Алдыы-Бель, в пределах Саянского каньона Енисея — на Беделиге, на Хемчик-Боме и в районе целебного источника Шугур. Исследование и дешифровку надписей в 1965—1968 гг. проводил в составе СТЭАН профессор И. А. Батманов, с 1969 г. эту работу ведет С. Г. Кляшторный.

Погребения древних кыргызов, раскопанные на могильниках Эйлиг-Хем III, Алдыы-Бель, Куйлуг-Хем III, Саглынский Улуг-Хорум, Ортаа-Хем II, III, Демир-Суг II, дали многочисленный инвентарь, поражающий отличной сохранностью. На бронзовых бляхах зафиксированы буддийские сюжеты. Необходимо отметить одну черту погребального ритуала — сабли местного производства согнуты пополам. Инвентарь имеет специфически кыргызские черты: характерные формы удил с S-видными псалиями, стремена с фигурными прорезями в подножиях, специфические по форме пряжки. Помимо чисто

киргызских по происхождению предметов, обнаружены вещи привозные. Среди них выдающееся место занимает уникальная для Центральной Азии и Южной Сибири сабля работы искусных мастеров Арабского Востока — клинок дамасской стали с орнаментом и арабскими надписями на обеих сторонах. Вопрос об уточнении верхней хронологической границы кыргызских погребений сложен и нуждается в дополнительной разработке.

Поиски и исследования памятников древнетюркского времени продолжаются. В настоящее время коллективом СТЭАН ведется интенсивная разработка проблем древнетюркской археологии — вопросов хронологии памятников, типологии по-гребального обряда (Г. В. Длужневская), ювелирного искусства (Н. Л. Буравик), этнических и социальных проблем (Ю. И. Трифонов). Эти исследования помогают восстановить как черты древнетюркской общности, так и специфику локальных зон и районов.

С. В. Киселев наиболее полно сформулировал в свое время концепцию о значении и роли оседлой цивилизации в историческом развитии народов Центральной Азии¹. Согласно этой концепции территории Центральной Азии были районами развития не только кочевых обществ — здесь существовала и развивалась также и оседлая цивилизация, центры которой находились во взаимодействии с окружающим их миром кочевников.

На территории Улуг-Хемского района находится целый ряд древних городищ. 2-й отряд СТЭАН (А. М. Мандельштам, А. А. Гаврилова) произвел раскопки на городище Бажын-Алаак (здесь были вскрыты участки городской стены, северо-западная башня и жилища типа землянок), а также разведочную шурфовку на 2-м Шагонарском городище, где вопреки имевшимся представлениям был обнаружен культурный слой.

Проблематика, связанная с изучением древних городов Тувы, включает ряд важных неразрешенных вопросов, например вопрос о нижней хронологической границе возникновения центров оседлой цивилизации.

Экспедицией были исследованы новые пункты наскальных изображений — на южных отрогах хребта Аргалыкты, на скале Улуг-Хая (возвышающейся на Куйлуг-Хемском плато). Принципиально новые данные по истории наскального искус-

¹ С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2. См. также: Древнемонгольские города. М., 1965 (статьи С. В. Киселева, Л. А. Евтуховой, Н. Я. Мерперта, Л. Р. Кызласова, В. П. Левашовой).

ства были получены при исследовании петроглифов на Мугур-Сарголе и Чинге, в 7 км выше устья р. Хемчик. На скалах, нависающих над Енисеем, а также расположенных в непосредственной близости от берега, обнаружено скопление изображений, явно синхронных друг другу. Главное место среди петроглифов занимают изображения масок — человеческих личин (иногда с «татуировкой»), увенчанных рогатыми уборами. Есть все основания полагать, что на скалах изображены накладные маски (на большинстве личин, в нижней их части видны ручки для держания). Маски исполнены с большой экспрессией, у одних рот разверст как бы в безумном крике, другие изображают смеющиеся лица. На скалах Мугур-Саргола изображены и танцующие люди с воздетыми вверх руками. Вместе с личинами нарисованы дикие животные: горные козлы, маралы, быки и даже рыбы. Особое значение для датировки этих петроглифов эпохой бронзы имеют зафиксированные на скалах изображения колесниц и счетверенных грифов. Изображения на Мугур-Сарголе и Чинге представляют собой своего рода первобытный театр на скалах. Личины являются изображениями жрецов-шаманов скотоводческих и охотничий племен, населявших эти территории в древности.

Значительный интерес представляют собой петроглифы, открытые на правобережье р. Куйлуг-Хем. Среди них четко выделяются по относительной и абсолютной хронологии два взаимоперекрывающихся пласта — ранний, несомненно датируемый скифским временем, и поздний, который, по мнению М. А. Дэвлет, относится ко второй половине I тысячелетия н. э.

СТЭАН исследовала Саянский каньон Енисея, так называемую Саянскую трубу, где река прорезает Саянский хребет, чтобы выйти на просторы Минусинской котловины. Первым археологом, прошедшим в 1965 г. всю Саянскую трубу от начала до конца, был С. Н. Астахов. В том же году нами было предпринято обследование Саянского каньона Енисея на вертолете, продолженное в 1966 г. и 1969 г. Аэровизуальные и аэрофотосъемочные работы резко увеличили объем информации. В 1968—1970 гг. были совершены многократные маршруты по воде. В результате были выявлены скопления археологических комплексов по обоим берегам каньона в местах впадения в Енисей рр. Большие Уры, Малые Уры, Хем-Терек, в урочище Кургол (в 0,5 км выше Кургольской шиверы), в Утугузюрском и Керемикском займищах, а также в устье Хемчика.

Все обнаруженные памятники относятся к центральноазиатским типам — это курганы. Открытие их в Саянском каньоне имеет принципиальное значение в нескольких аспектах. Во-первых, обнаружение в каньоне археологических па-

мятников полностью опровергло прежние представления о непроходимости Енисейского каньона в древности; археологические памятники, открытые в каньоне, здраво свидетельствуют о том, что шиверы и пороги Енисея не представляли в древности непреодолимых препятствий, что в глубину этой труднодоступной зоны Саян в разные исторические эпохи проникали люди, и это проникновение не было эпизодическим. Во-вторых, выяснилось, что в таежной зоне Саян распространены памятники, встречавшиеся ранее в пределах горно-степных пространств Центральной Азии к югу от Саянского хребта.

Одной из самых настоятельных задач СТЭАН считает исследование памятников позднейших погребений II тысячелетия н. э. Эти исследования, возглавляемые И. У. Самбу, ведутся комплексным методом — археологические памятники изучаются историко-этнографически.

За время работ СТЭАН обнаружено много новых комплексов XVII—XIX вв., давших ценный материал. Погребения XVII—XIX вв. совершались в наземных сооружениях более древних курганов, относящихся к различным историческим эпохам. Позднейшие погребения были исследованы на могильниках Аргалыкты I, Часкал II, Эйлиг-Хем III, Ортаа-Хем II. Господствующая форма погребального обряда — трупоположение. Положение погребенных — вытянутое на спине, ориентировка — головой на В. СВ, в ногах сопроводительные погребения одного или двух коней.

Помимо погребений, во многих случаях зафиксирован новый вид памятников, ранее не привлекавший специального внимания — ритуальные дополнения в наземных сооружениях древних курганов — серии бытовых предметов, включающие кожи, серпы, жернова, пряжки (могильники на Алды-Беле, Куйлуг-Хеме, Ортаа-Хеме).

Исследования позднейших памятников будут продолжаться экспедицией и в дальнейшем. Весьма важным делом представляется выделение локальных вариантов по погребально-му обряду и выяснение их соотношения с этнокартой тувинцев конца XIX — начала XX в.

В ходе полевых исследований, ведущихся СТЭАН, была проведена разработка некоторых новых методов: при обследовании зоны водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС широко применялся вертолет¹. Во время воздушных маршрутов фиксировались все виды археологических памятников: стоянки каменного века, курганные могильники, включающие объекты

¹ Соавторами разработки практических приемов применения вертолета в археологических исследованиях явились летчики Б. А. Дримба, Г. Ф. Литвинчук, В. Т. Чистяков — участники работ СТЭАН в 1965—1969 гг.

монгун-тайгинского типа, скифского, гунно-сарматского, древнетюркского времени, позднейшие погребения XVII—XIX вв., города древних уйголов, древние оборонительные сооружения. Применение аэрометодов позволило резко интенсифицировать ход археологических исследований.

Перед коллективом экспедиции стоит обширный комплекс задач — некоторые вопросы древней истории Тувы недостаточно полно обеспечены материалом, многие лакуны все еще затрудняют создание целостной картины исторического прошлого страны Голубой реки и сопредельных территорий Центральной Азии и Сибири.

М. Х. Маннай-оол

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТУВЫ

Археологические памятники Тувы, имеющие большую научную ценность для воссоздания исторического прошлого не только тувинцев, но и других народов Саяно-Алтайского нагорья, Центральной и Средней Азии, привлекали внимание ученых еще в XVIII в.¹ хотя изучение их началось значительно позднее в связи с открытием памятников енисейской письменности. В конце XIX в. Туву посетили русские ученые Г. Н. Потанин (1877, 1879 гг.), А. В. Адрианов (1879, 1881 гг.), Д. А. Клеменц (1885, 1887 гг.), а также финские исследователи И. Р. Аспелин (1888 г.), А. О. Гейкель (1889 г.) и другие, которые оставили некоторые сведения о памятниках Тузы.

Впервые археологические раскопки на территории Тузы произвел А. В. Адрианов в 1915—1916 гг. К сожалению, его материалы до сих пор остаются неопубликованными².

В 1926—1929 гг. С. А. Теплоухов раскопал 160 курганов и собрал значительное количество подъемных и случайных материалов³. Материалами С. А. Теплоухова широко пользова-

¹ См.: Л. Р. Кызласов. Краткая история археологического изучения Тузы. ВМУ, серия IX, история, 1965, № 3; А. Д. Грач. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве. КСИА, вып. 118, 1969.

² Оригиналы дневников А. В. Адрианова под № 78 и коллекция № 6041 хранятся в Музее материальной культуры Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева.

³ См. С. А. Теплоухов. Каури в Урянхайском и Минусинском крае, «Известия ГАИМК», т. VI, вып. 8—9, Л., 1931, стр. 101, прим. II; что же. Металлический период. «Сибирская советская энциклопедия», т. III, 1932, табл. II, а также Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г., т. II, Л., 1928; Отчет за 1929 г., т. II, Л., 1930, стр. 14—16; Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований АН СССР, № 24/85, 1929. Материалы раскопок С. А. Теплоухова хранятся в Государственном Эрмитаже, а дневник и рукопись отчета — в архиве Музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

лись при написании своих работ¹ Г. П. Сосновский, Л. Р. Кызласов, С. И. Вайнштейн, Н. Л. Членова, М. Х. Маннай-оол, В. Н. Полторацкая и др.

В 1941—1943 гг. были организованы три разведывательные экспедиции «по внешнему описанию памятников древней культуры»², но археологические раскопки не производились.

Археологическое изучение Тувы заметно усилилось, приобрело целеустремленный характер в советский период. После вхождения Тувы в состав СССР изучение ее древностей стало разносторонним и систематическим. В 1947 г. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция АН СССР во главе с профессором С. В. Киселевым осуществила маршрутную разведку по выявлению памятников в центральных, западных и южных районах. Еще тогда Л. А. Евтихова и С. В. Киселев высказали мнение о том, что «по своему внешнему виду надмогильные сооружения Тувы резко отличны от таких же памятников Минусинской котловины, в то же время все виды надмогильных сооружений Тувы чрезвычайно сходны с алтайскими»³.

В 1951, 1953 и 1954 гг. археологические разведки и раскопки в Туве производил С. И. Вайнштейн. В результате им впервые были получены новые данные о погребальном обряде и типах курганов Тувы V—III вв. до н. э.⁴ В 1953, 1955 гг. А. Д. Грачом было зафиксировано и исследовано значительное число ранее неизвестных каменных изваяний и ряд скоп-

¹ Г. П. Сосновский. Новые палеолитические месторождения Южной Сибири. КСИИМК, вып. VII, М.-Л., 1940, стр. 87; «История СССР» (макет), ч. I—II, Изд. ИИМК АН СССР, М.-Л., 1939, стр. 420—421; Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969; С. И. Вайнштейн. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореферат докторской диссертации, М., 1969; Н. Л. Членова. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, Кызыл, 1961; М. Х. Маннай-оол. Тува в скифское время. М., 1970, В. Н. Полторацкая. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С. А. Теплоухова). «Археологический сборник», вып. 8, Л.-М., 1966.

² См. Н. М. Богатырев. О тувинских памятниках древности «Под знаменем Ленина—Сталина». Кызыл, 1942, № 2; см. также рукопись Д. В. Даизын-оола «Сведения о старинных памятниках на территории Тувинской области» (хранится в архиве Тувинского республиканского краеведческого музея).

³ Л. А. Евтихова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949; Л. А. Евтихова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА СССР, № 24.

⁴ С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1955; его же. Памятники скифского времени в Западной Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1955.

лений наскальных изображений¹. С 1955 г. систематическую археологическую работу начинает экспедиция ТНИИЯЛИ².

В 1955—1960 и в 1962 гг. одновременно с институтом вели раскопки археологическая экспедиция МГУ под руководством Л. Р. Кызласова³. Работа этой экспедиции оказалась весьма результативной. Л. Р. Кызласов открыл ряд средневековых поселений, городищ, городов и на основе своих полевых исследований создал периодизацию археологических памятников Тувы от эпохи камня вплоть до этнографически известной культуры тувинцев (XVI—XIX вв.).

В 1957—1963 и 1965 гг. на территории республики работала комплексная археолого-этнографическая экспедиция ИЭ АН СССР (ТКЭАН) под общим руководством профессора Л. П. Потапова (археологические отряды возглавляли А. Д. Грач, С. И. Вайнштейн и В. П. Дьяконова). Экспедиция, наряду со сбором ценных этнографических материалов, внесла важный вклад в изучение памятников уюкской (казылганской) культуры (VII—III вв. до н. э.), I в. до н. э. и I в. н. э., т. е. периода господства гуннов в Туве, а также древнетюркского времени (VI—VIII вв.). Результаты работ экспедиции обобщены в трехтомном издании Трудов ТКЭАН⁴.

¹ А. Д. Грач. Археологические исследования в Западной Туве. КСИЭ, вып. XXIII, 1955; его же. Обследование археологических памятников Западной Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1954; его же. Петроглифы Тувы. I. Сб. МАЭ, т. 17, 1957; его же. Петроглифы Тувы. II. Сб. МАЭ, т. 18, 1958.

² См. С. И. Вайнштейн. Археологические исследования в Туве в 1955 году. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IV, Кызыл, 1966; его же. Некоторые итоги работы археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958; его же. Средневековые огедийские поселения и оборонительные сооружения в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, Кызыл, 1959; его же. Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, Кызыл, 1963; М. Х. Маннай-оол. Археологические исследования в Овюрском районе в 1960 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, Кызыл, 1959; его же. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, 1961; его же. Новые материалы скифского времени в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, Кызыл 1964; его же. Исследования на территории Тувинской АССР. АО 1967 года, М., 1968, стр. 143—144; его же. Археологические исследования ТНИИЯЛИ в 1967 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII; Кызыл, 1968; М. Х. Маннай-оол. Раскопки в Тувинской АССР. АО 1968 г. М., 1969, стр. 200—201 и др.

³ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМУ, историко-филологическая серия, 1958, № 4; его же. Тыва в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМУ, серия IX, исторические науки, 1960, № 1; его же. Этапы средневековой истории Тувы. ВМУ, серия IX, история, 1964, № 4; его же. Курганы тувинцев. ВМУ, серия IX, история, 1964, № 5; его же. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3; его же. Памятник мусульманского средневековья в Туве. СА, 1963, № 2; его же. Городище Ден-Терек. «Древнемонгольские города», М., 1965.

⁴ См. Труды ТКЭАН, т. I, М.-Л., 1960; т. II, М.-Л., 1966; т. III, М.-Л., 1971.

В 1959—1963 гг. ценную исследовательскую работу по изучению горного дела и металлургии в древней Туве проделал Я. И. Сунчугашев¹.

Замечательные результаты по археологии Тувы, начиная с палеолитических стоянок и вплоть до XIX в., получила Саяно-Тувинская экспедиция ИА АН СССР во главе с А. Д. Грачом, начавшая свою деятельность в 1965 г. в зоне водохранилища Саянской ГЭС².

Важным общим итогом работ всех экспедиций следует считать то, что они убедительно опровергают псевдонаучные воззрения буржуазных ученых об «исторических» и «неисторических» народах, выявив в находках самобытность древней культуры предков современных тувинцев и ее историческую преемственность.

За последние годы накоплено большое количество материалов и сделан ряд открытий, позволяющих еще глубже разработать некоторые вопросы древней и средневековой истории Тувы. Важное значение в этом отношении имеют многочисленные материалы исследований СТЭАН, работа которой рассчитана на 1965—1974 гг. Сравнительно хорошо изучен ранний железный век (VII—III вв. до н. э.) и период господства гуннов (1 в. до н. э.—1 в. н. э.), а также время существования ранних государств тюрок, уйголов и киргизов (VI—XII вв.). По этим периодам имеются не только статьи и публикации, но и монографические исследования, посвященные как отдельным памятникам, так и общим проблемам³.

В последние годы открыт ряд новых памятников енисейской письменности. К настоящему времени на территории Тувы зарегистрировано и обследовано свыше 60 таких памятников⁴.

Вместе с этим до сих пор остаются малоизученными периоды локлассового общества: каменный век Тувы, без исследования которого невозможно решить вопрос о ранних этапах истории и происхождения тувинского народа, и бронзовый век (конец III тысячелетия до н. э.—VIII в. до н. э.) — один из важнейших периодов древней истории Тувы, для которого

¹ Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М., 1969.

² Краткие информации о работе отрядов СТЭАН опубликованы в ежегодных сборниках «Археологические открытия 1965, 1966, 1967, 1968, 1969 гг.» М., 1966, 1967, 1968, 1969. См. также А. Д. Грач. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве.

³ А. Д. Грач. Каменные изваяния Тувы. М., 1961; Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969; М. Х. Маннай-оол. Тува в скифское время. М., 1970.

⁴ См. А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. «Тюркологический сборник», М., 1970, стр. 114—117.

характерно появление скотоводства и начало производства первых металлических орудий из меди и бронзы. Почти не изучены памятники II—V вв. и особенно XII—XVI вв. Следует отметить также, что наиболее труднодоступные, а также пограничные районы (Тере-Холь, Тоджа, Каа-Хем и др.) еще не охвачены археологическим обследованием, за исключением отдельных небольших раскопок разведочного характера¹. Недостаточно разработана хронология отдельных периодов, периодизация археологических культур Тувы и их генезис.

На основании изложенного можно наметить следующие очередные задачи археологического изучения Тувы:

а) усиление разведки и раскопок прежде всего в наименее изученных районах;

б) изучение генезиса археологических культур Тувы, их этнической принадлежности и соотношения с синхронными им культурами соседних территорий;

в) разработка единой периодизации археологических культур Тувы и устранение существующего в литературе разнобоя в их названиях;

г) составление археологического атласа Тувы усилиями всех специалистов, работающих на ее территории.

Дальнейшее развертывание археологических исследований и обработка их материалов при участии научных учреждений Москвы и Ленинграда, несомненно, дадут возможность воспроизвести еще многие неизвестные нам страницы истории Тувы.

¹ С. И. Вайнштейн. Археологические исследования в Туве в 1955 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IV; его же. Древний Пор-Бажин. СЭ, 1964; А. Х. Маннай-оол. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X; М. А. Дэвлет. Археологические исследования в Тодже в 1969 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970.

Ю. И. Трифонов

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ТУВЫ

В истории кочевых и полукочевых племен Южной Сибири и Казахстана, Центральной и Средней Азии период древнетюркского времени (VI—X вв. н. э.) — узловой период, характеризующийся коренными сдвигами почти во всех областях общественной жизни. В эту эпоху происходит консолидация этнических группировок, оформление устойчивых этнических общностей, положивших начало образованию большинства современных тюркоязычных народов — киргизов, казахов, алтайцев, узбеков, хакасов, уйголов, якутов, туркмен, тувинцев и др.

Однако в настоящий момент мы имеем возможность реконструировать лишь основные исторические процессы, протекавшие в Туве в VI—X вв., ввиду слабой разработанности многих вопросов, в частности вопросов происхождения и развития отдельных этнических группировок Тувы этого времени, этногеографии древнетюркских племен, культурно-экономического взаимодействия их между собой и с другими народами.

В чем же причины подобного положения? Главная причина заключается в том, что данные вопросы истории Тувы теснейшим образом переплетены с аналогичными недостаточно полно разработанными проблемами древнетюркской истории вообще, исследователи которой не пришли к единому мнению не только в отношении тех или иных аспектов политических событий, социально-экономического строя или искусства древнетюркских племен, но и относительно самого понятия «древнетюркское время».

Одни ученые трактуют этот период как длительную и совершиенно особую эпоху в истории тюркоязычных народов, в течение которой (VI—первая четверть X в. н. э.) не произошло в целом крупных этнокультурных изменений, а «смена одного каганата другим свелась в основном к смене политической гегемонии»¹. Другие определяют данный период только как время существования тюрских каганатов VI—VIII вв., а время уйгурского и кыргызского господства в Центральной Азии и Южной Сибири рассматривают в качестве самостоятельных и особых исторических эпох². К первой точке зрения близки Л. А. Евтухова и С. И. Вайнштейн³, относящие к «турскому времени» VI—IX вв., ко второй — Л. Н. Гумилев и С. Г. Кляшторный⁴.

Полагаем, что терминологически правомерны оба понятия. Если употреблять это понятие в широком историческом и этнокультурном значении, то период древнетюрского времени должен охватывать VI—X вв. (это — именно древнетюрское время, а не гунно-сарматское или древнемонгольское). Если же применять его в более узком смысле, то есть касательно собственно древних тюрок алтайского происхождения (этническое значение термина) или их истории (политическое), то данный период древнетюрского времени должен распространяться лишь на VI—VIII вв. Здесь мы придерживаемся первого, более широкого значения этого термина.

Другие причины кроются, на наш взгляд, в специфике и современном состоянии источников, а именно — в ограниченном количестве отдельных их видов и их первоначальности в отношении качественного содержания.

В самом деле, число собственно письменных свидетельств, находящихся в китайских, арабских, персидских и некоторых других хрониках или записках, так или иначе освещавших процессы, происходившие в Туве в VI—X вв., и повествующих о жизни ее обитателей, до сих пор еще чрезвычайно мало. Данные лингвистики, фольклора, этнографии, топонимики и

¹ А. Д. Грач. Хронологические и этнокультурные границы древнетюрского времени. «Тюркологический сборник», М., 1966, стр. 188; его же. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве. КСИА, вып. 118, 1969, стр. 49; его же. По поводу рецензии Л. Р. Кызласова. СЛ, 1965, № 3, стр. 305—306.

² Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 16 и сл.

³ Л. А. Евтухова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952, стр. 72; С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюрской культуры. СЭ, 1966, № 3, стр. 75—80.

⁴ Л. Н. Гумилев. Древние тюрок. М., 1967; С. Г. Кляшторный. Древнетюрские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

смежных с ними дисциплин в общем-то также малочисленны и, кроме того, нередко включают в себя значительные наслонения более позднего времени. Имеющийся обширный этнографический материал в хронологическом отношении далек от периода VI—X вв. В этих условиях исключительное значение приобретают памятники, принадлежащие собственно древнетюркским племенам. К ним относятся рунические надписи и разного рода археологические материалы. Но и они, особенно погребальные памятники, невелики в количественном отношении, что, естественно, тормозит разработку различных конкретно-исторических проблем, поскольку погребальный обряд является важнейшим этнокультурным показателем. Но значение этого рода древнетюркских памятников при скучности письменных документов и специфике других, вспомогательных материалов, трудно переоценить. Без них невозможно решить многие проблемные вопросы. От возрастаания количества этих источников прямо зависит и поступление новых серий антропологических, палеозоологических и некоторых других данных. В последние годы древнетюркские комплексы интенсивно изучались СТЭАН, преимущественно в Центральной Туве.

Одной из актуальных проблем древнетюркской археологии, как известно, является проблема периодизации как погребально-поминальных комплексов, так и памятников мемориального характера (каменные изваяния, стелы с «енисейской письменностью»), а также петроглифов.

В настоящее время в Туве открыты все основные типы древнетюркских погребений, относящихся к VI—X вв.¹ Некоторые из них, например погребения с конем, имеют широчайшее распространение, встречаясь во всех областях сложения и бытования древнетюркских этнических общностей², другие же (кенотафы³, погребения в каменных ящиках или колышах и пр.) ограничены более узкими территориями, находясь не во всех даже сопредельных с Тувой регионах. Но, как правило, по поводу внутренней периодизации и тех и других между исследователями существуют серьезные разногласия. Более или менее согласно датируются лишь погребения с

¹ Г. В. Длужневская. Типы погребений древнетюркского времени на территориях Тувы, Алтая и Монголии. «Филология и история тюркских народов (тезисы докладов)», Л., 1967, стр. 56—57; А. Д. Грач. Итоги и перспективы исследований в Туве, стр. 49—52.

² А. Д. Грач. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 211—212.

³ Здесь мы имеем в виду такие кенотафы, которые имитируют захоронения с конем: обряд тот же, но человека нет, а погребена только лошадь.

сожжениями, относимые к кыргызам в Туве¹. Наибольшие же споры вызывает датировка одного из характернейших типов древнетюркских погребений — погребений с конем, а также близких им по обряду погребений с бараном и кенотафов.

Одни исследователи считают более ранними (VII—VIII вв.) те памятники, в которых человек и сопровождавший его в погребении конь (или кони) расположены в меридиальном направлении (ось С-Ю с отклонениями)², а более поздними (VIII—IX вв.) те, в которых человек и конь лежат по широтной линии (ось В-З с отклонениями)³. При этом они как будто полагают, что данная периодизация применима не только к Туве, но и ко всем другим областям древнетюркского мира, где встречены погребения с конем. Сторонники второй точки зрения утверждают, что в Туве погребения, расположенные в меридиальном направлении, являются, наоборот, поздними (VIII—IX вв.), а с широтной ориентировкой людей и животных — ранними (VII—VIII вв.)⁴. Существует и третья точка зрения, согласно которой с VI по X вв. бытовали оба вида погребений, причем не на какой-то одной территории (в данном случае в Туве), а по всему паясу древнетюркских кочевий⁵.

Новый материал из раскопок СТЭАН позволяет ответить на этот вопрос совершенно определенно. На очень ограниченной территории в Центральной Туве⁶ нами раскрыта серия погребений с конем (рис. I—4). Характерные черты обряда: захоронение человека с одной или двумя лошадьми в грунтовых ямах под каменными наземными сооружениями — либо окружными в плане курганами, как правило, довольно боль-

¹ Л. Г. Нечаева. Погребения с трупосожжениями могильника Тора-Тэл-Арты. Труды ТКЭАН, т. II, М.-Л., 1966, стр. 139—141; А. Д. Грач. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии, стр. 212—213.

² Л. Р. Кызласов указывает, что для этих памятников «характерен обряд погребения человека головой на север или (с отклонением) на северо-восток (при обратной ориентации расположенных в могилы коней)». (История Тувы в средние века, стр. 18—19).

³ Л. Р. Кызласов (История Тувы в средние века, стр. 78) пишет, что человека «погребали... головой на восток или (с отклонением) на юго-восток при обратной ориентации расположенного в могилу коня».

⁴ А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, стр. 91; его же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. Труды ТКЭАН, т. I, М.-Л., 1960, стр. 147—148; его же. По поводу рецензии Л. Р. Кызласова, стр. 302—303.

⁵ С. И. Вайкштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, СЭ, 1966, № 3, стр. 76—79; А. А. Гаврилов. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965, стр. 65.

⁶ Территория, на которой расположены могильники (между г. Шагонаром и пос. Кара-Тал, у подножья хр. Аргалыкты, на левом берегу р. Енисей), насчитывает всего менее десятка километров в длину и два-три километра в ширину.

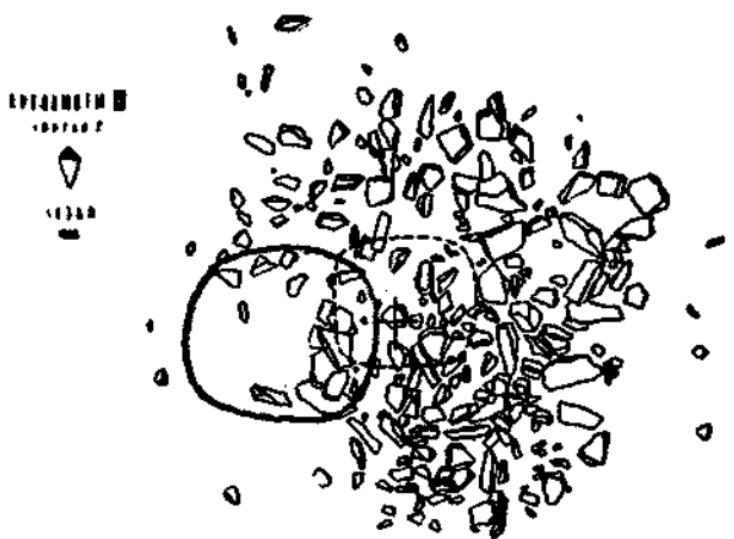
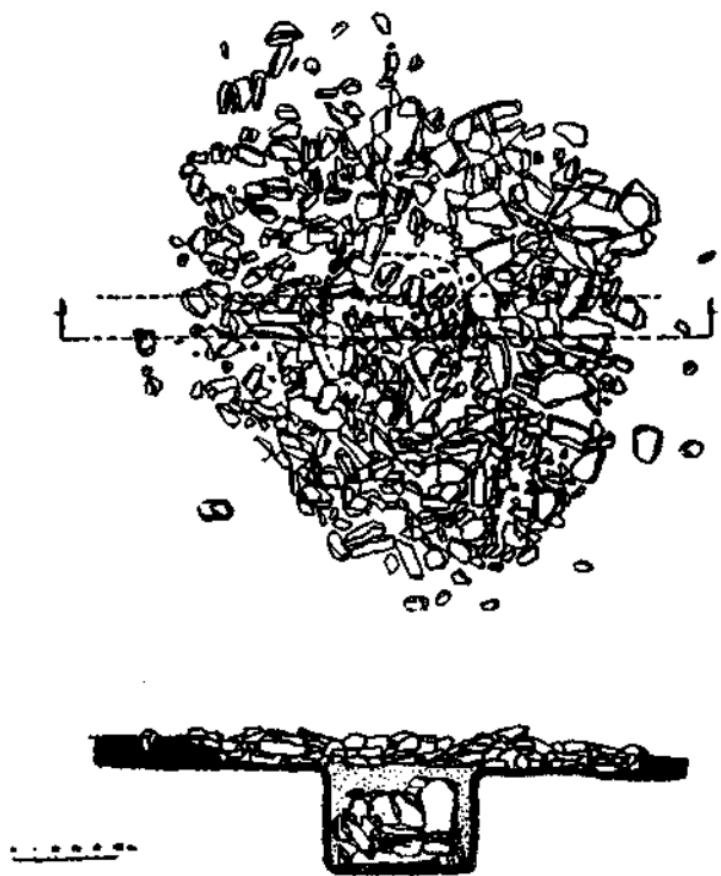

Рис. 1. Аргалыкты VIII, курган 2. План наземного сооружения до расчистки (вверху), после расчистки (в середине) и разрез.

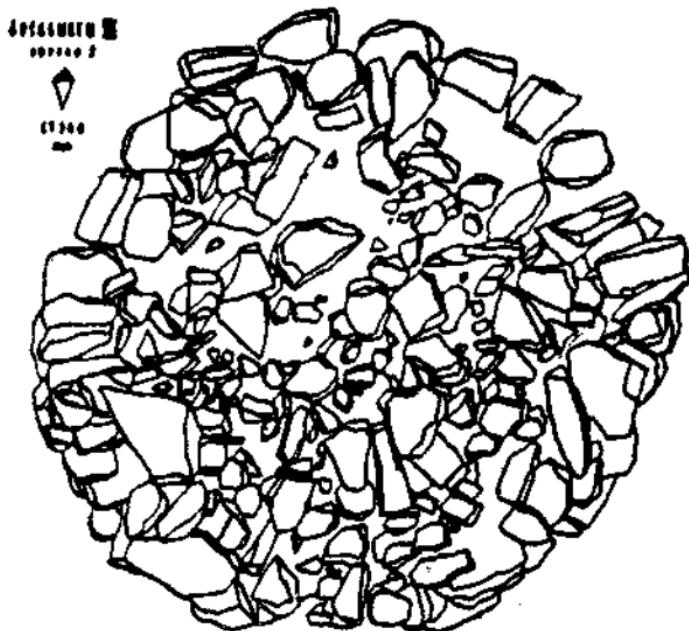

Рис. 2. Аргалыкты VIII, курган 2. План основы сооружения.

шими по размерам¹, либо округлыми в плане низкими, сильно задернованными выкладками²; ямы в плане подпрямоугольные, подквадратные или овальные, ориентированы сторонами преимущественно по странам света. В северной половине могил — погребение человека в деревянной «колоде»³ (в одном случае — в каменном ящике), в южной — погребение коня; между ними чаще всего разделительная стенка из массивных каменных плит; конь, как правило, на приступке (за исключением двух могил)⁴; положение человека — вытянутое, на спине, ориентировка — головой на В (в большинстве случаев)

¹ Сравнительно с другими аналогичными курганами, содержащими древнетюркские погребения с конем. Размеры самого маленького объекта — $8,5 \times 8,5 \times 0,5$ м, размеры самого большого — $10,5 \times 10,5 \times 1,0$ м (диаметр, высота).

² И в том, и в другом случае выявлены основы сооружений, позволяющие реконструировать первоначальный внешний облик наземной постройки.

³ Колод как таковых не существовало, а имелись большие плахи, накрывающие погребенного и подостланные под него.

⁴ В одной из них (погребение младенца с жеребенком) приступка не было вообще, в другой — на приступке находился не конь, а человек. Последний объект отличался и своеобразной наземной конструкцией.

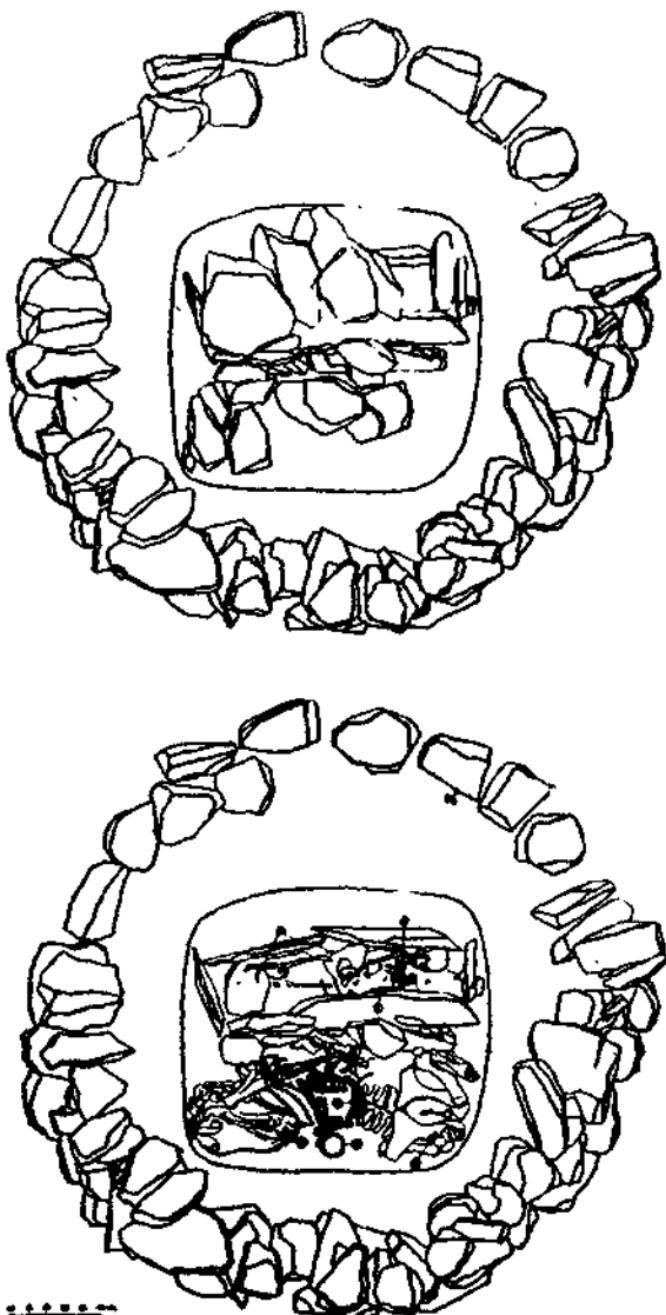

Рис. 3. Аргалык VIII, курган 2. План погребения до снятия плит перекрытия (вверху) и после расчистки (внизу).

Рис. 4. Общий вид погребения после снятия плах перекрытия над скелетом человека.

или на ВСВ (три раза), ВЮВ (два раза); положение лошади — на животе, с подогнутыми ногами, щея изогнута, голова чаще всего обращена к ногам человека¹, ориентировка — в противоположную от человека сторону. В могилах находятся преимущественно мужчины со всеми атрибутами воина, реже — женщины и дети с соответствующими категориями вещей. Одним словом, по основным показателям обряда — это типичные древнетюркские погребения с конем. Инвентарь в них также обычен для данного рода памятников, хотя и представлен значительным количеством предметов как конского убора (седла с псалиями, подпружные пряжки, застежки от пут, всевозможные подвески и украшения и пр.), так и человеческого убранства (орудия труда и быта, украшения, поясные наборы и т. д.). Как датировать эти памятники?

Импортных изделий, которые имели бы твердую и узкую дату, в этих могилах не имеется, поэтому время их сооружения определяется нами по взаимовстречаемости тех категорий инвентаря, которые получили детальную разработку в исследо-

¹ В тех случаях, когда в могилах находились две лошади (три погребения), морды их обращены в разные стороны, по же к ногам человека.

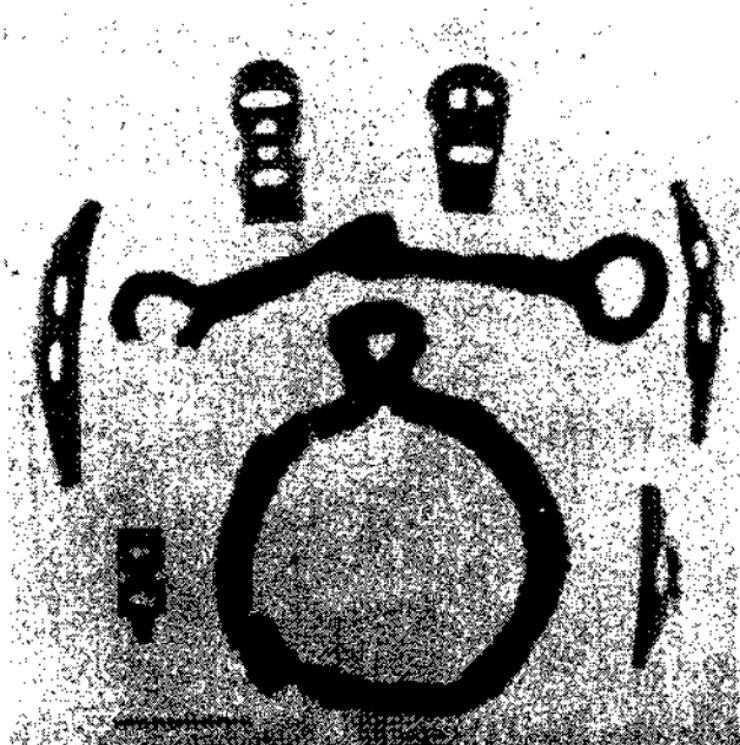

Рис. 5. Аргалыкты VIII, курган 2. Инвентарь погребения (принадлежности конского убора).

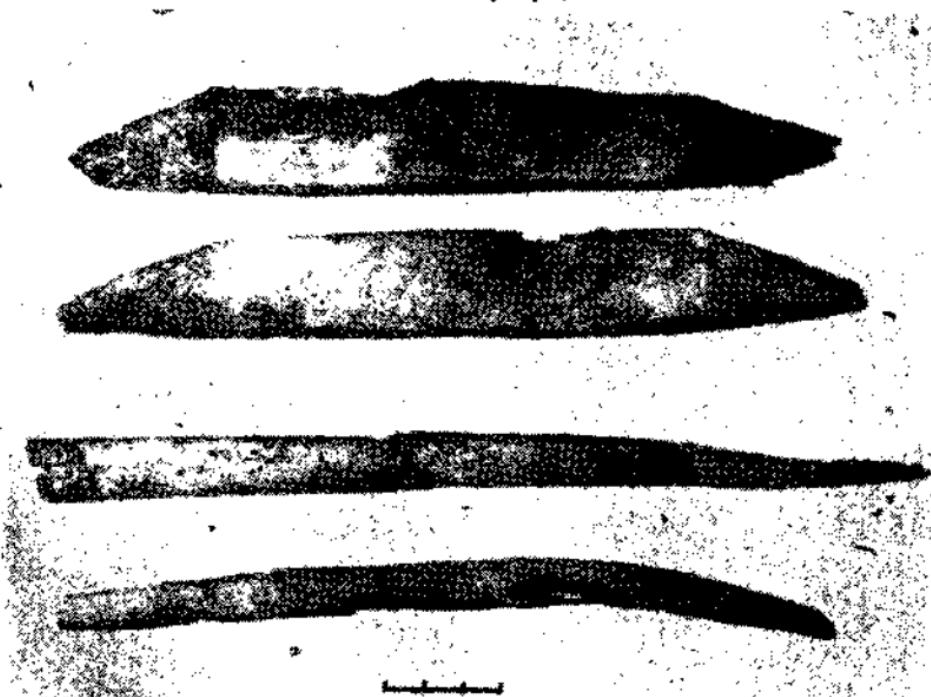

Рис. 6. Аргалыкта IX, курган 1. Рядные нахладки на лук.

дованиях А. А. Гавриловой и С. И. Вайнштейна¹. Все типы данных предметов относятся в наших погребениях к числу ранних по периодизации позднекочевнических изделий указанных авторов и часто сочетаются один с другим в комплексах. Ранние формы удил, например, сопутствуют в погребениях ранним формам седел, подпружных пряжек, накладок на лук и не выходят за пределы VIII в. (рис. 5—6). Поэтому все погребения в целом можно твердо датировать VI—VIII вв. н. э. Однако имеются основания для определения и более узкой их даты. Хронологические рамки одних памятников — VI—VII вв., других — VII—VIII вв.

Таким образом, наши материалы подтверждают применимую к Центральной Туве вторую точку зрения на периодизацию древнетюрских погребений с конем. Утверждение, что в Туве все погребения данного типа относятся к VIII—IX вв. (первая точка зрения), то есть к более позднему периоду древнетюрского времени (по Л. Р. Кызласову — уйгурскому), оказалось в свете новых материалов преждевременным. Но исключается ли третья точка зрения на периодизацию этих памятников Тувы? Применимую ко всей Туве и тем более к другим территориям древнетюрского мира, конечно, не исключается, но в отношении Центральной Тувы, пожалуй, на этот вопрос пока, до получения новых материалов, можно ответить утвердительно. В самом деле, все погребения с конем, исследованные здесь и до работ СТЭАН, твердо датирующиеся VII—VIII вв., характеризуются восточной или северо-восточной ориентировкой человека, а захоронения с северной или северо-западной ориентировкой не менее твердо датируются VIII—IX вв. и, возможно, даже позже. Вопрос этот чрезвычайно существенен, так как проливает свет на вероятные родоплеменные различия групп населения, оставивших погребения с различной ориентировкой, их движения и этногеографию (вспомним, что с VIII в. в Центральной Туве господствуют оседлые уйгуры, а раскопанные нами памятники находятся в непосредственной близости от уйгурских городищ), но он требует особой разработки, связанной с тщательным анализом памятников всей Тувы и других территорий.

Для решения вопросов этнокультурного плана важнейшее значение имеют те особенности погребального обряда указанных памятников и некоторых форм их инвентаря, которые отличают эту группу объектов Центральной Тувы от однотип-

¹ Мы имеем в виду периодизацию позднекочевнических удил с паслями, роговых подпружных пряжек и луков с роговыми накладками, разработанную А. А. Гавриловой (указ. соч.), а также типологию древнетюрских седел, выполненную С. И. Вайнштейном (Некоторые вопросы истории древнетюрской культуры. СЭ, 1966, № 3, стр. 62—74).

ных и одновременных им погребений с конем не только всего Саяно-Алтая или, скажем, Монголии и Казахстана, но и собственно Тувы, как Западной (Кокэль, Бай-Тайга и др.) и Юго-Западной (Монгун-Тайга), так и Южной (Саглы). Эти особенности отчетливо проявляются и в характере наземных сооружений, разнообразные первоначальные формы которых, конечно, не случайны и свидетельствуют о специфике обряда той или иной группы древнетюркских племен, и в способе погребения, где своеобразие обряда заметно, и по некоторым деталям устройства могил, и по отдельным чертам погребального ритуала.

Вопросы социального и имущественного положения различных слоев древнетюркского населения Тувы также могут быть дополнительно освещены на основе изучения наших памятников. В этом аспекте особенно существенно резкое разделение их на две группы (аргалыктынскую и каратальскую) по линии количества и качества содержащегося в погребениях инвентаря.

Особый интерес представляют результаты изучения всех категорий инвентаря, обнаруженного в погребениях. Помимо того, что рассмотрение его на общем фоне позднекочевнических изделий позволило твердо датировать наши памятники и в известной мере прокорректировать имеющиеся периодизации древнетюркских погребений с конем, некоторые серии полученных предметов дают дополнительные сведения об их происхождении, развитии и распространении в древнетюркском мире. Это, например, касается колчанов с так называемым «карманом», находки которых в аргалыктынских курганах опровергли предположение, что для Тувы VI—X вв. они или вообще не характерны¹ или появляются здесь только в конце VIII—IX вв., начиная сосуществовать с бытовавшими на данной территории с VI—VIII вв. колчанами со «срезанным верхом»². Это касается и такой специфической формы инвентаря, как «лировидные» бляхи, происхождение которых нужно, очевидно, связывать не только с аналогичными им по назначению поясными подвесками, но и с отдельными предметами конского убора.

Целый ряд позитивных предположений можно сделать относительно и иных категорий инвентаря (стремян, подпружных пряжек, наконечников стрел, произведений искусства и т. д.), но это должно стать темой специальных работ.

¹ А. А. Гаврилов. Указ. соч., стр. 30.

² С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве. Труды ТКЭАН, т. II, М.-Л., 1966, стр. 324.

С. М. Биче-оол

ОБ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО БЫТА ТУВИНЦЕВ

Изучение современных культурно-бытовых процессов у народов СССР является важной задачей советской этнографии, перед нею стоят сложные проблемы по исследованию путей и форм сближения условий труда, быта и культурного развития тружеников города и деревни, преодоления частнособственнических, религиозных и иных пережитков старого в сознании людей.

Глубокий научный интерес вызывает трансформация старого быта тувинцев, совершившаяся в результате социалистической реконструкции народного хозяйства, коллективизации и перехода аратов на оседлый образ жизни.

В 1953 г. появляется историко-этнографический обзор Л. П. Потапова¹ об изменениях в политической, хозяйственной и культурной жизни тувинского народа после Октябрьской революции. Касаясь этнографической части работы, следует отметить, что автор показал своеобразие преобразований старого быта, раскрыл многие стороны современного жизненного уклада тувинского населения. В последующие годы создается ряд работ, освещающих вопросы культурно-бытовых изменений в отдельных районах Тувы.

Среди них наибольшее значение имеет монография С. И. Вайнщтейна, в которой проанализированы процессы

¹ Л. П. Потапов. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. СЭ, 1953, № 2.

изменения в культуре и быте колхозников Тоджи¹. Е. Д. Прокофьева в ряде статей показывает социалистические преобразования, появление новых черт быта у тувинцев Тоджинского, Монгун-Тайгинского, Бай-Тайгинского и Барун-Хемчикского районов в связи с переходом на оседлый образ жизни².

В 1956 г. в книге «Народы Сибири» была помещена обобщающая статья Л. П. Потапова о тувинцах³. В ней дана характеристика общего состояния культуры и быта тувинцев дореволюционного периода, а также подробно говорится о достижениях, которых добилась Тува в условиях советского строя.

Наряду с учеными Москвы и Ленинграда, исследованием этих вопросов занимались сотрудники ТНИИЯЛИ. Л. В. Гребнев в своей работе⁴ подробно проанализировал процессы коллективизации и перехода аратов на оседлый образ жизни. Автор рассматривает изменение традиционных черт в бытовом укладе тувинских колхозников, приобретение социалистических навыков в труде и культуре.

Результатом многолетних полевых исследований ТКЭАН является ее двухтомный труд, содержащий интересные статьи о дореволюционном и современном быте тувинцев. Л. П. Потапов в своих публикациях описал традиционные элементы культуры и быта тувинцев Монгун-Тайги, Кара-Холя и бассейна левобережья Хемчика: их пищу и способы ее приготовления, семейно-брачные отношения, народные знания, религиозные верования, родоплеменной состав и расселение альной общине, свадьбу, шаманство⁵. В. П. Дьяконова изучала одежду тувинцев Бай-Тайгинского района и погребальный обряд, основанный на шаманистских и ламанистских религиозных воззрениях⁶. П. И. Карагандин дал описание современного жилища колхозников Западной Тувы⁷, причем большое вни-

¹ С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.

² Е. Д. Прокофьева. Социалистические преобразования в Тодже. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1954; ее же. Некоторые этнографические данные о тувинцах. КСИЭ, вып. XXIII, 1955.

³ Л. П. Потапов. Тувинцы. В кн.: «Народы Сибири». М.-Л., 1956.

⁴ Л. В. Гребнев. Переход тувинских аратов-кочевников на оседłość. Кызыл, 1955.

⁵ Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя. Труды ТКЭАН, т. I, М.-Л., 1960; его же. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика. Труды ТКЭАН, т. II, М.-Л., 1966.

⁶ В. П. Дьяконова. Материалы по одежде тувинцев. Труды ТКЭАН, т. I, М.-Л., 1960; ее же. О погребальном обряде тувинцев. Труды ТКЭАН, т. II, М.-Л., 1966; ее же. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1970.

⁷ П. И. Карагандин. Жилище в Западной Туве. Труды ТКЭАН, т. I, М.-Л., 1960.

мание уделил изучению внешнего вида и интерьера юрты, отмечая при этом, что бытование ее не является признаком «отсталости колхозников или консерватизма».

Крупным вкладом в изучение этнографии тувинцев явились исследования Л. П. Потапова и С. И. Вайнштейна.

В работе Л. П. Потапова¹ в историко-этнографическом плане изучено хозяйство тувинцев, подробно рассмотрена роль альной общинны в социально-экономической структуре тувинского общества, приведены ценные этнографические данные о материальной и духовной культуре тувинского народа. С. И. Вайнштейн в своем исследовании² привлекает фактический материал по вопросам этнической истории Тувы, детально рассматривает материальную культуру тувинцев в ее развитии, прослеживает этногенетические связи в общественной жизни и духовной культуре тувинского народа. Обе работы посвящены в основном дореволюционному быту, однако для этнографов, изучающих современные культурно-бытовые процессы, эти труды дадут возможность рассмотреть их в историческом развитии.

Праздникам посвящены работы Г. Н. Курбатского³. Интересным представляется исследование революционных праздников в период Тувинской Народной Республики, сыгравших важную роль в политическом и культурном росте аратских масс.

Из краткого обзора литературы видно, что проделана немалая работа по изучению культуры и быта тувинцев. Несмотря на это, все более ощущается необходимость в этнографическом исследования современных культурно-бытовых процессов тувинского населения. Одной из важных проблем является исследование культуры и быта тувинского колхозного крестьянства, имеющее большое научное и практическое значение. Для всестороннего освещения данной проблемы необходимо проанализировать национально-специфические особенности, процессы преемственности и новации в развитии современной культуры и быта тувинского аратства. Представляют научный интерес и вопросы, касающиеся изучения жилища, семьи и семейного быта.

Важной чертой современной тувинской семьи, по сравнению с дореволюционной, является достойное и равноправное положение женщины. Примечательным фактом является то,

¹ Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

² С. И. Вайнштейн. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореферат докторской диссертации. М., 1969.

³ Г. Н. Курбатский. Тувинские праздники. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1970; его же. Революционные праздники в Тувинской Народной Республике. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970.

что в настоящее время возраст вступающих в брак сельских тружениц повысился. Приведем данные, полученные нами при исследовании семейного быта в колхозах Дзун-Хемчикского района.

В колхозе «30 лет Октября» из 9 браков, заключенных в 1968 г., — супружеских пар до 30 лет — 8, от 31 до 50 лет — 1. Из них женщин, вышедших замуж в возрасте:

19 — 20 лет — 2	25 — 26 лет — 2	37 лет — 1
22 — 23 « — 3	29 « — 1	

Из 19 браков, заключенных в 1969 г., супружеских пар в возрасте до 30 лет — 15, от 31 до 50 лет — 4.

Из них женщин, вышедших замуж в возрасте:

21 — 22 лет — 4	27 — 28 лет — 6
23 — 24 « — 7	31 — 32 « — 2

В колхозе «Искра» из 32 браков, зарегистрированных в 1968 г., супружеских пар в возрасте до 30 лет — 22; от 31 до 50 лет — 10. Из них женщин, вышедших замуж в возрасте:

19 — 20 лет — 8	25 — 26 лет — 6	31 — 32 лет — 4
21 — 22 « — 3	27 — 28 « — 4	40 « — 1
23 — 24 « — 5	29 — 30 « — 1	

В этом же колхозе из 10 зарегистрированных в 1969 г. супружеских пар: до 30 лет — 1; от 31 до 50 лет — 8, от 51 до 60 лет — 1. Женщин, вышедших замуж в возрасте:

23 — 24 лет — 1	29 — 30 лет — 2	46 лет — 1
25 — 26 « — 3	31 — 32 « — 2	48 « — 1

Таким образом, судя по этим данным, женщины села в основном вступают в брак в возрасте 20—25 лет. Повышение возраста вступающих в брак женщин повлекло за собой изменение в разнице брачного возраста между мужем и женой. В колхозе «30 лет Октября» собраны данные о разнице в брачном возрасте между мужчиной и женщиной.

Разница в брачном возрасте (в годах)	Возраст			
	до 30 лет	от 30 до 50 лет	от 51 до 60 лет	61 г. и старше
	число супруже- ских пар	число супруже- ских пар	число супруже- ских пар	число супруже- ских пар
1	2	3	4	5
Всего пар	72	180	41	30
Нет разницы	20	23	10	6
Муж старше жены на 1—5 лет	46	93	20	10
6—10 лет	4	38	6	2
11—17 лет	—	11	6	4

Как видно из приведенных примеров, появилась тенденция, с одной стороны, к выравниванию возраста мужа и жены, с другой — к сокращению количества браков, где муж значительно старше жены.

Весьма интересным явится исследование современных свадебных обрядов тувинских колхозников. При их изучении, как нам кажется, следует обратить внимание на эмоциональную сторону тувинской свадьбы, сохранение таких обрядовых моментов, как сбор приданого невесте и продолжение традиции обосoblения вновь образовавшейся молодой семьи.

Известно, что сельское население Тувы в настоящее время живет в современных благоустроенных домах. Однако, изучая состояние колхозного жилища, следует обратить внимание на перспективы бытования традиционной тувинской юрты.

Как показали наши исследования, жилище тувинских колхозников совершенствуется по линии создания просторного дома с несколькими комнатами. Интерьер домов свидетельствует о том, что уклад жизни тувинского сельского населения приближается к городскому. С другой стороны, существование отгонного животноводства, перенесение современных предметов оседлого быта в юрту говорит о том, что она продолжает выполнять свою жилищную функцию, особенно в весенне-летний и осенний периоды года.

В перспективе перед этнографами стоят важные задачи по исследованию быта и культуры рабочего класса, городской и сельской интеллигенции, а также по изучению взаимовлияний и контактов в культуре, быту русского и тувинского населения нашей республики. Данные этого изучения дадут яркий материал, раскрывающий дружбу двух братских народов СССР.

Н. А. Сердобов

**ТРУДЫ В. И. ДУЛОВА
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТУВЫ**

Многогранная и плодотворная научная деятельность Всеволода Ивановича Дулова неразрывно связана с сибиреведением. Началась она в тридцатые годы с разработки наиболее актуальных проблем истории сельского хозяйства и крестьянства Сибири. На конкретном материале В. И. Дулов доказал несостоятельность имевших место в литературе отдельных высказываний о «пассивности» крестьянства Сибири в годы первой русской революции. Патриотические традиции сибиряков, история народнической ссылки и революционного движения в Сибири — все это живо интересовало молодого ученого и находило глубоко научное, партийное освещение в его трудах.

В 1944 г. В. И. Дулов опубликовал свою первую статью о Туве¹. Она открыла целую серию содержательных и оригинальных работ по тувинской проблематике. Исследование истории тувинского народа становится главным направлением научного творчества пытливого и даровитого ученого.

Во всеоружии марксистско-ленинской методологии и фактов В. И. Дулов страстно выступал против догматов буржуазной науки, относившей тувинцев вместе с другими народами Сибири к разряду неисторических. Он весьма основательно изучил и осмыслил многочисленные литературные тувиноведческие источники, материалы центральных и местных архивов,

¹ В. И. Дулов. Борьба тувинского народа против маньчжурского ига. «Под знаменем Ленина — Сталина», Кызыл, 1944, № 3, стр. 11—17.

рукописных фондов Тувинского НИИЯЛИ и многих музеев. Пристальное внимание он уделял сбору воспоминаний и сведений от населения в самой Туве. С многочисленными вопросами он обращался к таким видным деятелям тувинской культуры, как Л. Б. Чадамба, проф. А. А. Пальмбах, Х. М. Сейфулин и др. Все это позволило В. И. Дулову дать с марксистско-ленинских позиций объективную оценку трудов ряда ученых — исследователей Тузы, что уже само по себе явилось важной заслугой перед советской исторической наукой.

Отдавая должное вкладу в науку российских ученых-исследователей, раскрывавших в своих работах в силу объективных причин лишь отдельные стороны прошлого тувинцев, В. И. Дулов с полным правом утверждал, что до Октябрьской революции по существу не было систематического, целенаправленного изучения истории Тузы.

В первых двух главах своего фундаментального труда по социально-экономической истории Тузы¹ В. И. Дулов глубоко, всесторонне анализирует литературные источники, решительно очищает тувинскую историографию от антинаучных псевдомарксистских «теорий» и толкований. Так, Г. Е. Грумм-Гржимайло — автор широко известного труда «Западная Монголия и Урянхайский край», не потерявшего и в настоящее время своего источниковедческого значения, — справедливо критиковался В. И. Дуловым за обеление колониальной политики царизма, схематизм и за неоднократные высказывания об утрате тувинцами своей исторической перспективы. Г. Е. Грумм-Гржимайло, действительно, не сумел должным образом оценить прогрессивное влияние на исторические судьбы тувинцев политических, экономических и культурных связей Тузы с Россией, ставшей в конце XIX — начале XX в. подлинным центром мирового революционного движения.

Первым обобщающим трудом по тувинской истории В. И. Дулов по праву считал «Очерки истории и экономики Тузы» Р. М. Кабо (1934 г.). Вместе с тем им верно были отмечены недостатки этого труда, а именно — слабое раскрытие классовой борьбы в тувинском обществе, односторонний подход к оценке русско-тувинских связей и др. Как важное событие в развитии тувинской историографии конца 30 — начала 40-х годов рассматривает В. И. Дулов появление работ по истории Тузы, созданных представителями тувинского народа (статьи С. К. Тока, Д. Данзын-оола и др.).

Неутомимый труд, четкость методологических основ, партийная целеустремленность и хорошая вооруженность фактическим материалом — все это позволило В. И. Дулову не

¹ В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тузы. XIX — начало XX в. М., 1956.

только объективно оценить все созданное до него в области тувинской историографии, но и создать оригинальные труды, пропагандирующие идеи марксизма-ленинизма, развивающие советскую историческую науку и содержащие новые, до этого не известные факты и материалы по истории Тувы. Последним трудом В. И. Дулова по тувинской тематике явилась брошюра, посвященная 50-летию воссоединения Тувы с Россией,— «Вместе с великим русским народом». Она была написана в соавторстве с его учеником Ю. Л. Аранчыном и увидела свет уже после смерти ученого (1964 г.). Таким образом, в течение 20 лет тувинская проблематика была ведущей в научной деятельности В. И. Дулова. Его труды охватывают XIX — начало XX в., т. е. немногим более чем столетний период, но именно в эти годы складывались предпосылки коренного поворота в судьбах тувинского народа.

Пристальное внимание В. И. Дулов уделял исследованию истории зарождения и развития русско-тувинских связей. «Эти связи,— писал В. И. Дулов,— служили тем фундаментом, на котором произошло культурное и политическое сближение тувинского народа с русским»¹. Он четко разграничивает и противопоставляет реакционную политику царизма, антинародную деятельность российских купцов и предпринимателей, с одной стороны, и содружество тувинских аратов и русских рабочих, крестьян — с другой.

В. И. Дулов аргументированно опроверг отнесение некоторыми авторами русских крестьян — переселенцев преимущественно к зажиточно-кулацкой массе. На самом же деле, как показал В. И. Дулов, примерно 80% от общего количества крестьянских хозяйств в Туве были бедняцкими и середняцкими. В своих трудах он дает четкую, весьма положительную оценку русскому крестьянскому переселению в Туву, содействовавшему развитию производительных сил края, приобщению аратов к передовым способам ведения сельскохозяйственного производства, оседлому быту и, главное,— к революционной борьбе. Он писал: «Непосредственное общение русской бедноты и батрачества с тувинской беднотой имело важное значение для политического развития трудящихся аратов Тувы. Именно русские рабочие, батраки и бедняки в Туве стали проводниками революционных идей, они связали тувинскую бедноту с русским революционным пролетариатом, и только эта историческая связь могла обеспечить победу революции в Туве»².

В. И. Дулов дал развернутую характеристику производительных сил Тувы рассматриваемого периода, детально иссле-

¹ В. И. Дулов, указ. соч., стр. 558.

² В. И. Дулов, указ. соч., стр. 474.

довал формы феодальной эксплуатации, раскрыл существование колониальной политики маньчжурской династии Китая в Туве, направленной на экономическую, политическую и культурную изоляцию тувинского народа.

Большой заслугой автора следует считать разработку малоизученных вопросов национально-освободительного движения и классовой борьбы тувинских аратов против иноземных и местных поработителей. В книге содержится развернутая характеристика аратских выступлений второй половины XIX—начала XX в. Отмечая, что национально-освободительное движение 1911—1912 гг. тесно сочеталось с классовой борьбой против местных феодалов — послушных агентов колонизаторов, В. И. Дулов писал: «Победоносная национально-освободительная война 1912 г. принесла тувинскому народу освобождение из-под векового гнета и дала ему возможность самостоятельно решать дальнейшую судьбу, руководствуясь своими жизненными интересами и историческим тяготением к России, и тем ускорила в целом процесс движения тувинского народа к прогрессу. Движение 1912 г. было глубоко народным. В нем решающую роль играли широкие массы аратов, показавшие свою способность объединяться для борьбы со своими врагами, проявившие высокие военные качества и преданность родной земле»¹.

Давая высокую оценку «Социально-экономической истории Тувы» — многолетнему труду ученого, мы вместе с тем должны отметить, что не все затронутые в ней проблемы получили одинаково исчерпывающее разрешение. В 1958 г., т. е. через два года после выхода в свет упомянутой книги, В. И. Дулов писал, что некоторые из поставленных им вопросов «не получили... окончательного решения (вопрос о тувинской общине, о земельной собственности и др.), некоторые выводы являются спорными. Здесь еще предстоит много работы»². В этих словах — высокая требовательность к себе, ясная перспектива дальнейших научных поисков, вдумчивость, необычайное трудолюбие ученого. Он сам активно включался в исследование «белых пятен» тувинской истории и направлял усилия тувиноведов прежде всего в ту область тувинской историографии, где еще предстояло много работы.

В. И. Дулов от души радовался тому, что изучение истории Тувы идет широким фронтом, охватывает все ее периоды с древнейших времен до наших дней. Вместе с тем он обращал особое внимание тувиноведов на неотложную необходимость изучения послеоктябрьского периода, глубокого рас-

¹ Там же, стр. 561.

² См. В. И. Дулов. О некоторых итогах и задачах изучения истории Тувы. УЗ ТННЯЛИ, вып. VI, 1958, стр. 10.

крытия созидательной деятельности народа, не допуская при этом ни преувеличения достижений, ни приуменьшения трудностей, преодолеваемых в борьбе за новый строй.

«Историческая наука,— писал В. И. Дулов,— не терпит начетничества, она требует новых и серьезных теоретических обобщений, основанных на детальном изучении фактического материала»¹.

В связи с затронутым нами вопросом о некоторых проблемах в «Социально-экономической истории Тувы» нельзя обойти рецензию на этот труд Г. П. Башарина². Упрек рецензента в том, что В. И. Дулов не подверг работы историков-предшественников критике с позиций марксистско-ленинской методологии³, является совершенно несостоительным и не требующим комментария. Более подробно следует остановиться на других замечаниях. «Основным спорным выводом автора,— писал Г. П. Башарин,— на наш взгляд, является отрицание роли земли как главного средства производства»⁴. И далее: «Характерно, что в своей большой монографии В. И. Дулов ни разу не употребил выражения «феодальная собственность нойонов на землю».

С таким заключением трудно согласиться. Слов нет, что вопрос о земельных отношениях, о земельной собственности в феодальной Туве в трудах В. И. Дулова не оставался статичным, он со временем переосмысливался и уточнялся в последующих исследованиях. Обратимся к первоисточнику.

Упоминая о дискуссии вокруг вопроса о земельной собственности в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, В. И. Дулов писал: «...Убедительное теоретическое решение этого вопросадается, по нашему мнению, теми, кто утверждает, что общие закономерности социально-экономического развития свойственны и оседлым и кочевым народам и что поэтому у кочевых народов, так же как и у оседлых, основой феодализма была земельная собственность...»⁵.

«Земля,— отмечал В. И. Дулов,— после завоевания Тувы маньчжурами формально принадлежала китайскому императору... фактически же пастбища, земля, охотничьи угодья находились в распоряжении местных феодалов, нойонов и членов»⁶. И далее: «...Земля в конечном итоге могла быть изъята сумоном или хошуном, т. е. фактически сумонными и

¹ В. И. Дулов, указ. соч., стр. 17.

² «Вопросы истории», 1957, № 9, стр. 159—164.

³ Там же, стр. 164.

⁴ Там же, стр. 161.

⁵ В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы, стр. 173.

⁶ Там же, стр. 174.

хощуными властями»¹, иначе говоря,— феодалами-чиновниками. Как видим, В. И. Дулов, отнюдь не отрицал роль земли как главного средства производства и довольно четко говорил о собственности ийонов на землю². Он подчеркивал, что землей фактически распоряжались тувинские ийоны³. Характерно, что сам Г. П. Башарин в своей рецензии справедливо отмечал, что распоряжение землей основоположники марксизма-ленинизма рассматривали как прямое следствие собственности феодалов на землю. В одном из разделов «Истории Тувы», написанном В. И. Дуловым, совершенно определено говорится о том, что «существовала у тувинцев и феодальная собственность на землю, как у многих других кочевников»⁴.

Вместе с тем в рецензии имеются, конечно, верные замечания. К ним мы относим упоминание о некотором преувеличении В. И. Дуловым значения родовых пережитков. Но и в этом вопросе надо иметь в виду, что В. И. Дулов, как глубоко объективный исследователь, писал: «Господствующими в социальном строе Тувы продолжали оставаться феодальные отношения, именно они определяли социальную структуру тувинского общества»⁵. Он утверждал, что еще к концу XVIII в. процесс феодализации «зашел настолько далеко, что можно констатировать полную победу феодального начала над общинно-родовым строем в основных районах Тувы»⁶. В. И. Дулов приводит весьма достоверный материал об имущественной, а стало быть и социальной дифференциации аратства, о появлении в тувинской экономике капиталистического уклада.

В. И. Дулов был безусловно прав, когда писал об узурпации феодалами родовой взаимопомощи, об их стремлении прикрыть и упрочить феодальную кабалу, опираясь на родовые традиции, а также о низком уровне производства и большой культурной отсталости Тувы как питательной среде для бытования остатков патриархальности. Вместе с тем было бы ошибочным не видеть и того антагонизма, той несовместимости, которые имели место между остаточными реликтами бесклассового родоплеменного строя и атрибутами классового феодального общества. Феодалы, как класс, безусловно, использовали некоторые пережитки старого, но в то же время попирали и искореняли их, когда они являлись помехой для феодальной эксплуатации аратства.

¹ Там же, стр. 176.

² Там же, стр. 177.

³ Там же, стр. 259.

⁴ См. История Тувы, т. I, стр. 283.

⁵ В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы, стр. 258.

⁶ В. И. Дулов, указ. соч., стр. 177.

Отдельные корректизы к целостному, фундаментальному труду по социально-экономической истории Тувы, основанные прежде всего на привлечении новых материалов, конечно, не могут умалить большого научного вклада В. И. Дулова в тувинскую историографию.

Ученые Тувы неизменно находили у В. И. Дулова творческую поддержку во всех своих начинаниях. Он принял самое деятельное участие в создании двухтомной «Истории Тувы». Характерно, что вместе с В. И. Дуловым воспитанию первых тувинских историков (Ю. Л. Аранчины, В. Ч. Очура и других) активно содействовали его ближайшие коллеги — иркутяне, прежде всего Ф. А. Кудрявцев, С. В. Шестакович и другие. В. И. Дулов вместе с А. П. Окладниковым, В. И. Шуниковым и другими видными историками был инициатором создания пятитомной «Истории Сибири»¹. Он был членом редколлегии, главным редактором III тома, автором ряда разделов этого труда, в котором должно внимание было уделено истории тувинского народа. Целеустремленная и эффективная научная и общественная деятельность В. И. Дулова получила широкое признание. Так, академик А. П. Окладников писал, что «успехи последних десятилетий в изучении истории Сибири эпохи капитализма неотделимы от имени ныне покойного профессора В. И. Дулова, замечательного человека, видного ученого и крупного организатора исторической науки в Сибири»².

Вхождение Тувы в состав СССР открыло новый этап в развитии тувинской историографии, которая стала составной частью общей историографии народов Советского Союза. Многие еще мало изученные этапы истории Тувы, опыт ее развития от феодализма к социализму, минуя капитализм, участие тувинцев в коммунистическом строительстве — все это является важнейшим полем приложения творческих сил ученых-тувиноведов.

¹ См. Ф. А. Кудрявцев, В. Г. Тюкавкин. Научная деятельность В. И. Дулова. Сб. «Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг.» Новосибирск, 1967, стр. 7. См. там же: Х. М. Сейфулин, Н. А. Сердобов. Научный вклад В. И. Дулова в тувинскую историографию, стр. 10—17.

² А. П. Окладников. История Сибири за 50 лет. Изв. СО АН СССР, № 11, вып. 3, 1957, стр. 17.

ВОПРОСЫ ОРФОЭПИИ ТУВИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ПРЕОДОЛЕНИЕМ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Фонетическая, грамматическая и лексическая системы тувинского национального литературного языка в основном стабилизировались. Идет процесс становления стилистической системы: вырабатываются речевые жанры, дифференцируются лексические, морфологические и синтаксические единицы и средства по стилям, вырабатываются ритмомелодические нормы разных стилей и речевых жанров.

Отдельные отклонения от норм литературного языка наблюдаются в большинстве случаев в устной речи. Много нарушений имеется в орфоэпии. В данном сообщении делается попытка показать становление орфоэпических норм, выявить типичные ошибки в произношении слов и их форм и пути их преодоления.

Становление орфоэпических норм литературного языка — длительный процесс. В первый период развития тувинского литературного языка (1930—1943 г.) литературное произношение не отличалось от разговорного, оно установилось лишь к середине 50-х годов. Однако в устной форме литературного языка часто наблюдается нарушение орфоэпических норм. Причины его кроются в устойчивости артикуляции звуков и произношения слов в диалектах и говорах.

В диалектах встречаются соответствия разных звуков в пределах одних и тех же слов. Например, в тере-хольском говоре произносится [киши], а в других говорах и литератур-

ном языке — [ки[‘]жى] «человек»¹; [иһى] — в тере-хольском, [и[‘]йй] «два» — в литературном языке; [т[‘]емдék] — в юго-восточных говорах, [демдék] «знак» — в литературном языке; в пределах одного диалекта также встречаются дублетные слова. Устойчива ритмомелодика речи говоров. Например, в тоджинском диалекте, тере-хольском говоре ритмомелодика речи очень четко отличается от ритмомелодики литературного языка. Отклонения от орфоэпических норм литературного языка наиболее часто встречаются в речи носителей восточных говоров, живущих в Гес-Хеме, Эзине, Тере-Холе, Тодже.

Значительную трудность представляет фонетическое и орфоэпическое усвоение заимствованных из русского языка слов. Здесь действует закон аналогии, который приводит иногда к нарушению орфоэпических норм заимствованных слов. Приведем примеры. Слово *картошка* в разных местах воспроизводят как [харто:шкá], [харты:шкá], [карты:шкá] [карто:шкá] (лит. норма); слово *секретарь* приобретает в тувинском разговорном языке следующие варианты: [секредé:p], [секрета:p], [секрета:p'] (лит. норма). Нормой следует признать вариант, более соответствующий произношению в языке, из которого заимствовано данное слово.

Заимствуемые слова подвергаются различным изменениям, продиктованным законами фонетики тувинского языка.

Интересно отметить причину орфоэпического изменения заимствованного из монгольского языка слова *эртемден* «ученый». Оно состоит из двух монгольских элементов: эрдэй «образование» + тэн> эрдэмтэн, из них -тэн является словообразующим аффиксом. В тувинском языке слово *эртемден* часто произносится с долгим [e:] в конце: [эртэмде:n]. Здесь элемент -ден говорящим превращается в два элемента: -де — словообразующий глагольный аффикс и -ен<-ген — аффикс причастия прошедшего времени по аналогии с такими словами, как *кедерээн* «свирепствовавший», *шөлээлээн* «вышедший в отпуск» и др. Произошло разложение словообразующего элемента -тэн в -де-ген.

Встречаются нарушения в произношении даже таких часто употребляемых слов, как *харысалга* «ответственность», *херээжэн* «женщина». Их произносят [харыса:лгá], [хережé:n], что не соответствует литературным нормам.

Остановимся на наиболее типичных орфоэпических ошибках, вызванных диалектными различиями.

1. Носители восточных говоров вместо начального [д-] произносят сильный [т[‘]-], например: лит. [демдék] «знак» — диал. [т[‘]емдék]; лит. [дангырák] «клятва» — диал. [тан[‘]гырák]; лит.

¹ Знаком «маленький полумесяц» обозначаются сила согласных, напр. [т[‘]емдék] «знак», и фарингализованность гласных, напр. [ки[‘]жى] «человек».

[дүргэй] «быстрый» — диал. [т^сүргэн]. Причина усиления начального [д-] кроется в монгольском языковом влиянии. В данном случае в качестве литературных норм взято произношение таких слов в центральном диалекте.

2. В западных районах не произносится начальный [н-] в некоторых словах, например: лит. [нарын] «сложный» — диал. [арын]; лит. [нога:n] «зеленый» — диал. [ога:n]; лит. [ном] «книга» — диал. [ом] и т. д. Однако литературными нормами произношения таких слов взяты варианты с начальными звуками [н-], исходя из того, что слова с начальными [н-] заимствованы из других языков и в центральном диалекте начальный [н-] не опускается.

3. В разговорном языке распространено употребление сильного звука [п^с-] в начале слов бажың «дом», бедик «высокий», которые пишутся с начальной звонкой (слабой) б: [п^сажың], [п^седик]. Под влиянием орфографии в этих словах начальный сильный звук [п^с] в произношении молодого поколения заменяется слабым [п]. Такое произношение упомянутых двух слов стало преобладающим, и потому его следует считать литературной нормой.

4. В разговорном языке в начале слов кат «ягода», хат «ветер», хадыыр «дуть (о ветре)», кадыыр «серп» обычно произносится [х]. Однако в орфографии с целью различения их значений установлено разное написание этих слов — через буквы х и к. Впоследствии произношения этих омонимов стали разными: [хат] «ветер», [кат] «ягода», [хады:p] «дуть (о ветре)», [кады:p] «серп». Такое произношение указанных слов стало литературной нормой.

5. Носители восточных говоров в литературной речи при прибавлении аффиксов деепричастия -гаш, отрицания -ма, -майн к односложным глагольным основам ударение не передвигают с основы, т. е. оно остается неподвижным, например: лит. [барбáдым] «я не пошел» — диал. [бárбадым]; лит. [баргáш] «дойдя» — диал. [бáргаш]; лит. [албá:n] «он не взял» — диал. [álба:n]; лит. [алгáш] «взяв» — диал. [álгаш]; лит. [келбé:n] «не пришел» — диал. [кéлбе:n] и др. В качестве литературной нормы укрепились те варианты произношения, в которых ударение передвигается с основы.

6. В печати иногда отражается диалектное произношение глагола с аффиксом законченного вида в стяженной форме, например: лит. [салыытпайн ~ салылтай] «не отпустив» — диал. [салылпайн]; лит. [бижийитпес ~ бижийптес] «не написать» — диал. [бижийпес]; лит. [уттúутпайн ~ уттúлтай] «не забыв» — диал. [уттúлпайн]. Нелитературные варианты в перечисленных примерах свойственны носителям западных говоров.

7. В разговоре встречаются фонетико-орфоэпические дублеты, из которых только один принят в качестве литературной нормы, например: лит. [малгáш] «сырая земля, грязь» — диал. [балгáш]; лит. [молдургá] «годовалый теленок» — диал. [болдургá] и др.

8. Встречаются отступления от литературных норм в употреблении формы второго лица множественного числа повелительного наклонения, например: разг. [барыгáр] — лит. [барыңáр] «идите»; разг. [көрүгéр ~ көргéр] — лит. [көрүңéр] «смотрите»; разг. [чоругáр] — лит. [чорунáр] «идите» и др.

9. Орфоэпические ошибки наблюдаются и в употреблении формы принадлежности второго лица множественного числа например: разг. [t^c онугáр] — лит. [t^c онунáр] «ваше пальто», разг. [эжигéр] — лит. [эжиңéр] «ваш товарищ».

Последние две группы орфоэпических ошибок имеют место и в речи носителей центрального диалекта. Однако варианты аффикса -ңар, -ңер укрепились в качестве литературной нормы в силу того, что они более употребительны по сравнению с вариантами -гар, -гер.

10. Довольно широко распространено даже в центральном диалекте употребление диалектных фонетических вариантов аффиксов исходного падежа -нан, -нен после основ с конечными -м, -н, -ң, например: [нóмнаң], [t^c биннаң], [áңнаң]. В литературном языке к словам с конечными сонорными наращиваются аффиксы -дан, -ден: [t^c биндан] «от шубы», [нóмдан] «от книги», [áңдан] «от зверя».

11. В речи носителей центрального диалекта вместо аффикса дательного падежа -га, -ге после слов с конечным -и употребляются варианты -ба, -бе, -ма, -ме, например: [ба:рыммá ~ ба:рымбá] вместо [ба:рымгá] «когда я был там», [кө:рүммé ~ кө:рүмбé] вместо [кө:румгé] «когда я видел». Варианты -га, -ге в таких случаях являются преобладающими и поэтому стали литературными нормами.

12. При произношении глагола с аффиксами -кса, -ксә (выражающими объективную модальность желания совершить действие) первые два звука подвергаются метатезе. По орфографии эта форма пишется без учета метатезы, например: барыксаар «хотеть идти», келиксәэр «хотеть прийти», а при произношении звука -кс обязательно меняются местами (например: [барыскá:p] «хотеть идти», [келиискé:p] «хотеть прийти»), и такое произношение следует считать литературной нормой.

13. Разнобой имеется также в произношении собирательных числительных, например: [үжелé:n ~ үже:lé:n] — диал. [үжé:n] «трое», [бежéлдиризи ~ беже:lдиризи] «их пятеро» и т. д. В орфографическом словаре установлено их правописание

(например: *үжелээн*, *үжелдирзи*), и поэтому литературной нормой произношения собирательных числительных надо признать следующие варианты: [и́йелé:н] «двоे», [ү́желé:н] «трое» (при этом произношение конечного [-н] является факультативным).

Нередко допускается двоякое произношение и написание числительного со значением «двое»: *иелээн*, *ийилээн*. Однако аффиксы собирательных числительных имеют только два фонетических варианта: [-ала:н], [-еле:н], а вариант [-и́ле:н] отсутствует. Поэтому правописание и произношение *иелээн* [и́йелé:н] надо считать правильными.

14. В общенародном разговорном и литературном языке создано много слов на основе сочетания и слияния двух, а иногда и трех слов.

Сложное слово, возникшее на основе слияния двух слов, представляет единый лексико-фонетический комплекс с одним ударением, элементы этого сложного образования произносятся слитно, например: *ак-балык* [акпальк] «елец», *көк-тараа* [кектара:] «рожь», Улуг-Хем [улугхэм] «Енисей».

Однако в последние годы стало очень распространенным двоякое произношение сложных географических и административных названий, например: Каа-Хем [ка:хэм ~ кá:хем], Улуг-Хем [улугхем ~ улúг хэм]. Бай-Тайга [байтайгá ~ бáй дайгá] и т. д.

По нашему мнению, слитное произношение сложных географических названий является наиболее характерным для народно-разговорного, литературного языка и его следует считать литературной нормой.

При этом надо учесть, что географические названия, представляющие собой результаты слияния или сочетания слов, в настоящее время пишутся всюду через дефис, например: *Теректиг-Хем*, *Чаа-Хөл*, *Тумат-Тайга*, *Чеди-Тай*, *Алдышикин* и т. д. При специальном наблюдении обнаруживаются отличия в произношении подобных слов. Ср., например: [*т^өректиг хэм*], [*т^өумат дайгá*], [*алдышикин*], с одной стороны [*чаа:хөл*], [*чедитай*], с другой. Таким образом, произношения сложных и составных географических названий имеют принципиальные различия и при рассмотрении вопросов орфоэпии эта сторона дела должна быть учтена.

15. Допускаются ошибки при написании и произношении глагола в форме ритмического вида, например: пишут и произносят *чиндицейнир ~ чиндицайныр* «плавно подниматься и опускаться», *сыыңайчыр ~ сыыгайныр* «свистеть». Из приведенных примеров в качестве литературной нормы следует выбрать *чиндицейнир*, ибо этот вариант гармоничен и наиболее распространен, отражает более высокую ступень развития

данной формы; *сыңайыр*, потому что вариант со звуком [и] вместо [r] более употребителен, отражает общую тенденцию замены [r] звуком [и], ср., например, *барыңар* «идите», *тонуңар* «ваша шуба» вместо *барыгар* и *тонугар*.

Несоблюдение орфоэпических норм литературного языка особенно ярко проявляется в тех диалектах и говорах, которые имеют довольно сильные отличия в области фонетики и ритмомелодики речи.

В тере-хольском говоре, например, нами обнаружены следующие фонетические особенности¹:

1. Отсутствие или очень слабое проявление фарингализации гласных там, где в литературном языке и других диалектах она выступает ярко и является фонематическим признаком: [от]—лит. [o^c :t] «трава». Следует заметить, что под влиянием литературного языка в произношении носителей говора слабеет, но все же постепенно восстанавливается фарингализация гласных.

2. Соответствие в некоторых словах кратких гласных долгим в литературном языке: [шашкак]—лит. [ша:шкак] «овод».

3. Назализация гласных в некоторых словах, которой нет в литературном языке: [хой], лит. [хой] «овца».

4. Неподвижность ударения некоторых односложных глагольных основ при прибавлении аффикса отрицания и деепричастия на -гаши: [алба:н]—лит. [албá:н] «не взял».

5. Соответствие интервокального или находящегося между сонорным и гласным оглушенному (глухого) согласного слабым согласным в литературном языке: [атá]—лит. [a^cдá] «отец».

6. Соответствие сильного звука [x] в интервокальном положении или между сонантом и гласным слабому [r] в литературном языке: [мехелé:p]—лит. [мегелé:p] «обманывать».

7. Употребление вариантов -лар, -лер аффикса множественного числа после основ с конечным -л, когда в литературном языке в таких случаях прибавляются варианты -дар, -дер: *маллар* — лит. *малдар* «домашние животные».

Контакты тувинского языка с русским начинаются в прошлом веке. Во второй половине XIX—начале XX в. в основном заимствовались из русского языка слова, связанные с бытом и сельским хозяйством. В фонетическом отношении эти заимствования максимально подчинялись законам тувинской фонетики: *моожа*<*вожжи*; *быстан*<*пистон*; *сараат*<*зарод*.

Русско-тувинские языковые контакты расширяются с начала 30-х годов и достигают наибольшей интенсивности после

¹ Подробно см. Ш. Ч. Сат. О говоре населения Тере-Холя. Сборник научно-методических статей. Гуманитарные науки. Кызыл, 1968, стр. 106—112.

вхождения Тувы в состав Советского Союза. Постепенно развивается сначала групповой, а потом массовый тувинско-русский билингвизм. В тувинский язык проникают сотни слов из русского языка. В связи с развитием тувинско-русского билингвизма фонетическое, а следовательно, и орфоэпическое усвоение русских заимствований постепенно меняет свой характер, произношение тувинцами русских заимствований сближается с произношением этих слов в русском языке.

Ныне русские заимствования в преобладающем большинстве в своих основах пишутся так, как принято в русской орфографии. В фонетическом освоении русских заимствований имеется ряд особенностей, которые обусловлены законами фонетики тувинского языка. К этим особенностям относятся:

1) При заимствовании русского слова его ударный гласный переходит в долгий, а последний слог приобретает тувинское ударение, например: *масса* [ма:сса], *Елена* [Еле:на], *радио* [ра:дио], *парта* [па:ртА] и др.

В языковой практике со стороны отдельных людей делалась попытка оставить русское ударение, например: *республика* [республика]—лит. [респу:бликА], *Саша* [СашА]—лит. [СашА]. Сохранение русского ударения, которое динамичнее, сильнее, чем тувинское, является нарушением орфоэпической нормы.

Если последний гласный заимствуемого слова является ударным, то он превращается в долгий гласный с ударением. Например: *журнал* [журна:л], *плита* [плитА:]

2) Русские звуки — губно-зубной [в], [ф], аффриката [ц] в тувинском языке субSTITУИРУЮТСЯ близкими по звучанию губно-губным щелевым [θ], который обозначается буквой *в*, губно-губным глухим [ɸ], такого звука раньше не было в тувинском языке, и [ç] соответственно, например: *Иван* [Иθá:н], *фабрика* [фа:брика], *цирк* [си:рк] и др. Хотя все стремятся произносить такие звуки ближе к оригиналу или как в оригинале, субSTITУЦИИ выступают по необходимости, и такое субSTITУИРОВАННОЕ произношение русских заимствований, по крайней мере в настоящее время, следует, на наш взгляд, считать орфоэпической нормой.

3) При произношении некоторых русских заимствований к их звуковому составу прибавляются вставные звуки-протезы, ЭПЕНТЕЗЫ. Например: *школа* [ышко:ла], *трактор* [тыра:ктёр ~ тыра:ктыр], *рубль* [ру:бл], *комбайн* [комба:йн], *Свердловск* [Свердло:вский] и т. д. Установившиеся типы произношения заимствованных слов следует признать нормативными.

До сих пор в республике не велась целенаправленная работа по упрочению орфоэпических норм тувинского литературного языка. Поэтому прежде всего надо создать научную

основу тувинской орфоэпии. В печати, по радио и телевидению, на уроках родного языка и литературы в школе, на занятиях литературных, драматических кружков, кружков художественного или выразительного чтения нужно вести систематическую работу по выработке правильного произношения. Этую работу особенно необходимо проводить там, где в речи учащихся имеется сильное диалектное влияние.

М. Д. Биче-оол

О КУЛЬТУРЕ ТУВИНСКОЙ РЕЧИ

До сих пор нет специальных исследований по культуре тувинской речи, за исключением статьи Ш. Ч. Сата «Стилистика болгаш чугаа культуразының чамдык айтырыглары» («Стилистика и некоторые вопросы культуры речи»)¹. В последние годы на страницах газет «Шын» и «Тываның аныяктары» печатаются отдельные статьи по тем или иным частным вопросам культуры тувинской речи. Появление такого рода статей не случайно, оно продиктовано настоятельными требованиями жизни в отношении укрепления и соблюдения норм литературного языка.

Что следует понимать под культурой речи и какими качествами она характеризуется?

Профessor Д. Э. Розенталь пишет: «Культурной мы должны считать такую речь, которая отличается национальной самобытностью, смысловой точностью, богатством и разносторонностью словаря, грамматической правильностью, логической стройностью, художественной изобразительностью. Культурная речь в своей устной форме должна отвечать существующим в настоящее время нормам орфоэпии (правильного произношения), в своей письменной форме — нормам орографии и пунктуации»².

Основными требованиями как к устной, так и к письменной речи являются правильность, точность, ясность, краткость,

¹ См. сб. «Тыва дыл башкыларының ажылдарының дуржулгаларындан», Кызыл, 1966, стр. 3—25.

² Д. Э. Розенталь. Культура речи. М., 1964, стр. 7.

логическая последовательность, стилистическая целесообразность и т. д. Культурная речь должна быть живой, образной по форме и глубокой по содержанию. Основная практическая задача культуры речи — умение отобрать нужные слова, грамматически правильно построить речь.

В данном сообщении мы вкратце остановимся на некоторых вопросах культуры родной речи.

О выборе слов. Благодаря интенсивному развитию экономики и культуры нашей республики лексика тувинского языка в советскую эпоху значительно пополнилась новыми словами и терминами. Обогащение ее шло за счет внутренних ресурсов самого тувинского языка (использование словообразовательных аффиксов и переосмысление исконных слов) и за счет заимствований из русского и монгольского языков.

Ясность, точность и выразительность речи зависят от умения подобрать слова, которые полностью соответствуют смыслу и стилю данного контекста. Естественно, что человек, знающий большее количество слов, имеет больше возможностей без затруднений передать свои мысли. И наоборот, тот, кто обладает скучным словарным запасом, плохо разбирается в значении многих общезвестных слов, может неправильно употреблять, воспринимать и понимать отдельные слова.

Поэтому, чтобы добиться точности и выразительности речи, необходимо увеличивать запас слов, хорошо знать родной язык, а также систематически изучать русский язык — язык межнационального общения народов Советского Союза.

Выбор слов является одним из основных вопросов культуры речи.

Между тем в тувинской устной и письменной речи нередко наблюдается неправильное и неточное употребление слов, ошибки в выборе синонимов.

Язык газеты, радио и телевидения играет очень важную роль в распространении и закреплении речевой культуры, служит образцом для говорящих и пишущих на родном языке. Газеты и радио пользуются огромным уважением и доверием своих читателей и слушателей.

Однако на страницах наших газет, в радиопередачах встречаются различного рода отступления и отклонения от норм современного тувинского литературного языка.

Приведем некоторые примеры неправильного употребления слов или словосочетаний.

1) *Кизжилерниң арын-шырайын хүлүмзүргө долган, чугаа-соот-даа саамчыл-ла тур* («Шын», 21 июня 1970 г., стр. 3.). Здесь сказуемое *саамчыл-ла тур* употреблено неудачно. Вместо *саамчыл* лучше употребить слово *төктүп* или *куттуулуп*.

2) *Олар (актар) будук бэзин дырс дээргэ, сырбаш кын-*

нып, хоюп чорааннар («Улуг-Хем», № 25, стр. 200). Здесь слово *хоюп* по своему значению может относиться только к животному, а не к человеку. Вместо *хоюп* уместно употреблять более подходящие слова или словосочетания, такие, как *чожуп, коргун, чурээ чарлы бер чазып* и т. п.

3) *Тес-Хемде кышка удур мал ажаап алышкыны эки чоруп турар* (из материала радиопередачи за 8 января 1969 г.). Слово *ажаап алышкын* означает «уборка». *Тараа ажаап алышкыны* «уборка хлеба», *сиген ажаап алышкыны* «уборка сена». В данном случае следовало бы употребить слово *ажаалга: мал ажаалгазы* «содержание скота».

Неправильное употребление слов может быть также следствием буквального перевода с русского языка на тувинский. Например:

1) *Билеттер дээши мацаа шак мындыг ээлчегни мен чөрле сагынмайн-дыр мен* («Тываның аныяктары», 11 июля 1970 г., № 83, стр. 4). «Не помню здесь такой очереди за билетом». Здесь слова *сагынмайн-дыр мен* «не помню» и *ээлчег «очередь»* буквально переведены с русского, вместо них следовало бы употребить *көрбээн мен и очур*.

2) *Ажыл-ижинге кызынак, отчугаштыг аныяк комсомолчу кыстың мурнунга салган сорулгасы боттанир дээрзү чигзиниг чок* («Тываның аныяктары», 9 июля 1970 г., № 82, стр. 2). Слово *отчугаштыг* непонятно читателю, так как оно является буквальным переводом русского выражения «с огоньком». Нужно было употребить вместо него выражение *от-көс дөг*.

Синонимы делают речь разнообразной и стилистически выразительной, они дают возможность избежать повторения одних и тех же слов. Словарный состав тувинского языка имеет в своем распоряжении немалое количество синонимов. По значению они могут быть одинаковыми (*чугалаар, сөглээр* «говорить, сказать», *чурттаар, амыдыраар* «живь, существовать», *орлан, шоваа* «бойкий, живой») или близкими (*ажыл* «работа», *херек* «дело, работа»; *маадырлыг* «героический, геройский»; *эрес* «храбрый, удалой»).

Многие синонимы принадлежат к разным стилям языка. Некоторые из них традиционно закрепились в узком жанровом употреблении. Например, слова *саадаар* и *чооглаар* в отличие от *олурар* и *чиир* могут употребляться в основном в стилистически приподнятой речи.

Рассмотрим два примера: 1) *Аалдың ээлери бисти столиччалаарга, саадаптывыс* (из радиопередачи). 2. Эйт хөй чивгэ кижиниң назыны улуг болур деп бадыткалдар бар. *Ынчаарга Сафиуллин* ону шын эвес деп санап турар. *Ол семис чаглыг эйтти кезээде кузелдии-бите чооглан чораан* («Шын», 24 июня 1970 г., стр. 4). Слова *саадаптывыс* (в первом предложении),

чооглан чораан (во втором) не соответствуют стилям данных контекстов. Они должны употребляться только в торжественной речи. Необходимо строгое согласование стилистического характера слов с общим стилем контекста.

Диалектные слова. Тувинский литературный язык еще очень молод. Поэтому диалектные слова часто употребляются в разговорной речи, особенно среди населения, живущего в отдаленных районах: в Тоджинском, Эрзинском, Бай-Тайгинском и др. Диалектные слова в языке печати, за исключением художественных произведений, встречаются в очень редких случаях. Употребление диалектизмов в художественной литературе в речи действующих лиц не должно считаться прямым нарушением норм литературного языка. Однако чрезмерное увлечение диалектизмами, как указывал М. Горький, засоряет речь.

Некоторые диалектные слова, связанные со специфическими особенностями местной жизни и отсутствующие в других диалектах, могут входить в лексику литературного языка. Например: таспан «годовалый олень», шулун «олений мох», гайлак «трехгодовалый верблюд», бартам «годовалый су-рок» и т. д.

Кроме диалектизмов, засорение речи проявляется и в других формах.

Архаичные слова. В связи с обогащением словарного состава литературного языка из употребления выходят и архаичные слова. Так, например, уже забыты такие слова, как бүүзе «китайская торговая фактория», кара-өг «тюрьма» (буквально: «черная юрта»), савааш «шерстобитный прут». Они известны только людям старшего поколения, а молодежь о них имеет смутное представление.

Кроме того, некоторые слова, заимствованные из монгольского и русского языков, заменены новыми. К ним относятся, например, слова: ужар-бажың «самолёт», хувискаал «революция», кэгээрел «культура», хораа «комитет», коржаа «кооперация», төгөрик «рубль».

Не исключена возможность использования архаичных слов в произведениях художественной литературы. Например, поэт Степан Сарыг-оол в своем стихотворении очень удачно использовал архаичные слова:

Ойнаар-бажың, дириг-чурук,
Оттуг-терге, азы чычаан,
Коржаа, банкы, шуудун суг дээши
Кончуг солун сөстер турган.

Здесь архаичными являются слова ойнаар-бажың «клуб», дириг-чурук «кинофильм», оттуг-терге или чычаан «автомобиль», коржаа «кооперация», шуудун «почтa».

Жаргонные слова. М. Горький непримиримо относился к употреблению жаргонных слов и словосочетаний, т. е. слов и выражений, присущих речи отдельной социальной прослойки. Он указывал, что распространение жаргонных слов в языке несовместимо с общим ростом культуры нашей страны.

В разговорной речи некоторых людей часто можно слышать жаргонные слова и выражения, как, например, *узе базар* «отбыть срок наказания», *хопчу-кара* «шпаргалка», *настр* «настроение», *кыланц-кара*, *тозан алды* «водка, спирт» и т. п.

К жаргонным словам относится также и «дедир-домак» (условная речь с перестановкой слов в словах), например, вместо «мен» (я), «сен» (ты), «силер» (вы) говорят «энме», «энсе», «лерси».

Речевые штампы. Речевые штампы — это избитые, общеизвестные и очень часто новогоряемые слова и выражения. Например, *уткуп хүлээн алыр* «принять», *айтырыгны тургузар* «поставить вопрос», *демдеглевес арга чок* «нельзя не отметить», *эрес маадырлыг ажылдаан* «проявил усердие и доблесть в труде».

Часто и механически повторяясь, как заученные формулы и готовые фразы, речевые штампы снижают качество речи, делают её невыразительной. Надо помнить слова М. И. Калинина о том, что каждый говорящий или пишущий «должен уметь формулировать мысли сам, а не отделяться готовыми формулировками»¹.

Сорные слова и выражения. Более распространенным недостатком речи является засорение ее такими излишне повторямыми словами и словосочетаниями, как *болза, болган болза, чуге дээрge болган болза, демги ол, ол ышкаштыц* и т. д.

Возьмем только один пример: *Мен болза бо эшти болза соцнарышка кыйгырар мындыг мен, чул дээргэе болза...* (из выступления по радио, август 1968 г.). По-русски это звучит примерно так: «Я значит, вызываю товарища, значит, на соцсоревнование, а именно, значит...».

Употребление слов из других языков. В языке каждого народа имеется много слов, заимствованных из других языков. Чаще всего иноязычные слова употребляются, когда в родном языке нет соответствующего обозначения того или иного понятия.

В тувинском языке много заимствований из монгольского и русского языков. Большинство монгольских заимствований издавна прочно вошло в словарный состав общенародного тувинского языка. После создания национальной письменности

¹ Большевистская печать. Сборник материалов. Часть 2. М., 1945, стр. 428.

одним из основных источников обогащения лексики литературного языка стал русский язык.

Для культуры родной речи большое значение имеет правильное употребление слов из других языков.

В. И. Ленин в статье «Об очистке русского языка» писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?»¹

Указание В. И. Ленина имеет прямое отношение и к тувинскому языку. Известно, что нередко в разговорной речи злоупотребляют русскими словами и терминами, заменяя ими обычные, общеупотребительные тувинские слова. Например: *переговор* — *заказтыаар* «заказать переговоры», *ажыл-агый мероприятие* — «хозяйственное мероприятие», *народное образование, история урогоу* «урок истории», *заниматься* — *салаар* «заниматься», *шеригге служить* — *тээр* «служить в армии», *ценность иметь* — *тээр* «иметь ценность», *вызывать* — *тылаар* «вызывать», *ажылынга примерный кижи* «в работе примерный человек», *эъдинич изии нормальный* «у него температура нормальная», *старший санчы* — *старшая доярка*, *Ольгага большой, большой привет*.

Надо уважать родной и русский языки.

Грамматика и культура речи. Грамматика делает нашу речь правильной, грамотной, выразительной, без знания ее трудно передать свои мысли. Для языка печатных изданий очень важное значение имеет выбор правильных грамматических форм и конструкций. Это относится как к отдельным словам и словосочетаниям, так и к целым предложениям.

Ошибки наблюдаются прежде всего в употреблении грамматических форм слов, а также в расположении слов в предложении.

Ошибки в употреблении грамматических форм слов. В языке печати и в устной (разговорной) речи встречается излишнее употребление аффиксов множественного числа существительных в сочетании с числительными. Например, *90 инектер чус хойлар*, *20 комбайннаар* вместо *90 инек чус хой, 20 комбайн*. Такое употребление противоречит грамматическим законам тувинского и других тюркских языков. Иногда допускается как исключение употребление аффиксов множественного числа при различении названий и количества месяцев от их нарицательных тувинских названий, в состав которых также входят числительные. Например: *10 айларның планы күүсүттинген* «План десяти месяцев выполнен». Если бы было

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 49.

он айның планы, то это могло бы быть понято как «план октября». Кроме того, ошибкой является излишнее употребление аффиксов множественного числа в сказуемых, выраженных прилагательными. Например: *Пионерлер тывызыктаарынга ынектар, олар ак сеткилдиглер* и т. д. Здесь аффиксы -тар, -лер совершенно не нужны.

Часто неправильно употребляют надежные аффиксы. Например: 1) *Уруглар арыгга катап чоруп каан*. 2) *Совет Эвиллинге болгаш эске-даа эвилелчи курунелерге дилег кылган*. В первом предложении употреблен дательный падеж (*арыгга*) вместо направительного (*арыгже*), а во втором — дательный (*курунелерге*) вместо исходного (*курунелерден*).

Ошибки в расположении слов в предложении. Порядок слов в предложении играет важную роль в различении смысла и стилистической целесообразности речи.

В тувинском языке указательное местоимение ол «тот, то, га» в позиции определения не склоняется по падежам. Поэтому иногда в речи трудно его отличить от личного местоимения ол «он, оно, она», выступающего в роли подлежащего. Например: *Колхоз баштаар чери Александр Кунзэевичини түдүсга ажылдаарын сүмелээн*. Оон бээр ол колхоз төвүнгэ доктаамал түдүгжу бооп ажылдан келген. (Из газеты). Здесь местоимение ол можно понимать в двояком смысле: оно может относиться к слову *колхоз* и быть определением к нему или указывать на имя строителя в предыдущем предложении. Во втором случае его лучше поставить перед сочетанием *оон бээр* или перед словом *доктаамал*.

Кроме того, на страницах нашей печати допускаются нарушения согласования местоимений с существительными в числе. Например: *Загод коллективи октябрьдан октябрьжээ чаа чедишиккнерни чедип ап келген. Олар Ильчиниң бир чугаазынга чагааны ышкаш, бодунуң революстүг ажылын кычып туар*. Здесь местоимение *олар* надо было употребить в единственном числе, так как оно указывает на слово *коллектив*.

Таким образом, наш небольшой обзор говорит о необходимости и актуальности дальнейшей разработки теоретических и практических вопросов культуры тувинской речи, тесно связанных с развитием и соблюдением норм национального литературного языка.

ИЗУЧЕНИЕ ДИАЛЕКТОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

У истоков изучения тувинского языка и его диалектов стояли выдающиеся ученые-туркологи прошлого века В. В. Радлов и Н. Ф. Катанов.

В июле 1861 г. В. В. Радлов посетил тувинцев, живущих у озера Кара-Холь в Западной Туве, и записал у них 2 сказки и 4 песни¹. Некоторые отличительные черты западных говоров отмеченные В. В. Радловым, сохранились до сих пор².

С марта по август 1889 г. в Туве находился Н. Ф. Катанов. Он проводил исследование в бассейне р. Улуг-Хем (Енисей) и в районе среднего течения р. Хемчик, т. е. на территории где проживала большая часть тувинского населения. Поэтому исследователь имел все основания говорить об общенародном тувинском языке. Н. Ф. Катанов сумел зафиксировать основные фонетические и морфологические особенности центрального диалекта, большинство из которых сохранилось и до сих пор.

Обширные материалы Н. Ф. Катанова, содержащие образцы разговорной речи и различных жанров фольклора, представляют собой богатейший источник для изучения истории тувинского языка второй половины XIX в. В своем «Опыте» Н. Ф. Катанов сделал важный вывод об единобразии этого

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. т. I. СПб., 1866, стр. XIV.

² См. Я. Ш. Хертек. Некоторые особенности речи населения Кара-Холя. УЗ ТННИЯЛИ, вып. XIV. Кызыл, 1970, стр. 234—240.

языка в диалектном отношении на обследованной им территории¹.

После народной революции 1921 г., в связи с созданием национальной письменности начинается новый этап изучения тувинского языка и его диалектов.

Большую роль в разработке вопросов тувинской диалектологии сыграл А. А. Пальмбах. Из его работ по тувинским диалектам выделяется вопросник по изучению территориальных диалектов тувинского языка, составленный совместно с Л. Б. Чадамба и опубликованный в 1951 г.² В вопроснике впервые систематизированы основные фонетические, морфологические и лексические отличия местных говоров. Вопросник позволил собрать уточненные данные почти во всех районах Тувы, и впоследствии они с успехом использовались А. А. Пальмбахом в его работах.

В тезисах своей незавершенной статьи «О классификационных признаках территориальных диалектов тувинского языка»³, написанной в 1963 г., А. А. Пальмбах перечисляет важнейшие фонетические и морфологические признаки территориальных диалектов, останавливается на некоторых итогах диалектологических экспедиций в Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский и Тоджинский районы, дает классификацию диалектов. А. А. Пальмбах был замечательным знатоком разговорной речи, и поэтому все его замечания относительно диалектов тувинского языка представляют большой интерес.

Одним из энтузиастов изучения тувинского языка была Т. И. Арцыбашева. Весной 1933 г. она была командирована в Тоджинский хошун с целью обследования школ и пунктов по ликвидации неграмотности. Она посетила сумоны Бий-Хем, Улуг-Даг, Сыстыг-Хем и одновременно вела наблюдения за речью населения этих сумонов. Итоги изучения диалекта тоджинцев были подведены Т. И. Арцыбашевой в двух статьях: «О языке тоджинцев»⁴ и «О некоторых особенностях диалекта Тоджи»⁵, из которых особый интерес для изучения диалекта представляет вторая статья. В ней языковый материал сгруппирован автором по следующим разделам: лексика, морфология и фонетика.

В разделе, где описывается словарный состав диалекта, Т. И. Арцыбашева совершенно правильно подмечает, что в

¹ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 16.

² [А. А. Пальмбах, Л. Б. Чадамба]. Тыва дылдың территориалдыгы диалектилерин (чер-чурде сөс-домак аялгаларын) шинчилээр дугайында айтырыглар. Кызыл, 1951.

³ См. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, Кызыл, 1968, стр. 232—235.

⁴ См. газета «Вперед», 2 октября 1933.

⁵ См. сб. «Языки зарубежного Востока», № 1. М., 1935, стр. 18—28.

области основного словарного фонда тоджинский диалект не имеет существенных отличий от других тюркских языков. Его своеобразие в области лексики заключается в наличии названий предметов и действий, характерных для тоджинцев и обусловленных особенностями их хозяйственной деятельности, а именно занятиями охотой и оленеводством.

В разделе фонетики автор справедливо отмечает распространенность соответствий звуков, например, начальных ч//й, м//б, срединных м//в и др. Далее Т. И. Арцыбашева подчеркивает такие особенности тоджинской речи, как наличие наэализованных звуков, ее протяженность и певучесть, особую тональность.

В своей работе Т. И. Арцыбашева впервые попыталась описать фонетическую систему, словарный состав и грамматический строй языка тоджинцев и показала, что он является одним из диалектов тувинского языка.

Однако при всей ценности работы Т. И. Арцыбашевой к ней следует подходить критически, так как она не лишена серьезных недостатков методологического и фактического порядка.

Большая заслуга в изучении тувинского языка и его местных говоров принадлежит В. М. Наделяеву. В своих лекциях, прочитанных студентам тувинского отделения Восточного факультета ЛГУ им. А. А. Жданова в 1947—1955 гг., В. М. Наделяев впервые стройно изложил фонетическую систему современного тувинского языка, в том числе отметил такие ее особенности, как фарингализация гласных, сила и слабость согласных.

Значительное по объему экспериментально-фонетическое исследование было осуществлено в ЛГУ А. Ч. Кунаа на материале тес-хемского говора. В своей кандидатской диссертации («Звуковой состав тес-хемского говора тувинского языка», Л., 1957) А. Ч. Кунаа описал систему гласных и согласных фонем, показал наиболее характерные оттенки каждой фонемы.

С 1958 г. сектор языка и письменности Тувинского НИИЯЛИ стал регулярно организовывать диалектологические экспедиции и командировки в районы Тувинской АССР. Сбор диалектного материала проводится на основе разработанной сектором программы по изучению местных говоров тувинского языка. С начала 60-х годов в эту работу включилась кафедра тувинского языка КГПИ. Диалектологические исследования проведены почти во всех районах Тывы и предварительные итоги этой работы опубликованы на страницах «Ученых записок» Тувинского НИИЯЛИ и «Трудов» Кызыльского

пединститута¹. В сборе диалектных материалов и их публикации активное участие принимают Ш. Ч. Сат, Я. Ш. Хертек, М. Х. Сарыкай. Здесь следует отметить и заслуги покойного Г. Ф. Бабушкина, не раз выезжавшего в западные районы Тувы и опубликовавшего интересные диалектные наблюдения.

В обработке диалектных материалов и их систематизации постоянную помощь оказывают крупные тюркологи нашей страны Е. И. Убяров (Новосибирск), Э. В. Севорян (Москва) и др.

Таким образом, к настоящему времени в основном завершено первичное диалектологическое обследование территории Тувы, выявлены основные особенности местных говоров тувинского языка, их общие черты и различия друг от друга. Появился ряд работ, в которых содержатся попытки дать общую характеристику диалектной системы тувинского языка, группировку диалектов. Так, Н. А. Баскаков называет центральный, западный, северо-восточный, юго-восточный диалекты и каа-хемский говор². Такого же мнения придерживается Ш. Ч. Сат, который также выделяет каа-хемский говор³. А. А. Пальмбах в упомянутой выше статье отмечал среднетувинский, западный и восточный диалекты.

На основе личных наблюдений и анализа публикаций других исследователей у нас также сложилось собственное мнение по диалектной системе тувинского языка⁴. В современном тувинском языке диалектные различия выражены не очень резко. Значительное единообразие тувинского языка в диалектном отношении свидетельствует об общности языка тувинцев, составляющей, как известно, одну из черт нации. Не легко локализовать, т. е. относить к определенной территории отдельные диалектные явления. Они встречаются не только на территории одного и того же диалекта, но даже в речи одного и того же лица. Поэтому при диалектном членении тувинского языка приходится говорить лишь о преимущественном употреблении той или иной формы в том или ином диалекте. Такая нерасчлененность диалектных черт создает определенные трудности при классификации диалектов. Отчасти поэтому до сих пор отсутствует единое мнение о диалектном членении тувинского языка. Тем не менее, можно

¹ См. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, IX, XI, XIII; Труды КГПИ, вып. III. Кызыл, 1963; «Сборник научно-методических статей (в помощь учителю). Гуманитарные науки». Кызыл, 1968.

² Н. А. Баскаков. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. М., 1964.

³ Ш. Ч. Сат. Тувинский язык — «Языки народов СССР», т. II; Тюркские языки. М., 1966, стр. 387—402.

⁴ См. рукопись, а также автореферат кандидатской диссертации «Тоджинский диалект тувинского языка». Новосибирск, 1970.

выделить отдельные явления в лексике, фонетике и грамматике тувинского языка, имеющие определенный территориальный характер. Так, в области словарного состава в одних районах наблюдается, кроме специфических слов, употребление заимствованных бытовых слов из монгольского языка, в то время как в других районах в данном случае выступают обычно общетюркские слова. Например, в Тодже, Кaa-Хеме, Эрзине, Тесе, Танды говорят сүге «топор», алага «молсток», кулур «мука», а в центральных и западных районах говорят соответственно баълды, маска, даълган. Такая же закономерность прослеживается в отношении распределения некоторых фонетических явлений по районам. Например, из соответствия начальных согласных м//б для восточных районов характерно употребление звука б' (напр., баългаш «болото, грязь», боързук «барсук», бейлдер «мухортый»), а в западных и центральных районах в этом случае употребляется носовой м: маългаш, мөързук, меълдер. Из соответствий начальных к//х, т//д для восточных районов характерны сильные х, т (хадыр «крутой», хөдээ «деревня», хунан «трехгодовалый — о домашних животных», темдек «знак», тангырак «клятва»), а парные им слабые — к, д более употребительны в западных и центральных районах: кадыр, көдээ, кунан, демдек, дангырак.

В области грамматики по диалектам выделяется различное оформление направительного падежа (в Тодже и частично в Каа-Хеме говорят даггыды «к горе» вместо формы дагже, которая употребляется во всех остальных районах). Условное наклонение по диалектам также оформляется по-разному: тодж. көрзэм||центр. көрзүмзэ||зап. көрдүм бизе «если я увижу».

Вышеизложенные и другие диалектные признаки (например, специфическая для разных районов ритмомелодика речи) распределены закономерно по определенным территориям. Наиболее четко они противопоставлены между центральными и западными районами, с одной стороны, и тоджинским, с другой. В соответствии с этим в современном тувинском языке схематически можно выделить, по нашему мнению, центральный и тоджинский диалекты.

Что касается остальной территории Тувы (Каа-Хемский, Тес-Хемский, Эрзинский, Пий-Хемский, Тандинский и частично Улуг-Хемский районы), то она выделяется как третья диалектная зона, в которой распространены говоры, имеющие особенности как центрального, так и тоджинского диалекта. Эти говоры можно назвать переходными или промежуточными между тоджинским и центральным диалектами.

При разработке норм литературного языка опорным в

свое время был избран центральный диалект, а именно его дзун-хемчикский говор.

В процессе развития литературный язык обогащается за счет всех диалектов и говоров тувинского языка. Оленеводческая терминология и многие термины, связанные с дикими животными, вошли или входят в литературный язык из тоджинского диалекта. Термины верблюдоводства, характерные для Тес-Хемского и Тандинского районов, а также особо детализированные названия некоторых промысловых животных, например, сурка в западных районах, из узко диалектных превратились в общенародные слова и вошли в словарный состав литературного языка.

В настоящее время диалектные формы употребляются наряду с литературными нормами, которые все больше и больше вытесняют диалектизмы; особенно это заметно в речи молодежи и людей среднего возраста. Развитие и дальнейшее совершенствование тувинской письменности, школа, печать, театр, радио и телевидение в большой степени способствуют стгаживанию диалектных различий и укреплению норм литературного языка.

Таким образом, сейчас идет, с одной стороны, интенсивный процесс стирания различий между диалектами и говорами, и с другой стороны, происходит обогащение литературного языка наиболее прогрессивными элементами диалектов.

В области дальнейшего изучения тувинских диалектов перед исследователями стоят такие первоочередные задачи: 1) интенсивнее производить сбор диалектных материалов и изучать диалекты; 2) организовать и развернуть работу по составлению диалектологического словаря тувинского языка; 3) составить программу-анкету для сбора материалов к диалектологическому атласу тувинского языка.

Б. И. Татаринцев

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЯХ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Тувинская лексика, как и лексика ряда других языков, имеет в своем составе значительное число слов иноязычного происхождения. Эти слова восходят к различным источникам и характеризуются неодинаковой степенью изученности.

Меньше всего нам известно о лексике самодийского и кетского происхождения. Некоторые топонимы и этнонимы свидетельствуют, что в древности Тува являлась одним из районов расселения кетоязычных¹ и самодийскоязычных² народов, которые были ассимилированы здесь тюркоязычным населением.

Так, среди гидронимов Тувы имеются названия южносамодийского (*Севи* (*Сейба*)³ и, возможно, селькупского происхождения (*Сой*;ср. селькуп. *сой* «исток (небольшой)», *Чыргакы*;ср. селькуп. *кы* (*гы*) «река (большая)»⁴. Ряд гидронимов, находящихся в различных частях Тувы, как считают исследователи, имеют своими источниками так называемые

¹ Н. Л. Членова. Составление культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири. В сб. Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969, стр. 145.

² История Тувы, т. I, М., 1964, стр. 179.

³ Э. Г. Беккер. Южносамодийские гидронимы Томской области. Сб.: Топонимика Востока. Исследования и материалы, М., 1969, стр. 184.

⁴ Э. Г. Беккер. Селькупская топонимия Томской области. «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964, стр. 129.

«енисейские» языки (большей частью кетский): *Азас, Казас¹, Тес-Хем, Шишикит, Иртыш².*

В свое время попытка найти самодийские лексические заимствования в тувинском языке была предпринята Н. Ф. Катановым, который, однако, «не нашел сходства урянхайского языка с самодийским... в лексическом отношении» и не обнаружил в тувинской лексике никаких следов самодийского влияния, за исключением трех сомнительных, по его мнению, слов: *када* «бабушка», *хады* «сосна» и *кудурга* «задняя подпру́га»³. Эти слова исследователь сопоставляет с самодийскими *hada* «бабушка», *hady* «ель, пихта» и *kudago* «ремень упряжи»⁴.

Слово *кудурга* в тувинском языке, по всей вероятности, — монгольского происхождения⁵, а что касается двух других, то их самодийское происхождение вполне возможно. В частности, *хады* «сосна» приведено также В. И. Рассадиным в качестве самодийского заимствования тофаларского языка. Он сопоставляет это слово с ненецким *хады* «ель»⁶. Рассадин приводит и другие единичные слова, источником которых он считает самодийские языки (*ире* «прадед», *ава* «мать», *соо* «берестяное ведерко»⁷) и которые существуют также в тувинском языке. Но действительно ли они самодийского происхождения и если да, то исчерпываются ли ими все подобные слова в тувинском языке, в настоящее время ответить затруднительно.

Что же касается наличия или отсутствия в тувинском языке кетоязычного лексического субстрата вне сферы топонимики, то сколько-нибудь серьезных попыток рассмотреть эту проблему еще не предпринималось.

На современном этапе исследования тувинского языка лучше и полнее всего изучены в нем русские лексические заимствования. Это в значительной степени связано с тем, что изучение русского языкового влияния на языки народов СССР, в особенности на младописьменные, было и остается одной из актуальных задач современного советского языкоznания и тувиноведения в частности. Наибольшее значение

¹ А. П. Дульzon. Былое расселение кетов, по данным топонимики. «Вопросы географии», сб. 58, М., 1962, стр. 69.

² Э. Г. Мурзаев. Южносибирские топонимические элементы в Монголии. «Вопросы географии», сб. 70, М., 1966, стр. 49.

³ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 17.

⁴ Там же.

⁵ См. Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкоzнание. М., 1957, стр. 189.

⁶ В. И. Рассадин. Лексика современного тофаларского языка. Автореферат кандидатской диссертации. Улан-Удэ, 1967, стр. 30.

⁷ Там же.

эта тема приобрела в последние годы, хотя начало ее изучению, как и начало научному исследованию тувинского языка вообще, было положено еще Н. Ф. Катановым¹.

Он же обратил внимание на наличие в данном языке большого количества монгольских заимствований, определил часть из них (примерно 200 слов) и рассмотрел их в плане фонетического освоения².

В настоящее время монгольские заимствования в тувинской лексике в той или иной мере рассматривались многими тувиноведами, но до сих пор эта тема не была предметом специального изучения.

Поэтому целесообразно рассмотреть некоторые довольно существенные вопросы, связанные с монголизмами в тувинском языке. Одним из них является вопрос о наиболее ранних монгольских заимствованиях и о времени их появления в тувинской лексике.

Фонетический облик многих из этих заимствований свидетельствует об их значительной древности, что подтверждается, в частности, отсутствием отражения в них перелома гласного и первых слогов (уподоблению его гласному последующего слога). Поэтому данный звук может отражаться в виде *ы* в словах с гласными заднего ряда: *чыда* «копье» (ср. п.-монг. *жыда*, совр.-монг. *жад*) *кыжаалац* «четырехлетний (о домашних животных)» (ср. п.-монг. *кыжаалан*, совр.-монг. *хязаалан*), *чыраа* (*чыраа атът*) «иноходец» (ср. п.-монг. *жируга*, совр.-монг. *жорго*), *шыдал* «сила, мощь» (п.-монг. *чидал*, совр.-монг. *чадал*), *шыргай* «дебри, заросли» (п.-монг. *чиргай*, совр.-монг. *чаргай*) и т. д.

Перелом же гласного и начался в монгольских языках в течение XIII—XIV вв.³ и завершился, по-видимому, в XV столетии⁴.

Вторым признаком древности монгольских заимствований является сохранение качества шипящих аффрикат типа звонкого *дж* (на письме обозначается знаком *ж*) и глухого *ч*. В большинстве современных монгольских языков эти аффрикаты, не имевшие в постпозиции гласного *и*, перешли в другие звуки, свистящие (процесс, начавшийся с XV в.⁵). Звонкая аффриката *дж* отражается в тувинском языке в виде глухой *ч* (в начале слов), а глухой *ч* заменяется либо близким по звучанию *ч*, либо шипящим *ш*: *чова-* «уставать, утом-

¹ См.: Н. Ф. Катанов. Указ. соч., стр. 29—30.

² Там же, стр. 30—35, 120—128.

³ Монгольский словарь Мукалдимат ал-Адаб, М.-Л., 1938, стр. 30.

⁴ Ст. Калужинский. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке. Труды Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, вып. 3 (8), Якутск, 1961, стр. 8.

⁵ Ст. Калужинский, указ. соч., стр. 16.

ляться» (п.-монг., Мук. жоба- «сострадать; измучиться», совр.-монг. зово-), эжэн «владыка, властелин» (п.-монг. эжэн, совр.-монг. эзэн), чөл «справедливо, точно» (п.-монг. жөб, совр.-монг. зөв), шаажы «казнь, пытка» (ср. п.-монг. чагажи, совр.-монг. цааз) и т. д.

Признаком древности заимствований может служить и сохранение первоначальной артикуляции гласных в первых слогах, зафиксированной, в частности, монгольскими письменными памятниками, относящимися к XIII—XIV вв. Особенно характерно отсутствие огубленности этих гласных, возникшей под влиянием широкой губной первого слога: бора «серый» (Мук.¹ бора, совр.-монг. боро), осал «ошибка, оплошность, несчастный случай» (Мук. осал, совр.-монг. осол) онгача «колода (для кормления скота)» (Мук. онгача, совр.-монг. онгоц), бозага «порог» (Мук. босаги, совр.-монг. босго) и т. д. Разумеется, сходство тувинских заимствований со старомонгольскими словами может иногда быть вызвано иными причинами, но в целом эти признаки, а также ряд других позволяют сделать вывод, что значительное количество монгольских заимствований тувинского языка вошло в него, во всяком случае, не позднее XIII—XIV вв. и частично даже гораздо раньше этого периода. Есть основания считать, что предки современных тувинцев вступали в языковые контакты с монголоязычными народами задолго до XIII в., когда Тува стала объектом экспансии Чингис-хана.

По своему внешнему облику ранние монгольские заимствования тувинского языка часто оказываются близки словам так называемого «среднемонгольского языка» XIII—XIV вв., одним из памятников которого является «Монгольский словарь Мукаадимат ал-Адаб», и старописьменного монгольского языка, первые памятники которого датируются началом XIII столетия.

Однако фонетические признаки, характеризующие языки указанных письменных памятников, были присущи и монгольским диалектам более раннего периода, в том числе и тому из них, который послужил основой старописьменного монгольского языка².

До сих пор остается неизвестным, какому из монгольских народов принадлежал этот диалект. Л. Лигети выдвинул гипотезу о киданьской основе старописьменного монгольского

¹ Мук.—«Монгольский словарь Мукаадимат ал-Адаб».

² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 17 и сл.

языка¹, пока не получившую достаточного подтверждения, поскольку о языке (или диалекте) киданей имеется очень мало данных. Если бы эта гипотеза подтвердилась, то об источнике наиболее ранних монгольских заимствований в тувинской лексике можно было бы говорить более уверенно. Согласно историческим данным, контакты населения древнетюркских государственных образований, в состав которых входили и исторические предки тувинцев, с монголоязычными киданями имели место во второй половине первого тысячелетия н. э., до X в.² включительно.

В настоящее время фонетический облик ранних заимствований позволяет датировать их довольно широко (примерно X—XIV вв.). При этом вполне вероятно, что большинство из них относится к XIII—XIV вв. и восходит к среднемонгольскому языку, а остальные — к X—XII вв., и их источником мог быть один из древних диалектов, легший позднее в основу старописьменного монгольского языка.

Сказанное не означает, что заимствования из старописьменного монгольского языка не входили в тувинскую лексику в более поздние времена (начиная примерно со второй половины XVIII в.), когда им овладела некоторая, главным образом верхушечная часть тувинского населения. Напротив, этот язык служил одним из источников монгольских заимствований, причем тех из них, которые относятся к числу наиболее поздних и по своему содержанию датируются уже 20-ми годами нашего века (первое десятилетие существования ТНР).

В их облике сохраняется, в частности, такой архаический признак, как интервокальное *g* в тех случаях, когда оно давно выпало и привело к образованию долгих гласных в современных монгольских языках, хотя и сохранялось в монгольской письменности. В качестве примеров можно привести слова *кэжигүн* «член (какой-либо организации, коллектива)» (ср. п.-монг. *гэшигүн* «ветвь, сук; член (тела)», перен. «член, участник», совр.-монг. *гишүүн, гэшүүн*), *шүгүмчүлөл* «критика» (ср. п.-монг. *шигүмчилэл*, совр.-монг. *шүүмжлэл* «разговор, беседа; совещание, обсуждение; критика»), *кадагааты* (уст.) «зарубежный, иностранный» (ср. п.-монг. *гадагату* «внешний, наружный; иноземный, иностранный; чуждый». совр.-монг. *гадаад*). По-видимому, эти слова были введены в употребление лицами, более знакомыми с письменным (старописьменным), чем с устным, разговорным монгольским языком, и заимствовавшими эти слова непосредственно в том

¹ См. рецензию Л. Лигети на книгу Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика.., «Вопросы языкоznания», 1955, № 5, стр. 133—140.

² См.: История Тувы, т. I, стр. 77, 142—143; Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, М., 1967, стр. 137, 166, 186, 378—379.

виде, в котором они употреблялись в монгольских текстах.

Вопрос о языках — источниках монгольских лексических заимствований также является очень важным и пока нерешиенным. Кроме названных, такими источниками, начиная с XV—XVI вв., являлись ойратские диалекты и халха-монгольский язык, носители которых и в настоящее время проживают на сопредельных с Тувой территориях.

Вплоть до недавнего времени почти во всех исследованиях по тувинскому языку, авторы которых в той или иной форме касались монгольских лексических заимствований, последние возводились только к собственно монгольским словоформам. Тем самым халха-монгольский язык признавался как бы единственным источником заимствований, а о других источниках не упоминалось вообще.

Конечно, тувинская лексика испытала сильное халха-монгольское влияние, и на этот факт уже справедливо указывалось¹. Но, помимо большого числа монгольских заимствований весьма давнего происхождения и монголизмов из старописьменного монгольского языка позднего времени, в тувинской лексике немало слов ойратского происхождения.

Одним из их фонетических признаков может служить сохранение конечного *н* (в том числе *н* с предшествующими гласными), в то время как в халха-монгольском наблюдается его усечение: тув. *адаан* «месть, вражда, азарт» (п.-монг. *атаган*, *атага* «зависть, ревность, ненависть; соревнование», калм. *атаан* (орф. *атан*) «соперничество»², тув. *шимээн* «шум» (п.-монг. *чимэгэн*, совр.-монг. *чимээ*, калм. (диал.) *чимээн* (орф. *чимэн*) «шум, звук»), тув. *шуурган* «буран, ураган, буря» (п.-монг. *шигуурган*, *шурган* «метель, выюга, буран», совр.-монг. *шүүргэ* «метель, пурга, буран, буря», калм. *шүүрхн* «буран»), тув. *саазын* «бумага» (п.-монг. *чагасун*, Мук. *чаалсун*, оир. («Тодо бичиг») *цаасун* «бумага») и т. д.

Помимо слов, общих для языка западных монголов (калмыцкого языка и различных ойратских говоров) и современного монгольского языка, существует определенное число слов или их вариантов, характерных преимущественно для западных монголов и также нашедших свое место в тувинской лексике: *шулун* «быстрый, скорый, проворный»), (калм. *шулун*, «Тодо бичиг» *шулун* «быстрый, проворный»), *шашылга* (миф., сказ.) «место соединения неба с землей» (ср. калм. *шавшлн* «горизонт»), *хараача* «верхний круг (обруч)

¹ См. В. И. Рассадин. Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке. «Исследование бурятских говоров», вып. II, Улан-Удэ, 1968, стр. 188.

² Ойратские слова в основном извлечены из публикаций, помещенных в УЗ КалмНИИЯЛИ, вып. 7, серия филологическая, Элиста, 1969.

юрты» (калм. *харачи то же*), *андазын* «соха; плуг» (ср. ойр.-
(дерб.) *андасан*¹ (совр.-монг. *анжис*, *андис*), *игил* «смычковый
двустврунnyй музыкальный инструмент» (ср. ойр. (дерб.)
*иккил то же*²).

Вместе с тем, в тувинской лексике почти отсутствуют следы бурятского влияния, в чем, по-видимому, заключается одно из различий во многом близких друг с другом тувинского и тофаларского языков³.

Некоторое исключение в этом отношении составляет речь населения восточных районов Тувы, где встречаются единичные слова бурятского происхождения (или, по крайней мере, близкие по своему облику к словам бурятского языка). В качестве примеров можно привести отдельные заимствования тоджинского диалекта⁴: *сөөкей* «мучная каша на снятом оленем молоке» (ср. бур. *зөөхэй* «сметана, сливки», *шананан зөөхэй* «вареная сметана, саламат» и тофаларское *sö:kej* «саламат, вареная сметана»), *даспан* «головной олененок» (ср. бур. (окинский говор) *даспаан* «оленя самка до двух лет»), *уруптүр* «рашпиль» (ср. бур. *үрэбтэр*, совр.-монг. *өрөвтөл* «рашпиль»). Слово *даспан* известно также тувинскому населению, проживающему вблизи озера Тере-Холь⁵.

Следует также помнить, что название части юрты, а именно тонкой жерди, служащей стропилом (*ынаа*), бытующее главным образом в центральных и восточных районах, по своей форме ближе всего к бурятскому *уняя* «стропило для юрты».

С изучением монгольских заимствований в тувинском языке связано также решение других вопросов, на которых в данной статье не представляется возможным остановиться. Один из них касается, в частности, определения роли монгольских языков как языков-посредников в проникновении в тувинскую лексику слов из других языков Востока: китайского, тибетского, маньчжурского, санскрита и т. д.

В целом изучение как монгольских заимствований, так и других слов иноязычного происхождения, позволило бы составить представление о происхождении значительной части лексики современного тувинского языка.

¹ См. G. Kara. Notes sur le dialectes oirat de la Mongolie Occidentale. «Acta Orientalia», tomus VIII, fasc. 2, Budapest, 1958, p. 126.

² Там же, стр. 113—114.

³ По этому вопросу см. указ. статью В. И. Рассадина, стр. 187—191.

⁴ Примеры приводятся по работе З. Б. Чадамба. «Тоджинский диалект тувинского языка». Автореферат кандидатской диссертации, Новосибирск, 1970.

⁵ Ш. Ч. Сат. О говоре населения Тере-Холя. «Сборник научно-методических статей (в помощь учителю). Гуманитарные науки», Кызыл, 1968, стр. 103.

А. К. Ойдан-оол

ПРЕПОДАВАНИЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Изучение родного языка в старших классах тувинской школы началось в конце 30-х — начале 40-х годов с открытием семилетних школ в Кызыле, Шагонаре, Самагалтае, Кызыл-Мажалыке, Чадане и в других хошунных центрах. В то время еще не было программы и учебников по тувинскому языку для 5—7 классов, кроме вступительной части (введения и фонетики) школьной грамматики¹. Родной язык в школе вели учителя, не имевшие специального филологического образования, хотя многие из них были, несомненно, одаренными педагогами. Курс родного языка в старших классах, по существу, разрабатывался каждым учителем самостоятельно по образцу учебников русского языка для русских школ и на основе методических указаний, полученных на краткосрочных курсах. Естественно, что в этих условиях многие вопросы методики преподавания родного языка в средней школе не могли получить своего разрешения.

Ускоренное развитие методики преподавания тувинского языка в 5—7 классах началось после вхождения Тувы в состав СССР, когда для этого сложились определенные предпосылки, а именно: в преподавании родного языка в школе был уже накоплен определенный положительный опыт, стали успешно использоваться основные принципы методики преподавания русского и других национальных языков СССР.

¹ Тыва дылдыц грамматиказы, I. Кирилде болгаш фонетика. Кызыл, 1942.

Для повышения уровня преподавания родного языка и вооружения учащихся прочными знаниями прежде всего необходимо было дать школам учебники для 5—7 классов. Эта задача была успешно решена в результате большой организаторской и творческой работы, проведенной Министерством просвещения РСФСР, Тувинским облоно и НИИЯЛИ.

В 1949 году вышла в свет I часть учебника родного языка (фонетика и морфология) для 5—6 классов, составленная М. Д. Биче-оолом и Ф. Г. Исхаковым¹. Через год появляется II часть этого учебника (синтаксис) для 6—7 классов, составленная А. А. Пальмбахом, М. Д. Биче-оолом и Л. Б. Чадамбой². Обе части переиздавались несколько раз вплоть до начала 60-х годов. Перед авторами стояли сложные задачи: при отсутствии программ составить за короткий срок учебники (программы были разработаны лишь к 1956—1957 учебному году). Несмотря на некоторые недостатки, эти учебники имели большое значение для повышения качества преподавания родного языка. Представляя собой краткое изложение основ фонетики и грамматики тувинского языка, они служили первыми методическими пособиями для учителей родного языка, способствовали пробуждению творческой мысли учителя, организованному построению урока.

Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» (1958 г.) поставил задачу перестройки преподавания родного языка. В связи с этим были составлены новые программы³ и учебники для 5—8 классов⁴, которые действуют до сих пор.

Программы четко определяли объем знаний, умений и навыков, которые должны получить учащиеся по курсу родного языка в восьмилетней школе, причем основной упор делался на овладение практическими умениями и навыками.

В учебниках большое внимание уделяется системе упражнений для закрепления и повторения,дается много связных текстов из художественной литературы. Вместе с тем в них имеется ряд недостатков: часть грамматических правил сложна; мало упражнений по развитию речи учащихся; мате-

¹ М. Д. Биче-оол, Ф. Г. Исхаков. Тыва дылдың грамматиказы. I кезээ. Фонетика болгаш морфология. М., 1949.

² М. Д. Биче-оол, А. А. Пальмбах, Л. Б. Чадамба. Тыва дылдың грамматиказы. II кезээ. Синтаксис. М., 1950.

³ Тыва сес чыл школаларынын программалары. V—VIII класстар. Төрөэн дыл, литература (төрөэн чогаал). Кызыл, 1963.

⁴ М. Д. Биче-оол, Д. А. Монгуш. Тыва дылдың бередилге ному. I кезээ. Фонетика болгаш морфология. Кызыл, 1965; М. Д. Биче-оол, А. Ч. Кунаа. Тыва дылдың бередилге ному. II кезээ. Синтаксис. Кызыл, 1964.

риал дается преимущественно дедуктивным методом, что не всегда активизирует мыслительную деятельность учащихся; полиграфическое оформление учебников оставляет желать лучшего.

В настоящее время на основе Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 г. «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» составлены новые программы по родному языку для 4—8 классов тувинской школы. При создании программ главное внимание обращалось на соответствие их содержания уровню научных знаний, на обеспечение преемственности в изучении родного языка с 1 по 8 класс.

На основе этих программ будут составлены качественно новые учебники по тувинскому языку, к которым предъявляются высокие требования.

Большая работа проведена по подготовке квалифицированных учительских кадров.

До 50-х годов, когда в школах работали учителя, в основном не имевшие специального образования, качество преподавания родного языка целиком зависело от педагогического дарования учителя и от его ответственности за порученное дело.

В 1949 году при Абаканском учительском институте открылось отделение тувинского языка и литературы. Этим было положено начало подготовки квалифицированных учителей тувинского языка для 5—8 классов. Лица, окончившие отделение тувинского языка и литературы, сыграли важную роль в повышении уровня преподавания родного языка.

В 1952 г. открывается Кызыльский учительский институт, впоследствии преобразованный в педагогический. В период с 1954 по 1969 год институт выпустил 520 учителей родного языка.

Состав учителей родного языка ежегодно пополняется, качество их подготовки улучшается. Если в 1956—57 учебном году из 118 учителей родного языка высшее образование имели трое, то в 1969—70 учебном году из 152 учителей высшее образование имели 110 человек и стаж работы свыше 10 лет — 108 человек.

Министерство просвещения Тувинской АССР и Институт усовершенствования учителей проводят большую работу по повышению качества преподавания и уровня знаний учащихся по родному языку. Почти ежегодно организуются курсы повышения квалификации учителей, на которых обсуждаются теоретические и практические вопросы методики, анализируются школьные программы и учебники, ведется перспективное и поурочное планирование, уделяется большое внимание

ние обмену опытом. В помощь преподавателям Институт усовершенствования учителей рассыпает методические письма, рекомендации, разработки.

Изданы сборники текстов диктантов и изложений для 5—8 классов, таблицы по орфографии. В 1968 году выпущено пособие К. Х. Оргу по методике преподавания тувинского языка в старших классах¹. Несомненно, эта работа и в дальнейшем сыграет свою роль в повышении научно-методического уровня преподавания родного языка.

Распространению передового опыта, вовлечению учителей в исследовательскую работу, повышению их педагогического мастерства способствуют «Педагогические чтения».

На «Педагогические чтения» выносятся такие актуальные вопросы преподавания родного языка, как применение наглядных пособий и дидактического материала, система работ по развитию речи учащихся, проведение грамматического разбора, внеклассная работа и т. д.

В 1959 и 1966 гг. были проведены научно-практические конференции, посвященные улучшению преподавания тувинского и русского языков в школе. Материалы этих конференций опубликованы в виде отдельных брошюр².

За последние годы в преподавании родного языка достигнуты значительные успехи. В республике выросло немало передовых учителей родного языка, которые отдают все свои силы, энергию и знания обучению и воспитанию подрастающего поколения.

Всей республике известны имена заслуженных учителей школы РСФСР А. А. Оюн и А. Д. Арапчора, заслуженных учителей школы Тувинской АССР С. М. Содунам, А. Д. Чылбак-оола и опытных учителей В. С. Кызыл-оола, К. К. Конга, Х. П. Санчая.

Много лет в школе № 2 г. Кызыла работает С. М. Содунам. Она дает хорошие знания учащимся, урок ведет четко, объясняет доходчиво, интересно. Характерной особенностью уроков С. М. Содунам является широкое применение индивидуальной работы во время опроса и при выполнении самостоятельных заданий с помощью карточек, которые распределены по разделам: фонетика и орфография; морфология и орфография; синтаксис и пунктуация; словарная работа; раз-

¹ К. Х. Оргу. Тыва дылды ортумак школага башкылаарының методикасы. Кызыл, 1968.

² Тэрээн дыл башкыларынга. Кызыл, 1959; Тыва дыл башкыларының ажылдарының дуржулгаларындан. (Тыва болгаш орус дылдар башкылаашкылының талазы-бile II эртем-практиктиг конференциязынга). Кызыл, 1966; О преподавании русского и тувинского языков в школах республики. (Ко II научно-практической конференции по преподаванию русского и тувинского языков). Кызыл, 1966.

вление речи; работа с отстающими. Благодаря этому методу ученики с заданиями справляются быстро.

С 1954 года преподает тувинский язык и литературу в Чая-Хольской средней школе В. С. Кызыл-оол. Его методическое мастерство сказывается на результатах работы: из года в год учитель добивается полной успеваемости по своим предметам. Отличительной стороной уроков В. С. Кызыл-оола является умелое использование наглядности.

Характерная сторона работы молодого учителя родного языка Тарлыгской школы Х. П. Санчая — применение разнообразных видов грамматического разбора, с помощью которых учащиеся глубже вникают в значение и правописание слов и словосочетаний.

Много лет подряд добивается полной успеваемости, дает прочные знания учащимся и заслуженная учительница школы РСФСР А. А. Оюн. Большое внимание в своей работе она уделяет развитию самостоятельности, творческой инициативы учащихся.

Несмотря на улучшение состояния преподавания родного языка в средней школе в целом, многие проблемы еще не решены. Во многих школах знания учащихся по тувинскому языку слабые.

Одной из основных причин низкой успеваемости является то, что некоторые учителя работают без должного напряжения, отстают от требований сегодняшнего дня, уроки проводят на низком методическом уровне. Нередко на уроках основная часть времени затрачивается на опрос (до 20—30 минут) и объяснение учителя (15—20 минут). На закрепление и проведение активных упражнений остается мало времени.

Одной из основных задач учителей родного языка является развитие речи учащихся. Между тем программные требования по развитию речи выполняются недостаточно. На уроках больше говорит сам учитель. Поэтому не случайно, что речь многих учащихся невыразительна, монотонна.

Такое эффективное средство, как наглядность, учителя используют еще плохо, а технические средства не применяются почти совсем.

Важным вопросом является повышение орфографической грамотности учащихся. Проверка состояния преподавания родного языка в школах, анализ письменных работ позволяют установить следующие наиболее типичные орфографические ошибки: написание долгих гласных через одну букву вместо удвоенной; замена начальных согласных *т* на *д*, *п* на *б*, или наоборот; обозначение долгих (удвоенных) согласных одной буквой вместо удвоенной; употребление в сложных словах дефиса там, где требуется раздельное написание (в

словах типа *эки туричы* «доброволец»), или же пропуск дефиса там, где он нужен (в словах типа *эшиг-өөрлүг* «имеющий товарищей и друзей»); то же наблюдается с дефисным и раздельным написанием частиц типа *-дыр*, *-ла*, *аан*; пропуск конечных *а*, *э*, *о*, *у* в йотированных долгих *я*, *е*, *ё*, *ю* (в словах типа *хаяа* «заря», *көпөээм* «моя копейка» и т. д.); неправильное оформление фонетических изменений, происходящих в конце русских заимствований при прибавлении к ним аффиксов (*курсу* вместо *курузу* «его курс», *трактористтиң* вместо *трактористиң* «тракториста» и т. д.).

Учителя и методисты пытаются установить причины появления подобных ошибок и пути их преодоления. Однако применяемые методы и приемы работ над ошибками учащихся часто оказываются малоэффективными, так как они не опираются на определенную научно-теоретическую базу.

Низкий уровень преподавания родного языка и качества знаний учащихся во многих школах объясняется еще недостаточной разработанностью методики преподавания тувинского языка. Пособие К. Х. Оргу, написанное под влиянием «Методики преподавания русского языка в средней школе» А. В. Текучева, подробно излагает общие методы и приемы преподавания языка. Но в нем не обобщен опыт преподавания родного языка в тувинской школе.

Настало время исследования узловых вопросов, отдельных разделов методики преподавания родного языка. Начало этому уже положено монографией К. Б. Март-оол по методике преподавания местоимений в тувинском языке¹. В этой работе дается анализ школьных программ и учебников по разделу «Местоимения», приводятся результаты экспериментов, проведенных в школе, высказаны ценные предложения по улучшению учебников родного языка, сделаны конкретные рекомендации при изучении местоимений.

На основе накопленного опыта и экспериментальных данных необходимо в ближайшее время приступить к разработке методики преподавания следующих разделов программного материала по родному языку в 4—8 классах:

- 1) Фонетика. Темы: «Краткие, долгие и фарингализованные гласные», «Йотированные гласные (я, е, ё, ю)», «Глухие и звонкие согласные», «Согласные т—д, п—б в начале слова», «Изучение фонетики в условиях диалектного окружения».
- 2) Словообразование и морфология. Темы: «Состав слова», «Имя существительное», «Глагол», «Имя прилагательное».
- 3) Синтаксис. Темы: «Типы простых предложений», «Слож-

¹ К. Б. Март-оол. Методика преподавания местоимений родного языка в тувинской школе. Рукопись кандидатской диссертации. Л., 1969.

неподчиненные предложения», «Обособленные члены предложения», «Прямая и косвенная речь». 4) Развитие речи учащихся (виды и приемы работ по развитию связной речи учащихся и т. д.). 5) Словарная работа по родному языку в 4—8 классах. 6) Орфография. 7) Пунктуация.

За последнее время на снижение уровня знаний учащихся оказывает влияние и сокращение количества часов на изучение родного языка в 4—8 классах. Отведенных 1—2 уроков в неделю недостаточно для нормального прохождения курса родного языка, предусмотренного программой.

На основе анализа письменных работ учащихся и учета их типичных ошибок необходимо изучить вопрос о возможности дальнейшего совершенствования некоторых правил тувинской орфографии и пунктуации.

До сих пор разрабатывались методические пособия по тувинскому языку, предназначенные преимущественно для учителей. В перспективе нужно создавать пособия и для учащихся, в частности, школьные орфографический, орфоэпический и толковый словари тувинского языка.

Таким образом, улучшение состояния преподавания тувинского языка и качества знаний учащихся связано с целым комплексом вопросов (подготовка программ, учебников, учебных и методических пособий, квалифицированных учителей, разработка вопросов методики преподавания и т. д.), решение которых имеет важное значение. При этом нужно исходить из того, что хорошее знание родного языка, являющегося действенным средством коммунистического воспитания детей, служит для учащихся опорой при изучении ими остальных предметов и русского языка — языка межнационального общения народов СССР.

Е. И. Убriатова

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У АЛТАЙЦЕВ И ЯКУТОВ ДО РЕВОЛЮЦИИ

В своем докладе¹ я хотела бы осветить вопрос о начальном этапе развития письменности у двух тюркоязычных народов Сибири до революции — у алтайцев и якутов.

Обычно указываются два момента в связи с этим этапом:

1. Низкий процент грамотности населения на русском языке к моменту Октябрьской революции;

2. Установление письменности только после революции.

Как бы подразумевается, что до революции письменности не существовало. Между тем это справедливо лишь отчасти. Действительно, процент грамотности населения был очень низок и национальной письменности у алтайцев и якутов не существовало. Это право сибирские и другие народы бывшей Российской империи получили только после Октябрьской революции.

И все же в каком-то виде письменность на некоторых тюркских языках существовала, она пробивала себе дорогу из церковной и бытовой сферы к более высоким и сложным формам литературного языка. Этот процесс шел у разных народов по-разному. Везде зарождалась и постепенно крепла национальная интеллигенция, которая после установления советского строя и приняла на себя заботу о создании письменности и литературных языков и блестяще ее осуществила.

Тюркоязычные народы Сибири довольно многочисленны:

¹ Публикуется с сокращениями.

алтайцы, барабинцы, чулымские тюрки, шорцы, якуты и др. Наиболее крупными по численности являются:

	1959 ¹	1962 ² .
алтайцы	45,3 тыс.	47 тыс.
сибирские татары	около 100,0 тыс. ³	—
тувинцы	100,1 тыс.	107 тыс.
хакасы	56,6 тыс.	60 тыс.
якуты	236,7 тыс.	250 тыс.

Алтайцы, туvinцы, хакасы, якуты считаются младописьменными народами, поскольку гражданская письменность у них в широком масштабе получила распространение после революции. И только татары относятся к народам старописьменным, так как до революции у них существовала письменность на арабском алфавите и процент грамотности был довольно высок.

Однако к началу революции и у младописьменных народов был, хотя и очень не высокий, но все же определенный процент грамотности. В Якутии, например, в 1897 году на 1000 жителей приходилось грамотных 7 якутов, 3 эвенка, 20 русских. Но распространение грамоты шло очень медленно и разными путями.

Одним из проводников грамоты были организации, занимавшиеся распространением религий.

Религия вплоть до революции играла важную роль в государственной и общественной жизни, быту и культуре всех народов нашей страны, включая и русских. Люди старшего поколения еще хорошо помнят это.

Древние тюрки, жившие на территории Сибири, в большинстве своем были шаманистами. Среди тюркоязычных народов Сибири в XVIII—XIX вв. распространялись три крупных религии: христианство (православие), ислам и буддизм.

В царской России православие было государственной религией. Его распространение определялось не только чисто религиозными потребностями, но имело и государственные задачи воспитания преданных церкви и престолу людей, и потому оно всячески поддерживалось правительственные органами. Православие посредством миссий распространялось среди алтайцев, хакасов, якутов и некоторых других.

Ислам, хотя и не являлся государственной религией, был очень влиятельным. В Сибири он распространялся среди та-

¹ См. Численность и расселение народов мира. М., 1962, стр. 86.

² См. Атлас народов мира. М., 1964, стр. 150.

³ Сибирские татары в переписи 1959 г. не выделялись. По переписи 1926 г. их численность 85 442 человека. (Народы Сибири. М.-Л., 1956, стр. 474).

тар-аборигенов. Буддизм распространялся главным образом в Туве и частично на Алтае.

Одним из первых актов Советского государства было отделение церкви от государства (в отношении православной церкви как государственной), а также была объявлена борьба со всякой религиозной пропагандой.

И, быть может, о распространении религии у тюркоязычных народов Сибири теперь можно было бы не вспоминать, если бы оно не сопровождалось распространением грамотности. Происходило это потому, что все так называемые мировые религии, имеющие многовековую историю, накопили большую литературу как богословского характера, так и практические богослужебные книги с точным описанием обрядов и молитв, исполняемых при этих обрядах.

Как известно, священные книги чаще всего создавались на древних языках. В православной религии до последнего времени священное писание, евангелие и молитвы читались и заучивались на древнем церковно-славянском языке. Языком ислама является арабский язык со своей письменностью; священные тексты и молитвы буддизма написаны на тибетском языке.

Вот почему распространение этих религий требовало хотя бы минимальной грамотности¹ и очень нуждалось в использовании родного языка населения.

Примером использования родного языка населения и создания на нем письменности может служить распространение православия среди алтайцев и якутов, проходившее по-разному. Особенно успешно оно проходило на Алтае, где в 1828—1830 гг. была организована Алтайская духовная миссия², имевшая основной целью обращение народов Алтая в христианство и внедрение среди них православной монархической идеологии. Особенно активно действовала Алтайская духовная миссия с помощью центральных миссий, опираясь на всенародное содействие царских властей.

Заметную роль в развитии культуры алтайцев сыграли миссионерские школы, в которых бесплатно обучали чтению, письму, счету. И хотя большое место в обучении занимал закон божий, школы эти давали первоначальную грамотность на родном и русском языках.

Обучение на родном языке вызывало необходимость создания письменности на родном языке алтайцев и первоначаль-

¹ Так было в древности и на Руси. Вместе с христианством в X в. на Русь пришла и письменность.

² Сведения о деятельности Алтайской духовной миссии излагаются во книге Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев». М.-Л., 1953, стр. 199—205, 242—249.

ной, пусть лишь частично алтайской, по содержанию литературы, созданной самими алтайцами.

Члены Алтайской духовной миссии, жившие на Алтае, были большими знатоками быта, культуры и языка коренного населения. Будучи образованными, а иногда и талантливыми людьми, они оставили заметный след в истории изучения тюркских языков и быта населения Алтая. Ими была создана знаменитая и не утратившая до сих пор своего научного значения «Грамматика алтайского языка», вышедшая в Казани в 1869 году. Работа над ней была начата Ст. В. Ландышевым, но основным ее автором был В. И. Вербицкий. В окончательном оформлении и редактировании принимали участие А. К. Казембек и Н. И. Ильминский¹. В. И. Вербицкому принадлежит и «Словарь алтайского и алдагского наречий», изданный в Казани в 1884 году, а также работы по этнографии.

Алтайская духовная миссия оставила заметный след и в школьном деле. В 1897 году на Алтае было уже 47 миссионерских школ, а в 1913 году — около 70 школ. В этих школах работали учителя-алтайцы. Для их подготовки в 1883 г. в Бийске было открыто катехизаторское училище, в котором наряду со служителями культа готовились учителя и переводчики на алтайский язык. Среди них были такие выдающиеся деятели, как, например, алтаец М. В. Чевалков — переводчик церковных книг и первый писатель алтайского народа, писавший прозой и стихами².

Хотя деятельность Алтайской духовной миссии преследовала свои совершенно чуждые нам цели, она все же способствовала созданию и развитию письменности на алтайском языке и появлению алтайской интеллигенции. В силу особых исторических условий православие на Алтае распространялось преимущественно среди беднейшей части населения, которой оказывались материальная помощь и льготы по налогам. Байско-зайсанская верхушка, за небольшим исключением, относилась к новой религии враждебно и оказывала ей сопротивление. Это объяснялось тем, что монастыри пытались захватить значительные земельные угодья³.

Совсем по-иномушло распространение первоначальной грамоты в Якутии. Здесь тоже была создана духовная миссия, преследовавшая те же цели. Но обширность территории Якутии, ее бездорожье, удаленность от церковных и правитель-

¹ С. Е. Малов. Предисловие к книге Н. П. Дыренковой «Грамматика бирятского языка». М.-Л., 1940, стр. 9.

² Л. П. Потапов, указ. соч., стр. 246.

³ Там же, стр. 205, 249.

ственных центров поставили миссионерскую работу в иные условия.

Здесь также переводились церковные книги на якутский язык. В 1819 году в Иркутске был издан «Катехизис» на якутском языке. К книге был приложен русский алфавит, приспособленный к якутскому языку, и таблица с цифрами, которые предлагалось изучать. В 1821 году «Катехизис» был переиздан на русском и якутском языках¹. Подробную характеристику второго издания «Краткого катехизиса» со стороны перевода на якутский язык и точности передачи звуков якутского языка дает О. Н. Бетлингк. «Перевод не довольно исправный сам по себе, еще больше искажен множеством опечаток. Число букв недостаточно и употребление их непостоянно»². О. Н. Бетлингк приводит в качестве образца перевод молитвы «Отче наш»³. Профессор Ф. Г. Сафонов в статье «О дореволюционной якутской письменности», изданной одновременно на якутском⁴ и на русском⁵ языках, отмечает это издание как первое на якутском языке. Вслед за П. В. Поповым⁶, опубликовавшим алфавит «Краткого катехизиса», он называет создателем алфавита священника Олекминской Спасской церкви Г. Я. Попова.

Особенно оживилась миссионерская деятельность в конце 50-х годов. В 1858 г. в Москве было издано большое число переводов на якутский язык основных церковных книг («Книга Бытия», М., 1858; «Деяния св. апостолов», М., 1858; «Священное евангелие», М., 1858; «Божественная литургия» М., 1858).

В этом же году была открыта духовная семинария с трехгодичным обучением в Якутске. За первые 12 лет существования

¹ Полное заглавие приведено в «Перечне источников «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского, вып. I, СПб, 1907, стр. XI: «Сокращенный катехизис для обучения юношества Православному закону христианскому, переведенный на якутский язык, с приложением на переди таблицы для складов и чтения гражданской печати. С дозволения Святейшего Правит. Синода напечатанный в Иркутской Губернской Типографии вторым тиснением 1821 года».

² О. Бетлингк. О языке якутов. Ученые записки имп. Академии Наук по Первому и Третьему отделениям. т. I, вып. 4, СПб., 1853, стр. 430.

³ Там же.

⁴ Ф. Г. Сафонов. Саха революция иннинээги суругун тупунан. «Хотугу сулус». Якутск, 1967, № 6, стр. 117—124.

⁵ Ф. Г. Сафонов. О дореволюционной якутской письменности. «Полярная звезда», Якутск, 1967, № 6, стр. 117—124.

⁶ П. В. Попов. Краткая история развития письма. Приложение к книге Л. Н. Харitonova «Современный якутский язык. ч. I. Фонетика и морфология». Якутск, 1947, стр. 287.

вания ее окончило всего лишь 10 человек¹. В семинарии наряду со специальными предметами отводилось место якутскому языку², по которому была издана «Краткая грамматика якутского языка» Д. Хитрова (М., 1858). Автор ее был большим знатоком якутского языка, и потому книга, будучи практическим учебником (на миссионерском алфавите), давала довольно полное представление о якутском языке. Автор в изложении материала следовал за русскими грамматиками, что иногда способствовало более систематическому расположению материала. Так, например, парадигма глагола в «Краткой грамматике якутского языка» Д. Хитрова оказалась полнее, чем в труде акад. О. Бетлингка³.

Эта грамматика, несомненно, сыграла важную роль в распространении грамоты на якутском языке. По ней учились не только будущие священники, но и будущие учителя, которых также готовила духовная семинария⁴. По этой же грамматике учились политсыльные. Экземпляр «Краткой грамматики якутского языка» Д. Хитрова, полученный мною от А. П. Окладникова, принадлежал когда-то Н. А. Виташевскому — известному исследователю обычного права якутов, отбывавшему ссылку в Якутии с 1883 по 1897 г.⁵ На страницах грамматики следы чьих-то прилежных занятий. Н. А. Виташевский, как и многие другие исследователи образа жизни якутов, изучал якутский язык и использовал его в своих работах⁶. Примеры из «Грамматики» Д. Хитрова использовал в своем «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарский (СПб., Л., 1907—1930).

В XIX в. в Якутии стали появляться школы разного типа: церковно-приходские, улусные, в городах уездные училища. Но их было мало. Поэтому потребность в образовании удовлетворяли политсыльные. В. Ф. Афанасьев в своей книге «Школа и развитие педагогической мысли в Якутии» (Якутск, 1966) отводит им I главу своего исследования по истории школы. Рассеянные по разным, часто очень отдаленным и глухим местам, все поколения политсыльных, начиная с декабристов, действительно оставили глубокий след в просвещении местного населения. Особенно много было сделано, начи-

¹ В. Ф. Афанасьев. Якутская духовная семинария. Труды историко-филологического факультета, вып. II, Якутск, 1969, стр. 281.

² Там же, стр. 281, 283.

³ Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 6.

⁴ В. Ф. Афанасьев. Указ. соч., стр. 281.

⁵ Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левинталь. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929. См. предисловие И. И. Майкова, стр. II, 12.

⁶ Там же, стр. II, 63—220.

ная с 80-х годов, когда политессыльных становилось все больше и их влияние начиналоказываться довольно заметно. В это время педагогической деятельностью занимались В. Г. Короленко, В. М. Ионов и другие. Многие из них изучили якутский язык и использовали его в преподавании, особенно на первых порах. В. М. Ионов даже составил букварь на якутском языке, изданный позднее его учеником С. А. Новгородовым¹. Ф. Г. Сафонов обнаружил в архиве Э. К. Пекарского, составителя знаменитого «Словаря якутского языка», отбывавшего ссылку в Якутске с 1881 по 1905 г., 516 писем разного содержания на якутском языке, написанных якутами между 1893—1900 гг. По мнению Ф. Г. Сафонова, эти письма свидетельствуют о существовании частной переписки на якутском языке². Сообщение об этом, действительно, очень интересно, и можно только благодарить за него Ф. Г. Сафонова, как и за публикацию фотокопий этих писем³.

Но о факте использования русского алфавита для переписки и составления разного рода текстов на якутском языке были сообщения и много раньше. В частности, акад. О. Бетлингк рассказывает, что А. Я. Уваровскому легко удавалось «якутское изложение «Воспоминаний», потому что он уже раньше, для одного удовольствия, упражнялся в якутской словесности...»⁴ «Воспоминания» Уваровского считаются первым произведением якутской художественной литературы⁵.

Далее акад. О. Бетлингк дает подробную характеристику способа письма А. Я. Уваровского на якутском языке. По-видимому, такое письмо употреблялось с давних пор (Бетлингк же сообщает о наличии текстов, записанных в конце XVIII в.⁶).

Немало сведений о письме по-якутски содержит и предисловие к «Словарю якутского языка» Э. К. Пекарского, который, рассказывая о своем (и других) переходе на транскрипцию Бетлингка, несколько раз упоминает про «общепринятый способ правописания, т. е. русскими буквами» в переписке и

¹ Saqalw suruk-bicik (якутский букварь). Составлен В. М. Ионовым, изменен и дополнен С. А. Новгородовым при ближайшем участии Н. Е. Афанасьева. Якутск, 1917.

² Ф. Г. Сафонов. Саха революция иннинээги суругук тулуван, стр. 120.

³ Там же, стр. 121—124.

⁴ О. Бетлингк. О языке якутов, стр. 443.

⁵ А. Я. Уваровский. Ахтылар (Воспоминания). Подготовка и вступительная статья Н. М. Заболоцкого. Якутск, 1947; Н. Габышев. Первое литературное произведение на якутском языке. Ученые записки Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала Академии Наук СССР, вып. 5, 1958; Н. Габышев. Афанасий Уваровский (А. Уваровский). Хотугу сулус. 1963, № 5; Очерк истории якутской советской литературы. М., 1970, стр. 41.

⁶ О. Бетлингк. О языке якутов, стр. 444.

записях текстов¹. Э. К. Пекарский организовал запись якутами К. Г. Оросиным, М. Н. Андросовой-Ионовой и другими произведений фольклора, которые были опубликованы позднее в его серии «Образцы народной литературы якутов». Это были грамотные люди, которые записывали, пользуясь русским алфавитом, значительные якутские тексты. К. Г. Оросин записал текст олонхо, занимающий 5 печ. листов академического издания, Р. Александров также записал выше 7 печ. листов. Очень интересно, что среди собирателей фольклора была и одна якутка — М. Н. Андросова-Ионова. Она была первой грамотной якуткой, участвовавшей в учёных трудах политссыльных, среди которых был и ее муж В. М. Ионов. Ее участие в этих трудах особо отмечено в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского². Большая часть текстов была записана с использованием русского практического алфавита, каким писал и упоминавшийся выше А. Я. Уваровский. При подготовке к изданию Э. К. Пекарский перевел эти записи на академическую (бетлингскую) транскрипцию, указав в сносках некоторые особенности записи. Сведения о том, что помощники Э. К. Пекарского в собирании фольклора и создании «Словаря якутского языка» писали по-якутски, дошли до нас благодаря его большой щепетильности в отношении публикуемых материалов. Как до него О. Н. Бетлинг, Э. К. Пекарский тщательно фиксировал устные и письменные источники полученных материалов. Якутские письма его корреспондентов-якутов, упомянутые выше, были для него также материалом для словаря.

Но наряду с этими людьми, несомненно, были многие, о ком не сохранилось никаких известий. Вероятно, каждый якут, владевший русской грамотой, использовал ее и для письма на якутском языке, так как в этом всегда была необходимость. Это же заставляло и местное начальство печатать в газетах переводы некоторых своих распоряжений. Так, Э. К. Пекарский в своем списке источников словаря якутского языка приводит «Циркуляр якутского губернатора по областному управлению от 30 октября 1890 г. за № 3897 «Хаја бысынан оту үчүгәйдүк оттоон хасааныха» (стр. XV).

Постепенно с расширением круга грамотных, особенно после открытия средних учебных заведений, в Якутске стали появляться сначала рукописные журналы в средних учебных заведениях, а потом и типографские издания.

Под влиянием революции 1905 г. в Якутске стали выходить газеты «Якутский край» (1907—1908 гг.), «Якутская жизнь»

¹ Э. К. Пекарский, указ. соч., вып. I, СПб., 1907, стр. 3.

² Э. К. Пекарский, указ. соч., вып. I, СПб., 1907. Перечень источников «Словаря якутского языка», стр. 14. (Условное обозначение М. А.).

(1908—1909), «Якутская мысль» (1909). Первые две имели отделы и приложения на якутском языке¹.

Впервые произведения основоположников якутской художественной литературы А. Е. Кулаковского и А. И. Софронова были напечатаны в журнале «Саха сангата», выходившем в 1912—1913 гг.

Вот почему прав Ф. Г. Сафонов, утверждающий, что у якутов существовала еще и до революции письменность², которая использовалась преимущественно в рукописной форме.

Пример алтайцев и якутов позволяет надеяться, что и у других тюркоязычных народов существовала и в какой-то степени распространялась письменность. Основой ее могли служить, кроме русского алфавита, также монгольский — у тувинцев и арабский — у татар.

---

¹ История Якутской АССР, т. II, М.-Л., 1957, стр. 349.

² Там же, стр. 121.

М. И. Боргояков

ВАЖНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

До Великой Октябрьской социалистической революции народы Саяно-Алтая не имели своей письменности. Только Великий Октябрь, Советская власть, мудрая ленинская национальная политика обусловили их духовное возрождение, бурный социальный и культурный прогресс. Создание национальной письменности у хакасов, тувинцев и других ранее бесписьменных народов явилось важнейшей предпосылкой для свершения за короткий исторический срок культурной революции. В 1966 г. хакасы отмечали уже 40-летие родной письменности и в 1969 г.—25-летие своего научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Такие же знаменательные вехи в истории своей национальной по форме, социалистической по содержанию культуры отмечает сейчас и братский тувинский народ.

Хакасы от души рады видеть, каких значительных успехов в культурном строительстве добились тувинцы за 40 лет, истекших после создания национальной письменности. Вместе с тем перед лингвистами Хакасии и Тувы стоят новые большие задачи в области дальнейшего изучения родных языков и совершенствования письменности. Все, что уже проделано и достигнуто в этой области, является хорошей основой для последующих исследований.

В настоящее время в хакасском языке еще сохраняются четыре диалекта — сагайский (*сагай*), качинский (*хас* или *хач*), кызыльский (*хызыл*) и шорский (*шор* или *кор*). За основу литературного языка, который стал формироваться с 1926 г., были взяты качинский и сагайский диалекты, являющиеся наиболее крупными и распространенными среди насе-

ления Хакасии. Все четыре диалекта хакасского языка уже описаны монографически; авторы монографий успешно защищили кандидатские диссертации. Однако внутридиалектные и лограничные говоры глубоко еще не изучены и ждут своего исследователя.

Становлению хакасского литературного языка способствовало наличие среди хакасских племен еще в предреволюционный период общего разговорного языка. Несмотря на бытование диалектных особенностей в языке определенной части населения (особенно сельского), хакасы в своей массе довольно хорошо усваивают литературные языковые нормы, читают издаваемые на родном языке газеты и книги. Это позволяет считать, что в настоящее время литературный хакасский язык в своих основных чертах уже оформленся, получил закрепление в литературе и стал общенародным. На хакасском языке ведется преподавание в начальной школе. В старших же классах восьмилетней школы родной язык и родная литература изучаются как учебные предметы. На хакасском языке ведутся передачи по местному радио и телевидению, издается художественная, учебно-педагогическая, научная, политическая литература.

Сектором языка ХНИИЯЛИ создан ряд трудов по хакасскому языкоznанию. Среди них — описательная грамматика современного хакасского языка (фонетика, морфология и синтаксис)¹. Осуществляется составление второго, расширенного издания хакасско-русского словаря², готовится к печати диалектологический сборник.

Перед хакасскими языковедами стоят задачи по изучению распространения хакасско-русского двуязычия.

Пришло время исследовать вопросы исторического развития хакасского языка. Важным источником для таких исследований служат немногочисленные материалы, собранные учеными XVIII—XIX вв.: словник Г. Ф. Миллера (1735 г.), дневник Мессершмидта, словарные материалы Г. Спасского (1806 г.), а также топонимика Хакасии и сопредельных районов. Подтвердим сказанное некоторыми примерами. Так, отдельные гидронимы и этнонимы с начальным й, зафиксированные в источниках XVIII—XIX вв., в современном хакасском языке бытуют с начальным ч: Ерба или Йорба > Чорба (гидроним), ярины > чарын, ярдчи > чарча (этнонимы) и др.

Некоторые географические названия Хакасии в южных районах Красноярского края не могут быть удовлетворительно объяснены с точки зрения современного хакасского языка. К примеру возьмем ороним кирби, встречающийся в Хакасии

¹ Рукопись принята к печати издательством «Наука».

² Первое издание вышло в свет в 1953 г.

в нескольких местах (на территории проживания сагайцев, качинцев и др.). Насколько нам известно, современным хакасам это название не понятно. Зато оно зафиксировано в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) и бытует в некоторых других тюркских языках; в частности, встречается в Средней Азии и означает «животное, бока и спина которого покрыты колючками», т. е. «еж». Возможно, что гора, покрытая колючками (*tīgenek*), называлась *кирби*.

В этом же плане представляет интерес название реки *Төө* или *Түү* в Аскизском районе (в русской адаптации — *Тея*). Оказывается, *төө* в шорском, алтайском и киргизском языках означает «верблюд», а в современном хакасском языке это животное называется *тибе*. То, что название верблюда закреплялось в качестве гидронима, не вызывает сомнения, об этом свидетельствуют и другие географические названия. Так, например, в Восточных Саянах три реки называются «Верблюд». По всей вероятности, это есть топонимические кальки. Имеются также гидронимы, встречающиеся одновременно в Хакасии и Туве (в фонетических вариантах): *Пічі*, *Тес* (*Тис*), *Сүүт* и др.

В самодийских и кетских языках, бытовавших когда-то в пределах Саяно-Алтая и тесно контактировавшихся с тюркскими, сохранились некоторые тюркские лексические заимствования в «окаменевшей» форме, по которым тоже можно судить в какой-то мере о языке хакасских племен прошлых веков. Весьма перспективным явится сравнительное изучение тюркских языков Саяно-Алтая (с привлечением якутского) силами языковедов Хакасии, Тувы, Горного Алтая и Якутии. Нужны коллективные усилия в области сравнительного изучения фольклора тюркских народов Южной Сибири, особенно эпоса, где также отмечено, в частности, наличие родственных сюжетов. Так, в 1969 г. Л. В. Гребнев издал тувинское народное сказание «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей». У хакасов есть сказка «Похты *Kiric*» (*kiric* — «тетива», а похты — пока неизвестно ни в хакасском, ни в тувинском языках). У героев того и другого произведения есть сестра (Бора-Шээлей — в тувинском, Погана Арыг — в хакасском), которая превращается в зайца. Имеются, конечно, расхождения, но при тщательном изучении в подобных произведениях фольклора, возможно, выявятся какие-то первоначальные, архаичные черты общности, позднейшие насложения и т. д. Исследования в этом направлении, насколько нам известно, пока не проводятся ни в Хакасском, ни в Тувинском НИИЯЛИ. Здесь также нужна совместная коллективная работа. Сравнительно-историческое исследование языков и фольклора тюркских народов Саяно-Алтайского нагорья, несомненно, содействовало бы углубленному изучению этногенеза и языков двух родственных в этническом отношении народов.

Д. С. Куулар

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТУВИНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

На заре рождения тувинской художественной литературы, во второй половине 30-х годов, была заложена основа литературоведения. Первыми литературоведческими работами явились книга С. Пюрбю «В помощь начинающим писателям»¹, его же статьи «Тувинская художественная литература к XXI годовщине ТНР»², «Расцвет национальной революционной художественной литературы»³, а также статьи Б. Ховенмея «Тувинская поэзия»⁴ и С. Самба-Люндупа «Социалистический реализм»⁵. За прошедший период молодое тувинское литературоведение оформилось в одну из самостоятельных отраслей тувиноведения. В монографиях и статьях освещаются проблемы развития литературы в тесной взаимосвязи с историей народа, с опытом советской многонациональной литературы. Тувинское литературоведение принимает активное участие в решении актуальных вопросов живого литературного процесса, пропагандирует достижения словесного искусства народа. Оно по достоинству оценивает все то положительное в творчестве писателей, что отвечает эстетическим идеалам народа и удовлетворяет его духовные потребности, и строго

¹ С. Бүрбү. Аныак чогаалчыларга дуза. Кызыл, 1939.

² «Под знаменем Ленина — Сталина». Кызыл, 1941; № 2, стр. 77—85.

³ Альманах «Революстун херели», Кызыл, 1941, № 1, стр. 16—19.

⁴ «Ленин — Сталинниц оруу-бите». Кызыл, 1942, № 1, стр. 82—92.

⁵ «Ленин — Сталинниц тутунун адаа-бите». Кызыл, 1943, № 3, стр. 71—83.

осуждает все то отрицательное, что противоречит принципам партийности и народности. В этом можно убедиться, ознакомившись с такими трудами, как «Тувинская литература»¹ коллектива авторов в составе А. Калзана, М. Хадаханэ, Ю. Кюнзегеша, М. Кенин-Лопсана, Д. Куулара; «Очерк тувинской литературы» на русском языке, а также с монографиями по основным жанрам тувинской литературы².

Специальные разделы шеститомной «Истории советской литературы», написанные тувинскими литературоведами, освещают процесс развития тувинской советской литературы. Статьи о путях становления тувинской литературы, о творчестве С. Тока, С. Сарыг-оола, С. Пюрбю, О. Саган-оола, В. Кок-оола включены в «Краткую литературную энциклопедию», «Большую советскую энциклопедию», «Театральную энциклопедию», в национальные энциклопедии Украины и Киргизии. Участие в названных изданиях, осуществляемых такими крупнейшими научными центрами нашей страны, как Институт мировой литературы и издательство «Советская энциклопедия», говорит о значительном возмужании тувинского литературоведения. Через эти фундаментальные труды становится известным мировой общественности факт возникновения и бурного развития художественной литературы у народа, всего лишь сорок лет назад не имевшего даже письменности.

Частым стало появление статей, отзывов и рецензий на произведения тувинской литературы в центральной печати, а также в изданиях братских республик — «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Енисей», «Полярная звезда» (Якутия) и т. д. Среди них выделяются статьи С. Тока, О. Саган-оола, С. Козловой, М. Хадаханэ, в которых рассказывается о стремительном культурном росте, расцвете таланта некогда отсталого народа благодаря советскому строю, ленинской национальной политике, содружеству братских народов нашей страны.

В периодической печати республики, в альманахе «Улуг-Хем», в «Ученых записках» ТНИИЯЛИ регулярно публикуются статьи и исследования по вопросам тувинской литературы. О своей литературе, о творчестве товарищей по перу интересные статьи написали Ю. Кюнзегеш («Ритм, размер и содержание»), С. Сюрюн-оол («Ленин — песня и стих»), О. Сувакпилт («Главное — в руководстве»), М. Кенин-Лопсан («Герон поэта»). Рассказ о процессе создания художествен-

¹ «Тыва литература», Кызыл, 1964.

² А. Калзан. Становление тувинской драматургии. Рукописный фонд ТНИИЯЛИ; ед. хр. 327; М. Хадаханэ. Тувинская проза. Кызыл, 1968; Д. Куулар. Тувинская поэзия. Кызыл, 1970.

ных произведений, о «тайнах» писательской лаборатории и теоретическое осмысление накопленного творческого опыта придают названным статьям убедительность, конкретность.)

Формируется отряд молодых критиков. Первые опыты по критическому анализу произведений литературы Куулара Черлик-оола, Чыргал-оола Серен-оола, Александра Даржая, Куулара Чаш-оола, Чульдума Чапа говорят о ясности их позиций, верности наблюдений. Ряд серьезных статей, рецензий создал безвременно ушедший от нас талантливый журналист Кысыгбай Держу.

Большой вклад в тувинское литературоведение и в дело подготовки специалистов внесли известные советские ученые — В. М. Жирмунский, К. Л. Зелинский, Н. М. Венгров, М. И. Богданова, Г. И. Ломидзе, З. С. Кедрина, А. И. Уланов, Л. Е. Элиасов, критик Д. И. Романенко. Их высказывания о тувинской литературе, о творчестве наших писателей, их мнения о достоинствах и недостатках работ по вопросам тувиноведения служат опорой и ориентиром в научных поисках.

Значительных успехов тувинское литературоведение добилось за последние десять — пятнадцать лет, что является естественным итогом его внутренней эволюции, результатом воздействия ряда важных факторов. Среди них особое место занимает богатый опыт советской науки о литературе, опора на который ускоряет процесс оттачивания исследовательских и бойцовских качеств тувинских литературоведов.

Труды наших специалистов сильны в освещении вопросов литературы в историческом аспекте. В них акцент ставится главным образом на выявление истоков возникновения литературы, характеристику исторических условий создания произведений, установление закономерностей развития отдельных жанров, на раскрытие идейного замысла автора. Разумеется, эти проблемы актуальны и важны. Но остаются слабо освещенными вопросы социологической и эстетической оценки произведений, художественного метода, композиции, сюжето-строения, поэтики, стихосложения, стиля и творческой лаборатории писателя. Более углубленной разработки требуют такие узловые проблемы современного литературоведения, как интернациональное и национальное в литературе, партийность и народность, традиция и новаторство и т. д.

Освещение путей формирования творческих индивидуальностей дает возможность литературоведу разрешить много смежных проблем социально-исторического характера. Представляет значительный интерес, например, прослеживание закономерностей сочетания в лице одного писателя поэта и драматурга, прозаика и переводчика, сценариста и исследователя.

Наша литературная критика становится все более квалифицированной. С удовлетворением отмечаем, что у нас почти

изжиты такие теневые стороны ее, недавно имевшие место, как захваливание или, наоборот, предвзятость в суждениях. Критические разборы, анализы произведений стали доказательными, поучительными и действенными по общему тону и стилю. Взыскательностью, глубоким знанием проблем отличаются статьи Д. Кысыгбая «Произведения высокого искусства», М. Хадаханэ «Песни не похожи друг на друга»¹, «Сын тувинской земли»², А. Калзана «Творческая жизнь, отданная на службу народу»³ и др.

Однако нашей художественной критике недостает многих ценных качеств. Ей, прежде всего, не хватает оперативности в рецензировании крупных прозаических и драматургических произведений. Например, не были своевременно проанализированы первые тувинские романы. Критика слаба в оценке эстетических достоинств произведений, в раскрытии своеобразия почерка писателей, в выявлении новаторских сторон их творчества.

Камнем преткновения критической мысли остается анализ языка, стиля художественного произведения. Образно-изобразительные средства, стилистические, интонационные приемы писателя передают дух времени, подчеркивают социальное положение или настроение героев, показывают их духовный мир и т. д. При этом каждый писатель сообразно собственным представлениям и понятиям применяет в своих произведениях средства традиционного фольклора и литературы и с их помощью освещает идеи эпохи. Отсюда понятно, что выявление отличительных особенностей стиля писателя является существенной частью выяснения почерка творческой индивидуальности.

Особо следует подчеркнуть, что совершенствование речевой характеристики героев, выработка писателем собственного стиля остаются важным условием повышения художественных качеств произведений тувинских писателей.

Дело активизации литературно-критической мысли ставит перед нами и чисто организационные вопросы. Наряду с подготовкой специалистов, надо возобновить работу литературных объединений при редакциях газет, регулярно проводить семинары для критиков, оживить деятельность секций художественной критики при правлении Союза писателей.

Тувинское литературоведение еще очень молодо, перед ним стоит много нерешенных задач. Но успехи, достигнутые за короткий исторический срок, говорят о больших возможностях и перспективах этой отрасли тувиноведения.

¹ Альманах «Улуг-Хем». Кызыл, 1968, № 27, стр. 250—258; 1969, № 10, стр. 197—200.

² «Сибирские огни», 1968, № 11, стр. 169—170.

³ Альманах «Улуг-Хем». Кызыл, 1961, № 19, стр. 203—226.

А. К. Калзан

О ТУВИНСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

Научное изучение языка, истории, литературы и искусства всех советских народов осуществляется в полном соответствии с ленинской национальной политикой Коммунистической партии. В этих условиях закономерно сформировалась и тувинская фольклористика.

Предметом научного исследования этого самостоятельного направления тувиноведения является устное творчество — ценнейшее художественное наследие тувинского народа.

Фольклор является продуктом длительного исторического развития, идеально-художественного опыта многих поколений людей. В нем аккумулирована громадная духовная энергия, которая во все времена оказывала благотворное влияние на формирование мировоззрения, психологии и эстетических взглядов трудящихся.

Устное творчество теснейшим образом связано с народной жизнью и по своему духу всегда остается остро современным. Сказки, легенды, песни, пословицы, проникнутые оптимизмом, светлой мечтой, учили простых людей жить, трудиться и бороться.

Тувинское народное поэтическое творчество существует в разнообразных жанровых формах и широко отражает явления прошлой и современной действительности. Исследование всего этого имеет актуальное научное значение. Тувинская фольклористика призвана содействовать более глубокому использованию богатств устной поэзии для дела коммунистического воспитания и дальнейшего развития тувинской советской литературы.

Как известно, научный интерес к словесному искусству тувинцев впервые проявили во второй половине XIX века выдающиеся представители русской ориенталистики—В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, Н. Ф. Катанов, Ф. Я. Кон и др. Записи образцов тувинского фольклора, сделанные этими учеными, сегодня представляют большую научную ценность. Благодаря этим порой даже конспективным записям можно, например, выяснить некоторые процессы развития тувинского фольклора за последнее столетие.

Тувинская фольклористика, являющаяся составной частью советской фольклористики, возникла и развивается при постоянной, разносторонней научно-методической помощи многих филологических центров Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других городов.

Возникновение фольклористики в Туве относится к началу 30-х годов. Тогда были сделаны фольклорные записи на тувинском языке для печатания в первых национальных учебниках «Бичии тургузукчулар» (Юные строители), «Бистин ажыл» («Наша работа»), «Өөренинили» («Будем учиться»). При отсутствии сложившейся письменной литературы фольклорные тексты явились наряду с переводами с русского языка ценнейшим материалом для художественного чтения.

Тувинская литература, призванная оказать активное содействие строительству новой жизни, воспитанию нового человека с революционным мировоззрением, с первых шагов своего становления опиралась на огромный художественный опыт народа, накопленный в его устном творчестве.

ЦК Тувинской народно-революционной партии, исходя из ленинского учения о культурном наследии, правильно ориентировал творческих работников на всестороннее освоение и использование богатств народной поэзии для создания революционной культуры. 28 мая 1931 года газета «Шын» («Правда») призвала своих читателей принимать активное участие в записи старинных легенд и преданий, народных песен. А в 1935 г. третий пленум ЦК ТНРП, рассматривая вопросы культурного строительства, подчеркнул важное значение фольклорных произведений для развития молодой литературы¹.

Особый интерес к бесценному словесному искусству у тувинской интеллигенции возник после выступлений М. Горького на Первом съезде советских писателей в 1934 г. Родоначальник советской литературы с особой силой подчеркнул роль устной словесности и обратился к писателям с призывом: «Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабаты-

¹ «Шын», 9 января 1935.

вайте его. Он очень много даст материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза»¹.

В газетах «Хостуг арат» («Свободный арат»), «Ареве шыны» («Правда ревсомола») и литературных сборниках «Чынды чогаалдар» («Избранные произведения»), «Революстун херели» («Заря революции») и других фольклорные отделы занимали видные места. В 1939 г. вышел первый сборник тувинских сказок². В отдельных литературно-критических статьях подчеркивалось огромное значение народной поэзии для воспитания трудящихся в духе высоких нравственных принципов и для развития литературы.

Так было положено начало собиранию и изучению устной поэзии тувинского народа. Зарождавшаяся фольклористика основывалась в то время прежде всего на энтузиазме начинающих писателей, работников печати, издательства и учителей.

Новый этап развития тувинской фольклористики начинается после образования в 1945 г. Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В положении о Тувинском НИИЯЛИ, утвержденном Советом народных комиссаров РСФСР, указывалось, что «сектор литературы и фольклора, имея своей задачей разработку научной истории тувинской литературы и изучение тувинского фольклора, занимается: а) собиранием и изучением произведений всех жанров тувинского народного словесного творчества (легенды, предания, поговорки, сказки, героический эпос и т. д.)...».

За годы существования ТНИИЯЛИ фольклористика развивалась планомерно как самостоятельное направление его деятельности и к двадцатипятилетнему юбилею института добилась определенных успехов.

Главное место в современной фольклорной работе занимает собирательская работа, формы которой весьма разнообразны. Ежегодно организуются индивидуальные командировки научных сотрудников, экспедиции с участием учителей, студентов. Привлекая актив к работе экспедиций, сектор литературы и фольклора вооружает его соответствующими теоретическими знаниями и методическими навыками.

Фольклорные экспедиции и командировки проводились во всех районах Тувы, однако некоторые из них, главным образом центральные, изучены слабо.

Большую роль в выявлении лучших сказителей, певцов, в записи многих интересных произведений играют активисты-собиратели из колхозников, сельской интеллигенции, рабочих и др. Институт стремится держать с ними регулярную связь.

¹ М. Горький. О литературе. М., 1955, стр. 764.

² Tooldar. Кызы, 1939

морально и материально поддерживать их инициативу. Произведения всех жанров, записанные энтузиастами, занимают большое место в фольклорном фонде ТНИИЯЛИ. Нередко эти материалы представляют собой полноценные фольклорные записи. Часто сами сказители очень хорошо и точно передают художественно-образную систему больших эпических произведений.

Тувинский НИИЯЛИ практикует проведение слетов сказителей с целью пропаганды фольклорных традиций и записи устных произведений одновременно от многих исполнителей в условиях их творческого соревнования. До настоящего времени проведено 3 таких слета, которые вполне оправдали себя, дали хорошие результаты.

Во время собирательской работы научные сотрудники пользуются во всех возможных случаях современной звукозаписывающей техникой. Это позволяет абсолютно точно воспроизвести любое устное произведение со всеми его художественными особенностями и передать индивидуальность исполнителя. Большую научно-художественную ценность представляют, например, многие сказки, записанные на магнитофон от ныне покойного сказителя из Монгун-Тайги, удивительного художника устного слова О. Ч. Чанчы-Хоо¹.

К сожалению, по целому ряду обстоятельств не всегда и не везде возможно использование звукозаписывающей техники. Поэтому часто применяется запись от руки. Таким способом записано абсолютное большинство произведений, хранимых в фольклорном фонде.

Лучшие образцы фольклорных произведений подобно выдающимся литературным произведениям прошлых эпох, перекликуются с нашим временем, соответствуют нашим духовным потребностям, запросам, нравственным идеалам и служат делу коммунистического воспитания.

Поэтому сектор литературы и фольклора значительное внимание уделяет изданию популярных сборников народных произведений. От народа записываем и народу же возвращаем в новой, в несколько иной форме бытования.

До сих пор выпущено 13 сборников сказок и произведений эпоса, 2 сборника пословиц на тувинском и русском языках, по одному сборнику песен и загадок. Эти сборники, предназначенные для массового читателя, появились после соответствующей литературной обработки и пользуются большим читательским спросом.

¹ Эти записи, сделанные в 1961—1962 годах, хранятся в фонотеке ТНИИЯЛИ. В настоящее время завершается дешифровка всех записей и на их основе готовится индивидуальный сборник сказок О. Ч. Чанчы-Хоо.

Исследовательская работа в области тувинского фольклора пока не развернулась должным образом. Написан ряд первых, в основном научно-популярных статей о сказках (С. А. Сарыг-сол, И. А. Вчерашия)¹, легендах (Д. С. Куулар)², песнях (Ю. Ш. Кюнзегеш, А. К. Калзан)³ и др. Бывшей сотрудницей сектора литературы И. А. Вчераший написана первая монография о тувинских сказках, которая хранится в рукописном фонде ТНИИЯЛИ. Капитальное исследование на тему «Тувинский героический эпос»⁴ создал Л. В. Гребнев. Этот труд, в котором впервые тщательно рассмотрены вопросы жанровых особенностей и датировки эпоса, проблемы народности и художественности героических сказаний, получил положительную оценку фольклористов.

Отмечая первые исследования в области тувинского фольклора, нужно сказать, что в ходе собирательской работы и подготовки фольклорных сборников всегда проводится определенная исследовательская работа.

В настоящее время коллектив авторов трудится над созданием первого очерка жанров тувинского фольклора, который должен быть завершен в 1972 году.

Таким образом, научное исследование тувинского фольклора уже дало положительные результаты. Однако уже теперь заметно несоответствие между количеством накопленного фактического материала и научным обобщением его. В перспективном плане сектора литературы и фольклора предусматривается ряд тем, разработка которых будет содействовать ликвидации существующего разрыва между собирательской работой и исследовательской. Помимо завершения и издания упомянутого очерка жанров тувинского фольклора, будет продолжено исследование тувинской сказки, а также намечается подготовить двухязычное (на тувинском и русском языках) научное издание текстов героического эпоса.

Перед тувинской фольклористикой стоят многие нерешенные задачи.

Прежде всего хочется подчеркнуть необходимость практического усовершенствования методики и организационных форм собирательской работы. В дальнейшем следует обращать больше внимания на запись легенд, пословиц, произведений детского фольклора, различных вариантов наиболее распространенных сказок.

¹ Сб. «Тыва тоолдар» («Тувинские сказки»), Кызыл, 1947, стр. 3—13; И. А. Вчерашия. Тувинские народные сказки. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1965, стр. 136—148.

² Д. С. Куулар. О тувинских легендах и преданиях. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, Кызыл, 1959, стр. 134—142.

³ И. А. Вчерашия. Тувинские народные сказки. (Рукопись кандидатской диссертации). Рукописный фонд ТНИИЯЛИ, ед. хр. 78.

⁴ Л. В. Гребнев. Тувинский героический эпос. М., 1960.

страненных эпических сказаний и сказок, на выяснение характера бытования фольклора до революции и в советскую эпоху, на выявление путем устного опроса населения знаний фольклора, установление их репертуаров, биографий, творческих особенностей, а также на сбор произведений фольклора советской эпохи.

С популяризацией произведений народного творчества дело обстоит сравнительно благополучно, однако и в этой области имеется немало недостатков. Мы еще четко не выяснили требований к фольклорно-текстологической работе, критериев литературной обработки устных произведений для популярных изданий. Отсюда нередко возникают ошибки субъективного характера при подготовке текстов к печати.

Назрела необходимость осуществления научных изданий отдельных устно-поэтических жанров для того, чтобы ввести тувинский фольклор в общесоюзный фольклористический оборот. Кроме того, ждут своего издания для массового читателя произведения советского фольклора, легенды, устные рассказы, благопожелания, детский фольклор. Заслуживает продолжения издание отдельными сборниками сказок, эпических произведений выдающихся исполнителей этих жанров. В настоящее время вышли из печати сказки известного сказителя из Сут-Холя О. Н. Манная, готовится сборник О. Ч. Чанчы-Хоо.

Тувинским фольклористам предстоит разработка в ближайшее время и в перспективе многих актуальных тем, требующих от исследователей глубокой теоретической подготовки и накопления фактов о характере и условиях бытования фольклора, о его месте в духовной жизни народных масс в прошлом и в советское время.

Острая проблема тувинской фольклористики — это нехватка квалифицированных научных кадров. Необходима планомерная подготовка тувинских литературоведов и фольклористов в соответствующих университетах страны.

Словесное искусство тувинского народа несет в себе множество жизненно важных идей, выработанных трудящимися на основе их социально-трудового опыта, и оно должно все больше и шире использоваться в деле коммунистического воспитания наших современников.

Устное творчество оказало сильное влияние на рождение и становление тувинской литературы. Нужно подчеркнуть, что ее дальнейшее успешное развитие во многом определяется, помимо прочего, более глубоким освоением писателями огромных художественных богатств фольклора.

А. А. Панов

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ТУВЕ

За годы Советской власти тувинское музыкальное искусство от устной традиции исполнительства, от однотипных, преимущественно песенных форм вокальной и инструментальной музыки и ограниченности жанров шагнуло к высшим формам профессиональной музыкальной культуры.

Большую роль в развитии тувинского музыкального искусства сыграли конкретные меры обкома КПСС и Совета Министров Тувинской АССР по развитию литературы и искусства¹.

Достигнуты немалые успехи в деле музыкального воспитания, особенно в дошкольных детских учреждениях и общеобразовательных школах Тувы. Если в 1947 году в республике в дошкольных детских учреждениях музыкальные занятия велись только в г. Кызыле, то на начало 1971 года — уже в 168 дошкольных учреждениях различных городов и сел Тувы. Музыкальное воспитание теперь осуществляется только преподавателями со специальным образованием.

О положительных результатах детского музыкального воспитания свидетельствуют ежегодные смотры художественной самодеятельности школ республики, отличительной чертой

¹ Партиархив Тувинского обкома КПСС, ф. 2—1, оп. 1, д. 5, л. 314; оп. 1, д. 31, л. 258; оп. 1, д. 49, л. 271.

которых стало участие объединенных школьных хоров мальчиков, девочек и смешанных хоров старшеклассников. Наибольшей массовости и творческой результативности коллективов музыкальной самодеятельности (хоровых, оркестровых, хореографических) добились школы № 1 и № 7 г. Кызыла, школа № 1 г. Турана, Тээлинская средняя школа и некоторые другие.

Однако в целом в постановке музыкального воспитания в детских садах и общеобразовательных школах имеются недостатки. Еще не везде программа всеобщего музыкального воспитания является четкой, учитывающей широкий круг интересов детей, подростков и взрослых. Преподаватели музыки в детских садах, общеобразовательных и музыкальных школах республики пользуются на уроках пения в основном нотным материалом и методическими разработками на русском языке, что недостаточно для успешного привития ладового ощущения у тувинских воспитанников. На вступительных экзаменах в училище искусств при определении музыкальной памяти абитуриенты не могут пропеть мелодий, построенных на пентатонике. В некоторых школах имеет место недооценка музыкальных занятий. Время, отведенное для них учебным планом, нередко заполняется уроками по другим дисциплинам. Органами народного образования и Институтом усовершенствования учителей делается далеко еще не все для повышения уровня методической подготовки преподавателей школ и воспитателей детских учреждений, по созданию методических пособий для ведения уроков с учетом возможностей детских голосов, требований к детскому репертуару.

Успехи музыкального воспитания в школе во многом зависят от песенного репертуара. Поэтому отрадным событием в музыкальной жизни республики было издание в 1963 году сборника песен (составитель С. М. Бюрбе), рекомендованного для 1—6 классов общеобразовательной школы, и второго сборника в 1964 году (составитель М. Кертик-оол).

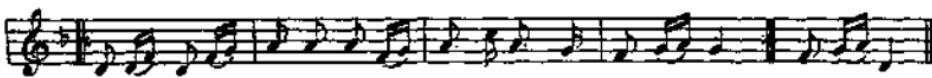
За последнее время детская песня все больше привлекает тувинских композиторов. Расширяется ее тематика, активнее входит она в жизнь самих детей.

На первом месте в музыке для детей стоят песни, отражающие новую, советскую действительность: о Родине, о партии, о В. И. Ленине, о счастливой и свободной жизни советских людей. Таковы популярные детские песни А. Танова «Партия», Р. Кенденбилия «Коммунизм оттары», С. Бюрбе «Ленингэ ынак бис» и многие другие. Заслуживают одобрения и некоторые песни самодеятельных композиторов Д. Шактара и К. Базан-оола, упругие по ритму, рельефные по мелодическому рисунку.

Например:

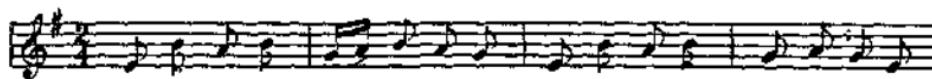
Биччи голлачы

Слова С. Танова Музыка В. Шестопалова

Дашыран

Слова О. Балтачева Музыка С. Савицкого

Жадарас мен

Слова О. Балтачева Музыка Ж. Абдигани

Такие песни оказывают на детей большое эмоциональное и воспитательное воздействие и служат первоосновой для последовательного общего музыкального развития детей — приобретения певческих навыков, совершенствования гармонического и полифонического слуха, ознакомления с выразительными возможностями фактуры, постижения музыкальной образности.

Другой песенной темой, также разрабатываемой местными поэтами и композиторами, является детский быт, школьная и лагерная жизнь ребят. В песнях самодеятельного композитора А. Танова, долгие годы работающего в школе и в пионерских лагерях, найден верный тон, правдиво и доступно раскрыт внутренний духовный мир ребенка. Творчество

А. Танова отличается жанровым разнообразием. В его репертуаре наряду с торжественно-величавыми лирическими песнями мы находим и задорные частушки и миниатюры для малышей. Созданные композитором лирические песни принадлежат к числу самых любимых и популярных в репертуаре тувинских школьников.

Следует указать, что в ранее изданных сборниках песен для детей встречаются большие несоответствия с программными требованиями. Например, песни, рекомендуемые авторами для подготовительного и 1 классов, по диапазону могут исполняться только в 4 классе, т. е. не соответствуют техническим, вокальным возможностям детей. Не лишен аналогичных недостатков и подготовленный к изданию песенный сборник, предназначенный для учащихся подготовительного и 1—3 классов (составитель С. М. Бюрбе). В нем подобраны в основном однотипные песни, которые могут служить лишь материалом для неоправданно длительного повторения одного и того же. В 22-х песнях из 26 движение быстрое, преимущественно на две четверти. Сходны и ритмический рисунок, и построение песни, и тональность. Характер сочинений при переходе от одной возрастной группы к другой не претерпевает существенных изменений. Между тем песенные сборники, как и учебники, должны учитывать возрастные особенности детей, строиться по принципу от простого к сложному. Их макеты должны требовательно рецензироваться, обсуждаться в широком кругу музыкальных, педагогических работников.

Необходимо также принять конкретные меры по развитию у детей певческого голоса. В детских садах, в общебразовательных и музыкальных школах Республики в работе с хором, с классом прежде всего решаются такие задачи, как развитие слуха, строя, чувства ансамбля, выразительности, дикции и т. д. Однако при этом нередко ослабляется внимание наставника к отдельному воспитаннику. В лучшем случае ведутся индивидуальные занятия с группой наиболее одаренных в музыкальном отношении детей. Отсутствие индивидуального подхода, естественно, не позволяет руководителю коллектива определить певческие навыки, состояние голосового аппарата, восприимчивость к репертуарной, концертной нагрузке каждого участника и сделать необходимые выводы о дальнейшей с ним работе.

В 1967 г. в училище искусств было проведено обследование учащихся, поступивших на первый курс дирижерско-хорового и вокального отделений. Из 36 обследованных у 16 установлено заболевание голосового аппарата. Уже этот факт говорит о необходимости массового врачебного контроля за детскими голосами.

Решающая роль в пропаганде и развитии музыкального искусства принадлежит педагогам. В 1947 г., когда была открыта первая в Туве детская музыкальная школа, их было всего несколько человек. Большое влияние на развитие музыкального воспитания в республике оказали работавшие в 50-х годах в Кызыльской детской музыкальной школе скрипач Л. Н. Шевчук, ныне профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР и Тувинской АССР, пианистка Е. Р. Близнюк—ныне доцент Новосибирской консерватории, пианистка Н. А. Морозова, композитор С. Ф. Кайдан, певец И. Н. Петров и ряд других высококвалифицированных музыкантов. Теперь же в 15 детских музыкальных школах и в их 7 колхозно-совхозных филиалах работает более 100 штатных педагогов. Более двух тысяч детей занимаются по классам фортепиано, скрипки, трубы, кларнета, баяна, аккордеона, домры. Выпускники школ продолжают обучение в музыкальных училищах или пополняют число музыкальных работников детских садов и школ всеобуча, успешно руководят коллективами художественной самодеятельности в колхозах, совхозах и на предприятиях, трудятся в клубных учреждениях республики.

При всех музыкальных школах Тувы работают вечерние курсы общего музыкального образования, на которых занимаются люди разных профессий. Здесь же организуются шести- девятимесячные курсы по подготовке баянистов для колхозов и совхозов. В целях пропаганды музыкального искусства школы силами преподавателей и учащихся систематически проводят академические концерты.

Значительным событием в развитии музыкального образования в Туве было открытие в 1960 году Кызыльского музыкального училища. Ныне оно укомплектовано высококвалифицированными преподавателями. Среди них Т. А. Леонтьева, И. Г. Минин, С. А. Калинина и др.

За 10 лет училище выпустило 221 специалиста, которые работают во всех районах нашей республики. Так, из 15 детских музыкальных школ 13 возглавляют выпускники училища. Это Ооржак Каракат (Кызыл-Мажалыкская ДМШ), Роза Балдан (Эрзинская ДМШ), Маргарита Григорьева (Кызыльская ДМШ) и др. Более десяти выпускников работают в училище искусств. Почти полностью укомплектован выпускниками училища искусств Государственный ансамбль песни и пляски Тувинской АССР. Весьма характерно, что бывшая ученица С. А. Калининой, студентка Московской консерватории Надежда Красная заняла четвертое место на международном конкурсе имени П. И. Чайковского.

Ежегодно увеличивается прием в училище. Если в 1960 году на 4 отделениях обучалось 50 человек, то в 1970—71 учеб-

ном году на 9 отделениях обучается более 330 человек. За 10 лет учащиеся и педагоги более тысячи раз выступили перед населением с лекциями и концертами. В них активное участие принимали коллективы под руководством И. Г. Минина, В. С. Тока, Р. Н. Лесникова, Т. А. Леонтьевой. В качестве дирижеров и солистов в концертах обычно выступают учащиеся старших курсов.

Большую работу по музыкальному воспитанию трудящихся республики проводит Тувинский музыкально-драматический театр. За последние годы музыка в постановках театра заняла большое место, а песни из спектаклей завоевали признание у слушателей. Приобщение театра и артистов к песенному творчеству имеет свою интересную историю. Бывшие участники художественной самодеятельности, народные артисты Тувинской АССР В. Кок-оол, Кара-кыс и Максим Мунзук — активные пропагандисты и талантливые исполнители народных песен. Еще в 1935 году, будучи студентом Московского театрального института им. Луначарского, В. Кок-оол познакомился с цифровой системой нотной записи и создал свою первую песню «Чуртум бо-дур». Эта песня и по сей день одна из любимых в народе. Позднее появились новые мелодии, написанные В. Кок-оолом к спектаклю по пьесе С. Тока «Тонгур-осл» — песня пионеров и песня аратов. Они быстро облетели всю Туву. Максим Мунзук также написал ряд песен, из которых особую популярность снискала «Песня о партии».

Музыка к драме В. Кок-оола «Хайран-бот» написана на основе мелодий народных песен, которые были собраны М. Мунзуком и позднее обработаны им в содружестве с композитором А. Аксеновым.

Братская помощь русских музыкантов, отдавших много сил развитию тувинской музыкальной культуры, сыграла большую роль в деле музыкального воспитания. Дирижер и композитор Р. Миронович, хормейстер С. Булатов, композитор А. Аксенов и другие в значительной мере способствовали формированию и развитию тувинского профессионального музыкального искусства.

Актер театра А. Чыргал-оол в первой половине 40-х годов был учеником по композиции у А. Аксенова. Теперь он имеет высшее музыкальное образование, состоит членом Союза композиторов СССР, является заслуженным деятелем искусств РСФСР и народным артистом Тувинской АССР.

Интересный цикл массовых песен создал бывший воспитанник театра, ныне студент Ленинградской консерватории Р. Кендебиль. Широко известны в республике имена само-

дeятельных композиторов — А. Лаптана и Д. Шактара, которые также начинали свой творческий путь в театре.

Как профессиональное, так и самодеятельное искусство является могучим средством коммунистического воспитания. В республике насчитывается 460 различных кружков художественной самодеятельности, охватывающих более 7 тыс. человек. Ежегодно проводимые смотры художественной самодеятельности показывают ее большой идеально-художественный рост, жанровое обогащение. Неуклонно возрастает интерес трудящихся к народному творчеству, к произведениям классиков русской и зарубежной музыки, к сочинениям советских композиторов, повышается музыкальная культура и художественный вкус участников самодеятельности. Широкое распространение во всех районах республики получили хоровые и танцевальные коллективы. Обновляется и совершенствуется их репертуар. Ведущее место в нем занимает ленинская тематика, борьба за мир и коммунизм, дружба советских народов, созидательный труд, герои-современники. В исполнении хоровых коллективов проникновенно звучат песни о Родине, партии. Особенно широко на концертах, смотрах художественной самодеятельности представлено вокальное искусство, оркестры народных инструментов, горловое пение. Наибольшее развитие хоровое искусство получило в г. Кызыле, г. Ак-Довураке и Дзун-Хемчикском районе.

Вместе с тем следует отметить недостатки и нерешенные задачи в области развития музыкального искусства и художественной самодеятельности. Ощущается острые нехватка опытных хормейстеров и художественных руководителей, роль которых в выявлении и развитии народных талантов особенно велика. Творческая деятельность многих кружков часто оживляется лишь в канун районных и республиканских смотров.

Серьезной проблемой является расширение художественного диапазона народных инструментов на основе их модернизации. Приходится констатировать, что оркестры народных инструментов по своему составу не удовлетворяют возрастающим запросам слушателей и самих исполнителей. Отсутствие в оркестрах духовой группы весьма обедняет звучание, поэтому вполне понятно стремление некоторых руководителей расширить тембровые возможности оркестра путем введения в его состав дополнительных инструментов. Но их включение не всегда вяжется с общим характером народной музыки, искажает ее колорит и национальное своеобразие. Поэтому для кардинального решения этого вопроса целесообразно, видимо, идти по линии реконструкции национальных инструментов с непременным сохранением их тембровых особенностей. Здесь необходимы совместные усилия теоретиков, инструментоведов и музыкальных мастеров.

Большую роль в музыкальном воспитании населения республики призваны играть радио и телевидение. С 1964 года организованы еженедельные музыкально-образовательные радиопередачи. Беседы и пояснения к музыкальным произведениям ведутся на тувинском языке. Второй год работает университет культуры по местному телевидению.

Систематическую пропаганду симфонической и камерной музыки в республике осуществляет симфонический оркестр комитета по телевидению и радио (создан в 1966 г.) под руководством В. Тока. С появлением в Туве телевидения, помимо концертов-лекций, организуются регулярные передачи симфонических концертов. Практикуются выступления оркестра в районах республики перед городской и сельской аудиторией.

В 1970 году оркестр выступал перед тружениками Хакасской автономной области. В его репертуаре — произведения Чайковского, Мусоргского, Бетховена, Дворжака, советских и местных композиторов.

Нашим музыкантам, педагогам предстоит проделать еще большую работу, чтобы при помощи общественности успешно нести богатейшее музыкальное искусство в широкие народные массы.

На четвертом съезде композиторов СССР Д. Б. Кабалевский, выступая с докладом о массовом музыкальном воспитании, отмечал, что «работникам искусств нашей страны предстоит сделать еще очень многое для полного претворения в жизнь великих ленинских предначертаний с их главной идеей о том, что настояще, большое, великое искусство должно стать достоянием всего народа. Для этого не только надо умножить наши усилия по всему воспитательному фронту, но и более энергично, общими усилиями повести борьбу со всем, что мешает нашему продвижению вперед»¹.

Дальнейшее успешное развитие музыкального воспитания в нашей республике прямо связано с решением ряда важных учебно-методических и организационных вопросов, о чем говорилось выше. Остро стоит вопрос о создании методических пособий на тувинском языке для детских садов, общеобразовательных и музыкальных школ. Необходимо создание учебника по пению в начальной школе и методических пособий для ведения уроков пения, музыкальной литературы, сольфеджио, теории музыки с использованием в них нотного материала тувинской и родственной по ладу музыки других народов нашей страны.

¹ «Советская музыка», 1969, № 3, стр. 5.

Музыкальное образование — важная составная часть эстетического воспитания народа. Музыке, как искусству, особенно сильно воздействующему на эмоциональный мир человека, принадлежит важное место в формировании духовных качеств и в раскрытии творческих способностей личности. Этим определяется важность той роли, которую призваны выполнять работники искусства в дальнейшем подъеме музыкального просвещения всех слоев населения нашей республики.

Ч. Т. Кызыл-оол

О РАЗВИТИИ ОЛЕНЕВОДСТВА В ТУВЕ

Наряду с охотничим промыслом оленеводство издавна являлось основным занятием жителей Тоджи и Тере-Холя. Олень давал им мясо и молоко, шкуры для изготовления одежды, а также использовался как выючный транспорт.

Килограмм оленины содержит 2524 калории, 16,5% белка, 19,8% жира, оленье молоко отличается повышенной жирностью (18—20%). Из шкуры олена получают высококачественную замшу для оптической, авиационной и обувной промышленности, шерсть употребляется для изготовления матрацев, спасательных кругов, а также в шорном и мебельном деле, а олений пух идет на производство фетровых, трикотажных и других изделий. Данные дореволюционных авторов о численности оленей в Туве резко расходятся, что объясняется, по-видимому, неудовлетворительным учетом. В ТНР перед войной насчитывалось около 19 тыс. голов оленей. Однако в годы войны поголовье их значительно сократилось.

В результате принятых партией и правительством мер по повышению продуктивности животноводства и росту поголовья скота, планомерному использованию кормовых углей, улучшению жилищно-бытовых условий животноводов, а также зооветеринарного обслуживания¹ поголовье оленей за-

¹ Постановление Пленума ЦК КПСС «Об увеличении производства продуктов животноводства». М., 1955; III сессия областного Совета депутатов трудящихся «О состоянии и мерах повышения продуктивности животноводства в колхозах и совхозах области». «Тувинская правда», 18 октября 1955.

метно увеличилось. На 1 января 1960 г. в республике имелось 6,3 тыс. оленей, а в 1965 г. рост численности животных в сравнении с 1960 г. составил 28%. К концу восьмой пятилетки во всех категориях хозяйств насчитывалось уже 11,6 тыс. оленей.

Увеличение общего количества оленей достигнуто, главным образом, за счет роста и повышения удельного веса маточного поголовья в структуре стада. На 1 января 1960 г. насчитывалось 1,4 тыс. воженок (22% общего количества оленей). В 1965 г. численность оленематок в сравнении с 1960 г. возросла на 86%, а их удельный вес — на 6%. На конец 1970 г. насчитывалось 5,3 тыс. воженок, что в 2 раза больше, чем в 1965 г.

Соотношение половозрастного состава животных во всех категориях хозяйств иллюстрирует таблица I.

Таблица I

	Удельный вес половозрастных групп — %	
	1965	1970
Олени-производители	1,1	0,8
Оленематки	28,6	37,9
Олени рабочие	16,4	16,4
Нетели	8,8	7,7
Молодняк	31,9	26,0
Прочие	13,2	11,2
Всего	100,0	100,0

Анализ таблицы свидетельствует, что в результате улучшения структуры стада, а также правильного перевода животных из одной возрастной группы в другую произошел некоторый рост поголовья оленематок. Сокращение удельного веса молодняка объясняется формированием нагульного стада за счет кастрированных самцов.

Основой расширенного воспроизводства скота является деловой выход молодняка. В восточной зоне республики на 100 оленематок получают в среднем 80—85% приплода. Так, за 1958—1969 гг. колхоз «1 Мая»¹ получил 82 олененка от каждой 100 маток, «Советская Тува» — 85, «Тере-Холь» — 79. За последние два года выход молодняка в совхозе «Тоора-Хем» составил 86 и 92 головы при плане 80. В 30-х же годах в единоличных хозяйствах Тоджи от 100 оленематок полу-

¹ В 1969 г. на базе колхозов «1 Мая» и «Советская Тува» был создан совхоз «Тоора-Хем».

чали всего 49% приплода¹. Такая низкая плодовитость объясняется отсутствием зооветеринарной работы в единоличных хозяйствах района. В настоящее время совхоз «Тоора-Хем», колхоз «Тере-Холь» укомплектованы квалифицированными специалистами с высшим и средним образованием, в Тодже создана станция по борьбе с болезнями животных. Улучшение зооветеринарной работы, племенного дела, повышение квалификации оленеводов, своевременное спаривание при наличии здоровых быков-производителей позволили снизить яловость маток, повысить качественные данные оленей, сократить надеж и тем самым увеличить их поголовье.

Кроме того, улучшение условий труда и быта — создание микроцентров, регулярное торговое и культурное обслуживание, материальное и моральное поощрение работников ферм и забота об их детях — подняло заинтересованность оленеводов в интенсификации этой отрасли, о чем свидетельствуют вышеупомянутые данные.

Несмотря на принимаемые меры, вопрос закрепления кадров еще не решен до конца и поэтому в бригадах ощущается нехватка пастухов-оленеводов. В связи с этим нагрузка на одного пастуха колеблется от 160 до 180 голов, что значительно больше общепринятой нормы — 100 воженок или 150 оленей. В то же время в совхозе «Тоора-Хем» в оленеводстве занято всего 10% трудоспособного населения, причем преобладают люди пенсионного возраста. Поэтому требуется создание таких условий, которые позволили бы решить проблему привлечения к этой отрасли специалистов и пастухов.

Природные условия Восточной Тувы благоприятны для развития оленеводства: в пределах средне- и высокогорья имеются значительные массивы ягельников — основного корма оленей, низкотравные альпийские и субальпийские лужайки, ерники из карликовой бересклети и различные виды ив, а также мхи и лишайники на каменистых россыпях. Кроме того, в поймах рек, вокруг озер в изобилии растет травянистая растительность (злаковые, осоковые и бобовые, разнотравье), которая содержит необходимые для животных витамины, минеральные соли и другие питательные вещества. Так, листья бересклета содержат более 5% протеина, до 5% белка, около 22% жира, а листья ивы — 5,4% белка, 14,5% минеральных веществ². Кустарники в теплое время года служат основным кормом для оленей. ;

Наряду с травянистой и кустарниковой растительностью в кормовом рационе животных значительное место занимают

¹ «Труды Тувинской сельскохозяйственной опытной станции». Вып. 1. Кызыл, 1939, стр. 84.

² М. Ф. Томмэ. Корма СССР. М., 1964, стр. 308.

грибы, содержащие 5—6% сахара, много витаминов, особенно А, В₁, В₂.

Основным кормом оленей является ягель, составляющий 80—90% их кормового рациона зимой и 70—80% ранней весной. Ягель, содержащий 90% сухого вещества, весьма богат углеводами, но беден белками и минеральными солями. Питательная ценность ягеля для оленей равна 1,0—1,06 кормовых единиц (к. е.), или выше комбикорма на 0,6—0,7 к. е.

Недостаточность необходимых минеральных веществ в ягеле компенсируется подкормкой животных поваренной солью. Удельный вес подкормки в калькуляции себестоимости в совхозе «Тоора-Хем» в 1969 г. составил лишь 0,8%, т. е. половину требуемой нормы. В результате этого хозяйства ежегодно теряют несколько тысяч рублей из-за слабой упитанности и недостаточного нагула животных. Так, в совхозе «Тоора-Хем» 62% животных, сданных в первом квартале 1970 г., имело нижесреднюю упитанность. За счет разницы веса и заготовительной цены в среднем стоимость одного оленя нижесредней упитанности в 2 раза ниже, чем высшей. Подсчеты показывают, что если всех оленей совхоза «Тоора-Хем» довести до средней упитанности, то хозяйство получит дополнительно 7 т мяса, или 28 тыс. руб. прибыли.

В совхозе «Томпонский» (Якутия) в качестве опыта 435 голов оленей нижесредней упитанности кормили смесью из комбикорма, карбамида и поваренной соли. В результате у 58% оленей упитанность достигла высшей, у 25% — средней. Стоимость подкормки за 40 дней составила 684 руб. За счет повышения веса и упитанности хозяйство получило 16,7 тыс. руб. дополнительной прибыли, 15,4 тыс. руб. чистого дохода¹.

Этот передовой опыт целесообразно практиковать в оленеводческих хозяйствах Тувы с учетом специфики наших условий.

Для обеспечения стада полноценными кормами, рационального его размещения по пастбищам, определения очередности стравливания угодий по сезонам, с учетом геоботанического состава и особенностей роста растений, необходимо обследовать кормовые угодья в различных урочищах. С этой целью в 1970 г. Тувинская землеустроительная изыскательская экспедиция института «Росгипрорезем» приступила к изучению кормовых ресурсов Восточной Тувы. Изучив оленные пастбища, она даст рекомендацию научно обоснованного пастбищеоборота, установит сроки стравливания угодий по сезонам, а также скотоемкость пастбищ.

¹ В. Поликарпов, Б. Барадиев. Зимний нагул оленей. «Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока», 1967, № 3, стр. 32.

В настоящее время сроки пребывания стада на одной стоянке составляют: летом 30—40 дней, осенью 35—45, зимой — 60—70, весной — 15—20 дней, а средняя нагрузка на одну голову — 223 га пастбищ. В Магаданской области, на Чукотке, где видовой состав весьма однобразен, травяной покров тундровой растительности значительно разрежен, она засвина 87 га¹.

Одним из существенных вопросов в повышении продуктивности оленеводства является организация и оплата труда пастухов. Для содержания стада в хозяйствах созданы постоянные оленеводческие бригады в составе 20—25 человек.

Разработанные Министерством сельского хозяйства Тувинской АССР нормы выработки и оплаты труда оленеводов исходят из 100 или 150 голов на человека при выходе 80 голов приплода. Оплата за содержание взрослых оленей из 100% годового тарифного фонда составит 997,54 руб., а расценка за одну голову в месяц — 83 коп. После отбивки оленят установлена доплата за каждую голову в размере 14 руб. 33 коп. В целях материального стимулирования оленеводам выдают до 50% оленят, выращенных сверх 70 голов на каждые 100 маток, и до 50% взрослых оленей, сохраненных к концу года сверх 93%. В целом передовики-оленеводы совхоза «Тоора-Хем» от каждого 100 воженок получают 88—98 оленят. Перевыполнение плана материально поощряется. Так, в 1970 г. передовикам-оленеводам Б. Бараан, Е. Кенден, М. Ак выдали в виде поощрения по 2 олененка, а остальным членам бригады — от 10 до 25 рублей. В то время как в 1967—1968 гг. колхоз им. Ленина (Коми АССР) за достижение высоких результатов, кроме дополнительной оплаты труда и морального поощрения, почти всем членам бригады выдал ценные подарки на сумму в несколько тысяч рублей, премировал бригаду широкопленочной киноустановкой «Одесса» и библиотекой на сумму в тысячу рублей. Как видим, труд оленеводов в нашей республике поощряется еще недостаточно и система материального и морального стимулирования нуждается в дальнейшем усовершенствовании.

По доходности оленеводство в Тодже превосходит остальные отрасли. На долю оленеводства приходится 20—30% валового производства мяса и всей денежной выручки от реализации продукции сельского хозяйства. В 1965 г. колхоз «1 Мая» от оленеводства получил 48 тыс. руб., в 1966 г. — 56 тыс. руб., что в 2 раза больше денежного дохода, поступившего от овцеводства, и на 28% — чем от крупного рогатого скота. В 1970 г. совхоз «Тоора-Хем» от реализации

¹ В. Андреев. Олени пастбища. «Земля Сибирская Дальневосточная», Омск, 1968, № 7, стр. 58—59.

оленины получил 132 тыс. руб. дохода. В целом по Тоджинскому району оленеводство дает более 30% валовой продукции животноводства (см. табл. 2).

Таблица 2

Среднегодовой валовый выход продукции животноводства в совхозе «Тоора-Хем» в 1966—1970 гг.

Отрасли	в тыс. руб.	в %
Скотоводство	364,2	41,6
Оленеводство	274,1	31,3
Овцеводство	177,9	20,3
Прочие отрасли животноводства	59,8	6,8
Всего	876,0	100

Помимо основной продукции, олени как выючный транспорт используются в охотниччьем промысле и приносят значительные доходы, которые, однако, не учитываются в валовой продукции оленеводства.

По сравнению с другими видами продукции животноводства производство оленины обходится значительно дешевле. Полная себестоимость оленины складывается в основном из прямой оплаты труда оленеводов и общехозяйственных общепроизводственных расходов.

Средний уровень себестоимости центнера продукции животноводства в колхозах Тоджи за 1968 г. приводится в табл. 3 (в тыс. руб.).

Таблица 3

Виды продукции	«1 Мая»	«Советская Тыва»
Молоко	22	22
Оленина	45	50
Баранина	51	94
Говядина	93	99
Шерсть	256	482

В связи со стойловым и полустойловым содержанием овец и крупного рогатого скота в зимнее время себестоимость производства центнера баранины на 12% (колхоз «1 Мая») и 45% («Советская Тыва») выше центнера оленины, а говядины—почти в 2 раза превышает себестоимость оленьего мяса. Это свидетельствует о том, что оленеводство в условиях Тоджи является самой рентабельной отраслью животноводства.

Представление об уровне рентабельности производства оленьего мяса в 1968 г. в колхозе «Советская Тува» дает таблица 4.

Таблица 4

Виды продукции	Сумма денежного дохода — тыс. руб.	Полная себестоимость — тыс. руб.	Прибыль (+) Убыток (-)	Уровень рентабельности — %
----------------	------------------------------------	----------------------------------	---------------------------	----------------------------

Говядина	66,5	71,7	- 6,2	—
Баранина	49,0	34,1	+ 14,9	44
Оленина	96,2	50,9	+ 45,3	89

Большой интерес представляет дополнительная продукция оленей (шкура, шерсть, оленьи лапки, рога), которая в настоящее время не сдается в заготовительные конторы и реализация которой даже при самых минимальных ценах составила бы несколько тысяч рублей прибыли. В дальнейшем заготорганизациям следует плановым путем производить сбор этих ценных видов сырья.

В соответствии с решениями июльского (1970 г.) Пленума ЦК и Директивами XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. в Туве необходимо увеличить производство продукции оленеводства путем интенсификации и роста поголовья оленей в восточной зоне республики. По предварительным подсчетам Госплана и Министерства сельского хозяйства Тувинской АССР, поголовье оленей в 1975 г. может быть доведено до 19—22 тыс., в т. ч. в совхозе «Тоора-Хем» — до 10—12 тыс., в колхозе «Тере-Холь» — 5—5,5 тыс., Тоджинском промхозе — 2,5—3 тыс., Сыстыг-Хемском госпромхозе — 0,6—1 тыс., Каа-Хемском коопзверопромхозе — до 0,8—1 тыс. голов.

Рост поголовья возможен за счет пересмотра структуры стада в каждом отделении хозяйства, повышения удельного веса оленематок и делового выхода молодняка. Для обеспечения стада высококачественными быками-производителями представляется целесообразным проведение межхозяйственного обмена производителей через каждые 2—3 года, подобно тому, как это делается в передовых оленеводческих хозяйствах Севера. В этом направлении желательно практиковать обмен производителей с хозяйствами Тофаларии.

В целях улучшения зоотехнических и ветеринарных мероприятий непосредственно на пастбищах после растела важенок стадо оленей необходимо разбивать по половозрастным группам.

В период массового размножения гиуса и подкожного свода целесообразно проводить ветеринарные обработки оленей путем опрыскивания эмульсиями ДДТ и гексахлорана.

Выполнение указанных мероприятий будет способствовать росту поголовья и повышению продуктивности оленеводства и тем самым — увеличению производства мяса в республике.

В. Д. Назын-оол

ЭРОДИРОВАННЫЕ ПОЧВЫ И ПУТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

По состоянию на 1 ноября 1970 г. сельскохозяйственные угодья занимают 27,7% общей площади Тувы, из них на пастбища приходится 24%, пашни — 3%, сенокосы — 0,7%. Ограниченнность земельных ресурсов для развития земледелия и животноводства требует рационального использования и охраны их от ветровой и водной эрозии.

Различают нормальную (геологическую) и ускоренную (антропогенную) эрозию. В естественных условиях нормальная эрозия протекает с восстановлением разрушенных почв и вреда практически неносит. Ускоренная же эрозия (ветровая и водная) за короткий промежуток времени разрушает верхний, наиболее плодородный горизонт почвы, уменьшает запасы гумуса и естественных питательных веществ и удобрений, полезной микрофлоры и фауны и в результате снижает урожайность культурных растений. Выдувание или смыв 2,5 см слоя черноземных почв означает потерю на один га: фосфора — 196 кг, азота — 981 кг и органических веществ — около 15 т.

В условиях Тувы преобладает ветровая эрозия. В зоне недостаточного увлажнения все типы темно-каштановых и светло-каштановых почв склонны к эрозии независимо от их механического состава и характера использования, причем в песчаных и супесчаных почвах эрозия начинается через 2—3 года после освоения целины, в легкосуглинистых и среднесуглинистых — 4—5 лет, а в глинистых и тяжелосуглини-

стых — через 7—10 лет. Только в 1969 г. в республике от ветровой эрозии погибло 24,5 тыс. га посевов, в том числе зерновых — 17,2 тыс. га, а в 1970 г. соответственно — 42,2 тыс. и 35 тыс. га.

Как показывают исследования, недостаток почвенной влаги, вызываемый выветриванием ее в ранний весенний период, уменьшает урожайность сельскохозяйственных культур на 40—70%, действенность удобрений — на 20—30%, снижает эффективность многих агротехнических мероприятий.

Имеется и обратная связь, когда ошибочно избранные агротехнические приемы способствуют усилению эрозионных процессов и появлению новых очагов, а правильно выбранные агроприемы ослабляют интенсивность эрозии. Например, в степной зоне при отвальной вспашке зяби в почве сохраняется лишь 16—18% влаги, а при безотвальной — до 40%. Это значительно усиливает устойчивость почв против эрозии.

Эрозия, как известно, является одним из существенных факторов, снижающих урожайность сельскохозяйственных культур. В республике резкое колебание урожаев происходит в районах, наиболее подверженных ветровой эрозии — в Улуг-Хемском, Эрзинском, Тес-Хемском, Дзун-Хемчикском и Тандынском. В хозяйствах этих районов, не обеспеченных ирригацией, во влажные годы урожайность достигает 12—16 ц/га, а в засушливые, как, например, в 1968 г., она падает до 1,5—2,5 ц/га, что является следствием совокупного воздействия ветровой эрозии и недостатка влаги в почвах степной зоны.

Основными факторами, вызывающими возникновение и развитие ветровой эрозии, являются: необоснованное расширение посевных площадей зерновых и кормовых культур, особенно кукурузы, на легких почвах; недостаточное проведение мелиоративных работ и невнесение нужного количества органо-минеральных удобрений; преобладание весенне-вспашки, отвальных приемов обработки почвы и применение сортов семян, не соответствующих засушливым природным условиям. В Туве главным фактором, порождающим эрозию почв, является весенне-вспашка. Так, на парах эрозия принимает самый разрушительный характер. Поэтому эродированность пахотных земель в республике достигает до 20%, тогда как естественных угодий не превышает 2%.

Помимо ветровой, большой ущерб земледелию наносит водная эрозия, в частности смыв почв. Так, например, смыв 1,5 см слоя почвы с 10 тыс. га пашни на склонах 2—7° крутизны приводит к ежегодной потере 0,7—1,0 тыс. т азота, 0,8—1,2 тыс. т фосфора и 10—11 тыс. т калия.

Причинами возникновения и развития водной эрозии являются: недифференцированное определение структуры посевных площадей, неправильный выбор орудий для тракторов,

работающих на склонах, распашка вдоль склонов, применение отвальной обработки почвы.

Распашка вдоль склонов допускается на пашнях совхозов «Межегей», «Россия», колхоза «Пламя революции» Тандинского района и в хозяйствах ряда других районов.

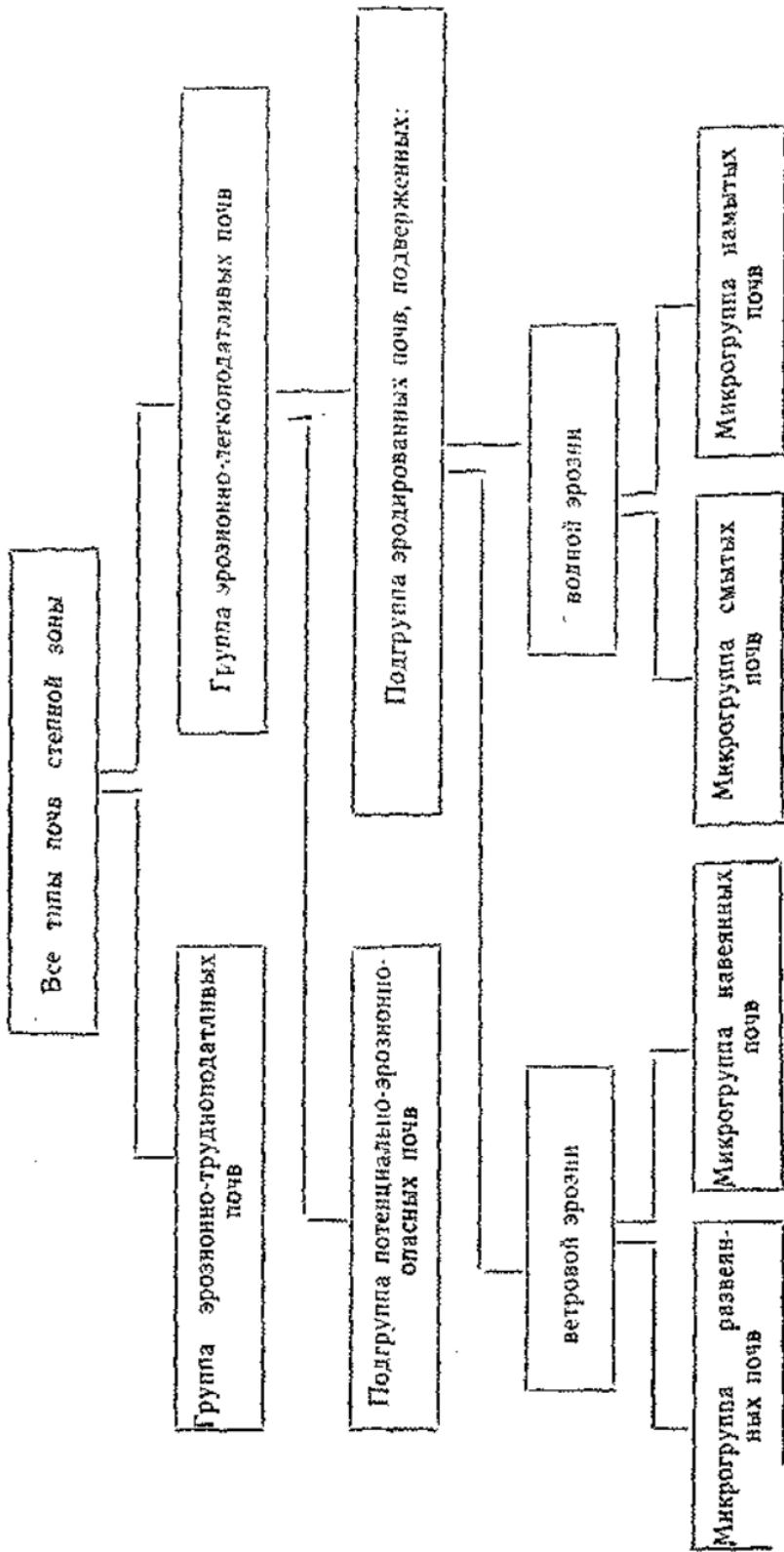
В настоящее время площадь смытых почв (без земель ирригационной эрозии) составляет 13,6 тыс. га, в том числе среднесмытых — 8,5 тыс. и сильносмытых — 4,1 тыс. га. Только в 5 хозяйствах («Пламя революции», «Улуг-Хая», «Заря коммунизма», «Ленинский путь», опытная станция) суммарная площадь смытых почв составляет 27 тыс. га, причем наиболее смытые земли имеются в совхозе «Улуг-Хая» (10 тыс. га).

Из сказанного видно, что значительная часть пахотных почв подвержена ветровой и водной эрозии, вызывающей снижение плодородия почвы, частичную или полную гибель посевов зерновых культур.

Разработка вопросов по защите эродированных почв и сельскохозяйственных культур от засух, ветровой и водной эрозии в Туве возложена на Министерство сельского хозяйства, управление лесного хозяйства и Министерство мелиорации и водного хозяйства Тувинской АССР, вопросы почвенно-эрэзионного изучения и районирования — на Тувинскую изыскательскую экспедицию. В целях принятия мер по защите почв от эрозии, начиная с 1967 г., проводятся обследования эродированных земель и определение в каждом хозяйстве порядка использования этих почв. К настоящему времени Тувинской изыскательской экспедицией и местными сельскохозяйственными органами республики обследованы земли 15 колхозов (735 тыс. га) и 31 совхоза (2208 тыс. га). Однако камеральная обработка этих материалов еще не закончена, они рассредоточены по разным ведомствам, не разработана классификация и агрогруппировка эродированных земель, что сдерживает составление рекомендаций по их рациональному использованию.

Для дифференцированной разработки способов защиты и рационального использования земель, подверженных процессам эрозии, предлагается следующая их классификация по степени эродированности (схема 1). Все почвы степной зоны республики подразделяются на две хозяйствственные группы: на эрозионно-трудноподатливые и на эрозионно-легкоподатливые. В первую входят все почвы с тяжелым механическим составом (от глин до средних суглинков), а во вторую — все почвы с легким механическим составом (от легких суглинков до супесей). Почвы второй группы, в свою очередь, делятся на две подгруппы, в зависимости от характера и генезиса

Классификация почв степных районов Тувинской АССР по эродированности

эрозионных процессов: при геологической эрозии они относятся к типу потенциально-эрозионноопасных земель, а при эрозии от неправильного хозяйственного использования — к эродированным почвам. Дальнейшая группировка почв производится по видам эрозионных процессов, по степени эродированности и качеству земель.

Подсчет площадей почвенных контуров на картах для определения объема затрат и установления системы агротехники и удобрений на них целесообразно вести в разрезе вышеустановленных хозяйственных, агрономических и почвенных групп, подгрупп и микрогрупп.

Результаты подсчета площадей почвенных контуров, обследованных Тувинской изыскательской экспедицией в четырех колхозах и совхозе по вышеуказанной классификации, приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Площадь эродированных почв по видам эрозии
в обследованных хозяйствах (в тыс. га)**

Хозяйства	Всего обследовано	в т. ч. площади		По видам эрозии		
		эрозионно-трудно-податливых почв	эрозионно-легко-податливых почв	эроподатливые	развилочные	смытые
«Заря коммунизма»	79,2	51,6	27,6	26,2	1,1	0,4
«Ленинский путь»	25,7	19,7	6,0	3,8	0,8	1,5
«Путь к коммунизму»	47,1	31,7	15,4	10,4	4,7	0,4
«Пламя революции»	40,2	21,0	19,2	10,4	2,6	6,2
«Улуг-Хая»	73,5	33,8	39,7	19,4	10,5	9,9
Итого:	265,7	157,8	107,9	70,2	19,7	18,4

Из таблицы видно, что в обследованных хозяйствах площадь эрозионно-легкоподатливых почв составляет от 20 до 54%, а площадь эрозионноопасных земель — от 15 до 33% всей обследованной площади. Наиболее эродированными являются земли колхоза «Заря коммунизма» Тандинского района, где 33% всей обследованной площади является эрозионноопасной. Так же высока эродированность земель совхоза «Улуг-Хая» Улуг-Хемского района, составляющая 27,7% всей площади и 61,3% от площадей эрозионно-податливой группы почв.

Более 36% площади эрозионно-легкоподатливых почв

указанных хозяйств (14,3% общей площади) непосредственно подвергнуто эрозионным процессам, из них 18,2% — ветровой; 18,4% — водной эрозии. Около 70% почв, подверженных ветровой эрозии, являются эродированными в слабой степени, 30% — в средней степени. Во всех пяти обследованных хозяйствах не обнаружены массивы сильноразвейенных и сильносмытых почв. Однако значительные площади потенциально эрозионно-опасных и непосредственно эродированных земель в хозяйствах требуют осторожного решения вопроса об их трансформации.

Обобщение материалов позволяет выделить применительно к обследованным хозяйствам три крупных почвенно-эрэзионных района: а) район зоны каштановых почв с преобладанием процессов ветровой эрозии; б) район зоны черноземных и горно-лесных почв с одинаковой степенью действия ветровой и водной эрозий; в) район зоны дерновых и серых лесных почв с преобладанием водной эрозии.

Анализ состояния обследованных земель, их классификация и группировка положены в основу предлагаемых ниже рекомендаций о наиболее рациональных системах агротехники на эродированных землях, в частности для группы развейенных земель.

1. Потенциально эрозионноопасные почвы в естественном состоянии не эродированы. Механический состав почв в основном легкосуглинистый, супесчаный и песчаный, они бедны гумусом, не обладают достаточной прочностью и отличаются слабой связью. Поэтому при отвальной обработке, резком недостатке почвенной влаги и сильных ветрах они легко подвергаются выдуванию. Хозяйствам, размещенным на землях с преобладанием эрозионноопасных почв, рекомендуется иметь пастбищно-животноводческое направление.

Массивы со слабоэрэзионноопасными почвами целесообразно использовать как природные кормовые угодья — пастбища. При наличии же в их комплексе свыше 45% эрозионно-трудноподатливых почв они должны быть переведены в пашни. На них запрещается возделывание пропашных культур (кукурузы на силос) и выжигание соломы, ибо это приводит к обугливанию органических веществ почвы и снижению ветроустойчивости поверхностных почвенных агрегатов. На этих почвах следует вести систему полосного земледелия с включением травосмесей из житняка сибирского и пырея бескорневищного в севообороте до 25% к площади поля. Удельный вес зерновых не должен превышать 50% в структуре севооборота, а кулисный пар — 25%.

Среднеэрэзионноопасные почвы нужно использовать как пастбища среднего качества.

Сильноэрозионноопасные почвы являются объектами первоочередного залужения. В первые 2—3 года следует не допускать выпаса скота, производить подсев житняка, люцерны, пырея и других приспособленных к местным условиям видов многолетних трав. Для борьбы с ковылем многие хозяйства степной зоны ранней весной выжигают естественные пастбища и выгоны, что совершенно недопустимо, так как это ведет к выгоранию растительного войлока и распылению почв, к усилению ветровой эрозии.

На средне- и сильноэрозионноопасных почвах целесообразно практиковать загонную систему выпаса, которая обеспечивает растениям отдых, способствует улучшению видового состава трав и закреплению верхнего слоя почвы.

2. Слабо- и среднеразвеянные почвы распространены и на пашне и на естественных кормовых угодьях. Их площадь в республике составляет около 90 тыс. га, из них более 72% — пахотные угодья.

На слаборазвеянных почвах наиболее приемлема пятипольная система почвозащитного севооборота: пар стерневой кулисный, зерновые, зерновые, пропашные, зерновые. Должны использоваться агротехнические приемы почвозащитного земледелия, позволяющие создать на пашне защитный или мульчирующий слой из растительных остатков. Этот слой снижает скорость ветра, способствует накоплению и сохранению влаги в почве и предотвращению выдувания мелкозема.

На слабо- и среднеразвеянных почвах осенняя отвальная вспашка заменяется безотвальной, глубокие обработки периодически чередуются более мелкими плоскорезными.

3. Почвозащитные меры в паровом поле. В системе почвозащитного севооборота чистый пар является наиболее опасным очагом ветровой эрозии и поэтому он подлежит только безотвальной обработке. Для повышения эффективности паров на полях создают кулисы из высокостебельных растений (например, из горчицы), которые хорошо задерживают снег, лучше аккумулируют талые снеговые воды и увеличивают продуктивность влаги весной в 1,5 раза. По данным исследований Хакасской и Павлодарской опытных станций, Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства (ВНИИЗХ), посев горчицы целесообразно производить после двух-трехкратных обработок пара в первой декаде июля. В этом случае горчица успевает до заморозков зацвести, а стебли ее одревеснеть. При наличии кулис прибавка урожая доходит до 4—5 ц с 1 га.

На эродированных землях рекомендуется вносить повышенные дозы удобрений. В 1970 г. агроном опытной станции А. Пимонов впервые внес суперфосфат под пары, яровую

пшеницу и просо. В результате прибавка урожая составила 2—3 ц с 1 га севооборотной площади. Исходя из этого опыта, в паровое поле мы рекомендуем вносить суперфосфат в дозе 3—3,5 ц на 1 га туковой сеялкой РТТ—4,2. При посеве вместе с семенами на 1 га желательно дополнительно вносить 50 кг гранулированного суперфосфата. Действие удобрений распространяется до конца ротации севооборота. Уничтожение сорняков гербицидами необходимо проводить только в паровом поле.

Большое внимание должно также уделяться почвозащитной полосной обработке стерневого пара. В паровом поле при многократных механических обработках почвозащитные агрегаты диаметром крупнее 1 мм обычно разрушаются. Это диктует необходимость полосного размещения стерневых паров шириной 25—100 м, которое создает преграду ветрам преобладающего направления, причем пары следует чередовать полосами зерновых культур.

Ширина полос зависит от эродированности поля и механического состава преобладающих почв: на легких слабо- и среднеразвеянных почвах — 50—100 м, на среднесуглинистых — 75, на тяжелых суглинках и глинах — 100 м; на сильноразвеянных супесчаных — 25—50 м.

Нечетные полосы засевают зерновыми культурами, а четные отводят под пар. В следующем году пар и зерновые культуры меняют местами и т. д. Причем обработка почвы и посева проводится по полосам. Наши опыты показывают, что полосное земледелие в сочетании с безотвальной обработкой почвы создает надежную защиту от самых сильных ветров.

На развеянных землях также могут быть рекомендованы севообороты с посевом многолетних трав. В связи с малой комковатостью структуры пахотного слоя и частой гибелью всходов от сильных ветров на среднеразвеянных почвах безотвальная обработка и сохранение стерни еще не гарантируют надежную защиту от засухи и ветровой эрозии. Поэтому на таких землях целесообразно вводить почвозащитные севообороты с посевом многолетних трав, корневая система которых закрепляет почву. При более благоприятном состоянии полей многолетние травы в структуре почвозащитного севооборота должны занимать 25%, кулисный пар — 25% и зерновые — 50% посевых площадей. При сильном распылении почвы предыдущей обработкой и на легких суглинистых почвах полосы сужают до 50 м и долю многолетних трав увеличивают до 50% посевых площадей. Почвозащитные севообороты с посевом многолетних трав, начиная с 1971 г., будут введены на полях опытной станции на площади 7,3 тыс. га.

Станция уже располагает опытом по залужению сильно-развеянных почв: в течение 1967—1970 гг. при осеннем посеве

житняка было залужено 1,5 тыс. га предельно испорченных обработкой почв. В результате эрозия прекратилась и эти почвы сейчас дают удовлетворительные урожаи сена. Поэтому рекомендуется в защитных полосах высевать житняк, являющийся наиболее подходящей культурой в борьбе с ветровой эрозией. Он весьма засухоустойчив, морозостоек, образует плотную дернину, не повреждается гербицидами, весной рано отрастает, создавая к началу пыльных бурь надежное препятствие против почвенной поземки. Узкие кожистые листочки его устойчивы к засеканию песчинками, а его семеноводство несложно.

4. Сильноразвеянные легкие почвы, непригодные под зерновые культуры, целесообразно отводить под временное или постоянное залужение житняком. В республике более 20 тыс. га пашни предельно испорчено механической обработкой, переведено в залежи и не улучшается. Такие земли можно улучшить путем посева на них однолетних мелкосеменных зерновых культур. Так, на территории опытной станции летние посевы травосмесей из проса, мугара и чумизы, произведенные в течение 1968—1970 гг., позволили закрепить сильноэродированные земли бригады № 5, которые сейчас используются как сенокосы с достаточно высоким урожаем. В дальнейшем их целесообразно отвести под умеренный выпас, а затем для посева зерновых культур, чередуя с многолетними травами.

5. Сильноразвеянные почвы кормовых угодий возникли в результате бессистемного выпаса скота и перегрузки пастбищ весной и осенью. Для восстановления плодородия почв таких пастбищ и выгонов целесообразно: а) ввести сеноконо-пастбищеобороты; б) систематически проводить посев кормовых трав; в) стравливать угодья поздней осенью, зимой и ранней весной, когда почва находится в замерзшем состоянии; г) широко применять осенние и весенние обводнения, создавать наледи. Вносить удобрения и проводить снежную мелиорацию.

* * *

Почвозащитные мероприятия — полосное размещение паров, севообороты с многолетними травами, залужение сильноэродированных почв — должны являться неотъемлемой частью организационно-хозяйственных планов колхозов и совхозов степной зоны.

Темпы внедрения в практику противоэррозионных мероприятий во многом зависят от обеспечения колхозов и совхозов Тувы новейшей техникой и запасными частями.

Переход на новые, безотвальные способы обработки почвы и сева потребовал изменения комплекса почвообрабатываю-

ших орудий и посевных машин. Поэтому необходимо, чтобы руководители, специалисты, бригадиры и механизаторы хорошо освоили новую систему обработки почвы и сева, научились работать с противоэрозионными машинами. В связи с этим важное значение приобретают вопросы подготовки и переподготовки кадров. Для этой цели на базе опытной станции п совхоза «Улуг-Хая» следует создать опорный пункт по изучению вопросов использования и обработки эродированных земель. При каждом районном управлении сельского хозяйства целесообразно организовать обучение механизаторов, бригадиров и управляющих по специальности «Защита и охрана почв» и агролесомелиорация. Здесь же необходимо проведение семинара с агрономами отдельных районов по защите почв от ветровой и водной эрозии.

В программу подготовки трактористов-машинистов в профтехучилищах и механиков в Кызыльском сельхозтехникуме нужно включить изучение механизации противоэрозионных работ. На агрономическом отделении техникума и в школе сельскохозяйственных кадров среднего звена колхозов и совхозов желательно ввести специальный курс лекций по борьбе с эрозией почв и степному лесоразведению. Периодически следовало бы практиковать проведение республиканских совещаний специалистов сельского и лесного хозяйства с мерами по борьбе с эрозией почв и лесоразведению с участием ученых других областей Сибири. Накопленный опыт борьбы с ветровой эрозией почв должен найти свое выражение в периодической печати, в трудах ученых и рекомендациях специалистов сельского, лесного и водного хозяйства республики.

М. Г. Соколов

РЕЗЕРВ ЭКОНОМИИ ДИЗЕЛЬНОГО ТРАКТОРНОГО ТОПЛИВА

Директивами XXIV съезда КПСС поставлена важная народнохозяйственная задача — обеспечить высокопроизводительное использование тракторов и других сельскохозяйственных машин. Актуальность этой задачи усиливается тем, что сельскому хозяйству в 1971—1975 гг. предусмотрено поставить 1700 тыс. тракторов; в т. ч. пахотных — 705 тыс.

Исходя из этого, Министерством сельского хозяйства СССР намечено: 1) разработать и осуществить в текущем пятилетии мероприятия по повышению уровня технической эксплуатации машинно-тракторного парка; 2) принять меры к наведению порядка по экономическому расходованию горючесмазочных материалов в колхозах и совхозах; 3) повысить эффективность использования сельскохозяйственной техники за счет строгого учета местных почвенно-климатических и других условий (характер рельефа, высота над уровнем моря и др.).

В связи с этим решение указанных задач предъявляет инженерно-техническим работникам Тувы еще более высокие требования в использовании сельскохозяйственных машин, в частности тракторов, в соответствии с особенностями местных условий.

Посевные площади Тувинской АССР расположены на различных высотах над уровнем моря — от 520 м в совхозе «Дружба» Улуг-Хемского района до 1800 м и более в колхозе «Путь к коммунизму» Эрзинского района. Исходя из высотного уровня расположения, колхозы и совхозы республики были объединены нами в четыре группы (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение посевных площадей и тракторов в хозяйствах
Тувинской АССР по высоте над уровнем моря**

Группы сплошности хозяйств по высоте над ур. м.	Посевная площадь, тыс. га ¹	Наличие тракторов, штук		Высота над ур. м.	Атмосферное давление воздуха		Плотность воздуха — кг/куб. м	
		% посевных площадей в общем пло-	% всех посе-		ММ. РТ. СТ.	КП/КВ. СМ		
		щади посевов республики	марок ДТ-75					
I	120,9	28,3	660	214	500—700	720—705	1,1677	
II	269,8	63,2	1390	431	900—1000	680—670	0,917	
III	32,6	7,6	270	86	1400—1500	645—630	0,864	
IV	4,4	0,9	44	16	1800—1950	600—590	1,0584 0,811 1,0068	

¹ Данные по посевным площадям и тракторному парку приведены по состоянию на 1 января 1970 г.

Примечание: К I группе отнесены хозяйства Улуг-Хемского (кроме совхозов «25 лет РККА» и «Свобода труда») и Каа-Хемского районов (за исключением колхоза «Победа»), совхозы «Кок-Тей», «Кара-Хаак», «Сут-Холь», колхоз «Заря коммунизма»; во II группу включены хозяйства Тандинского (за исключением колхоза «Заря коммунизма») и Дзун-Хемчикского районов (кроме совхоза «Сут-Холь» и колхоза «Искра»), Тувинская сельскохозяйственная опытная станция, совхозы «Тора-Хем», «Үюк», «Саянский», «Свобода труда», «25 лет РККА», «Тээли», колхозы «Победа» (Каа-Хемского), «Хадын» и «Красный пахарь» (Пий-Хемского); в III группе объединены хозяйства Эрзинского (кроме колхоза «Путь к коммунизму»), Тес-Хемского, Овюрского и Бай-Тайгинского районов (кроме совхоза «Тээли»), колхозы «Большевик» (Баруи-Хемчикского), «Искра» (Дзун-Хемчикского) и колхоз «Тере-Холь» (Кызыльского горсовета); к IV группе отнесены хозяйства Монгун-Тайгинского и колхоз «Путь к коммунизму» Эрзинского районов.

Анализ таблицы I показывает, что около 72% посевых площадей расположено на абсолютных высотах от 900 до 1950 м, где атмосферное давление и плотность воздуха значительно меньше, чем на уровне моря, и заметно варьируют. Основным пахотным трактором является ДТ-75 с двигателем СМД-14, развивающим номинальную мощность в нормальных условиях (атмосферное давление 760 мм рт. ст., температура воздуха 15°C, плотность его 1,2255 кг/куб. м) 75 лошадиных сил (л. с.) при 1700 оборотах коленчатого вала двигателя в минуту. При значительных абсолютных высотах атмосферное давление и плотность воздуха уменьшаются соответственно до 600—590 мм рт. ст. и 1,0068 кг/куб. м.

По теории двигателей внутреннего сгорания¹ для нормальной работы дизеля СМД-14 коэффициент избытка воздуха должен равняться 1,4, т. е. для сгорания 1 кг дизельного топлива надо подвести в 1,4 раза больше воздуха, чем требуется его для нормального протекания теоретического цикла. Пониженное давление воздуха ведет к уменьшению наполнения цилиндров двигателя свежим зарядом воздуха. Поэтому давление в конце такта сжатия становится недостаточным для нормального горения топлива, и в результате последнее догонает на такте расширения, что приводит к увеличению температуры отработанных газов, и определенное количество горючего выбрасывается через выхлопную трубу. В связи с этим двигатель в высотных условиях развивает недостаточную мощность, а расход топлива значительно возрастает.

По договору Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства с Тувинской сельскохозяйственной опытной станцией летом 1970 г. автором данной статьи были проведены испытания тракторов ДТ-75 в хозяйствах каждой группы. Результаты экспериментов обработаны и представлены в таблице 2.

¹ В. В. Махалдiani. О двигателях для горных автомобилей и тракторов. Тбилиси, 1968.

Таблица 2

Результаты полезных испытаний тракторов ДТ-75

Хозяйства, где проводились испытания	Группа хозяйств по высоте над ур. м.	Температура воздуха в °C	Номинальная мощность двигателя СМД-14—л. с.	Удельный расход топлива—г/з. л. с. час		Время проведения испытаний
				Часовой расход топлива—кг/час	Часовой расход топлива—кг/час	
Союз «Дружба»	I	+22	71,4	14,22	199	10—14.VI
Опытная станция	II	+14	68,6	14,26	208	3—9.V
Совхоз «Тес-Хем»	III	+26	63,0	14,15	224	16—22.VII
Колхоз «Путь к коммунизму»	IV	+29	60,0	14,20	236	16—11.VIII
Заводские данные двигателя (паспорт)	—	+15	75,0	14,00	186	—

Примечание. Принята ГОСТом на проведение испытаний З-кратная повторность, цифры в таблице — результат среднего арифметического З-х измерений.

Таблица 3

Показатели перегулировки топливного насоса двигателя СМД-14

Группа отнесения хозяйств по высо- те над ур. м.	Время проведения испытаний	Заводская регулировка топливного насоса		Перегулировка топлив- ного насоса в высотных условиях		Экономия топлива — кг/час	
		Temperatura rozryvka — °C	мощность двигателя — л. с.	расход топ- лива — кг/час	мощность двигателя — л. с.		
I	15—16.VI	+ 24	71,4	14,22	71,1	13,80	0,44
II	12—15.V	+ 18	68,6	14,26	68,2	13,60	0,66
III	24—28.VII	+ 28	63,0	14,15	62,6	13,44	0,71
IV	12—15.VII	+ 21	60,0	14,20	59,4	13,10	1,10

Анализ таблицы 2 показывает, насколько возрастает удельный расход топлива с увеличением высоты над уровнем моря по сравнению с заводскими данными трактора ДТ-75, причем мощность двигателя на абсолютных высотах 1800—1950 м снижается на 20% по сравнению с мощностью двигателя на уровне моря. Это, как уже отмечалось, объясняется тем, что коэффициент избытка воздуха с увеличением высоты местности уменьшается¹, а топливо становится избыточным при заводской регулировке топливного насоса, что ведет к значительному перерасходу горючего.

Для экономии дизельного топлива необходимо уменьшить подачу его топливным насосом, не снижая номинальной мощности двигателя в заданных атмосферных условиях. Показатели перерегулировки топливного насоса двигателя СМД-14 приведены в таблице 3, которая свидетельствует, что при небольшой потере мощности двигателя (1,5—2%) перерегулировкой топливного насоса получена значительная экономия горючего (6—8%).

На практике для снижения расхода топлива в каждом хозяйстве необходимо пользоваться таблицей 4, при этом лишь правильно следует отнести хозяйство к соответствующей группе по высоте над уровнем моря.

Таблица 4

**Уменьшение подачи топлива топливным насосом двигателя СМД-14
в высотных условиях**

Группа отнесения хозяйства по высоте над ур. м.	Уменьшение подачи горючего топливным насосом — %
I	3,0
II	4,5
III	6,5
IV	8,5

Выводы:

При эксплуатации тракторов, имеющих двигатели СМД-14 (а также двигатели других марок с вихревакамерным смесеобразованием), в высотных условиях Тувинской АССР необходимо уменьшить подачу горючего топливным насосом в среднем на 4,5% на каждые 1000 м высоты с целью сохранения коэффициента избытка воздуха. При этом при незначительном уменьшении мощности двигателя достигается существенная экономия топлива.

¹ И. М. Хохлов. Эксплуатация тракторов в горном земледелии. Тбилиси, 1958.

Г. В. Беспалов

ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ ТРАНСПОРТНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

Советская Тува за годы восьмой пятилетки добилась значительных успехов в развитии капитального строительства, промышленности, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства. Повысился удельный вес ряда районов республики в промышленном производстве, усилилась интенсификация и концентрация сельского хозяйства. Все это нашло свое отражение в росте грузоперевозок и грузооборота транспорта республики. За последнее десятилетие (1960—1970 гг.) объем грузоперевозок увеличился в 4,2 раза и составил 17,2 млн. т, грузооборот возрос в 2,9 раза и достиг 373,8 ткм. Возросшие масштабы грузоперевозок придают проблеме снижения транспортных расходов особую актуальность. Известно, что величина последних зависит главным образом от объема перевозимых грузов и дальности их транспортировки.

Совершенствование транспортно-экономических связей непосредственно связано с комплексным развитием народного хозяйства и его рациональным размещением¹. В Туве созданы и ускоренно развиваются отрасли как общесоюзного (производство асбеста, цветных металлов, зерна, шерсти, мяса и др.), так и местного значения, производящие продукцию для удовлетворения внутренних потребностей.

¹ См. Л. З. Кац. Транспорт и рационализация экономических связей в новой пятилетке. М., 1967.

Развитие народного хозяйства республики сопровождается изменением соотношения межобластных и внутренних транспортно-экономических связей, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1

	в % к итогу ¹		
	1965	1967	1970
Весь грузооборот	100	100	100
в том числе:			
межобластной	64,0	57,1	56,5
внутриреспубликанский	36,0	42,9	43,5
Весь объем грузоперевозок	100,0	100,0	100,0
в том числе:			
межобластной	4,1	4,0	3,5
внутриреспубликанский	95,9	96,0	96,5

Как видно из таблицы 1, за истекшую пятилетку удельный вес межобластных связей снизился по грузоперевозкам на 0,6% и по грузообороту — на 7,5%, а удельный вес внутренних связей, наоборот, на столько же возрос. Однако следует иметь в виду, что при относительном сокращении удельного веса межобластных грузоперевозок и грузооборота абсолютный размер их значительно увеличился. Так, за 1965—1970 гг. абсолютный объем межобластных грузоперевозок возрос на 266,2 тыс. т и составил 617,7 тыс. т, а объем межобластного грузооборота — на 108,4 млн. ткм и достиг 261,5 млн. ткм.

Сравнительно быстрый рост внутренних транспортно-экономических связей Тувы, осуществляемых на более коротких расстояниях, чем межобластные, явился одной из причин снижения средней дальности грузоперевозок в целом по республике — с 25,2 км в 1965 г. до 20,6 км в 1970 г., т. е. на 4,6 км. Это, в определенной мере, является положительным результатом совершенствования транспортно-экономических связей в республике.

Рассмотрим более подробно межобластные транспортно-экономические связи. В настоящее время они характеризуются значительным превышением ввоза над вывозом. В 1970 г. ввоз грузов в Туву в 3,3 раза превышал вывоз. Ввоз состоит в основном из промышленной продукции производственного назначения и товаров народного потребления. Ускоренные темпы капитального строительства, рост грузооборота авто-

¹ Таблица составлена на основании данных статистического управления Тувинской АССР и республиканского объединения Тувавтодортранс.

мобильного транспорта, широкая химизация и внедрение комплексной механизации в сельское хозяйство — все это вызвало заметное увеличение ввоза за прошедшее пятилетие строительных материалов, нефтепродуктов, металлогрузов, минеральных удобрений и другой промышленной продукции. Ввоз строительных материалов в 1970 г. возрос в сравнении с 1965 г. на $\frac{3}{4}$, нефтепродуктов — на $\frac{1}{10}$. Из 891 тыс. т грузов, перевезенных в 1970 г. автомобильным транспортом общего пользования по междугородным перевозкам, на строительные грузы приходилось 654,1 тыс. т (73,4%), нефтепродукты — 165,3 тыс. т (18,5%), товары народного потребления — 61 тыс. т (6,8%). В вывозе же пока преобладает сельскохозяйственная продукция. Неэквивалентный по объему грузообмен приводит к значительным по величине порожним пробегам автомобильного транспорта в обратном направлении¹. Ликвидация большого разрыва между объемами вывоза и ввоза возможна при условии развития в республике отраслей промышленности межрайонной специализации, дающих для вывоза массовую, грузоемкую продукцию.

Одной из мер в области совершенствования межобластных транспортно-экономических связей является ликвидация встречных перевозок. Развитие в Туве отраслей обрабатывающей промышленности, научно обоснованное размещение промышленных предприятий позволит свести до минимума вывоз из республики сельскохозяйственного сырья и ввоз в нее готовой продукции из этого же сырья. Вывоз из Тувы на предприятия Красноярского края зерна, мяса, кож, живого скота, а также завоз оттуда готовой промышленной продукции (муки, комбикормов, продуктов мясопереработки и др.), являются следствием недостаточного еще развития в республике легкой и пищевой промышленности, в частности небольшой мощности мукомольных и мясоперерабатывающих предприятий. В 1970 г. в республику было завезено 16,6 тыс. т муки и 9,1 тыс. т комбикормов. Для их производства на мелькомбинат г. Абакана было вывезено соответствующее количество зерна. Расходы на перевозку зерна и муки составили свыше 1 млн. руб. К значительным расходам по перевозке и перегону скота на мясокомбинаты Красноярского края прибавляются издержки от потерь в живом весе заготовленного скота.

На совершение межобластных связей окажет также влияние дальнейшее развитие стройиндустрии и промышленности строительных материалов. Недостаточное развитие

¹ Порожний пробег по междугородным перевозкам по трем автотранспортным предприятиям, осуществляющим в основном междугородные перевозки (Минусинское и Кызыльские № 1, № 2) составил в 1970 г. 11976 тыс. км.

названных отраслей ведет к большим затратам средств на ввоз строительных материалов из-за пределов республики. При этом ограниченные транспортные возможности перевозок массовых (кирпич, цемент) и крупногабаритных (железобетонные конструкции и изделия и др.) грузов приводят к недопользованию выделяемых фондов, что сдерживает наращивание темпов капитального строительства в республике. Так, для выполнения плана строительных работ в 1970 г. в республике не хватало 6,2 млн. штук кирпича¹, большого количества железобетонных изделий. Недостающие строительные материалы (кирпич, сборный железобетон и столярные изделия) ввозились из Красноярского края и Кемеровской области. Удорожание строительных материалов в связи с их перевозкой и за счет заготовительно-складских расходов составило: на тысячу штук кирпича — 63 руб. 67 коп., на кубометр железобетонных изделий — 34 руб. 02 коп. и на каждый квадратный метр столярных изделий — 6 руб. 30 коп.² Между тем республика имеет значительные запасы сырья для производства этих строительных материалов.

Недостаточное развитие собственной ремонтно-механической базы в Туве обуславливает необходимость вывоза для сложного ремонта машин, оборудования горной промышленности, строительной индустрии, сельского хозяйства за пределы республики.

Таким образом, совершенствование межобластных транспортно-экономических связей за счет сокращения встречных перевозок, порожних пробегов на автомобильном транспорте зависит прежде всего от темпов развития отдельных отраслей обрабатывающей промышленности, усиления комплексности всего хозяйства республики и его специализирующихся отраслей, связанных с производством грузоемкой продукции, в которой нуждается народное хозяйство страны.

Решение вопросов совершенствования транспортно-экономических связей зависит не только от рационализации межобластного, но и внутриреспубликанского обмена. Рост промышленного производства за последнее пятилетие способствовал увеличению внутренних грузоперевозок и удельного веса в их составе промышленных грузов: каменного угля, строительных материалов, леса и лесоматериалов и др. Комплексное развитие народного хозяйства Тувы, в том числе отраслей районного значения, производящих продукцию для внутреннего потребления, явилось причиной сокращения средней

¹ В. И. Попов. Снабжению строек — четкий режим. «Тувинская правда», 19 апреля 1970.

² В. И. Попов. Развивать тылы строительства. «Тувинская правда», 6 июня 1969.

дальности внутренних грузоперевозок, которая уменьшилась на 4,2 км и составила в 1970 г. 11,4 км. Однако изменение средней дальности транспортирования по отдельным массовым грузам произошло не только в сторону сокращения. Если по таким грузам, как нефтепродукты, кирпич, цемент, она спизилась, то по грузоперевозкам угля, зерна, лесоматериалов, нерудных строительных материалов и прочих грузов, наоборот, возросла.

Динамику средней дальности внутренних перевозок грузов автомобильным транспортом общего пользования отражает таблица 2 (км)¹.

Таблица 2

	Годы		
	1965	1970	1965 (+ -)
Каменный уголь	94,0	145,5	+ 51,5
Нефтепродукты	367,7	358,3	- 9,4
Зерно	109,4	163,5	+ 54,1
Кирпич	415,3	173,6	- 241,7
Цемент	541,1	289,4	- 251,7
Нерудные стройматериалы	5,4	24,3	+ 18,9
Лес и лесоматериалы	77,3	88,8	+ 11,5
Прочие	125,5	187,0	+ 62,0

Рост средней дальности перевозки угля объясняется увеличением его добычи и потребления. Уголь, как топливо, стал потребляться в районах, значительно удаленных от места его добычи. Средняя дальность перевозки зерна возросла за счет увеличения размеров его сбора и объема межобластных грузоперевозок.

Высокие темпы роста капитальных вложений в промышленность, сельское хозяйство, транспорт и жилищное строительство вызвали рост средней дальности перевозок нерудных строительных материалов, леса и изделий из него. Большой объем перевозок нерудных строительных материалов связан с сооружением новых автомобильных дорог, для чего требуется значительное количество гравия, щебня и других инертных материалов.

Процесс комплексного развития народного хозяйства способствует возрастанию дальности перевозок прочих грузов (металлорудов, минеральных удобрений, машин, оборудования-

¹ Таблица составлена на основании годовых отчетов республиканского объединения Тувавтодортранс. При расчете средней дальности перевозок массовых грузов (за исключением нерудных строительных материалов, леса и лесоматериалов) учитывалась доставка их из-за пределов республики.

ния и др.). Общий объем их за восьмую пятилетку возрос на 19%.

Увеличение дальности транспортировки грузов в конкретных условиях Тувы характеризует положительные изменения в народном хозяйстве республики, является в основном следствием развития экономики всех районов, развертывания в них капитального строительства.

Значительная концентрация лесоперерабатывающей промышленности в г. Кызыле и большая удаленность ее предприятий от мест потребления производимой ими продукции вызвали увеличение средней дальности перевозок лесоматериалов.

Резкое сокращение дальности перевозок цемента явилось следствием ввоза его в западные районы республики (по автомобильной дороге Абаза — Ак-Довурак), а также участия в перевозках ведомственного транспорта. Это же обстоятельство, наряду с увеличением производства в пределах республики, способствовало сокращению дальности перевозок кирпича.

Внутренние перевозки в Туве осуществлялись как между отдельными ее районами, так и внутри каждого из них. На основе исторически сложившихся отраслей народного хозяйства, а также различий природных условий и ресурсов в республике можно выделить четыре экономических района: Центральный, Западный, Южный и Восточный¹. Народное хозяйство каждого из них имеет свои характерные особенности.

Центральный район отличается значительным развитием обрабатывающей, горнорудной промышленности и земледелия; Западный — горнорудной промышленности в сочетании с сельским хозяйством животноводческо-земледельческого направления; Южный — мясо-шерстного животноводства; Восточный — лесозаготовительной промышленности и охотничьепромыслового хозяйства.

В процессе хозяйственного развития на территории экономических районов возникли свои крупные грузообразующие центры, где формируются межрайонные и местные грузопотоки. Ими являются города и рабочие поселки, сосредоточивающие в своих пределах почти все промышленное производство, а также районные центры, являющиеся пунктами перевалки и распределения грузов различного назначения между колхозами и совхозами. Наиболее крупным грузообразующим цент-

¹ Центральный экономический район включает административные районы: Пий-Хемский, Каа-Хемский, Улуг-Хемский, Тандынский и Кызыльский горсовет; Западный — Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский, Дэун-Хемчикский, Монгун-Тайгинский; Южный — Овюрский, Тес-Хемский, Эрзинский; Восточный — Тоджинский. См. И. Г. Нордега. Советская Тува. «География в школе», 1970, № 1.

ром Тувы является ее столица — Кызыл. Среди других выделяются города Ак-Довурак, Чадан.

В транспортных связях между экономическими регионами ведущее место принадлежит Центральному району. Здесь берут начало все главные направления внутренних транспортно-экономических связей с другими районами. Центральный район получает от них сельскохозяйственное сырье (зерно, живой скот, шкуры, шерсть, древесину) и в свою очередь поставляет продукцию пищевой, легкой, лесообрабатывающей промышленности и строительные материалы.

Наиболее интенсивными являются грузоперевозки между Центральным и Западным экономическими районами. Они осуществляются по широтной автомобильной магистрали Кызыл — Тээли. Мощный грузопоток, местом начального формирования которого является г. Кызыл, дополняется на своем пути до Ак-Довурака грузами промышленных предприятий, колхозов и совхозов, расположенных в прилегающих к трассе административных районах. Самое большое количество грузов поступает в г. Чадане в виде каменного угля Чаданского угольного разреза и муки хлебоприемного пункта. До 1970 г. внутренние грузоперевозки между Центральным и Западным районами по направлению Кызыл — Ак-Довурак дополнялись транзитными грузоперевозками, возникающими в результате участия Западного района в межобластном обмене, но уже в 1970 г. эти перевозки сократились на 15 тыс. т (за счет ввоза по дороге Абаза — Ак-Довурак). Вместе с тем транспортно-экономические связи между Центральным и Западным районами ежегодно усиливаются, возрастает и мощность грузового потока между ними, о чем свидетельствует таблица 3 (тыс. т).

Таблица 3

Пункты	1965	1970
В прямом направлении:		
Кызыл — Шагонар	102,0	122,0
Шагонар — Чадан	73,0	87,0
Чадан — Ак-Довурак	102,0	145,0
В обратном направлении:		
Ак-Довурак — Чадан	15,0	12,0
Чадан — Шагонар	20,0	23,0
Шагонар — Кызыл	27,0	34,0

Как видно из таблицы 3, мощность обратного грузопотока намного меньше. Относительно небольшое увеличение объема грузовых перевозок в сравнении с 1965 г. объясняется тем, что в 1970 г. резко сократился объем транзитных перевозок в обратном направлении по дороге Кызыл — Тээли. Так, груз

межобластного обмена (асбест в количестве около 25 тыс. т) был вывезен за пределы Тувы по дороге Абаза — Ак-Довурак.

В пределах Центрального и Западного районов находятся оба формирующихся в республике промышленных узла — Кызыльский и Ак-Довуракский. Транспортно-экономические связи между этими районами отличаются не только значительным масштабом, но и большой сложностью. Совершенствование связей между Центральным и Западным экономическими районами будет зависеть от развития в последнем промышленности строительных материалов, легкой и пищевой промышленности. Недостаточное развитие указанных отраслей народного хозяйства приводит к необходимости завоза их продукции из Центрального района. В 1970 г. из Центрального района было завезено 1 тыс. т продовольственных товаров и 300 т пива и газированной воды. Развитие комплекса обрабатывающей промышленности позволит сократить ввоз в Западный район промышленной продукции, производство которой возможно организовать на месте.

Следующими по значению являются транспортно-экономические связи между Центральным и Южным районами, которые осуществляются по автомобильной дороге Кызыл—Эрзин. Перевозки в Южный район в 1970 г. составили около 20 тыс. т, мощность обратного грузопотока — около 10 тыс. т. В связи с почти полным отсутствием промышленного производства в Южном районе сюда завозятся все необходимые промышленные и продовольственные товары. В вывозе преобладают продукция животноводства, круглый лес и пиломатериалы Шурмакского лесоучастка. Перспективы улучшения транспортно-экономических связей Южного района зависят от промышленного освоения каменной соли и других минерально-сырьевых его ресурсов.

Рассмотрим транспортно-экономические связи между Центральным и Восточным районами. Последний поставляет в г. Кызыл круглый лес и продукцию охотничье-промышленных хозяйств (пушнину, рыбу, орехи, ягоды). Сплав леса в Кызыл за годы прошедшей пятилетки увеличился на 16,7 тыс. т и достиг в 1970 г. 86,5 тыс. т. Ввоз за этот же период возрос на 2 тыс. т и составил более 7 тыс. т. Создание постоянной наземной связи с Центральным районом, организация промышленного производства на базе богатых минерально-сырьевых и лесных ресурсов Восточного района будут способствовать развитию транспортно-экономических связей с центром республики.

Далее следует упомянуть про непосредственные транспортно-экономические связи между Западным и Южным районами, которые осуществляются по автомобильной дороге Чадан — Хандагайты. По этой же дороге с Южным экономиче-

ским районом и Монгун-Тайгинским административным районом (через Хандагайты по территории МНР) имеет связи и Центральный район. В прямом направлении здесь в 1970 г. было перевезено грузов около 10 тыс. т, в обратном — до 3 тыс. т. Для улучшения связей с Монгун-Тайгой в перспективе необходимо строительство автомобильной дороги Тээли—Мугур-Аксы.

Подавляющая часть внутренних грузоперевозок Тувы (97,5%) приходится на местные перевозки внутри экономических районов. Объем же перевозок между экономическими районами хотя и возрос за истекшее пятилетие почти в 2,2 раза, но удельный вес их во внутренних грузоперевозках пока не значителен. В 1970 г. на перевозки между районами приходилось только 420—450 тыс. т (2,5%)¹.

Большая часть всех местных внутрирайонных перевозок осуществляется в Центральном районе, где формируются сравнительно короткие по протяженности, но значительные по объему грузопотоки. Мощный грузопоток возник между Кызылом и рабочим поселком Хову-Аксы. В прямом направлении перевозится до 60—70 тыс. т различных промышленных грузов, основную часть которых составляет каменный уголь Каа-Хемского разреза. В обратном направлении (в Кызыл) вывозится продукция комбината Тувакобалт (концентрат цветных металлов и строительная известняк) в количестве 3—4 тыс. т. Разработка расположенного рядом с комбинатом Ак-Тальского месторождения каменного угля позволит избежать в будущем перевозок каменного угля из Каа-Хемского разреза, находящегося от Хову-Аксы на расстоянии 129 км.

Важной составной частью местных транспортно-экономических связей Центрального района являются грузоперевозки между Кызылом и административными центрами Каа-Хемского и Тандинского районов — селами Сарыг-Сеп и Бай-Хаак. Они осуществляются по дорогам областного значения (Кызыл—Сарыг-Сеп и Кызыл—Бай-Хаак). Сюда ввозятся торгово-снабженческие грузы, уголь, строительные материалы, минеральные удобрения, сельскохозяйственные машины. В обратном направлении следуют главным образом сельскохозяйственные грузы, объем перевозок которых во многом еще определяется климатическими условиями каждого отдельного года. Так, если в 1965 г. вывоз зерна из Тандинского района составил около 13 тыс. т, то в 1970 г. он был равен 26 тыс. т, на 4 тыс. т увеличился также вывоз зерна из Каа-Хемского района и составил в 1970 г. около 13 тыс. т.

¹ В состав указанного объема грузоперевозок входят перевозки речного и автомобильного транспорта общего пользования.

Короткий по протяженности, по мощный по величине грузопоток возник между г. Кызылом и лесоучастком Черби. Из последнего в Кызыл в 1970 г. было вывезено до 60 тыс. т круглого леса. Так как перевозки леса будут возрастать и в будущем, это направление грузоперевозок нуждается в хорошей дороге.

Местные перевозки других экономических районов, как и значительная часть перевозок внутри Центрального района, отличаются большим количеством грузопотоков, объем и структура которых зависят прежде всего от специализации и эффективности сельскохозяйственного производства. В связи с тем, что рассеянные грузопотоки требуют большой дорожной сети¹, важнейшим условием совершенствования местных транспортно-экономических связей является сооружение автомобильных дорог. Это позволит значительно сократить расходы по транспортированию местных грузов.

Мощность грузовых потоков в прямом направлении во всех экономических районах значительно выше, чем в обратном. Грузопотоки прямого направления состоят в основном из промышленных, строительных и торгово-снабженческих грузов, а обратного — преимущественно из сельскохозяйственной продукции и лесоматериалов; небольшую часть грузов составляет продукция горнодобывающей промышленности и охотничьепромыслового хозяйства.

Улучшение внутренних транспортно-экономических связей должно идти по пути более равномерного размещения производства, научно обоснованного планирования объемов и направлений грузоперевозок. Например, в ряде административных районов велики еще перевозки дров, которые могут быть заменены углем. Только по Дзун-Хемчикскому и Улуг-Хемскому районам, где имеются благоприятные возможности завозить уголь из Чаданского разреза, перевозки дров в 1970 г. составили свыше 12 тыс. т.

Отсутствие четкого планирования производства и потребления по отдельным экономическим районам, несогласованность грузоперевозок между различными ведомствами приводят к нерациональным встречным перевозкам. Так, трест «Тувинсельстрой» в течение ряда лет завозит круглый лес и пиломатериалы из Кызыла в Шагонар, а Министерство бытового обслуживания вывозит те же грузы в обратном направлении. В 1970 г. из Кызыла в Шагонар было перевезено 2,4 тыс. т круглого леса и пиломатериалов, в обратном направлении — 1 тыс. т пиломатериалов.

¹ См. Е. И. Попова. Транспортный фактор и развитие экономических районов. Сб. «Закономерности и факторы развития экономических районов СССР», М., 1965.

Сокращение транспортных расходов зависит также от рационального использования отдельных видов транспорта. Дорогостоящие перевозки круглого леса автомобильным транспортом из Қызыла в Шагонар могут быть заменены более дешевыми перевозками речным транспортом. Лес в платах можно доставлять в Шагонар транзитом из Восточного района.

Совершенствование транспортно-экономических связей в республике посредством оптимального размещения производительных сил, специализации и комплексного развития хозяйства, укрепления транспорта общего пользования, четкого планирования грузоперевозок по направлениям и отдельным видам транспорта является важным источником экономии государственных средств и резервом повышения производительности труда в народном хозяйстве республики.

В. Н. Ковалев

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТАРИФОВ НА ГРУЗОВЫЕ АВТОМОБИЛЬНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

XXIV съезд КПСС поставил перед работниками автомобильного транспорта ответственную задачу — повысить эффективность работы, обеспечить бесперебойное удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения в перевозках. Успешное развитие автотранспорта и ритмичная работа его предприятий во многом обусловлены его финансовым состоянием. Причем устойчивая рентабельность и финансовое состояние автотранспортного предприятия (АТП), в свою очередь, зависят не только от производственных факторов и условий работы, но и от ценобразования.

Особенно велико значение этого обстоятельства в новых условиях планирования и экономического стимулирования производства. От уровня рентабельности зависят отчисления прибыли в фонды предприятия. Размеры фондов определяют перспективы дальнейшего развития АТП и повышения материальной заинтересованности коллектива в успешном выполнении производственных заданий. В случаях колебаний уровня рентабельности предприятие недоначисляет фонды, и это уменьшает его возможности. Однако значительные различия уровня рентабельности отмечаются не только у отдельных предприятий, но даже по союзным республикам. Так, отмечены колебания ее от 26% по Туркмении до 48.7% в Узбекистане¹.

¹ М. П. Улицкий. Исследование некоторых вопросов экономического регулирования работы автотранспортных предприятий. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1969, стр. 12.

Ярко выраженная дифференциация министерств, транспортных управлений и АТП по этому показателю является следствием резкого различия рентабельности грузовых перевозок, чего не наблюдается по пассажирским и таксомоторным перевозкам. Так, в I квартале 1965 г. финансовый результат в расчете на списочную автотонну по отдельным транспортным управлениям Министерства автомобильного транспорта РСФСР составлял от 115 руб. убытка (Вологодское) до 462 руб. прибыли (Магаданское). Причем убыточными оказались грузовые перевозки у 30% управлений¹.

Эти колебания итогов деятельности управлений явились как бы равнодействующей влияния многих факторов, в том числе производственных, а также условий перевозок и построения тарифов.

Необходимость установления более тесной зависимости финансовых результатов от усилий самих АТП заставляет искать новые способы экономического регулирования их работы. М. П. Улицкий обосновывает, в частности, введение «рентных (выравнивающих) платежей за выгодность размещения АТП» — для регулирования работы автотранспорта Москвы, Ленинграда и Киева.

Появление наряду с высокорентабельными малорентабельными и даже нерентабельными предприятий он связывает с введением Единых тарифов и полностью относит это на счет различного расположения АТП по отношению к грузодателям и получателям грузов.

Проблема экономического регулирования, естественно, стоит не в механическом выравнивании уровня рентабельности независимо от причин, породивших ее колебания. Подобное регулирование, как считает М. П. Улицкий, могло быть легко осуществимо сочетанием Единых тарифов для транспортного управления с Расчетными тарифами для АТП, основанными на индивидуальных или групповых издержках на перевозки, но оно в таком виде противоречило бы принципам проводимой реформы.

Не упуская из виду влияния на уровень рентабельности АТП структуры автопарка, сменности его работы, фондовооруженности и других технико-эксплуатационных и организационных факторов, необходимо выяснить, какой из элементов тарифов создал неравные условия для АТП, не вытекающие из действия указанных факторов.

Наибольшая дифференциация финансовых результатов наблюдается при оплате по тарифам за тонну груза, что обусловлено их построением. Эти тарифы рассчитаны с учетом

¹ Обзорное письмо Министерства автомобильного транспорта РСФСР от 30 марта 1966 г. № ФУ-34.

заранее заданного уровня производительного использования обратного пробега при перевозках на расстояние выше 5 км (см. табл. I, взятую из работы Л. А. Бронштейна)¹

Таблица I

Показатели, принятые при определении базовой себестоимости для установления уровня тарифных плат (общие тарифы)

Расстояние перевозки — км	Средняя грузоподъемность автомобилей — т	Коэффициент использования пробега	Средняя себестоимость перевозки 1 т груза — руб./км	Тариф за перевозку 1 т груза 1 класса — руб./км
1	2,5	0,48	0,23	0,25
5	3,0	0,50	0,43	0,45
10	3,4	0,54	0,67	0,70
15	3,7	0,56	0,87	0,95
25	4,2	0,58	1,17	1,36
50	4,8	0,61	1,95	2,27
70	5,3	0,63	2,41	2,81
100	5,8	0,65	3,12	3,40

Как видно из таблицы, уровень базовой себестоимости учитывает также повышение грузоподъемности автомобилей при увеличении расстояния перевозки. Введение этого исходного элемента в расчет объясняется неэффективностью использования автомобилей малой грузоподъемности на дальние расстояния, так как в подобных случаях рентабельность перевозок понижается. Обычно этот вопрос решается положительно либо укомплектованием АТП автомобилями соответствующей грузоподъемности, либо перераспределением перевозок между автотранспортными предприятиями.

Для раскрытия в общих чертах причинной обусловленности колебаний рентабельности АТП, возникших вследствие введения Единых тарифов, достаточно рассмотреть особенности формирования себестоимости перевозок при одностороннем и при полном использовании общего пробега автомобиля.

Любой рейс складывается из пробега автомобиля в головном (грузовом) и обратном (негрузовом) направлениях. Понятия «головное» и «обратное» направления весьма условны. Поэтому при сложных маршрутах головным можно считать любое направление следования автомобиля с грузом в пределах 50% общего пробега. Это определяет специфику форми-

¹ См. Л. А. Бронштейн. Экономика и планирование автомобильного транспорта. М., 1968, стр. 354.

рования себестоимости перевозок при одно- и двухсторонней загрузке.

В первом случае она слагается из расходов на доставку груза от пункта отправления до пункта назначения и расходов на сопутствующий этому порожний пробег. Во втором сумма расходов на рейс возрастает в связи с доплатой шоферу за провоз обратного груза, увеличением суммы отчислений соцстраху и некоторым возрастанием других расходов, вызванным дополнительной нагрузкой на автомобиль и увеличением времени на совершение рейса. Дополнительные расходы, вызванные перевозкой грузов в обратном направлении, накладываются на те расходы, которые несет предприятие независимо от наличия обратного груза.

Снижение себестоимости перевозок при двухсторонней загрузке автомобиля объясняется тем, что дополнительные расходы АТП незначительны в сравнении с расходами на перевозку равного количества груза при загрузке только в одном направлении, а общая сумма их распределяется на удвоенное количество груза.

Описанное различие в формировании себестоимости разных по характеру перевозок не учитывается при ее калькулировании. Автотранспортные предприятия не ведут раздельный учет рейсов с двухсторонней и односторонней загрузкой автомобилей и не выделяют дополнительные расходы, вызванные перевозкой обратных грузов. Это приводит к тому, что сокращение порожнего пробега и расходов на него создает видимость уменьшения расходов АТП собственно на перевозку грузов. Таким образом, затушевывается специфическая черта способа формирования себестоимости транспортной продукции, состоящая в том, что при неполном использовании общего пробега на расходы, непосредственно связанные с перевозкой груза, накладываются расходы по холостому пробегу автомобиля.

По нашим подсчетам, при перевозке обратных грузов на автопоездах грузоподъемностью 7 т на расстояние свыше 100 км (что очень типично для работы автотранспорта Тувы) дополнительные расходы составляют от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{6}$ части расходов на перевозку равного количества грузов при односторонней загрузке поезда¹.

Однако АТП не всегда обслуживаются перевозки с двухсторонней загрузкой автомобилей. Поэтому уровень использова-

¹ В. Н. Ковалев. Снижение транспортных затрат в хозяйстве Тувы. УЗ ТНИИАЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970.

ния пробега автомобилей претерпевает значительные колебания по годам и в течение года, корректируя собой себестоимость перевозок и рентабельность АТП.

Некоторые предприятия в течение продолжительного времени обслуживают грузопотоки, не обеспечивающие производительное использование общего пробега автомобилей на заданном в тарифах уровне при соответствующем расстоянии перевозок, что в основном и определяет их низкую рентабельность. Например, за 1970 г. общая рентабельность Чаданского АТП составляла 6,4%, Хову-Аксынское и Ак-Довуракское АТП были убыточными (-2,0% и -4,35% соответственно). Одновременно общая годовая рентабельность отдельных АТП достигала высокого уровня. Но даже у них наблюдались резкие колебания уровня рентабельности по кварталам (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика общей рентабельности Минусинского и Кызыльского № 1 грузовых АТП Тувинского транспортного управления (в %)

Наименование АТП	1969 г.				1970 г.				го- до- вая	
	квартальная				го- до- вая	квартальная				го- до- вая
	I	II	III	IV		I	II	III	IV	
Минусинское грузовое	6,9	3,9	8,2	6,7	25,8	9,5	5,4	6,1	7,1	28,2
Кызыльское грузовое № 1	10,1	4,6	15,6	6,1	36,5	11,0	7,7	14,0	6,8	39,5

Приведенные данные свидетельствуют о том, что воздействие факторов, влияющих на уровень использования общего пробега, может быть либо кратковременным, либо длительным.

Сравнение использования пробега за ряд лет показывает, что квартальные колебания его уровня в разные годы сильно отличаются.

Представление об изменениях уровня использования пробега по годам и влиянии их на расходы по перевозкам автотранспорта общего пользования дает таблица 3.

Влияние изменений уровня использования общего пробега автомобилей на расходы по перевозкам Тувинского транспортного управления

	Годы						
	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Коэффициент использования общего пробега	0,592	0,612	0,646	0,670	0,691	0,623	0,637

Разница в расходах к сумме, скорректированной по условиям прошлого года: экономия (—), перерасход (+) тыс. руб.	x	-333,4	-580,5	-396,4	-352,4	+1057,0	-277,0
---	---	--------	--------	--------	--------	---------	--------

Таблица иллюстрирует ярко выраженные колебания уровня использования пробега. В разрезе отдельных предприятий они еще более заметны. Если за 1964—1968 гг. в целом по управлению наблюдается непрерывное повышение уровня использования пробега, у отдельных предприятий имеют место его периодические спады. Снижение уровня использования пробега в 1969 г. было вызвано резким изменением характера обслуживаемых грузопотоков, т. е. причинами объективными (неурожаем 1968 г. и открытием движения по дороге Абаза — Ак-Довурак).

Теоретически зависимость себестоимости перевозок от колебаний уровня использования пробега выявлена С. Р. Лейдерманом, Л. Л. Афанасьевым¹. Применительно к работе автотранспорта Тувы эта зависимость прослеживается в таблице 4.

Таблица 4

Сравнительные данные снижения себестоимости грузовых перевозок в разнице в расходах Тувинского транспортного управления в связи с изменениями уровня использования общего пробега

	1965 г. к 1964 г.	1966 г. к 1965 г.	1967 г. к 1966 г.	1968 г. к 1967 г.	1969 г. к 1968 г.	1970 г. к 1969 г.
	1	2	3	4	5	6
1. Снижение (—), повышение (+) себестоимости 10 ткм в коп.	-1,83	-3,15	-1,88	-0,83	+3,76	+0,89

1. С. Р. Лейдерман. Анализ влияния эксплуатационно-технических измерителей на производительность и на себестоимость работы автомобилей. М., 1949; его же. Эксплуатация грузовых автомобилей. М., 1966; Л. Л. Афанасьев. Автомобильные перевозки. М., 1959.

16 Ученые записки. XV

	1	2	3	4	5	6
--	---	---	---	---	---	---

2. Общая сумма снижения себестоимости — тыс. руб.	— 402,6	— 778,6	— 497,4	— 239,4	— 960,8	+ 237,4
3. Разница в расходах в связи с изменениями уровня использования общего пробега — тыс. руб.	— 333,4	— 580,5	— 396,4	— 352,7	+ 1057	— 277,0
Отношения строки 3 к строке 2 — %.	82,8	74,5	79,7	147	120	

Из таблицы 4 следует, что изменение уровня использования пробега оказывает решающее влияние на себестоимость.

Ухудшение условий 1969 г. отразилось и на сумме доходов управления. Невыполненный объем перевозок в обратном направлении в расчете на разницу фактического и скорректированного по условиям предыдущего года пробега и достигнутой в 1969 г. выработке на километр пробега составил 28424 тыс. ткм. Управление недополучило вследствие этого доходов в сумме 1590 тыс. руб. Дополнительные расходы на такой объем перевозок в обратном направлении составили бы по нашему подсчету 265 тыс. руб., а прибыль — 1325 тыс. руб. С учетом этой недополученной прибыли и удорожания себестоимости выполненных перевозок против уровня ее в прошлом году финансовый результат по управлению ухудшился на 2382 тыс. руб. Эта сумма превышает норматив оборотных средств более чем в 3,5 раза.

Изменения условий перевозок в Туве частично были учтены Министерством автомобильного транспорта при утверждении Тувинскому транспортному управлению годового плана и последующих его корректировках. В результате сумма удорожания себестоимости по отношению к плановой в 1969 г. составила 900,2 тыс. руб., что на 156,8 тыс. руб. меньше, чем фактическая себестоимость предыдущего года. В плане неправильно также была определена сумма доходов (занижена), что дало управлению возможность компенсировать часть перерасходов по себестоимости сверхплановыми доходами. Однако план прибылей не был выполнен, недовнесено в госбюджет 1064,3 тыс. руб. прибыли, а предприятия в течение 1969 г. испытывали финансовые затруднения и в конце года недостаток оборотных средств составил 105,6 тыс. руб. В связи с этим некоторые предприятия были переведены на особый режим кредитования (Хову-Аксынское — на 13 месяцев, Чаданское — на год, Кызыльское грузовое № 3 — на 9 месяцев).

В результате невыполнения плана по прибыли пять АТП недоначислили фонды предприятия в сумме 209,6 тыс. руб., а три не начисляли их вовсе, тогда как в плане были предусмотрены

рены отчисления в сумме 142,3 тыс. руб. Всего за год недочислено фондов предприятия 351,9 тыс. руб.

Приведенные факты позволяют считать, что ввиду больших колебаний уровня использования пробега, не поддающихся предварительному учету, и столь значительных последствий их экономическое регулирование с помощью рентных платежей, устанавливаемых оценочным путем на год, может оказаться недостаточным. Серьезным препятствием распространению такой системы регулирования служит отсутствие информации о направлении заявленных перевозок (не говоря уже о перспективных)¹. Поэтому предложенная М. П. Улицким методика составления текущего плана перевозок и расчета платежей за выгодность размещения разработана на условном примере.

Автотранспортные предприятия и управления не учитывают раздельно и расчетно не определяют долю доходов и прибыли, получаемых за счет повышения коэффициента использования пробега от изменения грузопотоков. Это лишает возможности выделить в каждом конкретном случае «нетрудовую» прибыль АТП или определить долю уменьшения рентабельности из-за недоработок самого предприятия при снижении коэффициента использования пробега. Прибыль, происходящая от независящего от АТП изменения грузопотоков и несовершенства тарифов, понижает материальную заинтересованность его в улучшении производственных показателей. Недостаточные доходы в случае изменения грузопотоков в худшую сторону делают невозможным нормальное функционирование производства и ухудшают выполнение его финансового плана. В случае резкого изменения грузопотоков предприятие может оказаться не в состоянии продолжать производство без финансовой помощи извне.

Эти нежелательные последствия могут быть устранены дополнением Единых тарифов внутритранспортными Расчетными тарифами.

Поскольку выяснена основная причина колебаний рентабельности АТП, можно утверждать, что Расчетные тарифы обеспечат возможность экономического регулирования работы и рентабельности АТП в том случае, если они будут основаны не на индивидуальной или групповой себестоимости, против чего справедливо возражает М. П. Улицкий², а на основе расчетной себестоимости, принятой при утверждении действующих тарифов, но скорректированной на односторонние перевозки.

¹ М. П. Улицкий, указ. соч., стр. 134.

² М. П. Улицкий, указ. соч., стр. 12.

Обязанность автотранспорта выполнять заявленные перевозки, обеспечивающие полное использование пробега, обуславливает необходимость дополнения действующих тарифов, учитывающих интересы отрасли и народного хозяйства в целом. Расчетными тарифами, построенными с учетом загрузки автомобиля только в головном направлении и пропорциональной компенсации дополнительных расходов АТП при увеличении коэффициента использования пробега сверх 0,5. Они должны также учитывать нормальную прибыль к сумме дополнительных расходов АТП по перевозке обратных грузов. С их помощью транспортное управление обеспечит своевременное регулирование доходов АТП в случаях необеспечения, в заявленных ему перевозках заданного в Единых тарифах уровня использования пробега. Применение Расчетных тарифов сделает невозможным оседание на счетах АТП прибыли, не связанной непосредственно с их усилиями, приведет к правильному формированию их доходов. Введение Расчетных тарифов практически означает возможность перевода на хозрасчет транспортных управлений, трестов и объединений, что не удалось при организации централизованной диспетчерской службы и подобных ей форм централизации перевозок.

Таким образом будет достигнуто сочетание интересов отрасли в целом и каждого автотранспортного предприятия в отдельности.

С. Г. Кляшторный, И. У. Самбу

НОВАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ В УЛУГ-ХЕМСКОМ РАЙОНЕ

Летом 1970 г. 4-й отряд Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР во главе с И. У. Самбу вел работы на правом берегу р. Улуг-Хем, у южных склонов Уюкского хребта. В долине притока Улуг-Хема, р. Демир-Суг, в 1,2 км от ее устья, расположена могильник из группы курганов скифского, гунно-сарматского и кыргызского времени. На третьей террасе р. Демир-Суг, в лощине, замкнутой с трех сторон предгорными холмами и открывающейся на запад, к руслу реки, была обнаружена стела, установленная в четырехугольной каменной рытвиде (размеры выкладки — 1×0,8 м). Стела из плотного темно-красного песчаника (1,45×0,5×0,2 м) была ориентирована широкими гранями по линии С-Ю. на узкой восточной ее грани вырезана руническая надпись. В настоящее время стела находится на базе СТЭАН в г. Кызыле (см. рис. 1).

Надпись открывается тамгой (в 0,3 м от нижнего основания стелы), вслед за ней следует 10 глубоко врезанных крупных рунических знаков (размер знаков — 0,05—0,08 м), которые мы обозначили как первую строку надписи.

Выше расположены еще две строки из более мелких и не всегда отчетливо прослеживаемых знаков (размер знаков — 0,02—0,03 м); в верхней (второй) строке 30 знаков, в нижней (третьей) строке — 20. Каких-либо палеографических отличий от тувинского варианта енисейского дуктуса рунического письма надпись не обнаруживает (см. рис. 2).

Транскрипция текста:

- (1) бег сацун эр атым
- (2) сацун тутук бен уры (?) учү... (2 знака) бену тике бердим
- (3) кек тेңрите күн ай азыздым

Рис. 1.

Фото изображения, полученного с помощью
спектрального сканирования (спектральный
спектрометр) в диапазоне от 400 до 700 нм

Рис. 2.

Перевод:

- (1) мое мужское имя Бег-сангун
- (2) Я, сангун-тутук, для (своего) мужского потомства (сына?) воздвиг (этот) вечный памятник.
- (3) солнце и луну на голубом небе я не стал ощущать (т. е. умер).

Примечания:

1. Различия в понимовании героя надписи (Бег-сангун и сангун-тутук) здесь вряд ли существенны, так как оба варианта имени состоят из титулов, один из которых (бег) указывает на принадлежность к родоплеменной аристократии, а другой (тутук) — к высшей администрации государства. Сочетание *эр атын* мы предпочитаем переводить не «геройское имя», а «мужское имя»; последнее вернее, так как подросток обыкновенно менял свое детское имя на мужское в шестнадцать лет¹.

2. Обычное *берты* (*лиз*) здесь *бердим*. Об установке памятника уворится от первого лица, и повествование является выражением посмертной воли героя, в честь которого сооружен памятник².

Содержание надписи достаточно трафаретно, и ее нельзя выделить из круга енисейской эпиграфической эпиграфики VIII—XII вв. Состоящее из титулов почетное имя ее героя, Бег-сангун-тутук, ранее в енисейских надписях не встречалось, хотя каждый из этих титулов достаточно распространен.

Датировка памятника, как и датировка других памятников Енисея, весьма затруднительна. Датирование по палеографическим признакам оказалось недостоверным, и лишь благодаря работам Л. Р. Кызласова, применившего археологические критерии, удалось вполне основательно датировать большую часть памятников IX—XI вв. Вместе с тем, тот же исследователь предпринял опыт датировки каждого отдельного памятника как относительно друг друга, так и по абсолютной хронологической шкале. В основу датировки отдельных памятников Л. Р. Кызласов положил разработанную им типологию тамговых знаков, сопутствующих эпиграфическим надписям³.

Главной предпосылкой возможности таких дифференцированных датировок является выдвиннутое им положение о личном (точнее лично-семейном) характере тамг. «Анализ собранных нами тамгообразных знаков,— пишет Л. Р. Кызласов,— приводит к выводу, что эти знаки являются личными и что их эволюция в своих основах совпадает с классификационным принципом известных, распространенных в синхронное время (Х—XII вв.) на Руси так называемых знаков Рюриковичей»⁴.

¹ Ср.: С. Каяшторий. По поводу интерпретации Уланкомской надписи. СА, 1963, № 4, стр. 293.

² Ср. с аналогичной формулой в памятнике с Элегеста (С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952, стр. 26).

³ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, № 3, стр. 93—120; его же. О датировке памятников енисейской письменности. СА, 1965, № 3, стр. 38—49; его же. История Тувы в средние века. М., 1959, стр. 114—116.

⁴ Л. Р. Кызласов. Новая датировка..., стр. 105—106.

И далес, по поводу тамги на памятнике из Кызыл-Чираа (№ 43 по С. Е. Малову); «Другой человек точно такой тамги в то время иметь не мог: отсюда обязательное изменение фамильной тамги у наследников»¹. Итак, «серии взаимосвязанных тамг, отличающихся незначительными деталями, доказывают личный характер каждой тамги, связанной вместе с тем со своей семейной группой»².

Очевидно, что основой предложенной Л. Р. Кызласовым датировки памятников по поколениям, разница в годах между которыми принята 30 лет, является утверждение о том, что конкретный тамговый знак мог фигурировать на тех или иных погребальных стелах только один раз³. Заранее отводя контраргумент о совпадении тамговых знаков на различных стелах⁴, Л. Р. Кызласов справедливо отмечает, что тюркологи, издававшие енисейские надписи, не придавали значения тамгам, не всегда их фиксировали и часто не обращали внимания на мелкие признаки, различающие тамги⁵.

Найдка Демир-Сугской надписи заставляет вновь обратиться к проблеме принадлежности тамг и их значения для датировки надписей. Дело в том, что тамга этого памятника во всех деталях совпадает с тамгой пятого Чая-Хольского памятника, имя героя которого — Тюз-бай Кюч-барс⁶. Чая-Хольская тамга зафиксирована самим Л. Р. Кызласовым и учитывается нами по его прорисовке⁷.

Появление и семантическая эволюция тамги у кочевых племен Центральной Азии, прежде всего тюркских и монгольских, связаны с возникновением и развитием института собственности на скот. Основное значение этого слова в большинстве тюркских языков — «ставро, знак собственности, которым клеймится скот»⁸. Только в этом значении зарегистрирован термин в енисейских надписях: *тамкалы ыбылы* «табун, отмеченный клеймом», *тамка ат-* «клейменая лошадь»⁹. Все известные источники, в той или иной мере сохранившие древнетюркскую традицию, зафиксировали употребление тамг в качестве родовых или племенных знаков собственности. Так, Махмуд Кашигарский (XI в.) пишет о тамгах огузских племен: «Все эти знаки являются клеймами их скота и лошадей, и при смещении животных каждый род (баты) по этим приметам узнает при осмотре свою скотину и лошадей»¹⁰. Вместе с тем, тамга превращается

¹ Там же, стр. 109.

² Л. Р. Кызласов. О датировке..., стр. 44.

³ Л. Р. Кызласов. Новая датировка..., стр. 111.

⁴ Ср., например, замечания И. А. Батманова («О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности». УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, 1963, стр. 299—300).

⁵ Л. Р. Кызласов. Новая датировка..., стр. 105.

⁶ С. Е. Малов. Енисейская письменность..., стр. 39.

⁷ Л. Р. Кызласов. О датировке..., стр. 42, рис. 5.

⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, СПб., 1905, т. 3 ст. 1003—1004; Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб, 1868, стр. 729.

⁹ С. Е. Малов. Енисейская письменность..., стр. 49, 73—74.

¹⁰ Махмуд Кашигарский. Диван лугат ат-турк. МИТТ, т. I. М.-Л., 1939, стр. 310.

в родоплеменной символ. Обе эти функции тамги сохранили у тюркских и монгольских племен и народов вплоть до недавнего времени¹. !

Очевидно если совпадение тамговых знаков на Темир-Сугском и Чаян-Хольском памятниках не получит какого-либо иного объяснения, не следует отвергать версии о родоплеменной символике енисейских тамг. Усложнение каждого прототипа возможно в этом случае объяснить естественной сегментацией родовых (большесемейных?) групп. Впрочем, теми такой сегментации вряд ли отличается от темпа смены поколений. Поэтому датировки памятников по Л. Р. Кызласову сохраняют свое значение, и Демир-Сугский памятник можно датировать так же, как и обнаруженный на небольшом расстоянии от него (несколько километров) Чаян-Хольский — началом X в.²

Однако определение енисейских тамг как родоплеменных символов, а не лично-семейных эмблем крупных феодалов³, делает менее вероятным выделение государства древних кыргызов (по терминологии Л. Р. Кызласова — «древних хакасов») из синхронического ряда древних тюркских государственных образований по степени развитости социальных отношений. Ранним формам феодализма в древнекыргызском государстве сопутствовала та же архаика родоплеменных связей внутри общества, что и у его соседей.

¹ Подробнее см. С. Г. Яляшторий — Древнестюркские надписи на каменном изваянии из Чойрэна (в печати).

² Л. Р. Кызласов. О датировке..., стр. 47.

³ Л. Р. Кызласов. Новая датировка..., стр. 114—115.

М. А. Дэвлет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ТОДЖЕ В 1970 г.

Тоджинский отряд Института археологии АН СССР с участием Тувинского республиканского краеведческого музея летом 1970 г. продолжил начатые в 1969 г. археологические исследования¹. Главной задачей отряда были поиски и раскопки стоянок времени неолита и ранней бронзы. Учитывая малую изученность Тоджинского района, мы уделяли внимание и памятникам других эпох. Весьма заманчивой является перспектива определить местные особенности археологических памятников и на основании их анализа попытаться проследить своеобразие исторического пути тувинцев-тоджинцев.

В настоящее время представляется вероятной возможность обнаружения в Тодже палеолитической стоянки. В 1970 г. на верхней дороге, ведущей из пос. Тоора-Хем в Адыр-Кежиг, между первой и второй полянами, в маленькой седловине метров на 15—20 выше современной поймы р. Тоора-Хем и соответственно на 12—18 м выше уровня стоянок времени финального неолита — ранней бронзы нами был найден кварцитовый отщеп со следами использования. Как сообщил нам сотрудник турбазы «Азас» Д. С. Чат, несколько лет назад при рытье ямы для столба линии электропередачи поблизости от места находки отщеп им был обнаружен на глубине 2 м бивень мамонта, переданный в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Наши отряд в 1970 г. вел раскопки двух стоянок — у пос. Тоора-Хем и на оз. Азас. Стоянка Тоора-Хем была открыта летом 1969 г. Она

¹ См.: М. А. Дэвлет. Археологические исследования в Тодже в 1969 году. УЗ ТННИЯЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970; М. А. Дэвлет, А. В. Ельцов. Работы в Тоджинском районе Тувинской АССР. АО. 1969 г., М., 1970.

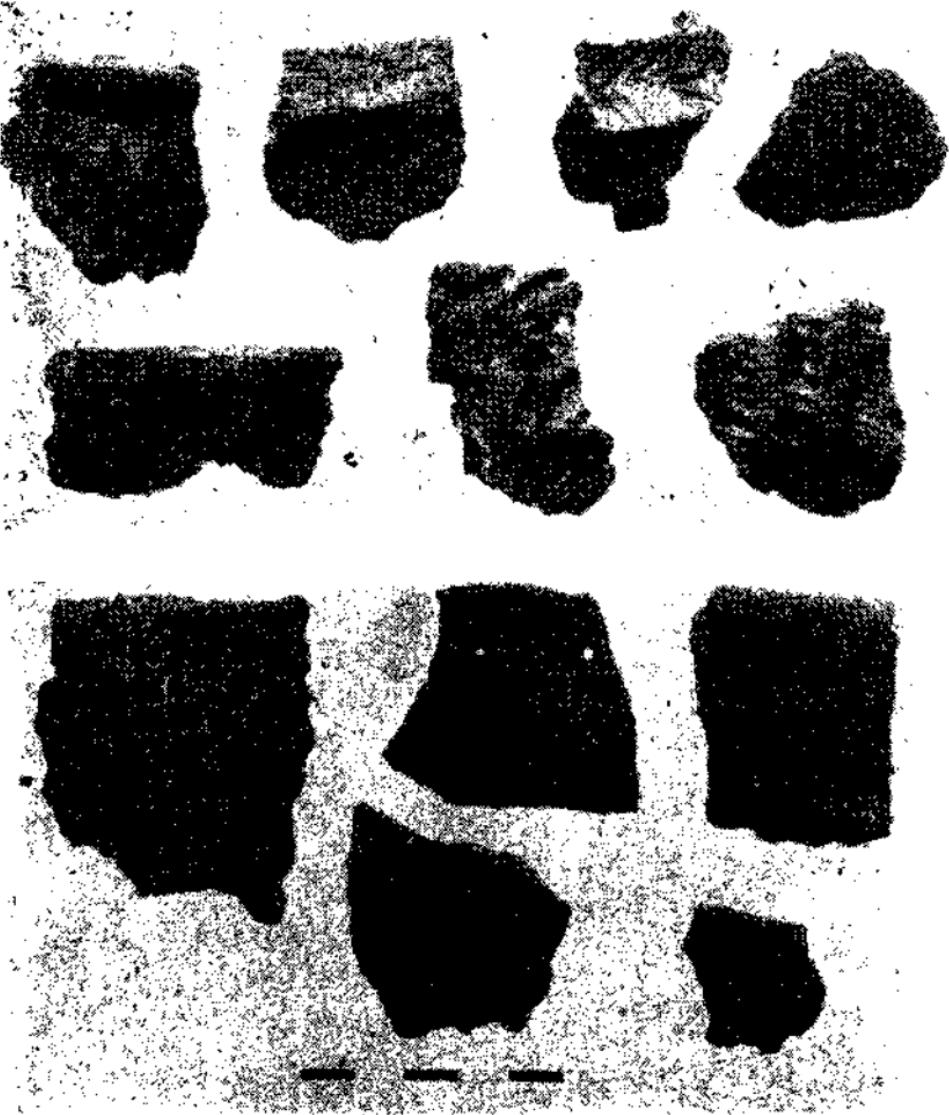

Рис. 1.

расположена на «первой поляне» у дороги, ведущей из районного центра в пос. Адыр-Кежиг на первой надпойменной террасе р. Тоора-Хем, неподалеку от ее впадения в Бий-Хем. Стоянка частично разрушена тремя карьерами, в которых местные жители добывали щебень и гальку для строительных целей. Нами были заложены два раскопа, примыкающие к первому и второму карьерам. В культурном слое мощностью в среднем 0,3—0,4 м обнаружена лишь одна неглубокая западина, в пределах которой прослеживается скопление керамики (рис. 1, 2). Большим количеством черепков представлен сосуд коричневато-розового оттенка архангельского облика, слабо профилированный, со слегка скосенным на-

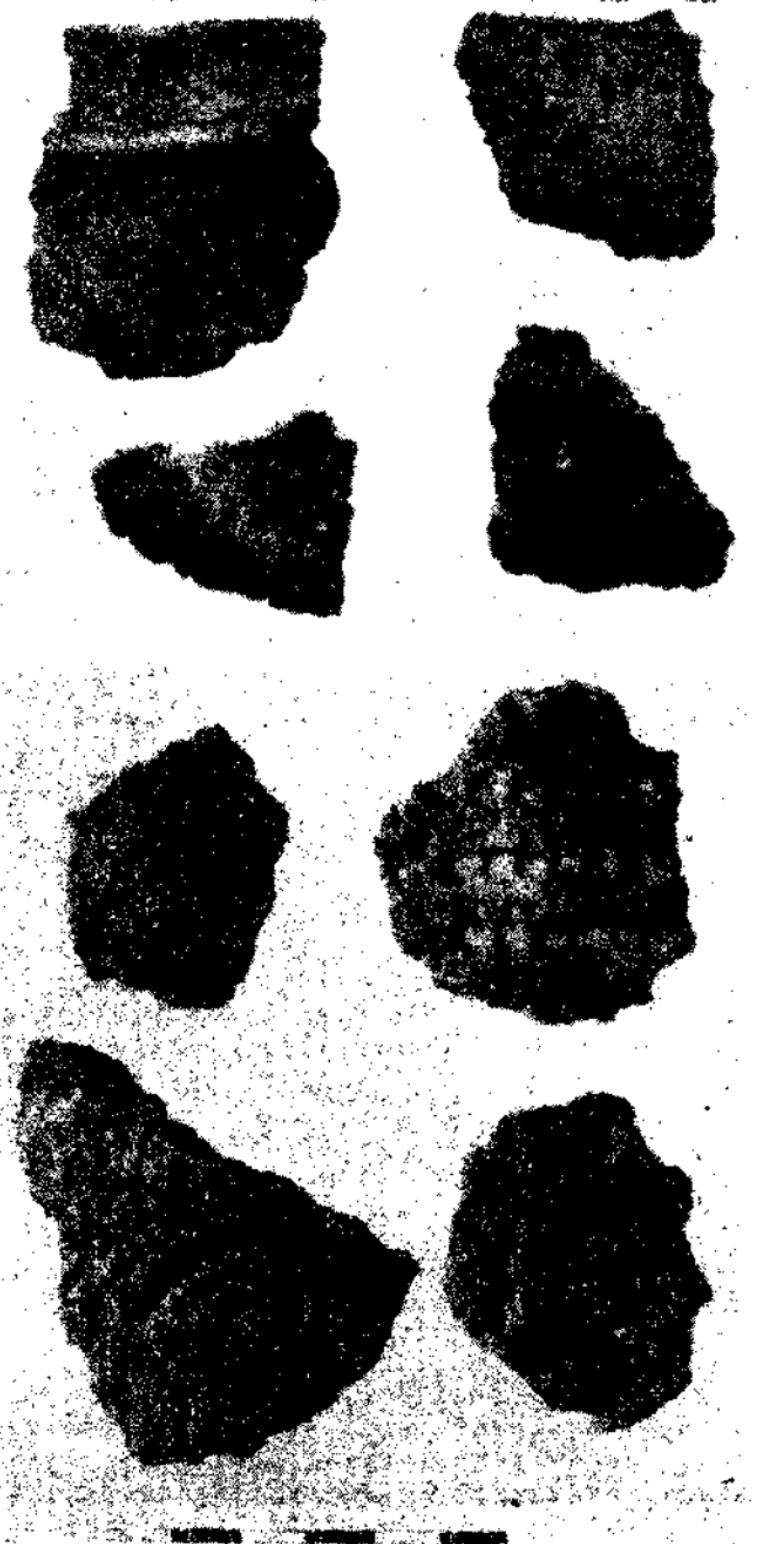

Рис. 2.

— — —

Рис. 3.

ружу обрезом края венчика, орнаментированный отисками гладкого скобчатого штампа. Соединяясь концами, скобки имитируют вертикальную елочку, в результате чего получается пышный узор в виде причудливо раскинувшихся ветвей какого-то экзотического растения. Другой сосуд орнаментирован сходным скобчатым штампом; отличие от предыдущего заключается в том, что скобки прерывистые, не смыкающиеся концами. В Туве, на сопредельных с нею и даже на отдаленных территориях аналогии этим сосудам нам не известны.

Сосуды украшались рядами ямок, орнаментом, выполненным в технике отступающей лопаточки, гребенчатым штампом. Встречаются сосуды с валиком под венчиком, покрытые зубчатым штампом, резными линиями, пунктирным орнаментом. Фрагмент венчика со скосенным наружу краем покрыт резным орнаментом в виде косых крестов, ниже два ряда овальных вдавлений, под ними четыре прочерченные параллельные линии.

Среди кремневого инвентаря¹ многочисленны миниатюрные стрелки — треугольные, ромбические, листовидные, имеются экземпляры с вогнутым

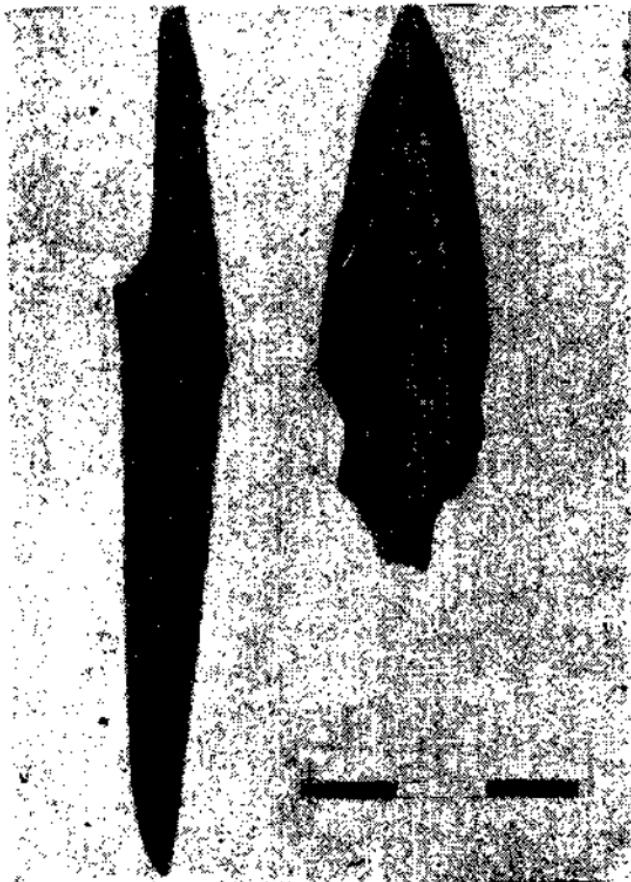

Рис. 4.

¹ Определение материала, из которого изготовлены орудия, произведено старшим научным сотрудником Минералогического музея АН СССР В. В. Якубовой.

основанием; находки пуклеусов и ножевидных пластин единичны (рис. 3). Стоянка на оз. Азас была открыта С. И. Вайнштейном в 1955 г.¹. Культурный слой сохранился не по всей ее площади (она расположена на несколько сот метров вдоль берега протоки, ширина ее не менее 80 м.).

В 1970 г. нами на стоянке было заложено два раскопа. Культурный слой ее — мощностью до 0,9 м. В процессе работы выяснилось, что на втором раскопе имеются впускные погребения гуннского времени. Инвентарь: керамика, каменные орудия, кости животных. Под дерновым слоем обнаружен железный нож и костяной наконечник стрелы (рис. 4). Черепки сосудов украшены гребенчатым штампом, рядами отступающей лопаточки, гусеничными вдавлениями, зубчатым штампом, резными линиями. Встречено большое количество пуклеусов, миниатюрных ножевидных пластин, в том числе ретушированных. Имеются каменные скребки, ножи, проколки, стрелы, ретушированные по всей поверхности вкладышами.

Памятники скифского времени исследовались на правом берегу р. Тоора-Хем в пункте, который местное население называет «второй поляной». Курганская группа, состоящая из семи курганов с оплавившими подквадратными земляными насыпями, была открыта нами летом 1969 г. Курганы располагаются в 150 м от реки по обе стороны дороги, ведущей из пос. Тоора-Хем в пос. Адыр-Кежиг. Нами были исследованы два из них.

Курган № 1 — последний в данной группе по направлению к пос. Адыр-Кежиг, находится слева от дороги. На поверхности земли он отмечен насыпью высотой 0,45—0,5 м и диаметром 10 м. Под насыпью в юго-западном секторе, частично заходя в северо-западный и юго-восточный, протянулась с СЗ на ЮВ узкая выкладка из камней. Могильная яма неправильной подчетырехугольной формы 2×3 м, глубиной 0,65 м—0,7 м. Длинная ось могилы проходит с ЮЮЗ на ССВ. Стенки могильной ямы ничем не укреплены. Обгоревшие куски дерева, очевидно, от перекрытия, встречались в могиле на разных уровнях, а также на бортах могилы. В яме останки двух погребенных. Могила ограблена, большая часть костей отсутствует, остальные находились на разных уровнях, в частности, сильно истлевший череп человека был обнаружен в юго-западной части могилы, на глубине 0,5 м. На разных уровнях найдено несколько каменных бусин. Кроме того, в могиле обнаружен белый квадратовый ромбовидный наконечник стрелы и кремневая пластинка. По близости от кургана была обнаружена стоянка с культурным слоем, содержащим каменный инвентарь и керамику, аналогичную найденной на стоянке на «первой поляне». Таким образом, представляется очевидным, что каменная стрелка и ножевидная пластинка попали в могильную яму из культурного слоя стоянки при засыпке могилы землей, взятой на территории стоянки.

¹ Названа им Тонмакской «по речке Тонмак». Однако такой речки там нет. Мы именуем эту стоянку Азасской.

Курган № 2 расположен справа от дороги, ведущей в пос. Адыр-Кежиг. На поверхности земли курган отмечен насыпью диаметром 13 м., максимальной высотой 0,6—0,7 м. В центральной и южной части насыпи глубокие захоронения — следы грабительской мины. Под земляной насыпью — выкладка из обломков скал и булыжника, преимущественно в юго-восточном и северо-западном секторах, которая частично заходит в северо-восточный и юго-западный секторы. Между камнями находился череп лошади. После снятия каменной выкладки на уровне древнего горизонта четко обозначился овал из камней. Между камнями, обрамляющими могильную яму, встречались отдельные куски обугленного дерева, очевидно, от перекрытия могилы. Могильная яма длиной 3,4 м., шириной 2,7 м., глубиной 0,85 м. вытянута с СВ на ЮЗ. В могиле на разных уровнях остатки обгоревшего дерева, в северо-восточной части прокаленная земля приобрела красно-бурый оттенок, побывавшие в огне камни стали очень хрупкими. Кости скелетов также частично обгорели.

В могиле — останки 5 погребенных, кости которых потревожены грабителями. Только кости двух скелетов сохранили относительный анатомический порядок. Один из них — скелет взрослого человека — находился в северо-восточной части могилы в положении скорченном на боку, головой на С с вытянутыми вдоль тела руками. Другой — скелет подростка — в южном углу могилы в положении скорченном на боку, головой на ЮЗ. От остальных скелетов кости сохранились лишь частично.

При погребении богатый инвентарь: оружие (бронзовый кинжал, наконечник стрелы, меховой мешочек с бронзовыми стрелами, из которого торчали 10 древков), орудия (3 ножа), украшения (бляшки в виде бронзовых фигурок животных, стеклянные и каменные бусы, застежки, подвеска из клыка кабана), остатки одежды (рис. 5—8).

Наконечник стрелы ромбический по форме, с внутренней втулкой. Для уюкской (казылганской) культуры Тувы характерны черешковые стрелы — трехперые, трехгранные, трехлопастные, втульчатые трехгранные¹.

Кинжал имеет прямое навершие в виде узкого валика, округлого в сечении. Рукоять гладкая, в разрезе линзовидная, сужается в середине. Перекрестье крыловидное, с загибающимися вверх концами, очень узкое, малорельефное. Клинок листовидный, сравнительно узкий, ромбический в сечении. Валиковые навершия в скифскую эпоху были широко распространены в сочетании с различными формами перекрестий. Аналогичные кинжалы мы находим лишь среди тагарских древностей, где известны почти тождественные экземпляры (с подобными рукоятями, узкими, крыловидными перекрестиями и листовидными клинками). В качестве примера можно привести кинжалы из раскопок А. И. Мартынова в 1961 г. (Ягуяя, кург. 10, мог. 1) и из раскопок Красноярской экспедиции в 1964 г. (Заготзерно, кург. 1). Последний из упомянутых кинжалов

¹ М. Х. Маниай-оол Тува в скифское время, М., 1970, стр. 53—54; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМУ, 1958, № 4, табл. II.

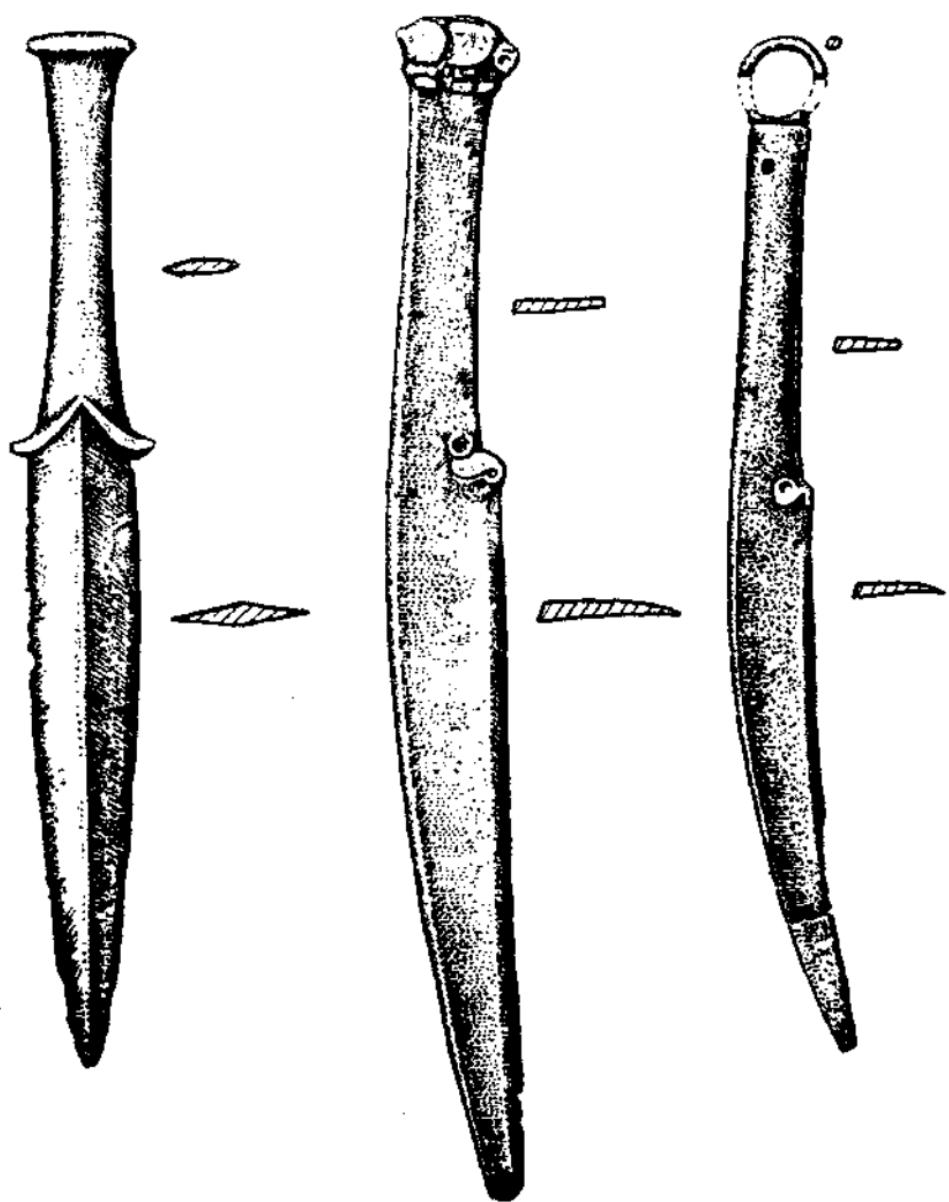

Рис. 5.

Рис. 6.

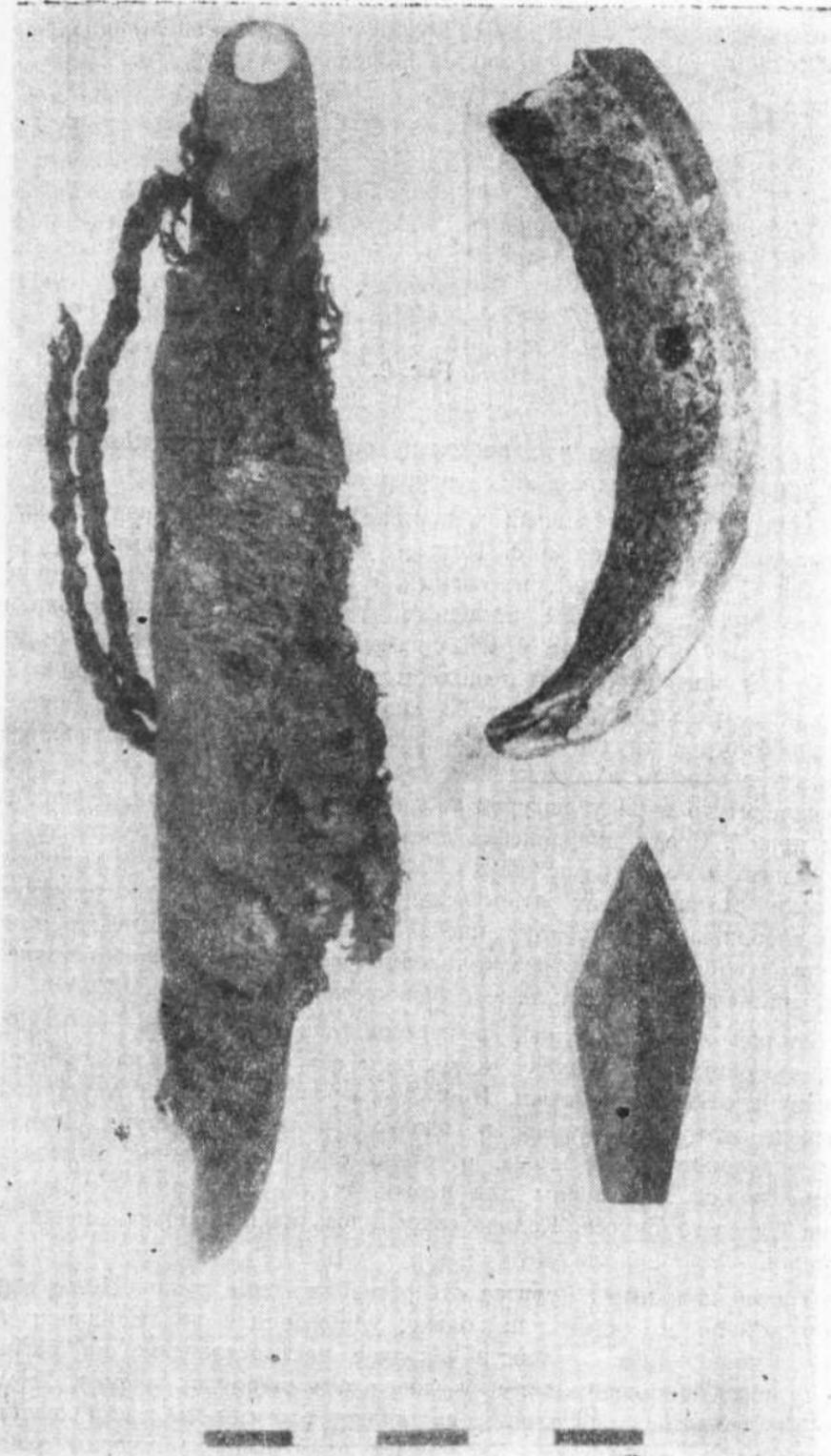

Рис. 7.

Рис. 8.

особенно интересен для нас, поскольку он был найден в комплексе с ножом, имеющим навершие в виде фигурки кабана.

Один из трех найденных в кургане ножей имеет навершие в виде фигурки стоящего животного. Нож — дугообразнообушковый (по классификации С. В. Киселева), массивный, с гладкой ручкой. На уступе при переходе ручки в лезвие помещена головка грифона. Фигурка стоящего животного на конце ручки приземиста, лишена деталей, очертания ее округлы, ноги укорочены и находятся на одной линии с мордой, бедро и лопатка выделены рельефом. В сильно уплощенной, потерявшей пропорции фигурке трудно угадать какое-то конкретное животное, однако ее следует считать изображением кабана, поскольку она занимает определенное место в ряду фигурок кабанов, помещавшихся на ручках тагарских ножей. Среди минусинских древностей этих ножей свыше ста, одни нож известен нам из раскопок СТЭАН в Туве. Фигурки кабанов стилистически различны: от относительно реалистичных до схематических, деградировавших, подобно данцой. У большинства тагарских ножей с фигуркой кабана ручка орнаментирована или же ее украшает узкий продольный желобок. Кончик лезвия данного ножа обломан.

Второй нож, найденный в кургане, относится к группе вкладышевых, имеющих полуручуку, в которую вставлялось шило с навершием, в данном случае кольчатым. Нож дугообразнообушковый с уступом при переходе от ручки к лезвию и головкой грифона на уступе. Лезвие, как и у описанного выше ножа, отточено с одной стороны. Вкладышевые формы ножей характерны для первой стадии тагарской культуры бассейна Среднего Енисея. Кольцо сохранилось не полностью, кончик лезвия обломан.

Третий нож имеет круглое отверстие на конце ручки. Ножи с навершием в виде отверстия или кольца, удобные для подвешивания на ремешке, получили в древности широкое распространение на различных территориях, бытовали они и у юкских и тагарских племен. Характерную особенность данного ножа составляет отогнутость конца лезвия, так называемая «хвостатость». «Хвостатые» ножи были характерны для карасукской культуры — эпохи расцвета бронзового века.

Высказывалось мнение, что «хвостатость» являлась следствием проковки лезвия после отливки, что подобное явление вызывалось необходимостью увеличить посредством вторичной оттяжки сточенную рабочую поверхность лезвия¹. В. В. Волков выступил против этой точки зрения, поскольку на отдельных ножах из Южной Сибири и Монголии отчетливо виден литейный шов, проходящий до конца лезвия, который исчез бы при отковке². «Хвостатость» В. В. Волков считает дальневосточной чертой, ибо в Южной Сибири таких ножей найдено немного и у них изогнутость лезвия проявляется в меньшей степени, в то же время во Внутренней Монголии и в Аньиане «хвостатые» ножи довольно многочисленны, они известны в Северном Китае, Монголии, Забайкалье. В Туве «хвостатые» ножи встречались не только в карасукское время, но и в скифскую эпоху³. Рассматриваемый нами нож дошел до нас в частично сохранившемся кожаном чехле с шерстяным ремешком для подвешивания.

Украшения представлены бронзовыми фигурками животных, каменными и стеклянными бусами; подвеской из клыка кабана.

Бляшка в виде стоящего кабана имеет нутельку на обратной стороне. Зверь представлен с опущенной головой и тупым рылом, характерная холка обозначена уступчиком. Глаз намечен круглым углублением, ухо — продолговатым. Фигурки кабанов, трактованные в близкой манере, широко известны в скифском мире, например, в Восточном Казахстане, где они вырезались из золотой фольги. Рассматриваемая фигурка стилистически близка к реалистической группе изображений кабанов на тагарских ножах. Однако бляшечка в виде кабана среди минусинских древностей нам не известна, между тем такими бляшками был обширен кожаный пояс из раскопок С. И. Вайнштейна у горы Казылган, Обстоятельство, что находка бляшки в виде фигурки кабана не единична в Туве, весьма существенно при решении вопроса о происхождении тоджинских бронз.

Вторая бронзовая фигурка настолько схематична, что не представляется возможным определить, какого зверя пытался изобразить древний мастер. Не исключено, что это также фигурка кабана, только совершенно деградировавшая.

Белые каменные бусы в виде удлиненных, укороченных и коротких цилиндриков были нашиты на ткань в два ряда. Такие бусы в скифское время встречаются как в Туве, так и на сопредельных территориях, особенно характерны они для тагарской культуры Среднего Енисея.

Своеобразны крупные круглые стеклянные бусы голубого цвета с белыми пастовыми глазками. Подобные бусы в античном мире и у

¹ М. Д. Хлобыстин. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1963, стр. 8; ее же. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, стр. 17.

² В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, стр. 14.

³ М. Х. Манин-оол. Указ. соч., стр. 48, рис. 7; С. И. Вайнштейн. Указ. соч., стр. 14, рис. 6.

собственю скифов не известны. Глазчатые стеклянные бусы встречаются в погребениях Средней Азии и Казахстана, откуда они, по мнению М. Х. Маннай-оола, в результате межплеменного обмена попадали в Туву¹. Обнаруженная в погребении ткань — шерстяная, сложного плетения, изготовлена на вертикальном ткацком станке.

На основании анализа погребального инвентаря курган № 2 на «второй поляне» датируется VI в. до н. э. Скорее всего к этому же времени относится и курган № 1, линчевый датирующий инвентарем.

Оружие, орудия, украшения из кургана № 2 имеют ближайшие аналогии среди минусинских древностей. При всем сходстве инвентари этого кургана с тагарскими бронзами, доходящем до тождества, все же выявляются отдельные особенности, которые, по нашему мнению, следует объяснить, исходя из специфики местного развития бронзолитейного дела в древней Туве. Это прежде всего «хвостатость» ножа и оформление бронзовых фигурок кабана в виде бляшек. В то же время обряд погребения скорчено на боку и такая особенность погребальных конструкций, как каменные выкладки под земляными насыпями, вовсе не характерны для бассейна Среднего Енисея — области распространения тагарской культуры, но встречаются в скифское время в бассейне Верхнего Енисея на территории современной Тувы. Специфической особенностью тоджинских погребальных памятников по сравнению с курганами скифского времени Верхнего Енисея можно считать подквадратную форму земляных насыпей, в то время как земляные курганы в других районах современной Тувы имеют насыпи округлые в плане². Подквадратную форму насыпей у земляных курганов в Тодже мы наблюдали в окрестностях пос. Адыр-Кежиг, в бассейне р. Эн-Суг, неподалеку от оз. Доруг-Холь, на левобережье р. Ий. Другая особенность тоджинских курганов заключается в том, что стени могильных ям не укреплены деревом, имеются только перекрытия в виде деревянного наката. До нас перекрытия дошли фрагментарно: они сильно обгорели в погребальном костре, который разводился в могиле перед ее засыпкой.

Поскольку металла в значительной степени космополитичен, а погребальный обряд является важнейшим этнокультурным признаком, можно заключить, что Тоджа в скифскую эпоху входила в ареал уюкской (калыганская) культуры, что курганы «на второй поляне» следует рассматривать как памятники локального варианта этой культуры.

Памятники гуннского времени, исследовавшиеся в период полевого сезона 1970 г., представлены групповым могильником на стоянке Азас I. В культурном слое стоянки на раскопе 2 обнаружены могилы шурмакской (сыныч-чурекской) культуры. В 1969 г. в этом пункте в обрыве берега был найден сосуд вазообразной формы с «арочным» орнаментом, находившийся, по всей вероятности, при разрушенном погребении данного могильника. Нами исследовано семь погребений: три погребения взрослых и четыре детских.

¹ М. Х. Маннай-оол. Указ. соч., стр. 74.

² М. Х. Маннай-оол. Указ. соч., стр. 9.

В неглубоких грунтовых могилах подчетырехугольной формы, обложенных по бокам узкими плахами, скелеты лежат скорченно на правом боку, головой на СВ. В качестве покрытия применялась береста, в засыпке использовался камень. Детские погребения ориентированы на С и СЗ, один ребенок лежал скорченно на левом боку. Инвентарь сопровождает все погребения взрослых, при детских погребениях вещи отсутствуют. Только при одном скелете ребенка пайлен миниатюрный ножик. Керамика представлена двумя «плошками», сделанными из нижних частей плоскодонных горшков, и одним миниатюрным вазообразным сосудом с обломанным венчиком. Обнаружены также ножи железные черешковые, стрелы железные трехперые, поясная круглая железная бляха с язычком, булавка костяная (судя по положению у затылочной части, она была принадлежностью головного убора).

Курган середины I тыс. н. э. раскопан нами на горке, разделяющей стоянки Азас I и Азас II. Он находился на южном склоне холма, обращенном к протоке, соединяющей озеро Азас и озеро Хочжир-Холь. На поверхности земли курган отмечен отдельными выступающими из-под дерна камнями. После снятия дернового слоя, была расчищена каменная выкладка. Под насыпью две могильные ямы, ориентированные длинными сторонами с СЗ на ЮВ. Могилы перекрыты жердями, обложены по краям бревнами. Могила 1 прямоугольной формы, длина 1,3 м, ширина 0,85 м. Могила 2 трапециевидной формы, длина 1,2 м, ширина в головах 0,85, в ногах 0,6 м.

В могиле 1 были похоронены два человека в скорченном положении, один на правом, другой на левом боку, лицами в противоположные стороны, головами на СЗ. Приходится удивляться, как в такую маленькую могилу удалось втиснуть двух взрослых людей. При каждом скелете был сопровождающий инвентарь: железный черешковый нож и железные наконечники стрел, трехперые и трехгранные.

В могиле 2 похоронены два человека головами на СЗ. У левой стенки могилы находился скелет, сохраняющий анатомический порядок, в скорченном положении на правом боку. Кости скелета у противоположной стенки могилы в значительной части отсутствовали. При погребенных, в области таза лежали железные стрелы и сильно коррозированный неразличимый предмет. Следует отметить прекрасную сохранность непотревоженного перекрытия могилы. В данном случае мы, по-видимому, имеем дело с обрядом перехоранивания покойников, о котором сообщают китайские летописи¹.

Разведкой были открыты три курганные группы в районе пос. Адыр-Хекиг, цепочка больших курганов с подквадратными земляными насыпями недалеко от оз. Доруг-Холь, курган с каменной насыпью в пос. Салдам. Группа курганов с насыпями из земли и тальки обнаружена на окраине пос. Севи.

Дальнейшие археологические исследования в Тодже позволят приоткрыть новые страницы неписаной истории этого своеобразного края.

¹ См. Бүчүрин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М., 1951, стр. 230, 353.

А. М. Мандельштам

МОГИЛЬНИК АЙМЫРЛЫГ

Одним из объектов исследований СТЭАН в 1968—1970 гг. являлся могильник, расположенный в местности Аймырлыг между гор Карабей и Еош-Даг, характеризующийся не только большими размерами, но также сравнительно четкой внутренней структурой: он распадается на ряд групп погребальных сооружений, следующих друг за другом в направлении с С на Ю, вдоль края террасы р. Чая-Холь. Внутри групп обычно прослеживаются более или менее явственно выраженные цепочки, вытянутые также в указанном выше направлении. Внешний облик наземных частей погребальных сооружений неодинаков, наблюдается различие между северной и южной половиной могильника: в первой преобладают пятна интенсивно окрашенной растительности (иногда с западиной в средней части) при ограниченном количестве камней, во второй же встречаются преимущественно пятна с многочисленными камнями вокруг них и различные каменные курганообразные сооружения.

Основная масса сооружений относится к «скифскому» периоду: это глубокие ямы со срубами различных размеров, многочисленные каменные ящики и грунтовые ямы. Наряду с этим в могильнике имеются ограды тюркского времени, так называемые поминальные сооружения «гупто-сарматского» периода и очень интересные курганы нового времени.

Произведены раскопки в 7 группах, входящих в северную половину могильника. Несмотря на то, что большинство срубов ограблено, все же удалось получить четкое представление о конструкции сооружений и обряде погребения, значительные серии различных предметов сопровождающего инвентаря. Удалось обнаружить и сравнительно большое число небогатых срубов: их 18% (9 из 49).

Размеры срубов варьируют, однако преобладают средние по величине — квадратные, с длинной стороны порядка 3 м; в большинстве случаев

они имеют 3, реже 4 венца. Конструкция их обычно однообразна. Но имеются и интересные отклонения, например, срезы бревен нижнего венца для концов пола, состоящего из плах. Перекрытия обычно состоят из массивных бревен, тесно примыкающих друг к другу; иногда на перекрытии имеется также несколько слоев бересты.

Более сложная картина наблюдается в отношении обряда погребения. Ранее исследованные памятники «скифского» времени в Туве позволяли считать, что для срубов типичны скорченное положение погребенных на левом боку и ориентировка их головой на З. На Аймырлыге же имеются многочисленные случаи иного положения и другие варианты ориентировки. При этом различные варианты положения и ориентировки встречаются в пределах одного и того же сруба. Вполне возможно, что по мере накопления новых данных встанет вопрос о необходимости уточнения комплекса явлений, трактуемого как обряд погребения. Некоторые второстепенные вариации в положении скелетов могут приобрести значение в случае достаточной повторяемости и особенно при наличии сочетаний их с иными особенностями. Примером может служить положение ничком, которое привлекало уже к себе внимание археологов разных стран.

Состав сопровождающего инвентаря погребений в сруbach разнообразен. Получена большая серия глиняных сосудов, включающая в себя как ранее известные для «скифского» времени формы, так и некоторые новые. В большинстве своем это горшки различных размеров и, по-видимому, разного назначения: некоторые из них близки к безручным широкогорлым кувшинам, другие могут быть охарактеризованы как крупные кружки. Открытые формы — миски и чаши встречаются редко. Своебразную небольшую группу составляют оригинальные сосуды с глубоким перехватом посередине, возможно, имевшие специальное назначение. Многие сосуды украшены небрежно выполненной росписью геометрического характера, сюжетная роспись до настоящего времени обнаружена только в одном случае. Сравнительно часто встречается рельефный налепной орнамент также геометрического характера: это чаще всего спирали, причем нередко их бывает по четыре на одном сосуде. В единичных случаях представлен также процарапанный орнамент.

В некоторых из исследованных групп могильника наряду с керамикой имеются многочисленные деревянные сосуды. Сохранность их, как правило, очень плохая, но представление о формах составить можно. «Ассортимент» их не менее разнообразен, чем керамики: кроме чаш и мисок различных размеров есть сосуды, сходные с горшками без горловины и др. Многие из них снабжены небольшими ручками. Часто деревянные сосуды стоят один на другом или несколько их на блюде. Наличие в сруbach керамики и деревянных сосудов ставит некоторые интересные вопросы, в частности относительно назначения как тех, так и других в быту и в сопровождающем инвентаре.

Значительной серией находок представлены предметы вооружения. К числу их относятся кинжалы, чеканы, наконечники стрел, остатки колчанов. Среди кинжалов преобладают бронзовые, в основном сходные

между собой, но имеется также некоторое количество железных кинжалов, из-за плохой сохранности сопоставление их с бронзовыми пока затруднено. Чеканы найдены в могильнике в меньшем количестве. Среди них преобладают бронзовые оять-таки сходного типа, но имеются и железные. Следует особо отметить наличие одного экземпляра железно-бронзового чекана.

Многочисленные наконечники стрел принадлежат к нескольким типам; большинство здесь составляют бронзовые, есть костяные, встречаются и деревянные. Наличие значительного числа наборов стрел дает, видимо, возможность установить некоторые критерии для синхронизации отдельных срубов и наметить одну из основ для внутренней хронологии памятника.

Остатки колчанов представляют специфический интерес: кожаные и берестяные части их, как правило, почти не сохранились, но имеются фрагменты деревянных частей, по которым можно судить о размерах и форме колчанов. Есть основания предполагать, что наряду с колчанами, принадлежавшими взрослым, имелись также детские колчаны, отличавшиеся рядом интересных особенностей.

К оружию примыкает группа предметов, связанных с ношением. Это, прежде всего, многочисленные ножи для кинжалов — иногда простые, иногда сложной формы с ремнями и застежками, так называемые колчаные крючки, и другие, назначение которых еще не вполне ясно. Способ ношения оружия, представляющий несомненный интерес для сопоставления с данными других областей скифского мира, предстоит еще выяснить: необходимые для этого материалы уже имеются.

Важную группу находок составляют предметы, связанные с хозяйственной деятельностью и главным образом бытом тех, кому принадлежит рассматриваемый могильник. Наиболее многочисленными из них являются железные и бронзовые ножи, каменные точила, шилья, иголки и др. Тонкая и искусная резьба по кости, гравировка на бронзовых изделиях указывают на наличие наборов специальных инструментов. Разнообразное применение в быту, несомненно, находили изделия из бересты, но остатки их весьма незначительны.

Многочисленную группу находок составляют бронзовые зеркала различных размеров и с различными типами рукояток; некоторые из них украшены рельефными или гравированными изображениями животных. Зеркала иссились в кожаных или меховых футлярах, снабженных ремешками. В ряде случаев найдены многочисленные фрагменты кожаной одежды, сохранившиеся иногда вполне удовлетворительно. Они пока еще не дают достаточного представления о покрасе, но позволяют судить о способах шитья, подбора кусков кожи и т. д. Следует отметить также наличие значительных частей кожаных поясов с бронзовыми пряжками, обоймами, заклепками и т. д. С ними, а также с одеждой и, вероятно, обувью связаны пуговицы и застежки, изготовленные из различных материалов: бронзы, кости, железа.

Большое место в сопровождающем инвентаре занимают различные украшения. Наиболее многочисленны разнообразные подвески: из клыков

кабарги и кабана, зубов марала и других животных, бронзовые, костяные. Судя по условиям находки, функции их были неодинаковы, но конкретно не всегда вполне ясны. Обычными являются также железные булавки, почти всегда находящиеся вблизи от черепа; некоторые из них обтянуты в верхней половине золотой фольгой. Менее многочисленны бусы, встречающиеся чаще всего в области шейных позвонков: среди них представлены каменные (сердолик, нефрит) и стеклянные — глазчатые. В некоторых случаях имеется также бисер. Накопление материала ставит на очередь вопрос об исследовании происхождения некоторых типов бус, возможно, не местного изготовления. Единичны раковины каурн — несомненно, импортные.

К числу редких украшений относятся серебряные серьги с своеобразной сложной нижней частью, по-видимому, некогда содержавшей какие-то вставки. Немногочисленны, но очень интересны фрагменты каких-то украшений из дерева, снабженные резьбой. Золотые изделия сравнительно редки: это главным образом бляшки различной формы или фрагменты их, а также пластинки с отверстиями, видимо, имевшие аналогичное назначение. Бляшки обычно в виде фигур животных и птиц; геометрические фигуры — спирали и другие встречаются реже. Эти предметы представляют несомненный интерес для изучения искусства населения Центральной Азии «скифского» периода. Для этой же цели еще более важны предметы из кости и рога, украшенные тонкой и сложной резьбой. Большинство из них утилитарного назначения — подвески, застежки, пуговицы и др. Основные сюжеты их декора относятся к кругу звериного стиля: здесь представлены сцены борьбы зверей в специфической трактовке, сложные сочетания элементов разных животных и др. Характер костяных предметов позволяет утверждать, что перед нами образцы местного искусства. Целый ряд изображений животных имеется также на бронзовых предметах (крючках, зеркалах и т. д.).

Материалы из срубов сходны с малочисленными материалами из каменных ящиков и грунтовых ям, хотя ряд фактов указывает на то, что последние два вида погребальных сооружений, вероятно, хотя бы частично относятся к несколько более позднему времени, чем срубы. Исходя из принятых точек зрения и возможных сопоставлений с материалами из западных областей степного пояса, исследованные погребения всех трех указанных типов могут быть ориентировочно отнесены к V—III вв. до н. э.; весьма вероятно при этом, что в числе их имеются также и более поздние.

Приведенная выше характеристика основных результатов трехлетних работ на могильнике Аймырлыг является лишь предварительной и далеко не полной. Научная обработка материалов еще не закончена, многие вопросы ждут своего решения. Но на некоторых из них все же следует вкратце остановиться.

Итоги раскопок свидетельствуют о том, что этот могильник является одним из наиболее интересных памятников Центральной Тувы, заслуживающим полного, монографического изучения. Хотя до сих пор велись раскопки почти исключительно только погребений «скифского» времени,

наличие сооружений иных периодов создает благоприятные условия для изучения здесь более обширных этапов исторического прошлого Тувы и Центральной Азии в целом.

Уже имеющиеся сейчас данные позволяют подойти к пониманию таких очень важных явлений, как вариации обряда погребения: есть основания полагать, что это обусловлено факторами, которые ранее не принимались в расчет главным образом ввиду того, что раскопки велись выборочно на разных памятниках.

Материалы Аймырлыга ценные также для разработки другого очень важного вопроса — о характере захоронений в срубах: являются ли они «коллективными», т. е. одновременными или же последовательными? Дальнейшие работы позволят дать на него определенный ответ.

Данные об обряде погребения и составе сопровождающего инвентаря, накапливающиеся в ходе систематических исследований, будут в дальнейшем использованы и для решения еще одного вопроса — о социальном положении погребенных в сруbach. Вполне очевидна и в этом случае важность материалов из одного, систематически исследованного памятника.

М. Х. Сарыкай

СВЕДЕНИЯ О РЕЧИ УСИНСКИХ ТУВИНЦЕВ

В сентябре 1968 года Тувинским НИИЯЛИ была организована диалектологическая экспедиция в с. Усинск¹ Ермаковского района Красноярского края. По данным сельсовета, на его территории живут около 500 тувинцев среднего и старшего возраста.

Усинские тувинцы, издавна, примерно с начала XIX века, вступившие в контакт с русскими, позаимствовали у них многие элементы материальной и духовной культуры и сравнительно хорошо говорили по-русски.

В 1964 году Усинск стал центром созданного на базе колхозов совхоза «Горно-Саянск», население которого занимается животноводством, земледелием и мараловодством.

Животноводы совхоза, которыми являются в основном тувинцы, живут довольно разбросанно. Мы посетили следующие населенные пункты, находящиеся на разном удалении от Усинска: Макаровку (в 8 км), Терешкино (в 17 км), Изюп (в 7 км), Нижний Ус (в 2 км), Нижний Шивилег (в 3 км) и Каа-Хөль (в 156 км).

В этих населенных пунктах живут представители следующих бывших родоплеменных групп: тюлюши, маады, сат, ховалыг, кыргыс, доңгак. Самую многочисленную группу составляют тюлюши, которые переселились сюда из Улуг-Хема и Чая-Холя. Усинские тувинцы с давних пор общаются с тувинским населением Улуг-Хема, Чая-Холя и Пий-Хема.

По специальной программе было опрошено около 40 информаторов. Записаны легенды (5), короткие сказки, песни (2), пословицы, поговорки, загадки (37), благопожелания (20), устная речь и т. д.

¹ В экспедиции принимали участие младший научный сотрудник сектора языка и письменности М. Х. Сарыкай (руководитель); студентки Кызыльского педагогического института З. Б. Монгуш и С. С. Эрелчии.

В данной статье рассматриваются некоторые фонетические, лексические и грамматические особенности речи усманских тувинцев, отличающие ее от литературного тувинского языка.

Фонетические особенности соответствия звуков

Гласные. 1) Соответствие долгих гласных кратким: *агаанак*—*аганак* «белая куропатка», *артыыш*—*артыш* «можжевельник», *хөөрүк*—*хөрүк* «горн, мех (кузнецкий)», *каңгы*—*каңғы* «полынь», *улуу*—*улу* «дракон», *араалылаар*—*аралчаалаар* «идти смешанным аллюром», *эрээмчигей*—*эрэмчик* «паук», *моолдурга*—*молдурга* «теленок на втором году», *хаартыга*—*хартыга* «сокол, ястреб», *шиләэн*—*шилен* «цапля», *улаануут*—*улаанот* «корь», *өөрү*—*өрү* «верх».

2) Соответствие краткого гласного долгому замечено в одном слове *шишек*—*шишжек* «чижик».

3) ы~а: *аный*—*анай* «козленок», *бадыр аяк*—*мадар аяк* «деревянная чашка».

4) ы~ү: *чыңма*—*чүңма* «горный козел», *бырыңгаар*—*буруңгаар* «на хүг», *кылаш*—*кулаш* «маховая сажень (мера длины)», *ылар*—*үлар* «горная юдейка», *дырыйца*—*дүрүяя* «журавль», *тынаалай*—*думаалай* «свадебное головное покрывало (у невесты)», *кылак*—*кулак* «ухо», *киш-кылаа*—*күши-кулаа* «брюсника», *чылар*—*чулар* «узда», *дызак*—*дүзак* «козленок», *дош-гылыыр*—*доштуллур* «балалайка», *сыраар*—*сураар* «искать».

5) у~ы: *бұзаа*—*бызаи* «теленок», *увураа*—*ымыраа* «комар», *чулан*—*чылан* «змея», *хөвүгән*—*хөвигән* «бабочка».

6) и~ү, ү~и: *дилей*—*дүлэй* «глухой», *чиве*—*чүве* «вещь, предмет», *киске*—*үүске* «мыши», *үтүүк*—*иттик* «удод», *сүмележир*—*сүмөлөжир* «советоваться».

7) и~е, ө~и, и~ы: *бىلээك*—*бىلزەك* «кольцо», *иеш*—*ыяиш* «дерево», *элек*—*элик* «косуля».

8) у~о, у~а: *шүүдай*—*шоодай* «мешок», *кожулаң*—*кожалаң* «волосяная веревка».

9) э~ө, ө~и: *эдирек*—*өдүрек* «утка», *дөмөй*—*дөмөй* «похожий», *эдик*—*идик* «обувь».

10) Редукция начальных ы и и перед н: *наа*—*ынаа* «тонкая жердь», *негик*—*инээлик* «стрекоза».

Соответствие согласных. 1) б~м: *борзук*—*морзук* «барсук», *безил*—*мезил* «налим», *баска*—*маска* «молоток», *байыр аяк*—*мадар аяк* «деревянная чашка», *бочурга*—*мокурга* «сережка (тополя)», *бечи*—*мечи* «обезьяна», *балгаш*—*малгаш* «грязь», *айбак*—*аймак* «родовое деление», *бен*—*мен* «я».

Подобное явление распространяется и на русские заимствования: *башына*—*нашина*, *буузей*—*музей*.

Приводится сначала усманская форма, затем — литературная.

2) м~б: *мергэ*~*бергэ* «трудный», *мөрзек*~*бөрзек* «волчонок», *мел*~*бе* «таймень», *мыдыргын*~*быдыргын* «разбросанный», *мес*~*бес* «кандык», *мерү*~*бөрү* «волк», *модагын*~*бодаган* «верблюжонок», *мүрүндүк*~*бурун-дүк* «повод», *нагана*~*багана* «столбик», *муурек*~*бүүрек* «почки», *мөш*~*пөш* «кедр», *мази*~*бази* «также, тоже».

3) м~в (в середине слова): *дээмшиц*~*дээншиц* «потолок», *хемирлиг*~*хевирлиг* «подобно».

4) в~м (в середине слова): *дуван*~*туман* «туман», *девир*~*демир* «железо», *чевиш*~*чемиш* «пища, еда», *эвиг*~*эмис* «грудь», *оваш*~*омаш* «ложка», *дүжүвет*~*дүжүмт* «чиновник», *хывыш*~*хымыш* «ковщик», *хөө*~*гей*~*хөөгөй* «горловое пение», *хөвслээр*~*хемелээр* «кататься на лодке», *Херене*~*Хереме* (наименование местности).

5) ш~ч: *шинчи*~*чинчи* «бусы», *шолукшүүр*~*чолукшүүр* «здороватся друг с другом», *шүшкүүш*~*чүшкүүш* «приспособление для чистки курильной трубки», *шоорган*~*чоорган* «одеяло», *шулгуүш*~*чулгуүш* «приспособление из коровьего хвоста для мытья посуды».

6) ч~ш: *чиви*~*шиви* «ёлка», *чагар-ойт*~*шагар-ойт* «крапива», *чубус*~*шүлбүс* «дьявол».

7) к~х (в начале слова): *кулбүс*~*хүлбүс* «косуля», *кемчег*~*хемчег* «мера», *кун*~*хүн* «солнце», *кува аяк*~*хува аяк* «чашка», *кулчук*~*хүлчүк* «комар», *корум*~*хорум* «надмогильный курган», *кабан*~*хаван* «кабан», *кадың*~*хадың* «берёза», *кырыгыш*~*хырыгыш* «камыш».

8) х~к (в начале слова): *хат*~*кат* «ягода», *хулунчак*~*кулунчак* «жеребенок», *хадак*~*кадак* «шелк», *хазар*~*казар* «копать», *хөдээ*~*көдээ* «деревенский», *хүяңцаа*~*куяңцаа* «болеть ревматизмом», *хүүспряк*~*кымыскялк* «муравей», *хагар*~*кагар* «ударить», *холдуунда*~*колдуунда* «в основном».

х~к (в середине слова): *кусхун*~*кускун* «ворон».

х~г (в середине слова): *зэрхини*~*ээргини* «рябина».

9) с~ш, ш~с: *сагаан-төв*~*шагаан-төв* «тарантул», *шаржаг*~*саржаг* «топленое масло», *шаноар*~*санайр* «считать».

10) ч~й, ч~д, ч~н: *чөрээл*~*йөрээл* «благопожелание», *чанзы*~*янзы* «разный», *чадараан*~*ядараан* «окаянный», *чузажок*~*дүзажок* «бесполезный», *чемежир*~*немежир* «добавляться».

11) л~д, н~м: *дүглээр*~*дүгдээр* «идти на смотрины», *дүнүүк*~*Эүмчүк* «нос».

12) х~с: Название ящерицы в литературном языке употребляется в двух вариантах: *хелеске* и *селеске*. Большинство же усманских тувинцев говорят *хелеске*.

Выпадение согласных. 1) В потоке речи часто наблюдается выпадение согласных *в*, *г*, *м* между гласными: *дооржал*~*довурзак* «тюбетейка», *доорак*~*довурак* «земля, пыль, грязь», *үүзэлзэль*~*үүзэлзэль* «с орнаментом», *сыырга*~*сыырга* «иволга», *хүүскаал*~*хүвискаал* «революция», *шүгэй*~*шивэгэй* «шило», *уураа*~*ымыраа* «комар», *хүиспляк*~*кымыскялк* «муравей».

2) Довольно часто г выпадает и после назализованного к: көңүл ~
көңүгү «бидон», доңгуу ~ доңгуу «чайник», даңына ~ даңына «принцесса».

3) Иногда в начале слова выпадает назализованный ж: ургулайында ~
нургулайында «в большинстве», эмежир ~ немежир «прибавляться».

Эпентеза согласных. В обычной речи усинских тувинцев, особенно у
людей старшего поколения, наблюдается эпентеза согласных п, р, г, й:
опочуула ~ доңчуула «точило», хараапча ~ харагча «обруч (юрты)», кор-
жас ~ кожас «разноцветная лента», коржалаң ~ кожалаң «волосянная лен-
та», шурлең, шурлең ~ шүдүлең «трехгодовалый — о домашних животных»,
даайлылаар ~ даалылаар «играть в домино», ыңгай ~ ыңай «далше».

Протеза согласных. В начале ряда слов появляется протетический
согласный х: харыглаар ~ арыглаар «чистить», хары — ары «пчела, оса»,
хөт ~ от «желчь».

Явления эпентезы и протезы отмечены и в других говорах, например:
чазартынмаан ~ чазаттынмаан «некастрированный», хөрөгө ~ өрөгө «двор
(хозяйство)» и др. в улуг-хемском говоре¹, иртик ~ иттик «удод», «хараап-
чыгай ~ хараачыгай «ласточка» и др. в пий-хемском², а также в тоджин-
ском диалекте³.

Любопытно отметить, что в некоторых монгольских заимствованиях
вместо долгих гласных тувинского литературного языка в речи усищев
употребляется комплекс звуков с интервокальными согласными. Например,
шүгүче «долото» (в тувинском литературном языке шүүче, в старо-
письменном чүүчэ и современном монгольским цүүц в том же значении),
хова «продолговатый чайник» (в тувинском литературном языке хоо, в
монгольском хүү в том же значении). Понятому, шүгүче, хова являются
древними формами, которые, возможно, сохранились до сих пор в ка-
ких-нибудь монгольских говорах в виде чүүчэ, хубо или хобо⁴.

Ассимиляция и диссимилияция согласных. В речи усинцев наблюдается
прогрессивная ассимиляция — уподобление согласных к, т предшествую-
щему согласному ш, с, и т: солушшак ~ солушкак «крест-накрест», өгдеш-
ши ~ өгдешки «надколениник», бышишак ~ бышкак «шкура (мех)», ассак ~
аскак «хромой», чүссүк ~ чүсүк «наперсток», бассыраар ~ баксыраар «ухуд-
шаться, становиться хуже», саассан ~ сааскан «сорока», чассы ~ часкы «ле-
тучая мышь», диссектээр ~ дискектээр «появиться — о ячмене», дашинын-
да ~ даштында «около», «у», «вне», ишишинде ~ ишигинде «внутри».

Редко уподобляется звук б звуку м: домын ~ домбу «чайник (медный)».

¹ Я. Ш. Хертек. Дополнительные данные об улуг-хемском говоре,
УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970, стр. 227—228.

² М. Х. Сарыкай. Некоторые итоги диалектологической экспеди-
ции в Пий-Хемском районе. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, Кызыл, 1968,
стр. 297—298.

³ З. Б. Арагачи. Тоджинский диалект, УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII,
стр. 205.

⁴ Монгольские слова взяты из словарей: Монгольско-русский словарь
под редакцией Лувсандэнэзва. М., 1957; Монгол хэлний товч тайлбар
толь. Под редакцией Лувсанбалдана, Улан-Батор, 1966.

Регрессивная ассимиляция замечена в следующих видах:

- а) шш<кш: *ашша* ~ *акша* «деньги».
- б) тт<рт: *шиттек* ~ *ширтек* «войлок», *коттук* ~ *кортук* «трусливый», *эттен* ~ *эртен* «утром».
- в) сс<шс: *идис-сава* ~ *идши-сава* «посуда».
- г) мм<нм: *чедиммес* ~ *чединмес* «бедный, нуждающийся».

Регрессивная ассимиляция наблюдается также в форме деепричастия на -гзи и причастия на -ган: *аггаш*<*алгаш* «взяв», *кэгген*<*келген* «пришел», *агган*<*алган* «получил».

Метатеза согласных встречается в основном в тех же звукосочетаниях, что и в других говорах и диалектах тувинского языка: *үктуур*<*уткуур* «встречать», *доксаар*<*доскаар* «бочка», *декси*<*дески* «ровный», *селексе*<*селеске* «яцерица», *өглен*<*өлгөн* «умерший» и т. д.

Ударение на первом слоге наблюдается в словах: *саржаг* «масло», *чадсан* «один», *харлаан* «к сожалению».

Лексические особенности

К специфическим словам, в частности, относятся некоторые возрастные названия животных, названия отдельных предметов быта и другие.

1. Названия домашних и диких животных в зависимости от возраста и пола: *куъжа* «баран» (в лит. яз. *кошкар*), *дагалай* *өкшу* «коза на третьем году», *солу* «козел» (в лит. яз. *хұна*), *хәклик* «ягненок», *борланчык* «годовалая горная коза», *қызыл* *те* «двухгодовалый горный козел», *кара* *те* «трехгодовалый горный козел», *ала* *те* «старый горный козел», *ак-үгек* «очень старый горный козел», *саржык* «годовалая косуля», *кожагар* *мыйыс* «марал на втором году», *кожагар* *эдираз* «косуля», *эдираз* *мыйыс* «мараленок», *чиңге* *алды* «соболь», *эник* «мецвежонок», *улуг* *алды* «рысь» (в лит. яз. *дырбактыг*), *шынылай* «кабарга», *кассы* «самец рыси» (ср. улуг-хемск. *кассы* «рысенок»), *чарынды* «медведица», *дижи* *хайыракан* «медведица». Интересно отметить, что слово *дижи* «самка», распространенное в других тюркских языках, встречается в тоджинском диалекте в форме *дижилик*¹. В зависимости от сорта, существует несколько различных названий шкур рысей: *ағт-үс* (букв. «конь-рысь») «крупная рысь», *бөрү-үс* (букв. «волк-рысь») «рысь с отличной шкурой», *хой-үс* (букв. «овца-рысь») «рысь с хорошей шкурой»².

2. Эвфемизмы для обозначения некоторых животных:

- а) медведя: *кара-чуве* букв. «черная вещь», *чөр-кулактыг* букв. «землеухий», *эней-кадой* букв. «бабушка-старушка» (о медведице), *авай* букв. «мать» (о медведице), *ирей* букв. «дедушка» (о медведе-самце).
- б) волка: *улдурук*, *көк-хелиң* букв. «синий монах», *кызыл-карак* букв. «красноглазый», *кокаай-ашак* букв. «страшный старик».

¹ З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка. Автореферат кандидатской диссертации. Новосибирск, 1970.

² Названия *ағт-үс*, *хой-үс* в говоре Овюрского района употребляются для различения рысей по величине.

в) барсука: *калчан-көк* букв. «плещивый-синий».

г) змеи: *узун-бурган* букв. «длинный бог».

д) рыбы: *даңзалыг-қадай* «налим» (букв. «старуха с трубкой»).

3. Названия одежды: *ала-тон*, *шалан-тон* «нарядные халаты», *халтыга бөөрт*, *чал-хап бөөрт* «различные виды шапок», *шевшикек*, *шээшпек*, *кос-пек* «куртка или полуушубок», *шаагай идик* «тувинская национальная обувь».

4. Названия посуды: *үйдезин аяк* «чашка из корня дерева», *сыгыртап* «деревянное ведерко», *доксун* «деревянная посуда для жидкости».

5. Названия насекомых и некоторых млекопитающих: *сагаан-өгбеч*, *сагаан-эрээмчик* «тарантул», *чараа, чараа-дүгү* «ёж», *шокар-аскыр* «водя», *чыдыг-курт* «червь», *шогжаң-кара* «бабочка», *шырлашкан*, *дырлашкан*, *шорлешкан* «дождевой червяк».

6. Названия птиц: *көк-хөкпеш* «синичка», *торгак-куыш*, *тараа-чишр*, *тайга-бора*, *көк-айлан*, *сарайг-айлан*, *калбак-көк*, *чыргырааш-кара*, *хүрүк-бора*, *чыккылаа* (различные виды лесных и полевых птиц и птичек).

7. Названия трав. Пожилые тувинцы знают немало различных названий обычных и лекарственных растений. Но, к сожалению, некоторые из них не сумели дать описание названных растений. Поэтому ниже дается лишь перечень таких слов без перевода на русский язык: *чингэ-оът*, *сын-оъду*, *кокаай-оъду*, *изиг-оът*, *кағжаң*, *кызыл-доор*, *мыдырыба*, *савагалдай*, *калчан-тааклы*, *хожул-шай*, *чулчургана*, *хөрлээ-шай* (различные виды лекарственных и других трав), *эр-кара ай*, *кыс кара ай* (названия саранок).

8. Названия ягод: *кара-хат* «голубика», *казылган-хады* «кустарник с черными ягодами», *чингэ алдының хады* «брюслица», *эрэгшиш хады* «рябина», *ава-хат*, *ама-хат*, *нава-хат*, *авагат*, *хайыракан хады*, *мыйыргана* (различные виды ягод).

9. Названия болезней: *чөңгулуп аарыыр аарыг* «туберкулез», *ээренчи-ген* «ревматизм», *сарайг-хандыр аарыы*, *боок* «женские болезни», *улуг-ши-вишки* «болезнь кожи», *мугур-амдазын* «большой прыщ», *соодал* «болезнь стариков (в год рождения по животному циклу)».

10. Названия мышей: *шоваң-куске*, *шомукшу*, *шомбуң-куске*, *хей-куске* (названия различных мышей), *метпек-көк* «пищуха».

11. Названия рыб: *борзук-шортан*, *өзүңк-шортан*, *шокар-шортан* (разновидности щуки), *сар-балык* «остроносая рыба».

12. Названия звезд: *тон ооруу* «Большая Медведица», *оттүг-сылдыс*, *үш-мыйгак* (названия звезд).

13. Прочие слова: *чөөну* «веревка для ягнят», *өгбө авазы* «прабабушка», *өгбө адазы* «прадедушка», *оңгат* (брачное слово), *кара халыш* «вид сэды вверхом», *кыдырааш* «стиральная доска» (ср. *кидирээш* в других говорах).

14. К лексическим особенностям данного говора относится особое обращение старших к младшим со словами *хүнам* (досл. «мой козленок»), *энцим* (досл. «мой щеночек»).

Заемствованные слова. В речи усинцев употребляется немало русских заимствованных слов:

1) Названия предметов домашнего обихода: *пелетаа* «плита», *дүрбаа* «труба», *подпоойла* «подполье», *мээшке* «печка», *кирисо* «крыльцо».

2) Названия одежды: *бараайтынак* «бронхи», (в некоторых говорах *бора-хойтунок*), *кирзовай* «кирзовый сапог», *дүржүүп* «тужурка», *са-пуук* «сапог», *турустаак* «трусы», *пайсок* «поясок», *көстүүн* «костюм», *куурта* «куртка», *доржевик* «дождевик».

3) Названия домашних и диких животных: *кооска* «кошка», *супууш-ка* «сыпушка», *поросоонок* «поросенок», *ындасадыр*, *кандаадыра* «ондатра». Отдельные лица употребляют даже слово *пъедизеть* «медведь».

4) Названия пищи: *үгүрзү* «огурцы», *соокла* «свекла», *ишика* «яич-ко, яйцо».

5) Названия грибов: *ырыныжык* «рыжик», *пелаана* «белянка», *маас-ленник* «масленок».

6) Прочие слова: *селоонка*, *сейлоонка* «зеленка», *белемээдир* «милли-метр».

7. Топонимические названия: *Чороошик* «Терешкино», *Усээниский*, *Үсүнүсий* «Усинск».

Грамматические особенности

1. Долгое произношение гласного аффикса причастия будущего времени:¹ *кудалажыыр* «свататься», *хүрежиир* «бороться», *долганыыр* «идти вокруг», *чазаныыр* «плотничать», *арагаладыыр* «угощать вином», *халдыыр* «скакать верхом», *өрттедиир* «сжигать», *кударадыыр* «заставить печалиться» и т. д.

2. Аффикс законченного вида -п- (-выт-, -вит...) в форме причастия настоящего-будущего времени, оказавшись в инвервокальном положении, сокращается до -д-: *судар*<*сүлтар* «положить», *асыдар*<*аксылтар* «пустить воду», *каадар*<*каалтар* «оставить», *утудар*<*утултар* «забыть» и т. д.

Употребление данного аффикса в подобной форме наблюдается еще в речи населения Пий-Хем².

Однако в усинском говоре в отличие от пий-хемского эта форма образует прошедшее время на -ган по-другому: *сүлтан* (вместо *сүлкән*) «отпустил», *асылтан* (вместо *асылкән*) «пустил воду», *каалтан* (вместо *каалкән*) «оставил», *утултан* (вместо *утулкән*) «забыл» и т. д. (бо *сол карандашты шала адаанче сүлтан* «этот мальчик упустил карандаш под ноги»).

3. Так же, как в Пий-Хеме, в одном слове вместо собирательного аффикса -(ы)шик употребляется аффикс -жы: *кудажылар*<*кудашылар* «свататься».

4. Дательный падеж в некоторых случаях после и употребляется без

¹ Подобное явление отмечено и в улуг-хемском говоре. См. Я. Ш. Хертек. Дополнительные данные об улуг-хемском говоре. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, стр. 226.

² М. Х. Сарыкай. Некоторые итоги диалектологической экспедиции в Пий-Хемском районе. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, стр. 303.

начального г, например: дине¹ «дингэ «к белке», аңа² «аңга «к зверю» (дине баар ыт «собака, которая идет на белку»).

5. Довольно часто употребляются наречия с древними аффиксами -лык, -дык, например: айлык «за месяц» (аңа чедир айлык чоруур «до той местности доезжают за месяц»), чылдык «за год».

Анализ собранного материала показывает, что по фонетическим, лексическим и грамматическим признакам речь усинцев в большей степени граничит с улуг-хемскому говору. Например, следующие слова встречаются в Усинске и Улуг-Хеме: дырыйаа «журавль», бузай «теленок», эдирек «утка», эдик «обувь», мөрзек «волчонок», модаган «верблюжонок», бағалай «трехлетняя коза», шынылай «кабарга», чараа «ёж» и т. д. Однако в ней имеются и некоторые сходства с пий-хемской речью, а также с тоджинским диалектом: ылар «горная индейка», киши-кылаа «брюсника», ҳөвүгән «бабочка», шинчи «бусы», шоорган «одеяло», чагар-оът «крапива», саржык, сарчык «головалая косуля», чыңгә-алды, алды «соболь», кокаай-сыду («лечебная трава»), каңдаар «стать засушливым» и т. д.

Некоторые слова употребляются в различных фонетических вариантах, напр., шевишкек ~ шээшик ~ көспек (усинск.), шевежек (пий-хемск.) ~ шээживек (лит.) «куртка, полушубок».

Приложение ОБРАЗЦЫ РЕЧИ

1. Чылы киргендे, аарыыр, мөчүлгелиң боорун соодал дээр. «Если (человек) заболевает и умирает в год рождения по животному циклу; это называется соодал».

2. Херээжен кижи дэдир кеггэн. Ол чорун орда хамыктан улус, от үндүрөр айык тыккайын сүмөлөжип турган. «Женищина пришла обратно. Когда она шла, все люди советовались, не зная, как разжечь огонь» (из легенды).

3. Мугулайны мун кижи шүникуулады (загадка): «Тысяча людей тупицу закололи ножом в затылок» (большой обруч наверху юрты для закрепления жердей и жерди юрты).

4. Хурбээжэй берген чүвлөрний хөхлөхтер дээр бис «благополучно проведших зиму ягнят мы называем хөхлөхтер». Күскуулук дээргэ хенчелеп төрээн амый. «Күскуулук — это козленок, родившийся осенью».

5. Кежегелээр кижи туар. «Кежегелээр — человек, который обманывает, преувеличивает».

Түрүлтергэ, ону база эртииргэн кижи-дир. «Когда (даже) устрашали (при допросе), он и это выдержал».

Чарыча кижи-дир менийн «я человек, воспитанный в чужой семье». Чүвени хуваалаар «вещь надо беречь».

Шургуул болза шаанды херээжен улустун чажыныц ужунга улай өрүүр удазын¹. «Шургуул — это нить, которую раньше вплетали в конец косы женщины».

¹ Некоторые примеры взяты из материала, собранного Д. С. Күуларом.

Т. Х. Таржа

О ФОНДАХ ГОСАРХИВА ТУВИНСКОЙ АССР

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство приняло решительные меры по сохранению, реорганизации архивного дела. В течение 1918—1919 гг. В. И. Ленин подписал пять декретов СНК РСФСР, послуживших фундаментом советского архивного строительства. В соответствии с ними, неоднократно принимались постановления, утверждались положения и инструкции о Государственном архивном фонде СССР.

Архивное дело в Туве налаживалось по советскому опыту и с помощью советских ученых. Организация архивного дела в ТНР вплоть до 1930 г. наталкивалась на серьезные трудности, связанные с отсутствием необходимых кадров и национальной письменности. Дело осложнялось еще и тем, что феодалы и ламы преднамеренно уничтожали старые хищунные архивы, пренебрегали делопроизводством народной власти. Только с упрочнением народно-демократического строя и созданием новых кадров партийного государственного аппарата, после введения тувинской письменности началось упорядочение архивного дела.

В марте 1943 г. решением ЦК ТНРП при Ученом комитете ТНР создается Научно-исторический архив.

В 1943—1945 гг. это учреждение собрало 697 единиц хранения документов старой Тувы и ТНР. В 1945 г. в связи с образованием Архивного отдела УВД и Государственного архива Тувинской автономной области в их распоряжение переходят все материалы, ранее собранные Научно-историческим архивом бывшего Ученого комитета.

В 1949 г. организуется 6 межрайонных архивов. В 1952 г. вновь образованному партархиву Тувинского обкома КПСС передаются документы и материалы партийных и комсомольских организаций области.

Постановлением Совета Министров РСФСР 25 ноября 1961 г. Архивный отдел при УВД преобразуется в Архивный отдел при Совете Министров Тувинской АССР.

В настоящее время в Государственном архиве Тувинской АССР сосредоточено 21850 единиц хранения документов и материалов на туринском, русском и монгольском языках. В районных госархивах содержится более 27 тыс., в архивах организаций, учреждений и предприятий—22500 единиц хранения документов и материалов постоянного и временного хранения.

В архивах республики имеются подлинные документы и материалы, характеризующие социально-экономическое положение дореволюционной Тувы, свидетельствующие о совместной борьбе русского и тувинского народов за Советы против белогвардейцев и интервентов, отражающие важнейшие стороны некапиталистического пути развития к социализму, вхождение ТНР в состав СССР и коренные социалистические преобразования в жизни тувинского народа.

Государственный архив Тувинской АССР содержит:

1) Документы и материалы об амбын-нойонах, хошунах и сумонах старой Туви;

2) Документы, циркуляры и переписку царской администрации, учреждений буржуазного Временного правительства и белогвардейских организаций, действовавших в Туве в 1914—1919 гг.;

3) Материалы советских учреждений в Туве с марта по июль 1918 г. В архиве имеются принятые от Новосибирского областного и Красноярского краевого госархивов фонды комиссара по делам Урянхайского края, Исполнительного комитета Урянхайского краевого Совета и др.;

4) Документы и материалы учреждений и предприятий ТНР и учреждений советских граждан в ТНР с 1921 по 1944 гг.;

5) Материалы периода Советской Туви;

6) Личные фонды деятелей науки и культуры Туви.

За последние годы проделана некоторая работа по улучшению сохранности, комплектованию и экспертизе ценнейших подлинных документов.

Разумеется, архивы должны совершенствовать свою деятельность, стремиться к тому, чтобы находящиеся в их распоряжении материалы широко использовались для публикаций, нужд науки, народного хозяйства и культуры. С этой целью в 1965 г. был издан специальный справочник для исследователей и практических работников.

Материалы госархива Тувинской АССР укомплектованы по следующей схеме: фонды местных органов государственной власти, фонды органов суда и прокуратуры, фонды военных учреждений, фонды учреждений, организаций и предприятий народного хозяйства, фонды учреждений и организаций культуры, фонды учреждений труда и социального обеспечения, фонды профессиональных союзов и другие.

В библиотеке госархива имеется более 4 тыс. экземпляров политической, исторической, краеведческой и справочной литературы, есть чи-

тальный зал. Документальные материалы архива используются в народнохозяйственных, научных и справочных целях. Кроме местных научных работников, приезжает много исследователей для работы в читальном зале из Москвы, Ленинграда, Иркутска, Новосибирска, Куйбышева, Горького, Томска, Улан-Удэ и многих других городов страны, всего за последние пять лет свыше 200 исследователей. С использованием архивных материалов написано 40 диссертаций, подготовлено 7 дипломных работ, опубликовано 138 статей и докладов, организовано 12 выставок. Часть документальных материалов архива была опубликована в Ученых записках Тувинского НИИЯЛИ.

Вместе с тем следует признать, что сотрудники архива за последнее десятилетие не издали ни одного сборника, слабо занимались подготовкой публикаций архивных документов; из-за отсутствия специального помещения сдерживается прием документов из районных и ведомственных архивов республики за период после 1944 г. Хорошо бы иметь мастерскую по микрофотокопированию и реставрации.

Надеемся, что в новой пятилетке будет построено здание архива со специальной мастерской, расширятся помещения райгосархивов. К тому времени архивные работники с помощью актива завершат каталогизацию документов, составление путеводителя по фондам, упорядочат все описи, дадут ряд методических разработок, подготовят к печати хрестоматию по истории Тувы, составят сборник «Культурное строительство в Туве», публикации: «Об участии тувинцев-добровольцев в Великой Отечественной войне», «О восстании 60-ти богатырей», «Об истории герба ТНР», «Об истории Тувинской сельскохозяйственной опытной станции», фотоальбом «Кызылу — 60 лет» и др.

ЦГА и райгосархивы в новой пятилетке получат документальные материалы от учреждений, организаций, предприятий, колхозов и совхозов, а также выявят и сконцентрируют у себя документы и материалы из госархивов Минусинска, Красноярска, Новосибирска, центральных госархивов страны.

Н. И. Толстова

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ТУВИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Историческая наука не может развиваться, не опираясь на документальную базу. Поэтому развитие последней — важная задача. В данной статье речь пойдет о письменных источниках, независимо от «писчего материала». Цель ее состоит в том, чтобы проследить, когда и в связи с чем публиковались письменные источники, содержащие сведения о Туве, каков характер и общее направление этих публикаций.

До революции Вс. Родевич, Ф. Я. Кон, в советские годы — В. И. Дулов и другие с большим основанием указывали, что русской науке принадлежит исключительная заслуга в деле изучения Тувы¹.

В своем продвижении на восток в начале XVII в. русские подошли к границам Тувы. В контакты с некоторыми группами ее населения вступают служилые люди, пашенные крестьяне и казаки пограничной службы. Через территорию кочевий тувинских племен, находившихся в составе государства Алтын-ханов, проходил путь царских посольств, которые направлялись в Монголию и далее, в Китай.

История продвижения русских в глубь сибирских земель нашла освещение в обширном исследовании Г. Ф. Миллера². Профессор и археограф Г. Ф. Миллер как участник 2-ой Камчатской экспедиции Российской Академии наук в течение 1733—1743 гг. побывал во многих сибирских

¹ В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы. XIX—начало XX в. М., 1956, стр. 38.

² Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. I, СПб., 1760. Второе издание вышло под названием «История Сибири». Т. I, М.-Л., 1937; т. 2, М.-Л., 1941.

городах, изучал их архивы, собрал большое количество письменных документов, характеризующих историю включения Сибири в состав Российской государственности. Часть их он поместил в виде приложения к своему труду. В этих документах содержатся сведения о расселении ряда тувинских племен (маады, саянцев и др.), их численности, хозяйстве и обычаях, а также отдельные факты из политической истории Тувы. Некоторые материалы посольств, направлявшихся через Туву в Монголию и Китай, печатались в первом сибирском краеведческом журнале «Сибирский вестник» (издавался Г. И. Спасским в 1818—1827 гг. в Петербурге).

Развитие связей с соседними государствами, особенно восточными, вызвало необходимость изучения в России восточных языков. Появились переводы на русский язык источников китайского, монгольского и иранского происхождения.

Китайские источники повествуют о гуннах, сяньби, жужанях, тюрках, уйгурах, кыргызах, которые имеют прямое отношение к истории тувинского народа, ибо Тува в разное время находилась в составе их государства. Источники содержат сведения и по истории Тувы. Так, хроника китайской династии Тан (VII—начало X в. н. э.) указывает на кочевавшее по берегам озера Косогол племя лубо, описывает похоронный обряд занятия этого племени, говорит об имущественном неравенстве. Перевод китайских источников впервые был осуществлен известным русским синологом Н. Я. Бичуриным¹.

Монгольский источник XIII в. «Сокровенное сказание» зафиксировал покорение племен Тувы монголами. Он был переведен с китайского языка (монгольский текст не был обнаружен автором перевода) в 1866 г. русским синологом П. И. Кафаровым. В советские годы перевод этого памятника произведен С. А. Козиным². В «Сокровенном сказании» называются многие покоренные монголами племена, принявшие участие в формировании тувинской народности.

«Сборник летописей» иранского историка Рашид-ад-дина (1247—1318 гг.) называет «лесных урянкатов» и степных «урянхов». Более подробно описаны первые, занимавшиеся охотой. Есть косвенное указание на смешение «лесных урянхайцев» с пришельцами во времена Чингис-хана, причем отмечено, что эти пришельцы — монгольские племена. Впервые этот труд в России был переведен профессором Казанского университета И. Н. Березиным в 1858 г.³

¹ Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях. Сочинение монаха Иакинфа. Ч. I. СПб., 1851. Второе издание этого труда осуществлено в 1950 г. АН СССР.

² Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Пер. П. И. Кафарова (Палладия). «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб., 1866. т. 4; С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань чао би ши. Т. I. М.-Л., 1941.

³ Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Перевод с персидского, с введением и примечаниями И. Н. Березина. «Труды Восточного отделения Русского археологического общества». СПб., 1858, ч. 5. Второе издание осуществлено в СССР в 1952 г.

Последующая работа по публикации письменных источников связана с деятельностью известного востоковеда-турколога В. В. Радлова. С 80-х годов XIX в. он начал изучать памятники древнетюркской письменности. Высеченные на камне тексты привлекли внимание ученых еще в XVIII в., но до 1894 г. оставались не дешифрованными. Первыми прочитали «каменные письмена» датский ученый В. Томсен и русский турколог В. В. Радлов, в переводе которого вошли и тексты с территории Тувы¹. В них содержались ценные сведения по истории тувинского народа. Периодическая печать и научные круги высоко оценили работу В. В. Радлова по переводу и публикации памятников орхоно-снисейской письменности. Ученые пользуются его переводами вплоть до настоящего времени.

Письменные источники (с территории Тувы все они — эпитафии) вызвали длительную дискуссию среди ученых об их происхождении и датировке. В. В. Радлов памятники письма с Енисея относил к концу VII—началу VIII в. н. э., П. М. Мелиоранский — к VII в., допуская и более раннее происхождение (VI в.).

В конце XIX и особенно в начале XX в. интерес к Туве возрос в связи с оживленным обсуждением «Урянхайского пограничного вопроса». Для русских властей «Урянхайский вопрос» был связан прежде всего с торговлей. По мере развития военной агрессии со стороны маньчжурской династии Китая этот вопрос приобрел и стратегическое значение. «Урянхайский вопрос» стал «Урянхайским пограничным вопросом». В печати появились исследования и тексты документов по истории русско-тувинских отношений².

Выдержки из отчетов посольства к Алтын-ханам в XVII в., присяжный лист, отчет В. Тюмени, В. Старкова и других посланцев «белого царя» в монгольские владения Алтын-ханов даны в виде приложения в работе А. Баранова³. Находившийся в ссылке в Сибири польский революционер Ф. Я. Кон, изучая жизнь населения Минусинского края и особенно Тувы, осуществил выборочную публикацию материалов Усинского пограничного округа, созданного для регулирования русско-тувинских отношений⁴. Публикации упомянутых документов имели важное политическое значение, характеризуя акт вхождения Тувы в состав России еще в начале XVII в., тесные связи тувинцев с русскими, проникновение и переселение русских на территорию Тувы.

Таким образом, в XVIII, XIX и начале XX в. были сделаны первые шаги по созданию источниковедческой базы, главным образом в связи с изучением колонизационного движения русских и средоточием в Туве значительных интересов Российского государства.

¹ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. (Древнетюркские надписи Монголии). Dritte Lieferung. St.-Pet., 1895.

² Исторические акты XVII столетия (1633—1699). Материалы для истории Сибири. Собрал и издал Иин. Кузнецов-Красноярский. Томск, 1890; В. Л. Попов. Урянхайский край. Военно-географическое и военно-статистическое описание пограничной полосы. Иркутск, 1913.

³ А. Баранов. Урянхайский вопрос. Харбин, 1913.

⁴ Ф. Я. Кон. Усинский край. Красноярск, 1914.

После Великой Октябрьской социалистической революции и образования ТНР создаются благоприятные условия для изучения истории Тувы.

Осуществлявшаяся публикация документов, например текстов конституций, была тесно связана с практикой строительства новой жизни в Туве. С. А. Нацов (Шойжелов) при рассмотрении работы Великого Учредительного Хурала включил в свое исследование полный текст первой Конституции ТНР. Это было сделано с целью подчеркнуть значение Великого Хурала, провозгласившего ТНР¹.

С. А. Нацов — участник гражданской войны в Монголии и Туве², неоднократно посещавший Туву в 20-х годах по линии Коминтерна, позднее работал советником ЦК ТНРП, хорошо был знаком с партийными документами. Он первый стал разрабатывать историю ТНРП, широко опиравясь при этом на документальную базу. Для иллюстрации своих тезисов о деятельности партии С. А. Нацов включал в исследования отдельные партийные документы, например, тексты временного Устава партии, Программы Тувинского революционного союза молодежи.

В целом же С. А. Нацов выступил своеобразным археографом. Он осуществил публикацию документов по истории национально-освободительного движения тувинских аратов, выделив особо период 1917—1920-х годов. Среди них — постановление русско-уряньхайского съезда 13—16 июля 1917 г., обращение к тувинскому народу II съезда русских крестьян 14 марта 1918 г., протокол I буддийского собора в ТНР, протоколы II съезда ТНРП 6 июля 1923 г., текст Конституции 1926 г. и другие.

Сотрудники НИАНКП-а при КУТВ-е разработали принципы сельскохозяйственной и демографической переписи в Туве, участвовали в ее проведении в 1931 г. Материалы переписи³, представляющие важнейший источник исследовательских изысканий, были проанализированы значительно позднее.

В период ТНР были осуществлены переводы нескольких памятников древнетюркской письменности, обнаруженных еще дореволюционными исследователями. Эту работу проделали советские тюркологи С. Е. Малов и А. А. Пальмбах⁴. Тогда же археолог С. В. Киселев высказал в печати свое мнение о времени составления текстов (VII—X вв.) и об «авторах» (киргизы).

Выходивший в 1941—1943 гг. журнал «Под знаменем Ленина—Стилина» (орган ЦК ТНРП) публиковал на своих страницах постановления партии и правительства ТНР.

¹ С. А. Нацов. ТНР. Материалы и документы по истории национально-революционного движения тувинских скотоводов. М., 1930.

² Ю. Л. Аранчын. Интернационалист. Сб. «Их не забудет Тува». Кызыл, 1967, стр. 164—168.

³ Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М., 1933.

⁴ С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. «Язык и мышление», М., 1936, тт. 6—7, стр. 251—279; А. А. Пальмбах. О чём говорят древние памятники Орхона и Енисея. «Под знаменем Ленина—Стилина», 1944, № 3, стр. 18—26; С. В. Киселев. Неизданные надписи енисейских кыргизов. «Вестник древней истории», 1939, № 3, 124.

Таким образом, в годы существования ТНР источниковедческая база была расширена, хотя нередко публикация документов носила явно иллюстративный характер. В публикаторскую работу включились местные органы печати, государственные и партийные деятели.

С 1944 г. в связи с добровольным вхождением ТНР в состав СССР начинается качественно новый период в истории тувинского народа. Созданные в 1945 г. госархив Тувинской автономной области (с 1961 г.—автономной республики) и Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в тесном контакте с центральными научными учреждениями развернули работу по выявлению и публикации письменных документов, т. е. по созданию широкой источниковедческой базы.

Для исторической науки важно не только то, что из письменных документов опубликовано, но и то, как опубликовано. Это особенно относится к публикации переводов древнетюркских надписей. Особенность «тичечного» материала (камни) создает трудности при их чтении, вызывает разные толкования слов, терминов и т. д.

Полная по тому времени публикация переводов известных орхон-енисейских надписей осуществлена была С. Е. Маловым¹. Новый перевод некоторых текстов отличается от переводов, сделанных до революции В. В. Радловым, а в советский период — С. В. Киселевым и самим С. Е. Маловым в ранние годы. Короткие эпитафии содержат сведения о хозяйстве, верованиях, имущественном положении и социальных отношениях племен Тулы.

В последующие годы, как дополнение к фундаментально осуществленным С. Е. Маловым переводам древнетюркских надписей, публиковались переводы отдельных, неизвестных ранее памятников. Так, тувинский историк Ю. Л. Аранчын на границе с Монгoliей нашел такой памятник и опубликовал его перевод². В 1961 г. А. М. Щербак опубликовал перевод обнаруженного ранее С. И. Вайнштейном неизвестного памятника древнетюркского письма³.

З. Б. Чадамба (Арагачи) сделала повторный перевод одного из трех памятников с Элегеста, включенных С. Е. Маловым в его монографию, а также перевод надписи на скале Хая-Ужу⁴. Последний был в 1965 г.

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951; его же. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.

² Ю. Л. Аранчын. Сайгыцкая плита с древнетюркскими надписью. «Эпиграфика Востока», М.-Л., 1951, т. 5, стр. 76—77; его же. О древних енисейских камнеписных памятниках на территории Тувинской автономной области. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. I, 1953, стр. 53—58.

³ А. М. Щербак. Новая руническая надпись на камне. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, 1961, стр. 238—241; С. И. Вайнштейн. Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, стр. 164—267.

⁴ З. Б. Арагачи. Памятник с Элегеста. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, 1961, стр. 235—237; З. Б. Арагачи, Д. М. Насилов. О надписях на скале Хая-Ужу. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, 1963, стр. 257—263.

в свою очередь уточнен профессором Московского университета Л. Р. Кызласовым¹. Кроме того, З. Б. Чадамба дала описание и перевод новых четырех памятников древнетюркского письма, обнаруженных в Туве в 1961—1962 гг.² Дальнейшее уточнение расшифровки памятников и их перевода проведено в ряде изданий³.

Помимо перевода, не менее важным является вопрос о происхождении и датировке этих памятников письменности. С. Е. Малов считает «авторами» надписей енисейских кыргызов; Л. Р. Кызласов датирует памятники енисейской письменности IX—XII вв., считая, что письмо занесено в Туву древними кыргызами. Киргизский академик И. А. Батманов доказывает более раннее (VI—IX вв.)⁴ и местное происхождение древнетюркских письмен.

Н. В. Кюнер издал подборку сведений о народах России, в том числе и Тувы, из китайских хроник⁵. Он уточнил перевод китайских текстов Н. Я. Бичуринным, одновременно дал перевод других параллельных по времени источников, не попавших в поле зрения синолога. Из этой подборки сведений были выделены данные о населении Тувы и напечатаны отдельной статьей⁶.

В конце 50-х годов Институт востоковедения АН СССР подготовил сборник документов о русско-монгольских отношениях в XVII в.⁷ Часть документов этого сборника (135 из общего числа) касается Тувы и ее населения: отписки русских служилых казаков о поездках через земли Тувы к Алтын-ханам, документы о вхождении Тувы в другие владения Алтын-ханов в состав Русского государства. Они свидетельствуют главным образом политическую историю Тувы, ее взаимоотношения (подданныческие) с Россией и Монголией.

Наиболее документированным в истории Тувы оказался период 1917—1944 гг. В конце 50-х—начале 60-х годов было опубликовано несколько групп источников по истории тех лет. Первая серия документов отражает 1917—1919 гг., вторая — 1919—1921 гг.⁸

Документы показывают борьбу трудящихся за победу Советов и народной революции, помощь Туве со стороны Советской России, где одно-

¹ Л. Р. Кызласов. Новый памятник енисейской письменности. СЭ, 1965, № 2, стр. 104—114.

² З. Б. Арагачи. Новые эпиграфические находки в Туве. УЗ ТИИЯЛИ, вып. X, 1963, стр. 247—256.

³ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962; Памятники древнетюркской письменности Тувы, под ред. И. А. Батманова и А. Ч. Кызыла, вып. 1 и 2, Кызыл, 1963.

⁴ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

⁵ Н. В. Кюнер. Восточные юряхайцы по китайским источникам. УЗ ТИИЯЛИ, вып. II, 1958, стр. 202—216.

⁶ Русско-монгольские отношения. 1607—1637. Сборник документов. М., 1959.

⁷ В. А. Дубровский. Тува в 1917—1919 годах. (Документы и материалы). УЗ ТИИЯЛИ, вып. IV, 1956, стр. 143—187; его же. Тува в 1919—1921 годах (Документы и материалы). УЗ ТИИЯЛИ, вып. V, 1957, стр. 266—303.

время шла борьба с контрреволюцией и интервенцией, с разрухой и голодом. Некоторые из опубликованных документов ранее были использованы В. Ч. Очуром, Х. М. Сейфулиным, В. М. Иезутовым.

Полностью тексты конституций 1924, 1926, 1930 и 1941 гг. были изданы В. А. Дубровским¹.

В. А. Дубровским опубликованы также подборки документов о вхождении Тувинской Народной Республики в состав СССР и об участии Тувы в Великой Отечественной войне советского народа². Эти публикации были дополнены Ю. Л. Аранчыном³.

Опубликованы документы, относящиеся к истории культурной революции в Туве⁴. Подобраны они таким образом, чтобы показать историю создания тувинской письменности, помочь Советскому правительству в выработке алфавита, меры, принятые ТНРП для быстрейшего распространения письменности.

Предпринята публикация документов⁵ по истории Тувинской областной организации КПСС, которые раскрывают организационные моменты — прием членов Тувинской народно-революционной партии в КПСС, членов Тувинского революционного союза молодежи — в ВЛКСМ и хронологически охватывают время с 7 августа 1944 г. по 25 ноября 1945 г. Следовательно, это источники о первых шагах по созданию областной организации КПСС в Туве.

Опубликованные письменные документы крайне неравномерно представляют разные этапы развития Тувы, они характеризуют в определенной степени жизнь тувинских племен в период средневековья (источники китайского, монгольского и иранского происхождения, орхено-енисейские тексты), в XVII и особенно — основные моменты в жизни ТНР. Вместе с тем, отдельные периоды истории тувинского народа письменными источниками не иллюстрированы.

Назрела необходимость приступить хотя бы к выборочной публикации первоисточников, находящихся в центральных и сибирских архивах, а также в архивах зарубежных стран. Исследовательская работа над рукописными фондами Института востоковедения АН СССР и других советских и зарубежных научных учреждений, представит, очевидно, новые первоисточники, пока не попавшие в поле зрения современных исследователей.

¹ В. А. Дубровский. Конституции Тувинской Народной Республики. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, 1958, стр. 276—304.

² В. А. Дубровский. Вхождение Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, 1959, стр. 285—299; его же. Участие Тувы в Великой Отечественной войне Советского Союза (Документы и материалы). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, 1960; стр. 272—308.

³ Ю. Л. Аранчын. Тувинцы-кавалеристы в боях за социалистическое Отечество. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, 1970, стр. 276—301.

⁴ С. Ш. Мындрима. Создание тувинской национальной письменности. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, 1960, стр. 260—271.

⁵ С. Ш. Мындрима. Образование областной организации КПСС. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, 1964, стр. 365—381.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 25-ЛЕТИЮ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. В. ГРЕБНЕВА

Долголетия трудовая деятельность Леонида Васильевича Гребнева содержит много характерных примет нашего времени. Она неразрывно связана с развитием науки и социалистической культуры в Туве, с укреплением дружбы и взаимопомощи народов нашей Родины.

Л. В. Гребнев родился 28 августа 1921 года в Ленинграде. В 1938 году он поступил на этнографическое отделение Восточного факультета Ленинградского государственного университета. Его учебу, как и всю мирную созидательную жизнь советского народа, прервало вероломное нападение на Советский Союз фашистской Германии. С июля 1941 года Леонид Васильевич — в рядах героически сражающейся Советской Армии. Он был среди защитников Москвы в составе 8 гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерала Панфилова. И на Калининском, и на 2-м Прибалтийском фронтах, вплоть до ранения в 1944 году, Л. В. Гребнев служил в полковой артиллерии, которая находилась непосредственно в боевых порядках пехоты. Родина наградила его солдатским орденом Славы. В связи с тяжелым ранением он был демобилизован из армии и после выздоровления вернулся к учебе.

В 1946 году Л. В. Гребнев успешно закончил университет, получив квалификацию этнографа-тюрколога, а в 1949 году — аспирантуру. В эти годы он углубленно изучал историю, язык и фольклор тувинского народа, тесно общаясь с тувинскими студентами университета, со многими из которых позднее его прочно связала совместная творческая деятельность и большая человеческая дружба. Как у Леонида Васильевича, так и у первых выпускников Кызыльской средней школы — студентов ЛГУ были общие учителя — виднейшие ученые нашей страны: С. Е. Малов,

Н. В. Кюнер, В. Я. Пропп, А. Н. Бернштам, В. М. Жирмунский, В. М. Наделяев, Е. И. Убягтова и другие. Тувинская проблематика глубоко заинтересовала молодого ученого и стала содержанием всей его последующей научной деятельности.

В начале 1950 г. Министерство высшего образования СССР направляет его в Туву, и с тех пор до настоящего времени он работает на посту заведующего сектором истории и этнографии ТНИИЯЛИ.

За эти годы им создано свыше 30 печатных работ общим объемом более 90 авторских листов. Поражает широта диапазона научных интересов ученого. Среди многочисленных трудов — учебник для тувинских школ, разделы двухязычных словарей, исследование тувинского эпоса, книги и статьи, посвященные различным этапам истории Тувы. Среди последних особое значение имеют работы, освещдающие тувинскую новь, свершение коренных социалистических преобразований в жизни тувинского народа в результате животворной ленинской национальной политики Коммунистической партии, дружбы народов и самоотверженного созидательного труда самих тувинцев.

Источниковедческой базой для трудов Л. В. Гребнева служили не только работы отечественных и зарубежных ученых, рукописные фонды и архивные материалы, но и ценнейшие сведения, собранные им в Туве в процессе опроса или анкетирования. При создании, например, труда по истории оседания аратов и сложения рабочего класса он черпал материалы непосредственно на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах Тувы.

Широкое признание в научных кругах страны получил труд Л. В. Гребнева «Тувинский гернический эпос!». Он явился фундаментальным историко-этнографическим исследованием, убедительно доказавшим бытование тувинского эпоса и определившим его место в духовной жизни народа, его роль как ценнейшего исторического источника. На конкретном материале автором было прослежено содержание и поэтика тувинского гернического эпоса, его народность, отражение в нем общественных отношений, хозяйственной жизни и быта тувинцев.

Положительные отзывы получили также его статьи о движении за коммунистический труд, о сдвигах в социальной структуре тувинского общества, о формировании рабочего класса Тувы и повышении его авангардной роли во всех сферах общественной жизни, книга «Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость», вышедшая в свет в 1955 г., т. е. тогда, когда этот процесс, органически связанный с коллективизацией аратских хозяйств, был, по сути дела, еще незавершенным. Это наглядно говорит об активном и оперативном вторжении ученого в практику социалистического строительства.

Следует особо отметить большой вклад Л. В. Гребнева в создание двухтомной «Истории Тувы», выход которой стал важным событием в идеологической жизни республики. Он явился не только автором ряда глав и разделов, но вместе с профессором, заслуженным деятелем нау-

¹ Л. В. Гребнев. Тувинский гернический эпос. М., 1960.

ки РСФСР Л. П. Потаповым — организатором творческой работы большого коллектива местных и привлеченных авторов (С. К. Тока, Ю. Л. Арачын, В. В. Осипова, В. Ч. Очур, Х. М. Сейфулин, П. А. Шахунова, В. И. Дулов, А. Д. Грач, С. И. Вайнштейн, Л. Р. Кызласов, В. П. Дьяконова). Самой последней по времени и, пожалуй, самой значительной работой по своей социальной сущности является книга Л. В. Гребнева «Рабочий класс Тувы», написанная им при участии В. Ч. Очура.

Л. В. Гребнев имеет весомые заслуги в подготовке и повышении квалификации местных научных и педагогических кадров — он неоднократно читал цикл лекций в стенах Кызыльского педагогического института и Института усовершенствования учителей.

В настоящее время Л. В. Гребнев возглавляет авторский коллектив, создающий труд «История тувинской партийной организации», участвует в подготовке «Очерка тувинского фольклора», продолжает работать над монографией «Тува в период строительства социализма и перехода к коммунизму».

Свою научную деятельность Л. В. Гребнев умело сочетает с активным участием в общественной жизни института, города и республики. В течение нескольких лет он избирался председателем местного комитета профсоюза, членом облсовпрофа, секретарем первичной парторганизации ТНИИАЛИ. Он — один из наиболее эрудированных и активных членов общества «Знание».

Заслуги Л. В. Гребнева в развитии науки и просвещения в Туве получили должное признание. Он удостоен Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Тувинской АССР (1964 г.), почетного звания «Заслуженный работник культуры Тувинской АССР». В 1970 году он награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Многолетняя и весьма плодотворная, многогранная научная и общественная деятельность Леонида Васильевича Гребнева является хорошим примером, образцом честного служения нашей великой Родине.

Н. А. Сердобов.

РЕКОМЕНДАЦИИ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 40-ЛЕТИЮ ТУВИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И 25-ЛЕТИЮ ТУВИНСКОГО НИИЯЛИ

В Советской Туве благодаря последовательному претворению в жизнь ленинской национальной политики КПСС, повседневной помощи Советского государства, а также самоотверженному труду рабочих, колхозников и интеллигенции произошли коренные социально-экономические и культурные преобразования.

Одним из ярких свидетельств значительных сдвигов в области материальной и духовной жизни тувинцев является широкий комплекс научных исследований, охватывающих природные и трудовые ресурсы, экономику, культуру, язык и историю тувинского народа, активное участие в них тувинских ученых, создание и планомерное совершенствование национальной письменности. Многочисленные исследования ученых Центра, Сибири и Тувы в области тувинского языка, литературы, истории и экономики, издание фундаментальных трудов («История Тувы», первая часть научной грамматики тувинского языка, двуязычные словари, монографическое описание жанров художественной литературы и др.) во многом способствовали решению научно-теоретических проблем, тесно связанных с практикой коммунистического строительства, с дальнейшим развитием социалистической культуры тувинцев в процессе взаимодействия с национальными культурами братских народов.

В трудах и исследованиях института на конкретном материале воссоздается история тувинского народа, раскрывается совместная с другими народами борьба за освобождение от национального и социального гнета, решающее значение Октябрьской революции в исторических судьбах тувинцев, некапиталистический путь развития тувинского народа, руководящая роль рабочего класса и КПСС в социалистических преобразованиях в Туве, в национальной консолидации тувинцев, преодоление экономиче-

ской и культурной отсталости, ускоренное развитие производительных сил, активное участие тружеников республики в создании материально-технической базы коммунизма и многие другие проблемы, имеющие воспитывающее, познавательное и мобилизующее значение.

В ходе работы конференции, ее пленума и секций, в докладах и выступлениях были, с одной стороны, подведены итоги 40-летнего развития тувинской письменности и 25-летия деятельности ТНИИЯЛИ и, с другой, сформулированы задачи и направления дальнейших научных исследований, совершенствования тувинской письменности. Исходя из этого, конференция рекомендует:

1. В области тувинской филологии:

1. Продолжить на более широкой и углубленной основе изучение грамматического строя тувинского литературного языка, завершить в 1971 г. создание синтаксиса — второй части научной грамматики тувинского языка;

2. Приступить к работе по экспериментальной фонетике с целью создания научного труда по фонологии тувинского языка;

3. Усилить исследования территориальных диалектов и говоров тувинского языка, их взаимодействия с литературным языком, создать в ближайшей перспективе диалектологический атлас, приступить на этой основе к целенаправленному изучению истории тувинского языка в сравнительном плане с другими языками тюркского корня;

4. Продолжить исследование проблем двуязычия, общественных функций тувинского и русского языков, закономерностей развития тувинского языка в советскую эпоху; вносить в директивные органы республики научно обоснованные рекомендации в области практического осуществления языковой политики;

5. Всемерно усилить лексикологическую и лексикографическую работу. Считать первоочередной задачей составление русско-тувинского словаря (второе издание), создание толкового, а также терминологических словарей прежде всего по тем отраслям знаний, которые имеют наибольшее значение в современной общественной жизни тувинского населения; уделять должное внимание изучению лексических заимствований из других языков;

6. Приступить к изучению стилей литературного языка, языка отдельных писателей и наиболее характерных произведений тувинской литературы;

7. Усилить работу по научно обоснованному совершенствованию тувинской письменности, контролю за соблюдением орфографических и других норм литературного языка в печатных изданиях и местных радио- и телепередачах;

8. Совершенствовать научно-методические и организационные основы собирательской работы в области традиционного и послереволюционного фольклора, систематически издавать фольклорные сборники, завершить в 1971—1972 гг. монографическое описание всех жанров тувинского фольклора, его поэтики, социального содержания и соотношения с художественной литературой;

9. Продолжить изучение истории тувинской литературы, ее жанрово-творчества ведущих писателей и наиболее актуальных проблем и закономерностей (становление и развитие метода социалистического реализма, современность, партийность, народность, положительный герой, литературные связи и др.).

II. В области истории и экономики:

1. Расширить круг исследований по новейшему периоду истории Тывы (практика коммунистического строительства, социалистическое переустройство быта, советская тувинская государственность, исторический опыт некапиталистического развития Тывы, современные этнические процессы и др.). Полнее учитывать требования практики в творческом, конкретно-историческом изучении проблем хозяйственного и культурного строительства в соответствии с директивами КПСС и достижениями общественных наук;

2. Ускорить завершение очерков по истории ТНРП и областной организации КПСС, «Экономики Тувинской АССР»;

3. С помощью общественности развернуть массовый сбор материалов по истории населенных пунктов, предприятий, совхозов и колхозов республики; организовать издание как отдельных брошюр, так и обобщающего коллективного исследования по революционной, боевой и трудовой истории г. Кызыла и других населенных пунктов Тывы;

4. В трудах по истории Тывы обратить внимание на конкретное раскрытие классовой борьбы (особенно в конце XIX—начале XX в. и в период ТНР), продолжить сбор и публикацию воспоминаний участников революции и войны, а также документальных материалов по новейшей истории; проводить социологические обследования;

5. Предусмотреть в перспективном плане научных исследований темы: формирование тувинской интеллигенции, культурная революция в Туве, сближение и взаимообогащение культур, совместная борьба русского, тувинского и монгольского народов в годы гражданской войны и иностранной интервенции, влияние первой русской и Октябрьской революций на развитие тувинского общества;

6. Расширить археологические исследования прежде всего в целях изучения этногенеза тувинцев и средневекового периода, практиковать совместные комплексные исследования антропологов, археологов, этнографов и языковедов. Приступить к изучению топонимики Тывы. Усилить поиск новых (особенно камнеписных) археологических памятников, их охрану, изучение. Объединенными усилиями археологов, проводивших исследования в Туве, приступить к созданию археологического атласа;

7. В целях изучения этнической истории XVII в. и взаимоотношений тувинских племен с этнически родственными группами и русским населением Южной Сибири, Алтая приступить к деятельности изучению в ЦГАДА русских исторических документов;

8. Принять меры к восполнению материалов по наименее изученным периодам Тывы, имея в виду перенесение в недалеком будущем «Истории Тывы». Усилить внимание к публикациям документов и материалов по

новейшей истории, активизировать творческую деятельность Государственного архива Тувинской АССР и республиканского краеведческого музея;

9. Ученым советам ТНИИЯЛИ и ЦГПИ изучить вопрос об издании хрестоматии по истории Тулы и введении курса по истории Тулы в педагогическом институте;

10. Обратить особое внимание на разработку проблем экономической истории и конкретной экономики (социалистическая реконструкция народного хозяйства, внедрение научной организации труда, хозрасчета, технический прогресс, освоение имеющихся ресурсов и резервов, рост производительности труда, использование экономических рычагов в целях повышения эффективности общественного производства, становление социалистических форм хозяйства в ТНР и др.).

Конференция считает необходимым рекомендовать научно-исследовательским учреждениям Тулы:

а) усилить творческие контакты и координацию работ как внутри республики, так и с однотипными по профилю институтами Сибири и Центра;

б) полнее учитывать в работе советскую историографию, историографию Тулы, конкретнее и глубже раскрывать происки буржуазных фальсификаторов науки;

в) в целях повышения квалификации научных сотрудников практиковать прикомандирование их на различные сроки к институтам Сибири и Центра, организацию научных конференций и творческих дискуссий по наиболее сложным и малознанным вопросам, широко обсуждать и осуществлять рецензирование рукописей всех создаваемых трудов. В течение ближайшего пятилетия подготовить в вузах и аспирантуре группу высококвалифицированных историков, экономистов, филологов, социологов, искусствоведов; обратить внимание на качественный отбор абитуриентов;

г) принять необходимые меры по укреплению научно-технической базы (вычислительная техника, звукозаписывающая аппаратура, кинотехника, транспорт);

д) войти в директивные органы Тувинской АССР со следующими предложениями:

Приять необходимые меры по расширению фондохранилища Государственного архива Тувинской АССР и упорядочению текущих архивов министерств, управлений и ведомств;

Возбудить ходатайство о включении Тувинского НИИЯЛИ в систему СО АН СССР.

Конференция выражает твердую уверенность в том, что научные работники и творческие организации Тувинской АССР под руководством областной партийной организации сделают все посильное для осуществления данных мероприятий, дальнейшего развития отечественной науки и достойной встречи XXIV съезда КПСС.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Сб. Археологические открытия
ВМУ — Вестник Московского университета
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР
ЗСФАН СССР — Западно-сибирский филиал Академии наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КГПИ — Кызыльский государственный педагогический институт
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмении и Туркмении
НИАНКП — Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем
СА — Советская археология
СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР
СТЭАН — Саяно-Тувинская экспедиция Института археологии АН СССР
СЭ — Советская этнография
ТКЭ СОПС — Тувинская комплексная экспедиция Совета по изучению производительных сил
ТКЭАН — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР
ТНР — Тувинская Народная Республика
ТНРП — Тувинская народно-революционная партия
УЗ ХНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦГДА — Центральный государственный архив древних актов

СОДЕРЖАНИЕ

I.

С. К. Тока. Ленинским курсом (к 50-летию Тувинской народной революции)	3
Д. А. Монгуш. Сорок лет тувинской письменности	12
Ю. Л. Аранчын. Институт за четверть века	22
Л. П. Потапов. Проблемы историко-этнографического изучения народов Сибири.	31
Л. В. Гребнев. Изучение новейшей истории Тувы	47
О. А. Толгар-оол. Историко-партийные исследования в Туве	57

II

Б. Н. Лиханов. О важных направлениях географических исследований в Туве	66
К. О. Шактаржик. Изученность и степень освоенности природных ресурсов Тувинской АССР	69
С. И. Вайиштейн. Вопросы этнической истории и этнографии тувинского народа	77
С. Н. Астахов. Предварительные итоги изучения каменного века Тувы	83
А. Д. Грач. Новые данные о древней истории Тувы.	93
М. Х. Маннай-оол. Археологическое изучение Тувы.	107
Ю. И. Трифонов. Древнетюркская археология Тувы	112
С. М. Биче-оол. Об изучении современного быта тувинцев.	123
Н. А. Сердобов. Труды В. И. Дулова по социально-экономической истории Тувы.	128

III

Ш. Ч. Саты—Вопросы орфоэпии тувинского литературного языка в связи с преодолением диалектных особенностей	135
М. Д. Биче-оол. О культуре тувинской речи.	143
З. Б. Чадамба. Изучение диалектов тувинского языка.	150
Б. И. Татаринцев. О лексических заимствованиях в тувинском языке	156
А. К. Ойдан-оол. Преподавание тувинского языка в средней школе	163
	295

Е. И. Убрытова. Распространение письменности у алтайцев и якутов до революции.	170
М. И. Боргояков. Важные задачи изучения хакасского языка	179
Д. С. Куулар. Современное состояние тувинского литературоведения.	182
А. К. Калзан. О тувинской фольклористике	186
А. А. Панов. Состояние и задачи музыкального воспитания в Туве.	192

IV.

Ч. Т. Кызыл-оол. О развитии оленеводства в Туве.	201
В. Д. Назын-оол. Эродированные почвы и пути их использования.	209
М. Г. Сохолов. Резерв экономии дизельного тракторного топлива.	219
Г. В. Беспалов. Пути улучшения транспортно-экономических связей Тувинской АССР.	225
В. Н. Ковалев. О совершенствовании тарифов на грузовые автомобильные перевозки.	236

Материалы и сообщения

С. Г. Кляшторный, И. У. Самбу. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе	245
М. А. Дэвлет. Археологические раскопки в Тодже в 1970 г.	250
А. М. Мандельштам. Могильник Аймырлыг.	264
М. Х. Сарыкай. Сведения о речи усунских тувинцев.	269
Т. Х. Таржа. О фондах госархива Тувинской АССР.	277
Н. И. Толстова. Документальные источники по тувинской историографии.	280
Н. А. Сердобов. К 50-летию со дня рождения и 25-летию научной деятельности Л. В. Гребнева.	287
Рекомендации научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию тувинской письменности и 25-летию Тувинского НИИЯЛИ	290
Список сокращений	294

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК XV

Редактор издания *Татаринцева М. П.*
Технический редактор *Колмакова Т. Г.*
Корректор Соболева З. Д.

* * *

Сдано в набор 20 июля 1971 г. Подписано к
печати 21 октября 1971 г. Формат 60×90^{1/16}.
Печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 19. Тираж 1000 экз.

Цена 1 рубль. ТС 24239. Зак. № 2917.
Тувинский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории.

Типография Тувинского книжного издательства, Кызыл,
Щетинкина и Кравченко, 1.